ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

Социально-экономические и общественные науки
№ 5 (92)

2015

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор А.В. РОГАЧЕВ, д-р хим. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО, д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН, д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Рогань (Украина), д-р юрид. наук, проф.
Н.В. Сильченко, д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences (Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific electronic library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief A.V. Rogachev, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO, Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN, Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rogan (Ukraine), Sc. D., Professor
N.V. Silchenko, Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, 2015
© Proceedings of the F. Scorina Gomel State University, 2015

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2015, № 5 (92) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА•ПРАВО•ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Антонова Е.А., Курако А.А., Беляк О.И. *Дифференцированная методика построения специальной физической подготовки спортсменов*. 5
Бейзеров В.А. *Кластерный подход к развитию образовательных систем как способ повышения конкурентоспособности образования стран и регионов*..... 10
Ермаков В.Г. *Методологические проблемы построения эффективных образовательных технологий и психология внимания* 15
Иваненко Г.Л. *Отбор предметно-тематического содержания обучения иноязычному профессиональному общению* 19
Куприянчик Т.В. *Коммуникативная компетентность будущего учителя в контексте студенческого самоуправления* 24
Луханин И.И. *Автоматизированная система контроля технологичности образовательного процесса* 31
Починок Т.В. *Менталитет носителя изучаемого языка и процесс межкультурного общения*. 35
Прусак А.Б. *Построение интегративных связей в процессе преподавания математики на примере решения одной задачи множеством способов*..... 40
Радионова В.И. *Индивидуализация обучения на компетентностной основе детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью*..... 47
Руденик В.В. *Система принципов технико-тактической подготовки военнослужащих* 52
Савчук Е.П. *Подготовка кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов естествознания: состояние проблемы на практике* .. 58
Тозик О.В., Нарскин А.Г. *Об эффективности занятий оздоровительной аэробикой с учащимися старших классов на уроках физической культуры*..... 64

Право

Емельянов С.Л. *Судебное производство по уголовным делам в части обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением* 68
Керноз Н.Е. *Противоречия законодательного закрепления языка судопроизводства в Украине* 75
Кодинец А.А. *Теоретические аспекты деликтной ответственности за правонарушения в информационной сфере*..... 81

Маратаев Н.В. *Теоретические и методические основы подлога документов* 87
Мисаревич Н.В. *Социальные и экономические аспекты распространения магдебургского права на белорусских землях* 93
Михайлов Д.И. *Право на участие в управлении обществом: аспекты регламентации и защиты* 99
Орел Ю.В. *Системно-правовая непротиворечивость и международно-правовая необходимость и допустимость как принципы криминализации деяний против нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины* 105
Рог П.А. *Коммандитное товарищество: понятие, формы, правовое положение участников* 111
Сыс С.В. *Особенности классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности в уголовном законодательстве государств-участников СНГ* 117
Федотов В.А. *Экспортный договор купли-продажи товаров: правовые аспекты заключения* 124

ЭКОНОМИКА

Арашкевич О.В. *Развитие и реализация экономического потенциала предприятий деревообрабатывающей промышленности на основе инновационного управления* 131
Банникова З.В. *Формирование инновационного потенциала предприятия: теоретико-методический подход* 137
Баранов А.М. *Социальные аспекты развития информационной экономической системы* 142
Бондарева А.М. *Человеческий капитал в Беларуси: характерные черты и особенности развития* 148
Геврасёва А.П., Вышникова А.Г. *Государственная поддержка развития малого и среднего предпринимательства и особенности её реализации в регионах Республики Беларусь* 153
Западнюк Е.А., Чэнь Чун *Малый бизнес и пути его выживания в условиях инновационной экономики* 159
Казарян А.Г., Бонцевич Н.В. *Налогообложение в системе мер элиминирования теневой экономики в Республике Беларусь* 164
Панова Т.И. *Совершенствование оценки деятельности субъектов хозяйствования в условиях экономической интеграции* 169
Пахомова И.А. *Классификация ущерба от пожаров в системе оценки потерь национальной экономики* 174
Рудченко Г.А. *Совершенствование отдельных элементов системы материального стимулирования работников сельскохозяйственных организаций* 180
Семикина А.В., Голбанос С.С. *Конкурентоспособность человеческого капитала: сущность и методы оценки* 187
Сорвиров Б.В., Шаршаков Ю.В. *Туристско-рекреационные услуги и их реализация на потребительском рынке региона* 193
Сорвирова В.В. *Факторы обеспечения устойчивости сетевой экономики в условиях турбулентности мировой экономики* 200
Шупенько М.М. *Инфраструктурное обеспечение развития деятельности международных инвесторов в Республике Беларусь* 205

Ministry of education of Republic of Belarus
Francisk Scorina Gomel state university

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel state university

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2015, № 5 (92) •
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW •ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

E.A. Antonova, A.A. Kurako, O.I. Belyak. *Differentiated technique of creation of special physical preparation of athletes* 5
V.A. Bejzerov. *The cluster approach to the development of education systems as a way to enhance the competitiveness of education of countries and regions* 10
V.G. Ermakov. *Methodological problems in creation effective educational technologies and the psychology of attention* 15
G.L. Ivanenko. *The selection of subject-thematic content of teaching professional foreign language communication* 19
T.V. Kupriyanchik. *Communicative competence of the future teacher in the context of the student government* 24
I.I. Lukhanin. *The automated system of technological control of the educational process* 31
T.V. Pochinok. *The mentality of the speaker of a foreign language and the process of inter-cultural communication* 35
A.B. Prusak. *Creation of integrative relations in the process of teaching mathematics on the solution of a problem in a number of ways* 40
V.I. Radionova. *Individualization of training based on competence of children with moderate and severe intellectual disabilities* 47
V.V. Rudenik. *System of principles of technical and tactical training of military personnel* 52
E.P. Savchuk. *Prepapation of curators and professors for pedagogical support of personal self-realization of natural science students: state of problem in practice* 58
O.V. Tozik, A.G. Narskin. *On the effectiveness of employment of health-improving aerobics with pupils of the senior classes at physical training lessons* 64

LAW

S.L. Emelyanov. *Court proceedings in criminal matters in terms of providing compensation for the harm caused by crime* 68
N.E. Kernoz. *Contradictions legislative definition the language of justice in Ukraine* 75
A.A. Kodynets. *Theoretical aspects of the tort liability for offences in the area of information* . 81
N.V. Marataev. *Theoretical and methodological foundations of forgery of documents* 87
N.V. Misarevich. *Social and economic aspects of the spread of Magdeburg Law in the Belarusian lands* 93
D.I. Mikhailov. *The right to participate in the management of the company: aspects of regulation and protection* 99

Y.V. Oryol. *Systemic and legal consistency, and the need for international law and the admissibility of how the principles of the criminalization of acts against the normal activity of the organs and institutions of Penitentiary Service of Ukraine* 105
P.A. Rog. *Commandite partnership: the concept, the form and the legal status of participants*. 111
S.V. Sys. *Features of the classification of crimes according to the nature and degree of social danger of the criminal legislation of CIS countries* 117
V.A. Fedotov. *The export contract of sale of goods: the legal aspects of making a contract* 124

ECONOMICS

O.V. Arashkevich. *Development and implementation of the economic potential of wood-processing industry on the basis of innovative management* 131
Z.V. Bannikova. *Formation of innovative potential of the enterprise: theoretical and methodological approach* 137
A.M. Baranov. *Social aspects of development of information economic system* 142
A.M. Bondareva. *Human capital in Belarus: characteristics and peculiarities of development*. 148
A.P. Gevraseva, A.G. Vyshnikova. *State support for development of small and medium-sized businesses and the features of its implementation in the regions of the Republic of Belarus* 153
E.A. Zapadnyuk, Chen Chun. *Small business and ways to survive in the innovation economy* ... 159
A.G. Kazaryan, N.V. Bontsevich. *Taxation in the system of measures of elimination of the shadow economy in the Republic of Belarus* 164
T.I. Panova. *Improvement of evaluation of the economic entities in terms of economic integration* 169
I.A. Pakhomova. *Classification of damage caused by fires in the assessment of losses of national economy* 174
G.A. Rudchenko. *Improvement of the individual elements of the system of material incentives for workers of agricultural organizations* 180
A.V. Semikina, S.S. Golbanos. *Competitiveness of human capital: the nature and methods of assessment* 187
B.V. Sorvirov, Y.V. Sharshakov. *Tourist and recreational services and their implementation in the consumer market in the region* 193
V.V. Sorvirova. *Factors ensuring sustainability of the network economy in the turbulence of the world economy* 200
M.M. Shupenko. *Infrastructural support of the development activities of international investors in the Republic of Belarus* 205

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.015.5:796.071

Дифференцированная методика построения специальной физической подготовки спортсменов

Е.А. АНТОНОВА, А.А. КУРАКО, О.И. БЕЛЯК

В связи с отсутствием достаточной информации по планированию специальной физической подготовки для прыгунов на акробатической дорожке в годичном цикле нами было принято решение по проведению педагогического эксперимента. В его основу легла разработанная нами дифференцированная методика построения специальной скоростно-силовой подготовки спортсменов спортивных разрядов. При этом для проверки эффективности эксперимента использовалось тензодинамографическое устройство, позволяющее изучить как уровень развития комплексных скоростно-силовых качеств, так и каждого компонента (скорость и сила) в отдельности.
Ключевые слова: градиент силы, дифференцированная методика скоростно-силовой подготовки, прыжки на акробатической дорожке, спортсмены спортивных разрядов.

Because of the lack of sufficient information on the planning of specific physical preparation for the jumpers on the tumbling track it was decided to carry out a pedagogical experiment. The basis of the experiment is a special technique of differential speed strength training of athletes of sports categories. To test the effectiveness of the experiment tenzodinamografic device is used that allows studying the level of power-speed and each component (speed and power) separately.
Keywords: gradient strength, technique differentiated speed-strength training technique, tumbling, athletes sports categories.

Спорт высших достижений является составной частью многолетнего тренировочного процесса, базис которого строится полностью на детском и юношеском спорте. Ведь базовая подготовка, которая осуществляется на ранних этапах, играет важную роль в становлении высококвалифицированных спортсменов. В результате чего появляется необходимость более детального изучения подготовки акробатов на ранних этапах тренировочного процесса.

Прыжки на акробатической дорожке – это сложнокоординационный вид спорта, характеризующийся выполнением серии прыжков с ритмичным вращением с рук на ноги и с ног на ноги, требующие непредельных силовых усилий с постоянно высокой скоростью исполнения без остановок и промежуточных прыжков [1], [2]. В основе тренировочного процесса лежит необходимость осваивать большое число двигательных действий, которые отличаются разнообразием, сложностью структур и проявлением соответствующих двигательных способностей. При этом, многочисленные исследования доказывают [1], [3]–[8], что физическая подготовка является важным компонентом учебно-тренировочного процесса спортсменов различного уровня, представляя собой фундамент, на котором базируется их спортивное мастерство. Более того, развитие двигательных качеств стоит осуществлять применительно к специфике вида спорта, обеспечивая взаимосвязь физической и технической подготовок.

Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует достаточно информации по планированию физической нагрузки в течение годичного цикла для спортсменов, специализирующихся в прыжках на акробатической дорожке. В связи с этим было проведено исследование, *цель* которого заключалась в выявлении эффективного распределения средств специальной физической подготовки на различных этапах годичного цикла для акробатов-прыгунов спортивных разрядов.

Для проведения основного педагогического эксперимента была сформирована контрольная группы из 10 человек и разработана дифференцированная методика построения специальной скоростно-силовой подготовки, отражающая взаимосвязь наиболее существенных сторон тренировочного процесса во времени. Она основывается как на реализации отставленного кумулятивного тренировочного эффекта концентрированного объема скоростно-силовых нагрузок, так и на разведении во времени максимальных объемов специальной силовой и скоростно-силовой подготовок [4], [9], [10]. Апробация разработанной нами методики проходила в естественных условиях тренировочного процесса.

Разработанная дифференцированная методика построения специальной скоростно-силовой подготовки прыгунов на акробатической дорожке спортивных разрядов основана на сдвоенном годичном цикле (рисунок 1). В первом подготовительном этапе (середина августа – ноябрь) преобладает общеподготовительный этап, направленный на повышение общего уровня физической подготовленности спортсменов с постепенным увеличением объемов упражнений скоростно-силового характера с целью равномерного развития взрывной силы всех основных групп мышц, участвующих в прыжках. Во втором (январь–апрель) – преимущество отдается развитию взрывной силы мышц нижних конечностей, так как в данный период основное внимание технической подготовки уделяться обучению элементов повышенной координационной сложности и комбинациям, преимущественно состоящим из сальтовых элементов.

Так как продолжительность соревновательного периода (декабрь, май) у спортсменов спортивных разрядов небольшая, то планировалось снижение специальной физической работы с сохранением объемов лишь выполняемых собственно акробатических упражнений с места без использования подсобных снарядов, что будет способствовать поддержанию специальной скоростно-силовой подготовленности на необходимом уровне.

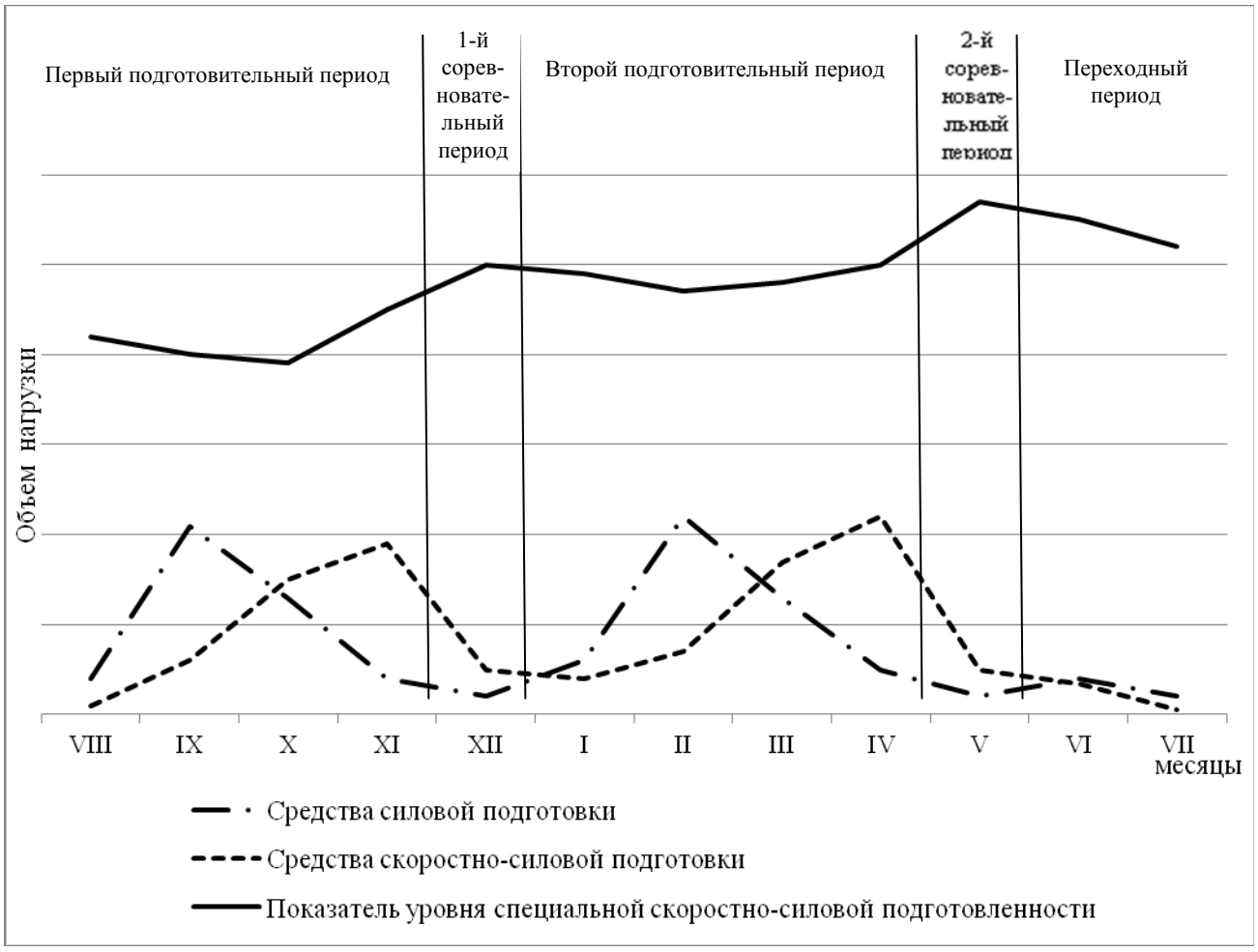


Рисунок 1 – Модель дифференцированной методики построения специальной физической подготовки прыгунов на акробатической дорожке в годичном цикле

В переходный период в основном использовались неспецифические упражнения для прыжков на акробатической дорожке при выполнении собственно акробатических упражнений малой координационной сложности в поддерживающем режиме в преимущественно соревновательной и игровой форме.

В недельном микроцикле в экспериментальной группе проводилось шесть занятий, в конце каждого уделялось время на совершенствование специальной физической подготовленности в соответствии с разработанной нами методикой. Одновременно с этим в подготовительную часть учебно-тренировочного занятия были включены дополнительные специально-беговые и прыжковые упражнения.

При выполнении комплекса упражнений специальной скоростно-силовой подготовки основное внимание акцентировалось на сохранении максимально доступной для спортсмена скорости действия, в результате чего количество повторений в одном подходе варьировалось от 5 до 10 в зависимости от этапа подготовки. Вместе с тем некоторые упражнения выполнялись в неравномерном темпе: подготовительное движение до приложения основного усилия выполняется с обычной для спортсмена скоростью, основное движение, связанное с приложением максимального усилия, – с предельной скоростью. Между подходами акробатам-прыгунам предлагался отдых до полного восстановления, а между упражнениями активный отдых, включающий упражнения на растягивание и расслабление [5]–[7].

Эффективность реализации разработанной нами методики подготовки акробатов-прыгунов проверялась с помощью системы обратной связи: регулярной контрольной оценке текущего состояния спортсменов (в конце каждого месяца) и сравнение ее реальных характеристик с модельными. В случае необходимости должна была вноситься коррекция в программу тренировок, при этом так же учитывались данные субъективной оценки спортсменами своего состояния и заключение тренера о качестве тренировочного процесса и эффективности решения педагогических задач.

Для оценки уровня развития скоростно-силовых качеств в практике спорта наиболее часто используются прыжковые упражнения. Их выполнение не требует, какого-либо специального дорогостоящего инвентаря и оборудования. Критериями оценки при этом служит дальность прыжков. Но оценивание можно проводить и с помощью измерительных устройств – динамометров, динамографов, тензометрических силоизмерительных устройств. Измерение проводимые с помощью тензодинамографических устройств, позволяют получить динамику силы в виде графика. Приближенную оценку скорости нарастания силы можно получить по следующей формуле:

$$I = \frac{F\ max}{t\ max}, \quad (1)$$

где I – градиент силы, F_{max} – максимальная сила, t_{max} – время достижения максимальной силы.

При этом использование данного метода позволяет не только изучить уровень развития скоростно-силовых качеств, но и каждого компонента двигательного качества (скорость и сила) в отдельности [9]–[13]. Стоит так же отметить, что данная методика была проверена на информативность, стабильность и согласованность [14].

Анализ результатов, полученных в процессе педагогического эксперимента, в экспериментальной группе (таблица 1) свидетельствует о том, что в промежутках специальной силовой подготовки в первом (конец августа – середина сентября) и втором (середина января – начало марта) подготовительных периодах показатели специальной скоростно-силовой подготовленности находились на незначительном уровне. После снижения силовой нагрузки прослеживается прирост взрывной силы, который сохраняется вплоть до конца соревновательных периодов, что свидетельствует о реализации отставленного тренировочного эффекта концентрированной силовой нагрузки.

В течение первой половины педагогического эксперимента (август–декабрь) отмечается прирост всех показателей к началу первого соревновательного периода в пределах до 284,61 %. При этом по показателям градиента силы мышц ног, характеризующие скоростно-силовую подготовленность спортсменов, обнаружены статистически достоверные изменения ($p < 0,05$). Для двигательного теста F_{max} мышц ног (кг) достоверных изменений не обнару-

жено ($p > 0,05$). Данный факт мы связываем с тем, что целенаправленное развитие силовых качеств приходится на конец августа – середину сентября, в результате чего пик уровня развития по данному показателю приходится на сентябрь–октябрь месяц, прирост составляет 24,39–28,59 % ($p < 0,05$).

Таблица 1 – Изменение уровня специальной физической подготовленности акробатов-прыгунов экспериментальной группы на протяжении педагогического эксперимента

Показатель / Месяц	Градиент силы мышц правой ноги, кг/с	Градиент силы мышц левой ноги, кг/с	F_{max} мышц правой ноги, кг	F_{max} мышц левой ноги, кг	t достижения F_{max} мышц правой ноги, сек	T достижения F_{max} мышц левой ноги, сек
Август	67,04 15,8	91,47 7,10	44,70 6,47	46,20 2,86	0,67 0,10	0,52 0,16
Сентябрь	75,63 18,44	95,79 11,32	53,70 7,48	57,47 8,10	0,71 0,12	0,60 0,20
Октябрь	83,30 16,34	85,61 12,44	57,48 9,46	48,80 10,20	0,69 0,14	0,57 0,14
Ноябрь	93,46 21,60	102,21 23,35	45,22 6,63	47,20 8,83	0,50 0,11	0,48 0,15
Декабрь	246,34 182,21	274,98 132,59	46,00 6,55	46,20 3,98	0,25 0,17	0,20 0,14
Январь	197,55 150,59	214,52 112,54	47,51 9,86	46,96 7,21	0,24 0,15	0,23 0,12
Февраль	165,46 120,90	172,28 84,51	47,27 9,21	48,35 14,12	0,28 0,14	0,28 0,10
Март	250,06 192,65	243,29 130,30	37,80 10,20	38,30 9,63	0,22 0,12	0,18 0,08
Апрель	349,73 103,71	358,01 56,96	58,91 14,23	49,82 7,48	0,17 0,09	0,14 0,11
Май	413,86 85,88	465,20 100,27	41,30 4,35	44,90 4,01	0,11 0,03	0,11 0,04
Июнь	396,89 83,04	428,16 88,39	47,26 6,48	47,10 5,21	0,12 0,05	0,11 0,06
Июль	309,31 83,87	396,08 65,23	46,40 3,28	51,46 4,28	0,15 0,10	0,13 0,08

Примечание: верхняя строка – $\overline{X}$, нижняя строка – σ.

Во второй половине педагогического эксперимента (январь–июль) продолжается рост уровня развития скоростно-силовой подготовленности спортсменов с достижением достоверного уровня прироста ($p < 0,05$) к началу второго соревновательного периода (май) до 69,18 %.

В целом за весь период педагогического эксперимента у спортсменов экспериментальной группы отмечается устойчивое и достоверное ($p < 0,05$) улучшение показателей скоростно-силовой подготовленности в пределах до 517,23 %. Данный факт подтверждает, что целенаправленное развитие скоростно-силовых качеств спортсменов, специализирующихся в прыжках на акробатической дорожке в процессе основного педагогического эксперимента с помощью комплекса специальных упражнений и правильного планирования объемов нагрузки на различных этапах подготовки в годичном цикле способствует явному улучшению уровня скоростно-силовой подготовленности и достижения пика развития к моменту начала соревновательного периода.

Следует так же отметить, что за время педагогического эксперимента значительно возросла скорость нарастания динамической силы: 517,23 % и 408,57 % отмечается по показателям градиент силы мышц правой и левой ног соответственно. Связано это не столько с увеличением приложенной Fmax, как с уменьшением затраченного времени по ее достижению. До начала эксперимента средние показатели силы в данном упражнении были 45,45 кг, время достижения в среднем составляло 0,60 сек. К первому соревновательному периоду показатели Fmax составляло 46 кг с достижением ее за 0,23 сек, а ко второму соревновательному периоду 43,1 кг достигались уже в среднем за 0,11 сек. Данное обстоятельство свидетельст-

вует о том, что прирост показателей происходит за счет улучшения в большей степени не силового, а скоростного компонента, что особенно важно в прыжках на акробатической дорожке, где соревновательные комбинации состоят из непрерывно следующих друг за другом прыжков и за счет преодоления лишь веса собственного тела. К тому же, потеря темпа по правилам соревнований ведет к снижению оценки за технику исполнения [2].

Выводы: методика, представленная в педагогическом эксперименте и использованная в процессе подготовки прыгунов на акробатической дорожке, способствует развитию скоростно-силовых способностей и достижения пика уровня их развития к моменту начала ответственных соревнований. В целом результаты основного педагогического эксперимента показали, что принципиальным положением в подготовке прыгунов на акробатической дорожке спортивных разрядов является способ организации специальной скоростно-силовой подготовки в годичном цикле.

Стоит отметить и то, что приведенную дифференцированную методику специальной скоростно-силовой подготовки прыгунов на акробатической дорожке спортивных разрядов в годичном цикле следует рассматривать в качестве ориентира, внося соответствующие для каждого спортсмена коррективы, основываясь на учете изменяющегося состояния спортсменов, индивидуальных особенностей, по мере роста их спортивного мастерства и т. д.

Литература

1. Болобан, В.Н. Спортивная акробатика / В.Н. Болобан. – К. : Выща шк. Головное изд-во, 1988. – 168 с.

2. Правила соревнований FIG 2013. – Прыжки на батуте.

3. Баршай, В.М. Гимнастика : учебник / В.М. Баршай, В.Н. Курысь, И.Б. Павлов. – Ростов на/Д. : Феникс, 2009. – 314 с.

4. Баршай, В.М. Физическая и техническая подготовка юных акробатов / В.М. Баршай. – Ростов н/Д. : Издательство Ростовского университета, 1990 – 79 с.

5. Верхошанский, Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю.В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 331 с.

6. Гужаловский, А.А. Развитие двигательных качеств у школьников / А.А. Гужаловский. – Мн. : Нар. асвета, 1978. – 88 с.

7. Менхин, Ю.В. Физическая подготовка в гимнастике / Ю.В. Менхин. – М. : Физкультура и спорт, 1989. – 224 с.

8. Морозевич, Т.А., Миронов, В.М. Базовая подготовка юных акробатов : учеб. пособие / Т.А. Морозевич, В.М. Миронов. – Мн. : БГАФК, 2003. – 108 с.

9. Зациорский, В.М. Физические качества спортсмена : основы теории и методики воспитания / В.М. Зациорский. – М. : Физкультура и спорт, 1966. – 200 с.

10. Спортивная метрология : учебное пособие / В.В Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Афанасьева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 242 с.

11. Аркаев, Л.Я. Как готовить чемпионов: теория и технология подготовки гимнастов высшей квалификации / Л.Я. Аркаев, Н.Г. Сучилин. – М. : «Физкультура и спорт», 2004. – 326 с.

12. Годик, М.А. Спортивная метрология : учебник для институтов физ. культ. / М.А. Годик. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 192 с.

13. Губа, В.П., Строева, И.В. Методика определения и развития скоростно-силовых способностей у детей младшего школьного возраста / В.П. Губа, И.В. Строева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка : Детский тренер: журнал в журнале. – 2003. – № 3. – С. 31–34.

14. Антонова, Е.А. Определение информативных показателей для контроля за уровнем специальной скоростно-силовой подготовленности / Е.А. Антонова, Е.П. Врублевский // Научный потенциал молодежи – будущему Беларуси : материалы VIII международной молодежной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 4 апреля 2014 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.] ; редкол. : К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2014. – С. 269–271.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 332.13:37:339.137.2:332.12

Кластерный подход к развитию образовательных систем как способ повышения конкурентоспособности образования стран и регионов

В.А. Бейзеров

Рассматриваются основные тенденции развития высшего образования стран и регионов мира. Основное внимание уделено кластерному подходу к развитию образовательных систем как способу повышения конкурентоспособности региональных и национальных систем образования. Приводится анализ Концепций развития национальной системы непрерывного педагогического образования в Республике Беларусь и Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь.
Ключевые слова: высшее образование, кластер, кластерный подход, система образования, тенденции в образовании.

The article discusses the main trends in higher education of countries and regions of the world. The main emphasis is paid to the cluster approach in the development of educational systems as a means of improving the competitiveness of regional and national systems of education. The analysis of the concept of development of the national system of continuous pedagogical education in the Republic of Belarus and the concept of formation and development of innovation and industrial clusters in the Republic of Belarus has been produced.
Keywords: higher educational cluster, the cluster approach, the educational system, trends in education.

Двумя основными тенденциями в образовании стран мира в настоящее время являются глобализация и регионализация. Данные тенденции в одно и то же время являются антиподами и взаимно дополняют друг друга. Одним из основных движущих факторов глобализации в образовании является фактор сохранения конкурентоспособности на образовательном рынке. В настоящее время для того, чтобы быть конкурентоспособным, система образования должна быть глобальной, предоставлять все виды образовательных услуг, востребованные потребителями и экономикой.

Второй важной тенденцией является регионализация систем образования. Необходимо отметить, что данная тенденция в последнее время приобретает ключевое значение, причем глобализация отходит на второй план. Глобализируясь, как уже было сказано выше, системы образования вынуждены быть конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг. В то же время не все учебные заведения обладают достаточными ресурсами для эффективного противостояния конкуренции со стороны крупных игроков. Таким образом, возникает необходимость в объединении региональных учреждений образования с целью совместного противостояния конкуренции. Формы региональных объединений могут быть разными, прежде всего, важна эффективность этого взаимодействия. В последнее время, в том числе и в Республике Беларусь, широко обсуждается кластерная модель развития экономики, предполагающая создание и образовательных кластеров.

Кластерный подход к построению системы образования стал центральным постулатом Концепции развития национальной системы непрерывного педагогического образования [1].

Проект Концепции развития национальной системы непрерывного педагогического образования в Республике Беларусь представляет собой монументальный, логичный документ, определяющий основные направления развития педагогического образования в Республике Беларусь. Концепция в целом выполняет основные задачи – определение путей повышения качества и конкурентоспособности системы образования Республики Беларусь в условиях ее интеграции в европейское образовательное пространство [1].

Концепция развития национальной системы непрерывного педагогического образования определяет приоритетные направления совершенствования системы в современных социально-экономических условиях и прогнозирует возможности повышения ее социальной

эффективности. Концепция включает теоретические положения, являющиеся базой для принятия конструктивных управленческих решений в области развития системы непрерывного педагогического образования. Концепция рассчитана на период 2015–2020 гг. [1].

Одной из центральных идей Концепции является кластерный подход. Подобные тенденции (кластеризации) прослеживаются практически во всех отраслях реального сектора экономики, в том числе и образовании.

Согласно определению, кла́стер (англ. cluster – скопление) – объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами. Кластер (в градостроительстве) – территориальное образование внутри мегаполиса, представляющее собой относительно автономную единицу и обеспечивающее своим жителям полный набор городских функций (жилую, административно-деловую, торгово-развлекательную, рекреационную); кластер (в химии) – сложное объединение нескольких атомов или молекул; кластер (в ядерной физике) – коррелированная группа элементарных частиц; кластер (в экономике) – сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных компаний [2].

Термин «кластер» заимствован из английского языка. Его активное использование в русскоязычной экономической литературе началось в 90-е годы прошлого века и связано с переводом на русский язык работ Майкла Портера (Гарвардская школа бизнеса), ставшего основоположником и популяризатором теории кластеров и кластерного развития [2].

Формирование кластера позволяет национальной отрасли поддерживать и развивать свои конкурентные преимущество, а не отдавать его тем странам, которые более склонны к обновлению. Предприятия кластера играют не только роль точек роста внутреннего рынка, но и базы выхода на рынки других стран.

Образовательный кластер можно определить как гибкую сетевую структуру, включающую группы взаимосвязанных объектов (образовательные учреждения, общественные и политические организации, научные школы, вузы, исследовательские организации, бизнес-структуры и т. д.), объединенные вокруг ядра инновационной образовательной деятельности для решения определенных задач и достижения конкретного результата (продукта). Образовательный кластер (как и любой другой) имеет в своем составе элементы, обладает определенной инфраструктурой, маршруты взаимодействия. Основными элементами образовательного кластера являются организации в целом (образовательные учреждения – вузы, школы, гимназии, колледжи, лицеи; бизнес-структура) или отдельные его части (структуры, подразделения), сочетание структур, которые принимают участие в решении поставленной задачи. Состав участников образовательного кластера (его элементы) может меняться, дополняться в зависимости от обстоятельств. Инфраструктура задает размеры и другие топологические свойства образовательного пространства, которое характеризуется объемом образовательных услуг, мощностью и интенсивностью образовательной информации. Маршрут взаимодействия внутри образовательного кластера – маршрут построения взаимовыгодных отношений между отдельными элементами кластера в рамках конкретного проекта и в заданный период времени.

В странах постсоветского пространства кластерный подход получил развитие на десятилетие позже, чем в странах Запада. В первую очередь, кластерный подход характерен для промышленности и других отраслей производственной сферы. Постепенно складывается тенденция возрастания интереса к кластерам как инструменту развития регионов. О перспективе развития кластеров в странах постсоветского пространства было заявлено на уровне официальных документов (к примеру, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2014 г. № 27 утверждена Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь, а также мероприятия по ее реализации, в Российской Федерации кластерный подход выражен в документе «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г.») [3].

Для создания и функционирования кластера необходимо наличие следующих видов ресурсов: 1. Кадровые или трудовые (высококвалифицированные руководители образовательных учреждений, творческие педагоги, квалифицированный вспомогательный персонал);

2. Информационные ресурсы (банк данных участников образовательного кластера; поддержка активного взаимодействия с внешними информационными каналами; включенность информационных потоков всех субъектов и организаций, включенных в образовательный кластер в общую информационную среду; 3. Инфраструктура (организационные условия) (создание сетевой структуры, из представителей власти, бизнес-сообщества, организации и т. д., сплоченных вокруг ядра инновационной деятельности; разработка нормативных документов, регламентирующих деятельность и взаимодействие всех элементов в рамках образовательного кластера; проведение маркетингового исследования о возможных направлениях развития образовательного кластера; 4. Материально-технические условия (возможность использовать имеющуюся материально-техническую базу для реализации конкретного проекта, направления деятельности в рамках образовательного кластера, использование материально-технических ресурсов всех партнеров) [4].

В состав образовательного кластера входят, как правило, различные по своей природе элементы. Элементы – организация в целом (вуз, бизнес-структура, образовательное учреждение и т. д.) или отдельные его структуры, сочетание структур, которые принимают участие в решении поставленной задачи. Состав участников образовательного кластера (его элементы) могут меняться, дополняться в зависимости от обстоятельств. Ядром кластера является организация, которая представляет основной управленческий ресурс и устанавливает систему взаимоотношений между его элементами. Элементы кластера, объединяясь, образуют организационно-территориальную структуру (кластерную плоскость, географическая близость); ресурсную структуру (объединение ресурсов – кадровых, финансовых, материальных, информационных, образовательных и т. д.); функциональную структуру (образуется на пересечении предыдущих структур и выполняет инновационное решение поставленных целей и задач) [5, с. 12].

Учебно-научно-инновационный кластер непрерывного педагогического образования (согласно проекту Концепции) – совокупность учреждений высшего образования, комплексов «профильный педагогический класс (педагогическая гимназия), педагогический колледж» как сферы трансфера инноваций, научно-исследовательской базы и базы непрерывной педагогической практики, учреждений дополнительного образования взрослых и научно-методических учреждений, совместная распределенная деятельность которых позволяет интегрировать потенциалы образования, психолого-педагогической науки и эффективной педагогической практики для перевода профессиональной подготовки педагогических кадров на качественно новый уровень функционирования [6].

Основной целью создания кластера является объединение учебно-научно-инновационного потенциала образовательных и научно-методических учреждений для обеспечения потребности системы образования Республики Беларусь в педагогических кадрах, отличающихся не только высоким уровнем гражданственности, культуры и профессиональной компетентности, но и конкурентоспособностью, готовностью к восприятию инноваций, способностью к проектированию и реализации новых образовательных программ и технологий [7].

Нами видится, что роль центра кластера в настоящее время и в будущем должна принадлежать Министерству образования Республики Беларусь, как государственному органу управления, регулирующему и реализующему государственную политику в области образования. Логично создавать региональные кластеры непрерывного педагогического образования, где центром кластера станет региональный классический университет. По сути дела данные кластеры уже неформально эффективно работают. В качестве примера можно обозначить Гомельский региональный учебно-научно-инновационный кластер непрерывного педагогического образования. Центром может стать ведущий региональный ВУЗ – УО «ГГУ им. Ф. Скорины», обладающий достаточным научным, информационным и методическим потенциалом для решения поставленных Президентом и Правительством задач. В то время, как ни один из отраслевых (неклассических) университетов (как республиканского, так и регионального уровня) не обладает достаточным потенциалом. Данное утверждение можно подтвердить следующим фактическим материалом: в настоящее время существуют тесные связи между УО «ГГУ им. Ф. Скорины» и региональной (областной системой) образования (дейст-

вуют договора о сотрудничестве с управлением образования Гомельского облисполкома, значительным числом учреждений образования области всех уровней; открыты и успешно работают филиалы кафедр университета, осуществляющие выпуск по педагогическим специальностям. (Причем спектр учреждений достаточно широк и включает учреждения различных уровней образования: средние школы, гимназии, лицеи, центры дополнительного образования детей и молодежи, УО «Гомельский государственный педагогический колледж им. Л.С. Выготского», ГУО «Гомельской областной центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации»); осуществляется прием абитуриентов – выпускников профильных специальностей колледжей на сокращенные сроки обучения по договорами с ССУЗами; университет является одним из организаторов и центров проведения значительного количества районных, городских, областных, республиканских и международных мероприятий (олимпиад, конкурсов, конференций, семинаров); более 300 преподавателей университета ежегодно задействованы в качестве членов жюри, экспертов в олимпиадах, конкурсах, конференциях учащихся; преподаватели университета являются руководителями и экспертами республиканских инновационных площадок министерства образования; ежегодно университетом проводится международная научно-практическая конференция «Школа-Университет-Предприятие»; в университете работают «Школы юных» по различным предметам; университет является инициатором и организатором проведения ежегодной международной олимпиады для студентов и школьников по основам психологии и педагогики; в университете осуществляется подготовка специалистов по большинству педагогических специальностей; на системной основе осуществляется подготовка магистрантов, аспирантов, докторантов для системы образования; ИПКиПК университета занимается переподготовкой специалистов на базе высшего образования по значительному спектру специальностей, в т. ч. по договорам с отраслевыми вузами; основным потребителем выпускников университета являются региональные предприятия и организации; университет является активным участником международных научных образовательных программ и проектов, т.к. образом получая новейшие технологии и оборудование, аналогичные применяемым в университетах развитых государств. По ряду педагогических проектов университет выступает координатором и руководителем сети пилотных средних школ.

В целом, отмечая эффективность работы вышеописанной модели кластера, видится необходимым усиление связей между региональной системой среднего и высшего образования, усиления теоретической подготовки специалистов системы образования. Одним из механизмов реализации данной цели может стать целевое обучение в магистратуре (по специальностям «Психология»; «Общая педагогика. История педагогики и образования», либо по профильной специальности) всех руководителей и заместителей руководителей учреждений общего среднего образования, профессионально-технического, средне-специального и дополнительного образования, учителей, работающих в старших классах школ, учителей гимназий, лицеев, педагогов социальных, методистов и педагогов психологов всех учреждений образования, учителей, претендующих на получение высшей квалификационной категории учителя или категории учитель-методист, методистов учебно-методических кабинетов отделов образования, спорта и туризма рай- и горисполкомов, специалистов отделов образования, спорта и туризма рай- и горисполкомов, управления образования, институтов развития образования; плановое повышение квалификации специалистов всех учреждений образования области на базе университета; создание двойной, практико-ориентированной магистратуры, включающей как усиленный психолого-педагогический компонент, так и профильный компонент со сроком обучения 2 года [8].

В плане обеспечения кадрового потенциала отрасли и минимизации оттока педагогических кадров из регионов в столицу необходимо усилить целевой компонент подготовки специалистов в региональных вузах. При наличии соответствующей специальности в региональном вузе органам управления образования направлять на обучение выпускников школ именно в вузы данного региона.

В плане вертикальной интеграции в системе образования Республики Беларусь (т. е. унификации ее компонентов) считаем необходимым унифицировать системы присвоения ква-

лификационных категорий в системе среднего образования и системе высшего образования (к примеру, автоматически присваивать первую-высшую квалификационную категорию педагогам, обучавшимся в магистратуре педагогического профиля и получившим диплом магистра.

Считаем, что внедрение в практику приведенных выше механизмов положи тельным образом скажется на развитии системы образования Республики Беларусь, а в частности системы педагогического образования.

Идея кластеризации развития экономики по сути неисчерпаема с точки зрения реализаций. В то же время конструирование кластеров в системе образования должно подчиняться прежде всего требованию целесообразности и эффективности. В основе образования кластера должен лежать рыночный механизм «выгодности». Важными факторами, при проектировании кластера, должны стать его диверсифицированность и инновационность. Важное значение должна иметь способность партнеров различных отраслей внутри кластера эффективно использовать внутренние и внешние ресурсы. Кластер должен играть позитивную роль в привлечении инвестиций в образовательную систему.

Литература

1. Концепция развития национальной системы непрерывного педагогического образования в Республике Беларусь : проект / А.И. Жук [и др.]. – Минск : БГПУ, 2014. – 24 с.

2. A Dictionary of Modern English Usage. – Oxford : Oxford University Press, 2007.– P. 618.

3. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

4. Корчагина, Е.А. Социальное партнерство как механизм управления образовательным кластером / Е.А. Корчагина // Инновации в образовании. – 2007. – № 6. – С. 43–51.

5. Смирнов, А.В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе : монография / А.В. Смирнов. – Казань : РИЦ «Школа», 2010. – 102 с.

6. Лукашенко, М.А. Вертикальная интеграция в системе образования / М.А. Лукашенко // Высшее образование в России. – 2002. – № 3. – С. 10–24.

7. Концепция развития системы педагогического образования в Республике Беларусь : проект / П.Д. Кухарчик [и др.] ; под общ. ред. И.И. Цыркуна. – Минск : БГПУ, 2008. – 28 с.

8. Юрьев, В.М. Университет как центр инновационно-образовательного кластера / В.М. Юрьев, М.С. Чванова // Вестник ТГУ. – 2007. – Выпуск № 5 (49). – С. 7–12.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 18.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 37.02:371.13:378.147:159.952

Методологические проблемы построения эффективных образовательных технологий и психология внимания

В.Г. Ермаков

Рассмотрены проблемы обеспечения эффективности технологического подхода в системе образования; с целью разрешения этих проблем проведен анализ методов обучения ряда известных педагогов, установлена объединяющая их основа и дано описание этой основы в терминах психологии внимания.
Ключевые слова: методология, педагогические технологии, методы обучения, творческое наследие педагогов-гуманистов, психология внимания.

Problems of ensuring the effectiveness of the technological approach in the education system are considered. In order to solve these problems, the analysis of methods of training of a number of known teachers was conducted. The unifying base was set. Description of this framework in terms of the psychology of attention was given.
Keywords: methodology, educational technology, teaching methods, creative heritage of humanist teachers, psychology of attention.

Исследование проблем технологического подхода в системе образования остается актуальным и в силу того, что в развитие этого подхода вовлечено большое число педагогов, и по нескольким объективным и вполне очевидным причинам. Во-первых, существенное удлинение индивидуальных образовательных траекторий наглядно обнажает тот факт, что управление образовательными процессами является коллективным, поэтому необходимо налаживание большей согласованности в действиях педагогов. Во-вторых, этот подход по своему замыслу ориентирован на оптимизацию образовательного процесса в целом и на более устойчивое достижение основных образовательных целей. В условиях массового образования немаловажной является и экономия живого труда педагогов, которую предполагается достичь именно за счет системного совершенствования учебного процесса.

Азарт исследователей в этом направлении подкрепляется также яркими примерами из истории педагогики. Я.А. Коменский утверждал: «Образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким. Нужно уделять не более четырех часов ежедневно на занятия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причем эта работа все же будет в десять раз легче, чем та, которая теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся поодиночке» [1, с. 304]. Невероятный коэффициент полезного действия! Конечно, радикальная динамика современной жизни затрудняет простой и некритичный перенос ранее найденного метода в новые условия, но заразительным примером самой возможности существенного прорыва наследие Я.А. Коменского остается.

Попыток повторить этот успех предпринималось и предпринимается немало. В частности, они привели к большому числу различных образовательных технологий. Так, в пособии [2] Г.К. Селевко систематизировал около 50-ти таких технологий. Оценить ресурс технологического подхода помогает следующее, часто цитируемое высказывание В.П. Беспалько: «Любая деятельность может быть либо технологией, либо искусством. Искусство основано на интуиции, технология – на науке. С искусства все начинается, технологией – заканчивается, чтобы затем все начать сначала» [3, с. 5]. Используемое здесь противопоставление технологии и искусства показывает, что технологический подход нацелен не только на восстановление взаимосвязей между различными компонентами учебного процесса, но и на то, чтобы упростить и стандартизовать управление этим процессом, устранив из него трудно формализуемые явления. Такое самоограничение теории ведет к значительным потерям, поскольку, «наука и искусство связаны друг с другом и обнаруживают определенные гомологии на уровне своего отношения к тому режиму, в каком вообще работает наше сознание» [4, с. 86].

«На уровне жизненных процессов и свободных явлений, – писал М.К. Мамардашвили, – я почти что отождествляю науку и искусство» [4, с. 90]. Следовательно, противопоставление технологии и искусства возможно лишь в той мере, в какой из технологии убираются жизненные процессы и свободные явления.

В этом и заключена главная опасность, так как попытка максимально упорядочить процесс обучения отсекает от педагогических технологий те аспекты обучения, которые уже обнаружили свою актуальность, но еще не освоены наукой в той мере, которая позволила бы использовать их в алгоритмическом режиме и с требуемой надежностью.

Л.С. Выготский давно обосновал важность использования таких эффектов обучения, которые выражены понятием «зона ближайшего развития», но до их полной разработки еще далеко. П.Г. Нежнов отмечает, что теория развивающего обучения «вбирает в себя значительную часть того, что было создано школой Выготского за полстолетия... данное научное направление является своего рода визитной карточкой не только школы Выготского, но и всей отечественной педагогической психологии» [5, с. 17]. Но «исторический спор исходных научных позиций по вопросу взаимосвязи обучения и развития представляется пока не завершенным» [5, с. 18]. При этом выяснилось, что «стремлению некоторых психологов реализовать принцип полностью контролируемого обучения дети оказали неожиданно серьезное сопротивление» [5, с. 18].

С такими же противоречиями решается и актуальная для технологического подхода проблема «постановки диагностичных целей», и близкая к ней проблема стандартизации в системе образования. С одной стороны, в работе [6] сказано: «Содержанием стандарта может быть только то, что подлежит количественному измерению и может получить оценку качества. Потому в общеобразовательной школе реальным объектом стандартизации является обучение. А что касается воспитания и развития школьника, то они не могут быть объектами стандартизации». С другой стороны, в Основных направлениях реформирования общеобразовательной школы Беларуси была поставлена задача перейти к антропоцентристскому подходу в обучении, при котором «центром внимания становится личность обучаемого, его мотивационно-прагматические, познавательные и культурно-эстетические потребности» [7, с. 15]. Таким образом, исходные посылки при разработке стандартов отсекли именно то, что было названо важнейшим для реформирования школы. В целом приходится констатировать, что разработка технологического подхода и образовательных стандартов идет с сильным отступлением от основного педагогического принципа – принципа единства обучения, воспитания и развития.

Способы компенсации этих отклонений от равновесия могла бы предложить педагогика, но дела в ней обстоят не лучшим образом. По словам В.В. Краевского, «каждый Божий день миру является какая-нибудь педагогика. Возможно, их уже миллион. Нет, наверное, меньше. И возникают не ежедневно. Но все равно – много и часто. И до этого их было немало: педагогика средней школы, педагогика высшей школы, семейная педагогика, педагогика взрослых, народная, внешкольная, дошкольная и т. д. “Процесс пошел” давно, а сейчас принял обвальный характер... Давно предостерегал мудрец от умножения сущностей. Педагогика – разве не сущность? Зачем же ее заставляют размножаться с такой страшной быстротой? Прорезаются все новые сущности, плодятся, как кролики, потом разбегаются, как тараканы. И рассмотреть-то их как следует некогда» [8, с. 113]. Несложно понять, что эта взрывная хаотизация педагогической теории и практики вызвана беспредельной многоаспектностью образовательных процессов, которая обнажилась и вышла на первый план, в том числе, из-за отмеченного еще Н.И. Бердяевым «страшного ускорения времени, за которым человек не может угнаться». На самом деле в явном или в скрытом виде многоаспектность образовательным процессам присуща всегда. Как писал Л.С. Выготский в книге «Педагогическая психология», «между процессами развития и обучением устанавливаются сложнейшие динамические зависимости, которые нельзя охватить единой, наперед данной, априорной умозрительной формулой».

Из этого методологического тупика попробуем выйти, обратившись к наследию педагогов-гуманистов, ориентированных, как и Коменский, на обучение «всех всему» и преуспевших в достижении этой цели. Попробуем более тщательно присмотреться к тем источникам эффективности их педагогических систем, которые раньше, быть может, не показались важными.

Хорошую возможность в реализации этого плана дает книга Марии Монтессори «Мой метод: начальное обучение» (2005). М. Монтессори разработала большое число оригинальных дидактических материалов, но, как оказалось, они используются не столько по прямому назначению, сколько для достижения опосредованной цели – развить «концентрацию» внимания ребенка. В качестве примера в книге идет речь о ребенке, в которого уже никто не верит. Ни одна методика не помогает в работе с ним. Но однажды внезапно (это всегда имеет «взрывной» характер) он увлекается каким-то упражнением и, не обращая внимания на шум вокруг, повторяет его 44 раза. Он сконцентрировал внимание! Он спасен! Всякий ребенок может переживать такие состояния концентрации. Так как Монтессори работала с детьми, отставшими в развитии, спасение это позволяет считать ее метод в высшей степени эффективным.

Спасительные мгновения описаны также Э.В. Ильенковым в «практической стадии первоначального очеловечения» слепоглухонемого ребенка в системе Соколянского и Мещерякова. Тут тоже говорится о спонтанных явлениях, которые педагог не должен упустить из вида.

Для того чтобы уловить суть этих явлений, сосредоточенных на исчезающе малых отрезках времени, обратимся к книге П.Я. Гальперина «Методы обучения и умственное развитие ребенка» (М.: МГУ, 1984). В таблице на странице 17 отражены результаты обучения 6-летних детей письму букв по традиционной методике (I тип обучения); на основе полной ориентировочной основы действия для отдельных букв (II тип обучения) и на основе самостоятельной ориентировки в структуре каждой буквы (III тип обучения). Число демонстраций образца до правильного написания буквы при переходе от I типа к III типу уменьшилось в 25 раз! Феноменально! Для этих детей не составил затруднений перенос своих навыков на латинский, армянский, арабский шрифты, стенографические знаки и разные условные знаки более частного порядка. Этот перенос представляется естественным, так как во всех случаях речь шла о том или ином контуре. Но загадочные явления возникли и в данном случае. Поначалу экспериментаторы не могли понять, почему обучение письму букв оказало явно благоприятное влияние на счет (о чем им сообщила учительница). Посетив уроки, они увидели, что обученные ими дети четко размещали сосчитываемые предметы, не пропускали одни и не сосчитывали повторно другие, освоение программы шло с ускорением. Таким образом, можно предположить, что причина этого явления состояла всего лишь в том, что эти дети оказались более внимательными и в новой предметной области, где обретенные ими навыки в написании букв какой-либо заметной роли сыграть уже не могли.

В рассматриваемой книге Гальперин акцента на особой роли внимания не делал, но, как было отмечено в статье [9], в других своих работах П.Я. Гальперин и академик РАО Н.Н. Нечаев обосновали принципиально важный тезис о том, что внимание – это деятельность контроля за основной деятельностью. Если с этой позиции проанализировать метод поэтапного формирования умственных действий и понятий Гальперина, то благодаря его высокому уровню операциональности легко увидеть, что наряду с формированием тех или иных действий в нем со всей тщательностью формируется и пошаговый контроль за этими действиями, то есть формируется высокий уровень внимания. Этот момент вполне может претендовать на необходимое условие эффективности любых методов обучения или образовательных технологий.

Однако эта идея вступает в противоречие, например, с активно разрабатываемым в настоящее время компетентностным подходом, для которого характерна явная и достаточно узкая постановка целей с последующим прямолинейным и бесхитростным движением к их достижению. В рассмотренном примере имел место колебательный контур: формирование одних действий помогало формированию внимания, а затем более высокий уровень внимания способствовал более быстрому освоению новых действий в новых предметных областях. Это напоминает взаимодействие электрического и магнитного полей в нестатическом случае, когда каждое из них определяется изменением другого. Показательно, что названные колебания происходят в разных плоскостях. Дополнительными друг для друга могут оказаться также задачи обучения и воспитания. В книге «Вечный человек» (М.: Политиздат, 1991) Г.К. Честертон писал: «Выполняя обряд, люди обретали нравственную ценность. Они не воспитывали храбрости – они сражались за святыню и вдруг замечали, что храбры. Они не воспитывали чистоплотности – они омывались для алтаря и замечали, что чисты» (с. 406).

Эти наблюдения и соображения подтверждают тезис о том, что многие проблемы современной системы образования могут быть порождены использованием излишне упрощенных, линейных моделей управления образовательными процессами. Отклонения от них требуются, по меньшей мере, для решения важной вспомогательной задачи формирования внимания. Для этого могут быть использованы самые разные средства. Так, авторский вариант математических турниров в первую очередь нацелен именно на формирование внимания [9]. Построение текущего контроля с учетом сингулярностей в информационном пространстве культуры, которое существенно влияет и на формирование внимания, указано в статье [10], там же приведен пример яркого взлета учебных достижений студентов, обусловленного формированием названной психологической основы в изучении ими конкретного предмета. Эту же основу легко увидеть и в методе Я.А. Коменского. Поэтому задачу формирования внимания учащихся следует присоединить к числу особо контролируемых параметров управления образовательными процессами.

В этом отношении показательна статья [11]. В ней сказано: «Чтобы учить, изменять себя, человек должен, во-первых, знать о своей ограниченности, во-вторых, уметь переходить границы своих возможностей. Обе составляющие умения учиться являются рефлексивными по своей природе» [11, с. 14]. Эти условия формирования рефлексии, а с нею и внимания, можно было бы использовать всюду, где в учебном материале есть естественные или искусственно созданные неоднородности, создающие предпосылки к ошибочным заключениям учащихся. Тогда встречные вопросы педагога могли бы инициировать активизацию собственного контроля учащихся за ходом усвоения материала. Но авторы статьи не воспользовались этой возможностью, ограничившись средовыми воздействиями на учащихся, результативность которых выразили метафорой «просаливание». «Как свежие огурцы, попав в рассол, постепенно становятся солеными, так и ребенок, погрузившись в учебное, позиционно-рефлексивное сотрудничество, постепенно делается рефлексивным» [11, с. 18]. Фактически авторы остановились на полпути к еще более значительному теоретическому прорыву. Но этот путь остается открытым для последователей и, как вытекает из сказанного выше, сулит еще немало важных открытий.

Литература

1. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. / Я.А. Коменский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – 656 с.

2. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие / Г.К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.

3. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. – М. : Педагогика, 1989. – 192 с.

4. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1992. – 416 с.

5. Нежнов, П.Г. Проблема развивающего обучения в школе Л.С. Выготского / П.Г. Нежнов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1994. – № 4. – С. 17–27.

6. Крот, М.С. О некоторых проблемах разработки временного стандарта общего среднего образования / М.С. Крот // Основные направления реформирования общеобразовательной школы Беларуси : материалы Национального совещания, 2–4 марта 1995 г., г. Минск. – С. 48–53.

7. Национальный доклад: Основные направления реформирования общеобразовательной школы Беларуси // Материалы Национального совещания, 2–4 марта 1995 г., г. Минск. – С. 3–31.

8. Краевский, В.В. Сколько у нас педагогик? / В.В. Краевский // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 113–118.

9. Ермаков, В.Г. Психологические, педагогические и организационные аспекты математических турниров корректирующей направленности / В.Г. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 2 (89). – С. 36–41.

10. Ермаков, В.Г. Контроль в системе математического образования: проблемы и пути их разрешения / В.Г. Ермаков // Математика в высшем образовании. – 2009. – № 7. – С. 95–108.

11. Давыдов, В.В. Младший школьник как субъект деятельности / В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1992. – № 3–4. – С. 14–19.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 378.147:81.112.2 (043)

Отбор предметно-тематического содержания обучения иноязычному профессиональному общению

Г.Л. Иваненко

Рассматривается проблема обучения студентов иностранному языку для профессиональных целей. На основании предметного анализа сферы потенциальной профессиональной деятельности конкретного контингента обучающихся (на примере экономической специальности) автором теоретически обосновывается и практически разрабатывается механизм отбора предметно-тематического содержания для обучения будущих специалистов иноязычному профессиональному общению.
Ключевые слова: иноязычное профессиональное общение, предметно-тематическое содержание обучения, устное деловое иноязычное общение, проблемное поле, речевая ситуация, предмет обсуждения, речевая задача, профессионально-ролевой репертуар.

This article is devoted to the problem of teaching students a foreign language for professional purposes. On the basis of objective analysis of the areas of potential professional activity of a specific contingent of students (for example, of the Economics specialty) the author theoretically grounded and practically developed the mechanism of selection of the thematic content for the training of future specialists of foreign language for professional communication.
Keywords: professional foreign language communication, thematic learning, oral business foreign language communication, problem-solving area, communicative situation, subject of discussion, communication task, professionally-playing repertoire.

Одной из важных методических проблем, связанных с содержанием обучения, является проблема его отбора. По рекомендациям ведущих методистов, такой отбор должен производиться с учетом цели и этапа обучения на основе двух основных принципов: 1) необходимости и достаточности содержания для достижения поставленной цели обучения и 2) доступности содержания обучения для его усвоения [1, с. 123]. Очевидно, что процесс проведения подобного отбора представляет собой достаточно сложную методическую проблему, которая имеет комплексный характер и предполагает выработку четкого и последовательного механизма решения более частных методических задач применительно к конкретным условиям обучения. Таким образом, проблема определения адекватного заявленным целям, необходимого и достаточного содержания обучения иностранному языку (ИЯ) является важной и актуальной задачей языкового образования.

В специальной методической литературе существует достаточное количество различных определений понятия «содержание обучение», однако суть их всех можно свести к одной важной мысли, а именно: под содержанием обучения понимается все то, чему преподаватель должен научить, а обучающиеся научиться в процессе обучения. Содержание обучения ИЯ определяется Государственным стандартом и программой обучения, однако не является постоянной величиной, поскольку целиком и полностью опосредуется целями и этапом конкретного обучения. Например, в средней школе содержание обучения направлено на достижение порогового уровня владения языком, достаточного для последующего доучивания в соответствии с потребностями учащихся и избранным им направлением послешкольного обучения. Или другой пример: на филологическом факультете содержание обучения всегда будет полнее и шире, чем на техническом или экономическом, поскольку в качестве цели обучения в первом случае рассматриваются знание системы языка и практическое владение им в границах, близких к уровню владения языком его носителями, в то время как во втором случае необходимым и достаточным условием успешности обучения является владение конкретным специалистом языком в границах, обеспечивающих профессиональную деятельность по избранной специальности. В частности, согласно типовой учебной программе для высших учебных заведений, «…содержание обучения ИЯ в неязыковом вузе должно обеспечивать владение выпускниками иностранным языком в профессиональных целях», причем в условиях достаточно ограниченного количества реального времени, отводимого на его изучение [2, с. 10].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что при разработке программ обучения ИЯ по конкретной специальности в неязыковом вузе основополагающее значение приобретает скрупулезный анализ сферы потенциальной профессиональной деятельности конкретного контингента обучающихся, на основании которого уже, в свою очередь, становится возможным отобрать адекватное предметно-тематическое содержание обучения иноязычному профессиональному общению конкретных специалистов.

Как показывает анализ методической литературы, компонентный состав структуры содержания обучения иноязычному общению трактуется авторами неоднозначно. В частности, исходя из того, что конечной целью обучения языку является формирование способности практически пользоваться языком в различных ситуациях общения, содержание обучения представляется методистами в виде комплекса различных составляющих, реализующих предметную и процессуальную стороны речевой деятельности: средств общения, знаний, навыков и умений, сфер, тем и ситуаций общения, элементов культуры и других компонентов [1, с. 122]. Поэтому для объективного анализа интересующей нас научной проблемы, прежде всего, необходимо определиться с терминами и их трактовкой.

Основываясь на коммуникативном подходе, мы, вслед за Н.Д. Гальсковой, рассматриваем содержание обучения профессиональному иноязычному общению как многоаспектную категорию, в которой находят отражение как предметный, так и процессуальный аспекты [3]. При этом предметный аспект содержания обучения включает профессионально ориентированные темы, проблемы и типичные речевые ситуации иноязычного общения, а также языковые и речевые средства, в то время как процессуальный аспект составляют речевые умения, позволяющие эффективно осуществлять данный вид общения [4, с. 35].

Поскольку в рамках одной научной статьи достаточно трудно решить такую глобальную проблему, как отбор содержания обучения иноязычному общению в целом, то в настоящей статье мы сосредоточим наши усилия на решении одной из составляющих часть этой общей проблемы прикладных задач, а именно отборе предметно-тематического содержания обучения устному профессиональному общению будущих специалистов, в частности, экономического профиля.

Прежде всего следует отметить, что отбор предметного компонента содержания обучения в обязательном порядке должен фундироваться на определенных объективных и значимых данных, которые актуализируют данный процесс и обеспечивают его объективность. К таковым методисты относят, в первую очередь, программные требования (типовые и учебные программы по конкретным специальностям) и коммуникативные потребности самих обучающихся. Поэтому при определении содержания обучения студентов экономического вуза устному деловому иноязычному общению (УДИО) мы, с одной стороны, основывались на действующих в Республике Беларусь нормативно-методических документах и учебно-программной документации, регулирующих образовательный процесс в высшей школе [2], [5]–[7]; с другой стороны, учитывали основные коммуникативные потребности данной категории обучающихся и характер типичных ошибок в иноязычной речи студентов (все эти данные были получены нами предварительно экспериментальным путем).

Необходимость системной организации процесса обучения студентов УДИО с ориентацией на их будущую профессиональную деятельность диктует целесообразность выбора дедуктивного пути отбора предметно-тематического содержания обучения. Имеется в виду последовательное продвижение от выделения общей проблематики в рамках темы к моделированию типичных ситуаций делового общения специалистов, причем с обязательным учетом как общих характерных особенностей УДИО – предметности, регламентированности, конвенциональности, профессионально-ролевой организации и др. [4, с. 27–28], так и специфики конкретной профессиональной деятельности.

В то же время при организации учебной деятельности студентов по овладению УДИО, напротив, методически оправданным представляется использование индуктивного пути[1], поскольк-

[1] Дедукция и индукция – неразрывно связанные и обусловливающие друг друга методы диалектического познания действительности; логические выводы, цепь умозаключений, рассуждения, основные средства доказательства от общего к частному (дедукция) и от частного к общему (индукция).

ку именно последовательное решение будущими специалистами конкретных речевых задач в типичных ситуациях профессионального общения в ходе самого процесса обучения позволяет, в конечном итоге, сформировать у них все необходимые иноязычные речевые умения.

Дальнейшее структурирование предметно-тематического содержания и его конкретизация в рамках выделенных *профессионально-ориентированных тем* требует определения наиболее общих проблем делового общения, составляющих основу каждой из тем, ее так называемое *«проблемное поле»*. При этом в рамках «проблемного поля» целесообразно моделировать типичные ситуации УДИО, так как оно создает своего рода тематическое языковое пространство, ориентируя обучающихся на использование конкретного языкового и речевого иноязычного материала и способствуя развитию иноязычных речевых умений в естественных условиях. «Проблемное поле» позволяет «разбить» каждую тему на составляющие ее *подтемы,* конкретизировать проблематику делового общения в рамках определенной части общего «проблемного поля» темы и перечня речевых ситуаций.

В свою очередь, отбор *речевых ситуаций УДИО* на основе коммуникативного подхода целесообразно осуществлять с учетом их профессиональной направленности, коммуникативной значимости и деловой культуросообразности. Принцип профессиональной направленности позволяет отобрать профессионально значимые темы, проблемы и ситуации общения, которые в наибольшей степени обеспечивают реализацию коммуникативных потребностей будущих специалистов. Принцип коммуникативной значимости подразумевает отбор ситуаций с наибольшим «коммуникативным потенциалом», стимулирующих речемыслительную активность обучающихся, что объясняется наличием в них максимально широкого спектра возможных коммуникативных намерений ролевых партнеров. В соответствии с принципом деловой культуросообразности при отборе ситуаций УДИО отдается предпочтение ситуациям, в которых предполагается обсуждение достаточно спорных деловых вопросов, что мотивирует коммуникантов к соблюдению делового этикета, поддержанию вежливого обращения и регуляции делового взаимодействия в процессе проведения конструктивной дискуссии.

Выделенная в проблемном поле тематика задает рамки для моделирования общей проблемной ситуации или «макроситуации» УДИО (термин заимствован у Т.Е. Сахаровой) [8]. Макроситуация конкретизируется микроситуациями УДИО, представляя собой, по сути, логичную совокупность множества микроситуаций, последовательное решение которых и приводит к ее разрешению.

Очевидно, что все темы и подтемы не могут быть абсолютно равнозначными: количество проблем, предметов общения и связанных с ними речевых задач в рамках каждой из ситуаций может варьироваться. Они могут включать и разное количество микроситуаций УДИО, число которых определяется характером профессиональной проблемы, лежащей в основе, и сложностью решения поставленных задач. Однако, поскольку практически реализовать в обучении все ситуации представляется вряд ли возможным, и в действительности имеют место не какие-либо сферы и их области в чистом виде, а их «скрещения», для отбора и организации учебного материала целесообразно использовать предложенный Е.И. Пассовым «метод скрещений», так как «предметы общения следует искать на стыках, в скрещениях различных видов деятельности» [9, с. 104]. Соглашаясь с ученым в том, что «эти скрещения многочисленны, однако, используя принцип моделирования, можно содержание общения предельно и достаточно минимизировать, то есть содержание обучения общению сделать моделью содержания общения» [9, с. 122], мы применили данный метод для отбора наиболее *типичных ситуаций УДИО*, которые целесообразно использовать в обучении нашей категории студентов [4, с. 142–145].

Говоря о речевых ситуациях в устном профессиональном общении, следует сказать, что они имеют свои безусловные особенности. Прежде всего, ситуации УДИО отличаются тем, что коммуниканты всегда являются носителями конкретных профессиональных ролей, и, следовательно, в основе каждой ситуации УДИО лежат не только *предмет обсуждения* и *речевая задача*, но и конкретный *профессионально-ролевой репертуар*. Поэтому при определении содержания обучения УДИО необходимо не только конкретизировать номенклатуру возможных пред-

метов обсуждения и связанных с ними речевых задач, но и детально проанализировать возможный ролевой репертуар конкретных специалистов в их будущей деятельности и выявить основные профессиональные роли, которые целесообразно моделировать в данных ситуациях.

В качестве иллюстрации возможности практического использования предлагаемого нами общего теоретического механизма отбора предметно-тематического содержания для обучения студентов УДИО приведем пример анализа одного из его компонентов, а именно профессионально-ролевого репертуара, проведенного нами для специалистов экономического профиля.

Так, предметное изучение ролевых взаимоотношений специалистов в области экономики позволило выяснить, что спектр их функциональных обязанностей в профессиональной деятельности может быть достаточно широким: от менеджера до аудитора. В УДИО возможно большое количество типов межролевого взаимодействия, например: банковский служащий ↔ клиент, банковский служащий ↔ шеф отдела, банковский служащий ↔ другой служащий банка; менеджер ↔ бухгалтер, менеджер ↔ секретарь, менеджер ↔ коммерческий директор, менеджер ↔ главный менеджер, менеджер ↔ представитель другой фирмы и т. д. Однако, как показал анализ различных сфер профессиональной деятельности экономистов и подтвердили результаты проведенного нами анкетирования, несмотря на все многообразие возможного ролевого репертуара специалистов-экономистов, возможных должностей, которые могут занимать выпускники экономического вуза после его окончания, а также соответствующих этим должностям функциональных обязанностей, в целом в деловом общении экономистов выделяются три основные *профессиональные роли*, которые условно можно определить как экономист-финансист, экономист-аналитик и экономист-эксперт (контролер) [4, с. 42].

Общепризнанным является факт, что центральной фигурой в современной системе управления деятельностью любого подразделения является менеджер [10]–[14]. В зависимости от специализации можно выделить такие роли, как: «менеджер продаж», «менеджер по закупкам», «менеджер по рекламе», «менеджер по внешнеэкономическим связям», «менеджер-маркетолог», «менеджер-аналитик», «офис-менеджер», «менеджер по связям с общественностью», «менеджер по производству», «менеджер-логистик» и т. д. Данные профессиональные роли, как видно из названий, самым непосредственным образом связаны с коммуникацией. Исходя из того, что именно в роли менеджера заложен наибольший коммуникативный потенциал для обучения экономистов устному деловому иноязычному общению, мы сочли целесообразным в рамках выделенных ранее основных профессиональных ролей – экономист-финансист, экономист-аналитик и экономист-эксперт – вычленить для последующего моделирования именно роль *менеджера* как классического руководителя в любой сфере экономики в качестве основной социальной и профессиональной роли в УДИО специалистов.

Таким образом, на примере экономической специальности нами было выявлено адекватное целям и задачам обучения будущих специалистов устному деловому иноязычному общению предметно-тематическое содержание, определяемое на основе проблемного поля изучаемых тем и включающее профессионально-ориентированные проблемы и типичные макро- и микроситуации УДИО с соответствующими им предметами обсуждения, речевыми задачами и профессионально-ролевым репертуаром, которые, в свою очередь, были выделены с учетом их профессиональной направленности, коммуникативной значимости и деловой культуросообразности.

Разработанный нами общий механизм отбора предметно-тематического содержания обучения иноязычному профессиональному общению специалистов, который был успешно апробирован при разработке и внедрении нашей авторской методики обучения УДИО в экономическом вузе, обладает достаточно широкими возможностями переноса и может быть адаптирован для коммуникативных потребностей любого иного контингента обучающихся.

Литература

1. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин. – 4-е изд. – М. : Филоматис : Изд-во «Омега-Л», 2010. – 480 с.

2. Иностранный язык: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост. : Л.В. Хведченя, И.М. Андреасян, О.И. Васючкова. – Минск : РИВШ, 2008. – 32 с.

3. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика : учеб. пособие для вузов / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.

4. Иваненко, Г.Л. Обучение студентов устному деловому иноязычному общению на основе игрового моделирования (немецкий язык, неязыковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Г.Л. Иваненко. – Минск, 2012. – 237 с.

5. Образовательный стандарт «Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин» [Электронный ресурс] : утвержден и введен в действие постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 01.09.2006 № 89 // Эталон-WIN : банк данных правовой информации Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006.

6. Иностранный язык (2-ой): базовая учебная программа для экономических специальностей : утвержд. Научно-метод. Советом УО БГЭУ, протокол № 4 от 23.04.2009 УД148-09/баз. – 22 с.

7. Иностранный язык: учебная программа для высших учебных заведений экономического профиля. Регистрационный номер ТД 81/баз. – Минск : БГЭУ, 2000. – 49 с.

8. Сахарова, Т.Е. Обучение немецкой диалогической речи студентов младших курсов языкового вуза : учеб. пособие / Т.Е. Сахарова. – М., 1975. – 108 с.

9. Пассов, Е.И. Методология методики: теория и опыт применения: избранное / Е.И. Пассов (Метод. школа Пассова). – Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т, 2002. – 228 с.

10. Борманн, Д. Менеджмент. Предпринимательская деятельность в рыночной экономике / Д. Борманн, Л. Воротина, Р. Федерманн. – Гамбург, 1992. – 189 с.

11. Мескон, М. Основы менеджмента : пер. с англ. / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М. : Дело, 1992. – 279 с.

12. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности / А.П. Панфилова. – СПб. : Знание : ИВЭСЭП-Союз, 2001. – 494 с.

13. Руденский, Е.В. Основы психотехнологии общения менеджера : учеб. пособие / Е.В. Руденский. – М. : ИНФРА-М; Новосибирск : НГАЭиУ, 1997. – 180 с.

14. Технология делового общения / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. – Минск : Издат. центр «Эконом-пресс», 1999. – 128 с.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 20.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 378.4.014.553 – 057.875:005.336.2:316.77

Коммуникативная компетентность будущего учителя в контексте студенческого самоуправления

Т.В. Куприянчик

Раскрывается сущность понятия коммуникативная компетентность будущего учителя и ее структура. Обосновывается выбор студенческого самоуправления в качестве одного из эффективных средств развития коммуникативной компетентности будущего учителя. Показана практическая работа органов студенческого самоуправления по повышению коммуникативной компетентности на основе авторского исследования.
Ключевые слова: коммуникативная компетентность, педагогическое общение, студенческое самоуправление, деятельность органов самоуправления, будущие учителя.

The essence of the notion of communicative competence of a future teacher and its structure is revealed. The choice of student's self-government as one of the effective means of development of communicative competence of a future teacher is proved. The practical work of self-government bodies aimed at increasing the communicative competence of future teachers is investigated.
Keywords: communicative competence, pedagogical communication, students' self-government, activities of self-government, future teachers.

Формирование коммуникативной компетентности будущего учителя является одной из важнейших задач подготовки будущих специалистов педагогического профиля. В условиях модернизации образования, современной науки она приобретает особую актуальность. Это связано с тем, что современный выпускник высшей школы не может результативно работать, обладая низким уровнем коммуникативной компетентности. Она предполагает развитие коммуникативных личностных качеств, включающих готовность к сотрудничеству, инициативность, ответственность за участие в общем деле, культуру общения, гражданскую позицию, что определяет коммуникативную направленность будущего профессионала. На это указывают российские и белорусские ученые, изучающие ключевые компетентности будущего учителя в рамках компетентностного подхода в высшем образовании. В частности, коммуникативную компетентность В.И. Байденко, В.А. Болотов, В.И. Воскресенский, О.Л. Жук, И.А. Зимняя, Т.Е. Исаева, А.В. Макаров, И.И. Рыданова, В.В. Рябов, Ю.Г. Татур, Ю.В. Фролов и др. выделяют в качестве одной из ключевых компетентностей будущего специалиста [1, с. 27]. Если говорить о профессии педагога, то именно коммуникативная компетентность является основой профессионализма учителя, потому что общение с учениками составляет сущность педагогической деятельности. Основной характеристикой педагогического общения является именно диалогический тип общения, выражающийся в сложном, многоаспектном, многоплановом отражении педагогом и учащимися друг друга, личностном отношении и открытом обращении участников педагогического процесса.

К педагогическим профессиям сегодня предъявляется целый ряд коммуникативных требований. К ним относятся: стремление к общению, что предполагает умение легко вступать в контакт с коллегами по работе, устойчивое хорошее самочувствие при общении, доброжелательность, отзывчивость, выдержка. Педагогу важно уметь сдерживать эмоции, слушать, учитывать мнение своих воспитанников, убеждать, улаживать разногласия между учащимися, организовывать их взаимодействие. Для этого ему необходимо быть способным анализировать свое собственное поведение и окружающих, понимать намерения и настроение своих учеников, разбираться во взаимоотношениях людей, мысленно ставить себя на место другого человека, владеть речью, мимикой, жестами, что поможет ему находить общий язык не только со своими учениками, но и с коллегами. Отсутствие этих качеств приводит к деформации сферы профессионально-педагогического общения, которое оказывает отрицательное влияние на характер взаимоотношений педагога с учащимися. На практике известны

факты, когда человек, профессионал, специалист своей области, становясь учителем, не может передать свои знания, умения, опыт из-за отсутствия навыков межличностного общения. Именно поэтому эти навыки необходимо развивать студентам – будущим педагогам.

Однако серьезным недостатком в профессиональной подготовке будущих учителей является отсутствие внимания к коммуникативной культуре будущего специалиста. Обнаруживается неполное использование коммуникативного потенциала студентов при организации образовательного процесса преподавателями. Все это приводит к тому, что молодой учитель, начиная свою профессиональную деятельность, испытывает определенные затруднения в решении профессиональных задач в процессе деловой и личностной коммуникации с учениками, коллегами-учителями и родителями. Такой подход неприемлем в системе подготовки и переподготовки педагогических кадров. На этом основании в современной общеобразовательной школе происходит переход от педагогики требований к педагогике отношений и сотрудничества. В этой связи большую научную и практическую значимость приобретает проблема формирования коммуникативной компетентности студентов педагогических специальностей. Это приводит к тому, что на современном этапе наблюдается интенсификация исследований по проблеме подготовки будущих учителей к педагогическому общению. Нами сделана попытка решить эту задачу на примере развития коммуникативной компетентности будущих педагогов в процессе их участия в деятельности студенческого самоуправления. Выбор системы студенческого самоуправления обусловлен положениями известных ученых о природе компетентностей вообще и коммуникативной в частности.

Так, коммуникативные способности, по мнению И.А. Зимней, в своем содержании, во-первых, включают многие личностные качества и, во-вторых, раскрываются через определенные действия и умения [2, с. 195]. Компетентность В.А. Болотовым также трактуется как личностное качество. Природа компетентности такова, что она, будучи продуктом обучения, не прямо вытекает из него, а является, скорее, следствием саморазвития индивида, его не столько технологического, сколько личностного роста, следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта. До недавнего времени феномен компетентности связывался более всего со сферой профессионального образования. Всегда было ясно, что компетентность не тождественна «прохождению курса», а связана с некоторыми дополнительными предпосылками развития специалиста, его собственным творческим потенциалом и качеством образования, которое он получил [3, с. 10]. Не случайно, изучая проблему компетентностей будущих специалистов педагогического профиля, О.Л. Жук приходит к выводу, что компетенции, в том числе и коммуникативные, не могут эффективно формироваться в традиционных лекционно-семинарских формах на основе «готовых» знаний, умений и навыков. Компетентность как интегрированное качество развивается на основе самостоятельно приобретенного опыта решения разнообразных задач и ситуаций, имитирующих будущую профессиональную деятельность студентов с учетом ее социального контекста [4]. Следовательно, для развития коммуникативной компетентности необходимо расширение их собственной коммуникативной практики в рамках учебного и внеучебного процессов.

В нашем исследовании коммуникативная компетентность будущего учителя представляет собой интегрированную профессионально-личностную характеристику, которая включает в себя осознание значимости, понимание и знание сущностного проявления профессионально-личностной коммуникации, внутреннюю устремленность к совершенствованию своих коммуникативных качеств и стиля повседневного личностного и делового общения, что в своей совокупности определяют процесс общения студентов в условиях близких к предстоящей профессиональной деятельности. Именно внутренняя устремленность личности к совершенствованию своих коммуникативных качеств и определяет коммуникативную направленность личности будущего учителя.

Исходя из определения коммуникативной компетентности, к ее важнейшим структурным компонентам относятся: *во-первых*, знание студентами сущности коммуникативной компетентности будущего учителя и особенностей педагогического общения, что определяется их коммуникативными способностями (когнитивный компонент); *во-вторых*, собственная устремленность студентов к совершенствованию своих коммуникативных качеств и пе-

реживание внутренней потребности и установки на развитие коммуникативной компетентности (потребностно-мотивационный); *в-третьих*, коммуникативные навыки и привычки поведения будущих учителей (операционно-деятельностный); *в-четвертых*, переживания, чувства, которые будущие учителя испытывают в сложных педагогических ситуациях, что обуславливает их коммуникативную позицию и стиль по отношению к учащимся, коллегам, конфликтологическая грамотность (аффективный); и, *наконец*, коммуникативные ценности личности, направленность на сотрудничество (профессионально-личностный).

Знания о закономерностях эффективного общения будущие учителя получают при изучении психолого-педагогических дисциплин, во время практических занятий, семинаров, спецкурсов. Реализовать полученные знания помогает система студенческого самоуправления, которая способствует расширению коммуникативной практики и предоставляет возможности всем студентам развивать свои коммуникативные умения и навыки в повседневном деловом общении с однокурсниками и преподавателями. Так, в процессе деятельности органов самоуправления студенты изучают психологические особенности человека во время коллективной деятельности, анализируют социально-психологические ситуации в коллективе, знакомятся с психолого-педагогическими методами управления, учатся принимать управленческие решения, убедительно излагать свое мнение.

Собрание советов органов самоуправления превращается в групповую дискуссию, которая тоже повышает мотивацию и вовлечённость участников в решение обсуждаемых проблем. У будущих учителей появляется мотив совершенствовать свои коммуникативные навыки. Это даёт эмоциональный толчок к последующей поисковой активности участников, что, в свою очередь, реализуется в их конкретных действиях. В качестве объекта дискуссий могут выступать не только специально сформулированные проблемы, но и случаи из профессиональной практики, и межличностные взаимоотношения самих участников. Такие дискуссии способствуют уяснению каждым участником своей собственной точки зрения, и уважения к чужой, а также развивает коммуникативные качества и умения.

Кроме того, расширяя коммуникативную практику в условиях студенческого самоуправления, будущие учителя реализуют потребность в общении, так как участие в деятельности постоянных и временных органов самоуправления предполагает постоянное общение между его участниками. Примером может служить подготовка и проведение дней факультета. Это достаточно комплексное мероприятие, подготовка к которому занимает длительное время и зависит от того, как активно проявляют себя студенты. Создаются временные органы самоуправления, которые готовят различные мероприятия и коллективные дела. В процессе их деятельности у будущих учителей развиваются взаимопомощь, инициатива, творчество, ответственность и способность к продуктивному общению и сотрудничеству. Также студенты могут принимать активное участие в подготовке кураторских часов, что развивает у них любознательность, умение давать объективную оценку фактам, явлениям.

Операционно-деятельностный компонент коммуникативной компетентности характеризуется сформированностью коммуникативных умений и навыков. Он проявляется в деятельности, а именно: в умении оказывать психологическое воздействие на партнеров по общению и организовывать отношения сотрудничества. Способность к сотрудничеству предполагает умение формулировать собственную точку зрения, регулировать конфликт и находить компромиссные решения.

В процессе деятельности органов самоуправления будущему учителю ежедневно приходится решать различные коммуникативные задачи. Положение ответственного за какой-нибудь участок работы развивает инициативу и реализует потребность в социально-значимой деятельности. Участие в органах самоуправления создаёт такие ситуации, когда студент постоянно меняет свои роли от организатора до подчинённого. Он учится строить свои отношения в зависимости от своего положения и ситуации. Так, будущие учителя совершенствуют операционно-деятельностный компонент коммуникативной компетентности.

Конфликтологическая грамотность занимает важное место в системе коммуникативной компетентности будущего учителя, так как профессия педагога по своей сути является достаточно конфликтной. Вот почему огромную роль в формировании опыта отношений играет

сама позиция личности будущего учителя и ее частное проявление – конфликтная позиция. Принимаемая позиция служит показателем успешности личности, а также фактором успешного развития личностью конфликтного отношения.

На тесную связь конфликтологической компетентности с коммуникативной указывает И.И. Рыданова. Конфликтная ситуация является, как считает ученый, «всегда экстрооординарной», и «перевод ее в русло продуктивного взаимодействия требует от педагога творческого подхода, высокой коммуникативной компетентности, преодоления стереотипов авторитарной педагогики» [1, с. 135]. Конструктивно разрешаемые конфликты позитивно сказываются как на профессиональном росте учителя, так и на личностном развитии учащихся. Следовательно, будущим учителям важно быть готовым к конфликтным ситуациям в профессиональной деятельности и не бояться их, а находить конструктивные решения. Для этого им нужно обладать высокой конфликтологической коммуникативной компетентностью.

В процессе деятельности органов студенческого самоуправления совершенствуется операционно-деятельностный и аффективный компоненты коммуникативной компетентности следующим образом:

– развивается способность к продуктивному общению и сотрудничеству через деятельность временных и постоянных органов самоуправления;

– совершенствуются умения вступать в контакт с любой аудиторией (студентами, преподавателями, администрацией университета и т. д.) при решении текущих вопросов и проблем;

– развиваются умения мотивировать и аргументировать свою позицию во время общих собраний и при анализе проведенных дел и мероприятий;

– будущие учителя учатся учитывать другую точку зрения при принятии решений, продуктивно решать сложившиеся конфликтологические ситуации;

– будущие учителя приобретают умения адекватно реагировать на любую ситуацию в учебно-воспитательном процессе.

При таких условиях значительно расширяется и активизируется коммуникативное взаимодействие внутри академической группы, на факультете и в вузе.

Особенность формирования поведенческого аспекта, как подчеркивает Ф.В. Кадол, состоит в возможности влияния разнообразных видов деятельности на нравственные навыки и привычки. Так, для формирования основополагающих видов моральных отношений или личностных качеств существуют наиболее характерные виды деятельности. Например, положительное отношение к людям формируется именно в процессе общения, но только при правильно организованном и «имеющем социально-значимые цели и личностный смысл и значение» [5, с. 221]. Соответственно, не любое общение будущих учителей способно формировать коммуникативную компетентность. Деятельность же органов студенческого самоуправления связана с организацией такого взаимодействия и общения, которые затрагивают потребностно-мотивационную сферу личности будущего учителя, а, следовательно, обладают личностным смыслом и значением и направлены на реализацию социально-значимых целей.

Сформированность ценностно-личностного компонента коммуникативной компетентности будущего специалиста позволит ему реализовать на практике гуманистический принцип К. Роджерса, который направлен на принятии учащегося таким, каков он есть, и установить с ним доверительные отношения.

Развитие коммуникативной компетентности будущих учителей, по мнению Л.Н. Тимашковой, происходит при постоянном осмыслении, анализе собственной педагогической деятельности, поступков, поведения. Осознание, критический анализ, определение путей конструктивного совершенствования своей деятельности осуществляется, по мнению автора, с помощью коммуникативной рефлексии, которая также является частью коммуникативной компетентности будущего учителя [6]. Способность будущего учителя к рефлексии во многом определит характер его общения и взаимоотношения с учениками, коллегами, родителями и влияет на совершенствование его коммуникативной компетентности.

Если будущие учителя на протяжении всей своей учебы в вузе принимают активное участие в органах самоуправления, у них устанавливаются партнерские отношения с преподавателями и однокурсниками, они учатся аргументировать свою точку зрения и внимательно

прислушиваться к позиции других, что создает предпосылки для нравственного развития будущих учителей на основе гуманистических ценностей. Уважение к окружающим (сначала к однокурсникам и преподавателям, а потом к своим ученикам), как подчеркивают сторонники «гуманистического образования» (И.И. Цыркун, Е.И. Карпович, Д.И. Водзинский, А.А. Гримоть, Л.Н. Тихонов), порождает у них самоуважение. В своей профессиональной деятельности такие учителя готовы к открытому диалогу со своими учениками, у них развита эмпатия. Эти личностные качества позволяют будущим учителям воспринимать своих учеников как активных субъектов учебной деятельности, что позволяет качественно повысить уровень знаний воспитанников. Итак, обладая эмпатией, искренностью, ощущением собственной ценности и готовностью относиться к учащимся на позитивной основе, учителя способны к эффективному взаимодействию с учащимися, то есть влиять на самосознание школьников и становление их личности, могут научить их верить в себя, справляться с трудностями и в полной мере реализовать свои возможности в учебе [7]. Таким способом через участие в органах студенческого самоуправление происходит формирование всех компонентов коммуникативной компетентности будущего учителя.

В настоящее время наблюдается усиление внимания к вопросам студенческого самоуправления в ряде российских высших учебных заведениях. Отдельные аспекты раскрыты в работах О.А. Колмогоровой (средство профессионального становления студента на базе Магнитогорского государственного университета), И.Е. Тимерманис (политические аспекты студенческого самоуправления в Петербургских вузах), Т.Ю. Баландина (социологический анализ студенческого самоуправления как социокультурного феномена на примере вузов Свердловской области), В.В. Овчинникова (социальный анализ студенческого самоуправления в России), О.А. Бурякова, (Белгородский государственный институт культуры и искусства), А.В. Хащенко (акмеологический фактор профессионально-личностного развития студентов в аграрном образовании). Отдельные вопросы, связанные с организацией самоуправления в системе профессионального образования раскрыты В.М. Певзнером, А.В. Хащенко, Л.Д. Варламовой и др. Проблемы студенческого самоуправления в своих исследованиях рассматривали А.Я. Камалетдинова, Т.И. Волчок, Н.А. Помелова, И.С. Усенко, Н.Т. Шафигуллина, Т.Н. Волоткевич, А.С. Воробьева, А.И. Давыдова, Г.В. Гарбузова.

Несмотря на то, что названные авторы подчеркивают важность влияния студенческого самоуправления на коммуникативные способности, его практическую значимость для профессиональной подготовки будущих учителей, следует констатировать отсутствие в научно-педагогической литературе специальных исследований, рассматривающих студенческое самоуправление как коммуникативно-направленную деятельность. Поэтому можно сделать вывод, что коммуникативный потенциал системы студенческого самоуправления слабо реализуется на практике. В связи с тем, что в процессе подготовки будущих учителей развитие их коммуникативной компетентности осуществляется недостаточно, это отрицательно сказывается на качестве решения молодыми учителями коммуникативных проблем на практике и способствует снижению внутренней и внешней типов мотивации профессиональной деятельности. Этим и определяется актуальность развития студенческого самоуправления как коммуникативно-ориентированной деятельности будущих учителей, направленную на совершенствование их коммуникативной компетентности.

Для того чтобы развитие коммуникативной компетентности будущих учителей проходило эффективно, необходимо соблюдать ряд педагогических условий и последовательность этапов внедрения студенческого самоуправления в академической группе. Педагогические условия выступают как совокупность существенных факторов внедрения самоуправления в группе, которые способствуют развитию коммуникативной компетентности будущих учителей.

В работах современных исследователей, занимающихся проблемами студенческого самоуправления, можно встретить тезис о том, что одним из важнейших условий повышения эффективности взаимоотношений кураторов и студентов является *фасилитативный стиль педагогического сопровождения*. Такой стиль основан на положительном принятии и эмпатическом понимании студентов. Фасилитация в переводе с английского «facilitate» обозначает – облегчать, содействовать, способствовать. Соответственно это такой способ педагогического

взаимодействия, при котором кураторы и студенты могут вести себя естественно, принимать других людей и рассчитывать на принятие, стремиться к взаимопониманию и согласовывать свои позиции посредством диалога. Фасилитативный стиль педагогического сопровождения обеспечивается постоянным привлечением кураторами студентов к совместному обсуждению управленческих проблем и принятию совместных решений, что, в свою очередь, ведет к установлению фасилитативного характера отношений между управленческой и самоуправленческой структурами. Выполнение данного условия требует от кураторов решительности в постепенном предоставлении студентам реальных, а не формальных прав в решении всех вопросов жизни академических групп и вуза в целом. В этой связи воспитательная позиция куратора изменяется. Ему отводится роль консультанта, советчика и помощника. При таком понимании роли куратора, преподаватель и студент оказываются в ситуации педагогического сотрудничества.

Обязательным условием развития коммуникативной компетентности будущего учителя в системе студенческого самоуправления является совместная *аналитико-рефлексивная и корректирующая деятельность* как по ходу, так и по завершении каждого дела, события, мероприятия, организуемого органами студенческого самоуправления. Это условие способствует формированию коммуникативного опыта студентов путем расширения их активной коммуникативной практики. Анализ результатов требует определенных навыков. Часто студенты необъективно оценивают проведение того или иного совместного мероприятия. Необходимо учиться совместно и всесторонне анализировать сложившиеся ситуации.

В связи с возрастанием пассивности студентов в проявлении инициативы и активности важным условием выступает *формирование внутренней мотивации участия в органах студенческого самоуправления и совершенствования их коммуникативной компетентности*. Неотъемлемой частью воспитательного процесса является его побудительная сторона, которая обеспечивает активность личности, мотивируемую направленность участия ее в самоуправлении. Номенклатура самоуправленческих мотивов студентов довольно многообразна. В основе самоуправления студентов могут лежать широкие социальные мотивы, отражающие общественную значимость самоуправления: профессиональные, отражающие значимость самоуправления для овладения будущей профессией; познавательные (связанные с потребностью в новых знаниях); мотивы материального поощрения (стипендия, поощрение за активное участие в органах самоуправления); утилитарные (личная выгода, благополучие после окончания вуза); мотив аффилиации (стремление человека к вступлению в общение с членами своего сообщества, стремление к созданию, сохранению, восстановлению положительных эмоциональных взаимоотношений с другими людьми). Существует определенная иерархия мотивов, из которых всегда можно выделить мотив, занимающий доминирующее положение. Именно доминирующий мотив определяет общую направленность самоуправления, его место в системе отношений и ценностей будущего специалиста. Другие мотивы выполняют функции дополнительных стимуляторов воспитания. Нередко происходит смена доминирующего мотива.

Изучение мотивов участия в органах студенческого самоуправления студентов III курса факультета иностранных языков учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» показало, что для 45 % студентов оно помогает лучше готовиться к будущей профессиональной деятельности путем развития социально значимых личностных качеств. Для 36 % студентов – это возможность максимально проявить свои способности. Для 19 % студентов – это желание принять участие в процессе демократизации жизни. На этом основании можно рассматривать участие данной группы студентов в работе органов студенческого самоуправления как сознательную ориентацию на развитие у себя коммуникативных способностей, навыков организаторской работы для будущей профессиональной деятельности.

Следующим условием педагогического сопровождения является *перманентное усложнение функций* временных и постоянных органов студенческого самоуправления *и расширение их сферы деятельности*. Это позволяет куратору и группе перейти на качественно новый уровень общения и сотрудничества в процессе деятельности органов самоуправления. Студенты только начинают пробовать свои силы в управлении делами своей группы. Одновре-

менно они получают свой первый опыт, который может быть как успешным, так и нет. Как было уже отмечено, с помощью кураторов будущие учителя анализируют свои первые самостоятельные решения и корректируют свою дальнейшую работу. Добившись определенного успеха в самоуправленческой деятельности, студентам необходимо учиться дальше и не останавливаться на достигнутом. Так возникает потребность в усложнении функций временных и постоянных органов самоуправления. Только после того, как будущие учителя продемонстрировали свою компетентность в выполнении доверенных им поручений, можно постепенно наделять действующие органы более сложными заданиями и давать им возможность для проявления большей самостоятельности.

Проанализировав деятельность органов студенческого самоуправления, можно прийти к выводу, что она направлена на расширение коммуникативной практики студентов и развитие их коммуникативных умений. Кроме того, будущие учителя, участвуя в органах самоуправления, выполняют такие коммуникативные действия, которые соответствуют их будущей профессиональной деятельности. В связи с этим, студенческое самоуправление рассматривается как одно из самых эффективных методов развития коммуникативной компетентности будущих учителей.

Литература

1. Рыданова, И.И. Основы педагогики общения / И.И. Рыданова. – Минск : «Беларуская навука», 1998. – 319 с.

2. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учеб. пособие / И.А. Зимняя. – Ростов н\д. : изд-во «Феникс, 1997. – 480 с.

3. Болотов, В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.

4. Жук, О.Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода. Учебное пособие для аспирантов и студентов высших учебных заведений / О.Л. Жук, С.Н. Сиренко ; под общ. ред. О.Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2007. – 192 с.

5. Кадол, Ф.В. Честь и личное достоинство старших школьников: теория и методика формирования : монография / Ф.В. Кадол. – Гомель : ГГУ, 2002. – 282 с.

6. Тимашкова, Л.Н. Формирование коммуникативной компетентности будущих педагогов / Л.Н. Тимашкова. – Минск : БГПУ, 2003. – 121 с.

7. Водзинский, Д.И. Творение личности педагога / Д.И. Водзинский, А.А. Гримоть, Л.Н. Тихонов. – Минск : БГПУ им. М.Танка, 1998. – 174 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 11.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 681.3.068

Автоматизированная система контроля технологичности образовательного процесса

И.И. Луханин

Рассмотрена модель анализа, позволяющего на основе статистических методов определить степень технологичности учебного процесса. Методика соответствует требованиям СТБ ISO 9001-2009 «Системы менеджмента качества» и позволяет управлять эффективностью технологий обучения и контроля знаний.
Ключевые слова: образовательная технология, менеджмент качества.

The model of analysis, which allows defining the degree of manufacturability of educational process on the basis of statistical methods, is considered in the article. The methodology corresponds to the requirements of STB ISO 9001-2009 «Quality Management System" and allows managing the efficiency of technology learning and knowledge control.
Keywords: educational technology, quality management.

Проблема качества образования – одна из центральных в современной образовательной политике и науке, потому что она связана с решением комплекса задач, направленных на развитие личности с высокими нравственными устремлениями и мотивами к высокопрофессиональному труду.

В педагогической теории и практике все более осознается, что игнорирование или принижение роли в образовательном процессе какого-либо элемента или вида содержания образования наносит громадный ущерб интересам не только отдельной личности, но и всего общества.

Тем не менее, образовательный процесс является основным компонентом в системе образования. Результирующей стороной образовательного процесса выступает сложный личностно-особенный информационный продукт в форме образованности.

Понятие качества образования неразрывно связано с понятием образовательной технологии.

В документах ЮНЕСКО ***образовательная технология*** рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего учебного процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических, человеческих ресурсов и их взаимодействия [1].

Невозможно управлять машиной, если машина не слушается руля. Аналогично, вопрос о технологичности процесса ***безусловно первичен*** по отношению к вопросу об управлении качеством и далеко не очевиден в каждом конкретном случае. В этом смысле технологичность выступает необходимым условием реализации любых мероприятий в рамках СМК и определяет **постановку цели настоящего исследования** – построить и апробировать систему количественного анализа технологичности учебного процесса как необходимой предпосылки управления его качеством.

Технология анализа. Будем исходить из того, что технологичность учебного процесса состоит в его полной управляемости. Иначе говоря, наличие образовательной технологии обнаруживается и определяется именно предсказуемостью полученных результатов.

В границах семестрового образовательного процесса Международного университета «МИТСО» проводятся промежуточные контрольные срезы предметных знаний студентов в форме двух аттестаций и директорской контрольной работы (ДКР). Проводимый таким образом мониторинг дает нам обобщенные, объективные и шкалированные данные, пригодные для углубленного анализа ряда аспектов качества образования в ВУЗе.

В стандарте ISO 9000 «Системы менеджмента качества» особо выделена роль статистических методов анализа данных. «Использование статистических методов может помочь в понимании изменчивости и, следовательно, может помочь организациям в решении проблем и повышении результативности и эффективности. Эти методы также способствуют лучшему применению имеющихся в наличии данных для оказания помощи в принятии решений» (2.10. Роль статистических методов).

СТБ ISO 9001-2009 требует «…применять соответствующие методы для мониторинга и, если применимо, измерения процессов системы менеджмента качества. Эти методы должны демонстрировать способность процессов достигать запланированных результатов. Если запланированные результаты не достигаются, должны быть предприняты соответствующие коррекции и корректирующие действия» (8.2.3. Мониторинг и измерение процессов [2]).

Двигаясь в русле требований стандартов, определим ***верхнюю границу необходимых условий***, дающих основание утверждать о наличии образовательной технологии, следующим образом: кривая успеваемости в течение семестра при каждом последующем срезе должна параллельно сдвигаться вверх (кривые 1, 2 на рисунке 1).

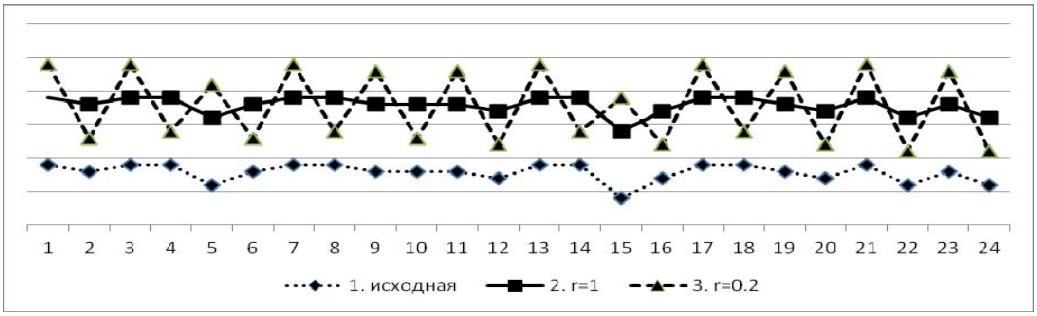


Рисунок 1 – Кривые успеваемости (разнесены условно. При одинаковом росте средней успеваемости кривых 2 и 3 ситуация с технологичностью существенно разная)

Действительно, вполне логичным видится одинаковое приращение успеваемости для всех студентов, погруженных в ***технологичный*** образовательный процесс, и, наоборот, можно ***определенно утверждать об отсутствии*** какой-либо технологии, если эти приращения непредсказуемы (кривые 1, 3). Таким образом, мы исходим из ситуации, ***определенно несовместимой*** с технологичным процессом, и в этом смысле сформулированные выше условия являются необходимыми.

Перейдем к формализации условий.

Параллельный сдвиг кривой характерен тем, что, зная значение в одной точке сдвинутой кривой, мы можем однозначно предсказать значения во всех остальных ее точках по значениям исходной. В статистике в этом случае говорят о наличии корреляции между двумя переменными с коэффициентом корреляции, равном единице. Работая с интервальными шкалами, мы будем использовать коэффициент корреляции Пирсона ***r***, указывающий на меру линейной зависимости переменных. Значения коэффициента корреляции будем трактовать в соответствии с общепринятой интерпретацией, приведённой в таблице ниже.

Таблица 1 – Значения коэффициента корреляции

Значение *r*	**Интерпретация**
до 0,2	Очень слабая корреляция
до 0,5	Слабая корреляция
до 0,7	Средняя корреляция
до 0,9	Высокая корреляция
свыше 0,9	Очень высокая корреляция

Для определения направления и величины сдвига кривой успеваемости будем использовать разность в соседних срезах ее среднего значения по группе.

Таким образом, переходя от графического языка представления к языку статистического анализа, переформулируем условия следующим образом:

1. коэффициент корреляции Пирсона успеваемости соседних срезов близок к единице;
2. последующая средняя успеваемость ***не менее*** предыдущей;
3. результаты статистически значимы.

Остановимся на третьем условии, поскольку его невыполнение не позволяет трактовать результаты успеваемости более широко, чем частный случай из жизни учебной группы. На-

ша же задача – определить, в какой мере эти результаты ***обусловлены внутренними факторами*** учебного процесса, системны и проявятся в будущем.

Для обобщения или генерализации результатов данные должны быть подвергнуты ряду статистически корректных процедур. В нашем случае это, в первую очередь, проверка на нормальность распределения частот оценок успеваемости (тест Колмогорова-Смирнова). Этот важный тест определяет выбор следующего инструмента исследования. При его положительном исходе далее проводится ***t***-тест для повторных выборок ($p = 0.05$), в противном случае – непараметрический тест Уилкоксона [3] для наборов «аттестация – ДКР» и «ДКР – экзамен». На рисунке 2 изображена схема генерализации в нотации IDEF3.

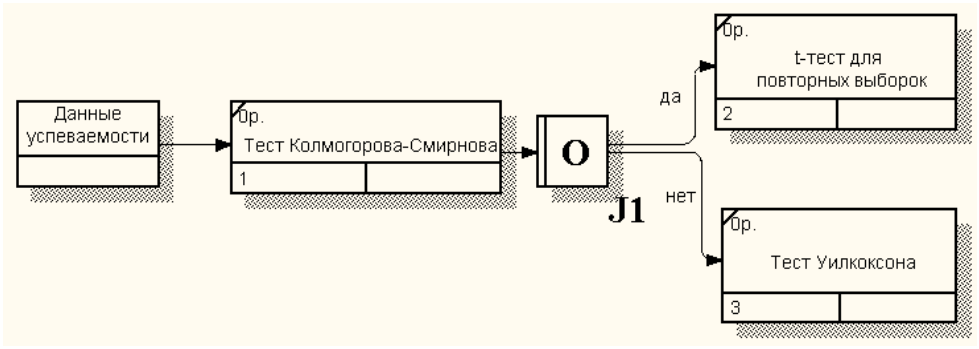


Рисунок 2 – Схема генерализации данных

Говорить об изменении средней успеваемости, как и о значении коэффициента корреляции, мы будем только в случае получения статистически значимого результата. Только это дает нам основание полагать, что изменение успеваемости произошло системно, под воздействием факторов, обеспечивающих учебный процесс.

На рисунке 3 в качестве примера представлен скриншот результатов обработки пары значений «ДКР-экзамен», полученные в программе SPSS после положительного исхода теста на нормальность распределения.

PairedSamplesStatistics

		Mean	N	Std. Deviation	Std. ErrorMean
Pair 1	dkr	*8,2105*	19	,71328	,16364
	exam	*8,5263*	19	,96427	,22122

PairedSamplesCorrelations

		N	*Correlation*	*Sig.*
Pair 1	dkr&exam	19	*,718*	*,001*

PairedSamplesTest

		PairedDifferences					t	df	*Sig.(2-tailed)*
		Mean	Std. Deviation	Std. Error-Mean	95% Confidence Interval of the Difference Lower	Upper			
Pair 1	dkr - exam	-,31579	,67104	,1539	-,63922	,00764	-2,05	18	*,050*

Рисунок 3 – Результат обработки пары наборов успеваемости

Как видим, приведенные данные обнаруживают высокую (0.718) значимую (0.001) корреляцию и положительный сдвиг достаточно высокой средней успеваемости (8.2–8.5) при статистической значимости результата (двусторонняя значимость = 0.05).

Рассмотрим и прокомментируем четыре возможных исхода обработки данных в зависимости от выполнения сформулированных условий.

1. Выполняются первые два условия (выполнение третьего обязательно в любом случае и не обсуждается) – есть убедительные доводы в пользу наличия образовательной технологии в рамках данного процесса (семестр, дисциплина, преподаватель). См. кривые 1, 2 на рисунке 1.

2. Выполняется только условие 1 – на первый взгляд, системное понижение успеваемости. Может встречаться в паре «аттестация-ДКР» из-за более высоких требований к директорской контрольной работе. Однако, наличие системности, на наш взгляд, делает этот исход предпочтительнее следующего.

3. Выполняется только условие 2 – технология не просматривается при наличии прогресса. (Вероятно, созданы общие для всех благоприятные условия для учебы и не более). См. кривые 1, 3.

4. Оба условия не выполнены – есть опасения о бесконтрольности процесса (положительный тест на ***отсутствие эффекта обработки***).

Результаты исследования. Исследовались пары показателей успеваемости на последовательных срезах «аттестация – ДКР» и «ДКР – экзамен» в четырех группах 5-го курса в 22-х семестровых учебных процессах Гомельского филиала МИТСО. ***Одной из целей*** исследования была оценка адекватности и чувствительности системы контроля. Невозможность по понятным причинам постановки модельного эксперимента компенсировалась в нашем случае значительным фактическим материалом и повторным характером измерений.

В целом нужно отметить высокую степень достоверности полученных результатов:

1. все четыре возможных исхода имели место;

2. в 86 % случаев обнаружения технологичности в одном из пары срезов, она обнаружилась во втором;

3. в 100 % случаев нашлось подтверждение того, что уровень технологичности учебного процесса, обеспеченный преподавателем, не зависит от учебной группы.

Другими словами, описанная методика «видит» образовательную технологию, если она есть, и однозначно определяет ее отсутствие.

Подводя итоги, отметим следующее:

1. Разработана и успешно апробирована в Гомельском филиале Международного университета «МИТСО» система контроля технологичности учебного процесса, основанная на строгих статистических методах.

2. Система позволяет на основе анализа результатов текущей успеваемости предпринимать корректирующие и предупреждающие действия в рамках реализации стратегических целей по управлению эффективностью технологий обучения и контроля знаний.

3. Система проста в применении, дает объективные результаты и может быть рекомендована для использования в системе образования.

Литература

1. Образовательные технологии [Электронный ресурс]. – 2015. Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Образовательные технологии. – Дата доступа : 19.02.2015.

2. Системы менеджмента качества [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://www.pac.by/dfiles/000777_290559_90012009.doc. – Дата доступа : 19.02.2015.

3. Брююль, А., Цефель, П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / А. Брююль, П. Цефель. – DiaSoft, 2005. – 603 с.

Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Поступила в редакцию 12.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 811’272

Менталитет носителя изучаемого языка и процесс межкультурного общения

Т.В. Починок

Рассматривается влияние менталитета носителя изучаемого языка на процесс межкультурного общения. Выявлена специфика межкультурного общения и обосновано положение о том, что национально-культурные различия носителей разных культур обусловлены менталитетом, который представляет собой синтез универсальных и специфических характеристик. Приведен пример сравнительно-сопоставительного анализа менталитета носителей американской и русскоязычной лингвокультур и его влияние на речевое поведение коммуникантов.
Ключевые слова: межкультурное общение, менталитет, этнос, носитель изучаемого языка, речевое поведение.

This article examines the impact of the mentality of the speaker of a foreign language on the process of intercultural communication. The specificity of intercultural communication is singled out and the statement that national and cultural peculiarities of the speakers of different cultures are due to the mentality, which is a synthesis of universal and specific characteristics, is justified. The example of the comparative analysis of the mentality of the American and Russian speakers is given and its influence on the verbal behavior of the communicators is revealed.
Keywords: intercultural communication, mentality, ethnicity, the speaker of a foreign language, verbal behavior.

Процесс межкультурного общения (МКО) характеризуется взаимодействием разных культур, в результате чего происходит актуализация общечеловеческого и специфического каждой культуры. Участники МКО – это личности, несущие конкретное историческое содержание той или иной эпохи и отличающиеся друг от друга основополагающими ценностными ориентациями, особенностями мировосприятия, которые определяют их глубинную человеческую сущность. Вследствие социокультурного своеобразия взаимодействующих культур, процесс МКО приобретает специфический характер.

По мнению В.В. Сафоновой, МКО представляет собой «функционально обусловленное взаимодействие людей, выступающих носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими или другими людьми их региональным, религиозным, национальным, этническим сообществам, а также социальным субкультурам» [1, с. 12]. Межкультурный диалог основан на глубинной диалектике различия партнеров, которые могут отличаться друг от друга ценностно-ориентационным мировидением, образом и стилем жизни, моделями речевого поведения. Однако через сопоставление себя с другим, с иной культурой в процессе диалога культур, осуществляется самоутверждение и осознание степени своей оригинальности. В процессе межкультурного диалога происходит выработка нового для участников акта общения значения производимых и воспринимаемых действий и их мотивов на основе «рождения общности» участников. По мнению Л.М. Баткина, особенностью диалога, в том числе и межкультурного диалога, является «столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру» [2, с. 152]. Именно человеческое, гуманистическое, нравственное в каждой культуре, является основой общности представителей разных культур.

Противоречие процесса МКО характеризуется тем, что стремление к единству, общности представителей разных культур может приводить не только к взаимопониманию и взаимообогащению, но и к появлению и расширению общего, универсального и интернационального. Данное противоречие может быть разрешено на основе постоянного воспроизводства неповторимого и оригинального в культуре во избежание угрозы ее исчезновения. Сохранение национально-специфического в каждой культуре является стимулом взаимодействия представителей разных культур. Следовательно, общность иноязычных коммуникантов в процессе МКО должна основываться на восприятии действительности сквозь призму

нескольких культур одновременно, при этом каждый из участников сохраняет свою неповторимую индивидуальность, социальную идентичность и культурную принадлежность. Таким образом, взаимодействие общечеловеческого и национального придает процессу МКО специфический характер.

Специфика процесса МКО обосновывается тем, что в основе мировосприятия и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем. Б.Х. Бгажноков отмечает, что «манера понимать вещи, разговаривать и выражать свои чувства, даже в отношении к одним и тем же явлениям, неодинакова у разных людей, живущих в разных условиях» [3, с. 136]. Сознание несёт на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. По мнению Н. Джандильдина, причиной психологических различий представителей разных культур является то, что «исторические судьбы народов не одинаковы, материальные условия их жизни не тождественны, что человеческая психика имеет свойство приспосабливаться к условиям окружающей среды и отражать ее существенные черты и особенности» [4, с. 4]. Сознание человека этнически обусловлено в силу разных условий прохождения социализации, культурной специфики традиций и обычаев, территориально-географического положения и других факторов. Л.Н. Гумилёв полагает, что определённая национально-культурная специфика организации речевого общения во многом отражает неэксплицируемые в самом общении ментальные «этнические ритмы», которые затрудняют общение и приводят к негативному восприятию всей межкультурной коммуникации [5]. Таким образом, национально-культурная специфика сознания или образа мира представителей того или иного сообщества влияет на их речевое поведение в процессе МКО и определяет его.

Национально-культурные различия носителей разных культур обусловлены *менталитетом*, который детерминирован культурой и опытом исторического развития и управляет поведением представителя одной культуры при взаимодействии с представителем иной культуры. В понятии «менталитет» следует различать: 1) индивидуальный менталитет – на уровне конкретной личности; 2) общественный менталитет – на уровне групп, коллективов, сообществ, отличающихся по национально-этническим, классовым, профессиональным, возрастным или иным признакам; 3) менталитет социума или этноса – «на уровне интегрально понимаемого общества, объединяющего все входящие в него сообщества, коллективы и группы, всех индивидов, то есть всего народа, проживающего и жизнетворящего на данной исторически сложившейся территории, в определённой социально-государственной среде и непрерывно воспроизводимого в сменяющих друг друга поколениях» [6]. Анализируя понятие «менталитет», мы имеем в виду, прежде всего категорию «менталитет социума/этноса», так как именно этнический менталитет характеризует этнос в целом и отражает жизненные приоритеты, смыслосозидающие ценности представителей этнической общности, характеризуя тем самым их традиции и культуру. Будучи структурообразующим элементом этногенеза, менталитет формируется, сохраняется и воспроизводится в этносе [7]. В настоящем исследовании «менталитет этноса» определяется как непрорефлексированное, эмоционально-окрашенное мировидение, которое включает в себя мировосприятие, мироосмысление и мирооценивание. Мирооценивание на основе мировосприятия и мироосмысления формирует шкалу ценностей и систему нравственных приоритетов данной культуры, которые в свою очередь определяют модели поведения всех членов общества по линиям «личность – личность» и «личность – общество» [8, с. 53]. Из определения следует, что структура этнического менталитета включает:

а) мировидение (мировосприятие, мироощущение, мирооценку);

б) систему ценностей и шкалу нравственных приоритетов;

в) модели поведения;

г) стратегии поведения.

Менталитет создается из поколения в поколение, и каждый исторический этап оставляет на нем свой отпечаток. Вследствие общности менталитета, представители этнокультурной общности обнаруживают относительно однообразное поведение в сходных ситуациях. Л.С. Выготский, Г.Г. Шпет, Б.Ф. Поршнев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев подчеркивают роль

этнического в социальном взаимодействии представителей разных культур и доказывают, что этнические различия в психологии народов являются неоспоримой реальностью. Этническое – это явление социально-психологическое, представляющее собой целостную систему отношений личности к явлениям окружающей действительности. Менталитет раскрывается через систему отношений, которая включает взгляды, оценки, нормы и умонастроения, основывающиеся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающие иерархию ценностей, которые, в свою очередь, проявляются в убеждениях, идеалах, склонностях, интересах, социальных установках. Отношения человека позволяют формулировать мнения, убеждения, оценки. Система отношений личности имеет свою специфику в зависимости от ее культурной принадлежности. Этноспецифичность отношений проявляется в том, что они представляют собой не только способ проявления, но и способ существования и содержание культуры вообще. Этноспецифичные отношения представителей данной лингвокультуры к труду, старшим, детям, природе, власти и т.д. являются единицами менталитета. Этнические отношения носителей лингвокультуры актуализируются только во взаимодействии представителей разных этносов, обусловливая разное восприятие и понимание действительности.

Менталитет представляет собой синтез общечеловеческих и самобытных, специфических характеристик. Общность черт национальной психологии, по мнению Н. Джандильдина, является неоспоримым фактом, так как без неё национальная общность сводилась бы к сумме внешних, объединительных признаков, а сама нация осталась бы внутренне разрозненной в смысле этнопсихологической разобщенности [9, с. 27]. Любая этнопсихологическая черта может и не быть исключительно принадлежностью одной нации, но проявление ее у разных народов имеет свою специфику. Н. Джандильдин отмечает, что нации отличаются не по характеру их психологии в целом, а по форме проявления того национально-особенного, которое является атрибутом психологии каждой их них. Все зависит от того, какое нормативно-оценочное значение данное свойство имеет и в каких формах оно реализуется в поведении. Если та или иная этнопсихологическая черта особо заметно выделяется своей яркостью, колоритом и придаваемым ему значением среди представителей данной культуры, то данную черту обычно считают характерной этнопсихологической чертой [9, с. 9]. Следовательно, менталитет носителей той или иной культуры специфичен и типичен одновременно, поскольку представляют собой соотношение тесно взаимосвязанных психологических качеств, типичных для всего человечества. Приведем пример сравнительно-сопоставительного анализа менталитета носителей американской и русскоязычной лингвокультур.

В основе менталитета носителей американской лингвокультуры лежат ценность «индивидуализм» и пространственно-психологическое понятие «privacy» («личная свобода»), которые имеют первоочередное положительное значение в англоязычной культуре, в особенности в американской культуре, и обозначают веру в значимость индивидуума, установку на самодостаточность, самореализацию и личную свободу, ответственность за самого себя и право на личный выбор [10, с. 199–200]. Стремление полагаться только на собственные силы ассоциируется с ценностью свободы – одной из важных ценностей американского общества. Это находит проявление и в личных взаимоотношениях американцев, которые ценят как близкие взаимоотношения, так и независимость и право на частную жизнь. Если у друга американца возникла какая-то жизненная проблема, то он в данной ситуации может сказать: «Let me know if there’s anything I can do for you» («Дай знать, если я смогу тебе чем-нибудь помочь»). Если определённого ответа американцу дано не было, то он вполне может подумать, что друг справится с проблемой сам и для этого его другу необходимо время и уединение (‘privacy’). Вряд ли в такой ситуации американец будет часто звонить ('sympathy calls') или часто навещать своего друга. Однако, во избежание обобщений, следует заметить, что всё зависит от степени серьёзности проблемы и характера взаимоотношений.

Индивидуализм американцев находит своё проявление в стремлении сохранить коммуникативную дистанцию с собеседником, что реализуется в тематической лимитированности общения. По результатам эксперимента, проведенного исследователем Н.О. Фоминой среди американских студентов, были продемонстрированы следующие приоритеты в выборе темы для разговора: 1) вопросы индивидуальных интересов и личных целей; 2) отношение к работе,

учёбе; 3) вопросы социальной жизни; 4) проблемы финансового и физического состояния [11, с. 77]. Вопросы личного характера считаются нежелательными с точки зрения представителей американской лингвокультуры.

Содержательный аспект американского речевого поведения характеризуется эмоциональной сдержанностью и склонностью к поверхностной и формальной стороне беседы, как правило, исключающей глубокое и серьёзное обсуждение и не предполагающей высокой степени откровенности.

Сохранение коммуникативной дистанции как особенность американской вербальной коммуникации проявляется в том, что в американской коммуникативной культуре советы ограничены и предпочтение отдаётся не прямым, а косвенным способам выражения совета. В трудной ситуации американцы могут и не обратиться за советом, полагая, что справятся с ней самостоятельно. С другой стороны, они предпочитают и сами не давать советы. Принцип «полагаться на себя» (‘self-reliance’) проявляется в том, что все свои проблемы американцы должны решать самостоятельно и стараться крепко стоять на ногах (‘stand on their own feet’). Вследствие этого, совет в основном даётся в форме выражения собственного мнения, в то время как в русской культуре совет чаще всего воспринимается как социально-позитивный акт, проявление солидарности, помощи, что даёт право русским коммуникантам давать советы в форме наставления и указания, как поступить. Непрошенный совет, типичный для русскоязычной лингвокультуры, является нетипичным феноменом для английской и американской культур.

На невербальном уровне американская коммуникативная культура, как правило, остаётся бесконтактной [12, с. 101–110]. В русскоязычной культуре чаще, чем в американской, используются контактные жесты, несмотря на то, что американцам характерна привычка «похлопывать друг друга по плечу» (‘back slapping’). Одно из основных правил американского общения: «Don’t touch people when speaking with them» («Не дотрагивайся до того, с кем ты разговариваешь»). Однако в то же самое время американцы считают, что если рукопожатие сопровождает вербальное общение, оно должно быть крепким и твёрдым – как показатель уверенности, слабое рукопожатие интерпретируется как слабость характера и отсутствие внутренней силы. Следует отметить, что американская коммуникативная дистанция обозначает личное пространство радиусом не менее полуметра, в которое не должен вторгаться никто посторонний. Если человек приближается слишком близко, он должен извиниться. Кроме того, американская речь более громкая, чем в европейских странах. В русской и белорусской культурах близкая дистанция и прикосновение в процессе общения, напротив, считаются символами дружбы, верности, искренности и любви. Американский индивидуалистский подход к жизни может быть воспринят русскоязычным коммуникантом как эгоцентричный и обособленческий, что может препятствовать достижению взаимопонимания в процессе МКО. Для носителей русскоязычной культуры характерен коллективизм, который выражается в ориентировке на групповые ценности в противовес индивидуальным, склонности к тесным личным взаимоотношениям и крепким семейным узам [10].

Таким образом, национально-культурные особенности носителей разных лингвокультур обусловлены этническим менталитетом, который определяет этнокультурную специфику отношений личности к явлениям окружающей действительности и обусловливает разное восприятие и понимание действительности. Эффективность взаимодействия определяется тем, насколько обучаемые учитывают специфические черты менталитета носителя изучаемого языка и опираются на универсальные характеристики.

Литература

1. Современные проблемы языкового образования: науч.-мет. сб. ст.; под. ред. В.В. Сафоновой : в 2 ч. – М. : Еврошкола, 2001. – Ч. 1 – 127 с.

2. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъективных отношений / М.С. Каган. – М. : «Политиздат», 1988. – 319 с.

3. Бгажноков, Б.Х. Национальная культура и проблема этнографического изучения коммуникативного поведения / Б.Х. Бгажноков // Национальная культура и общение : материалы конф. АН СССР, Ин-т языкознания / Кабардинобалкар. гос. ун-т ; под ред. Б.Х. Бгажноков [и др.]. – М., 1977. – С. 15–17.

4. Джандильдин, Н. Природа национальной психологии / Н. Джандильдин. – Алма-Ата : «Казахстан», 1971. – 303 с.

5. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – СПб. : Азбука – классика, 2002. – 608 с.

6. Гершунский, Б.С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия = Russia and the USA at the threshold of the third millennium : опыт эксперт. исслед. рос. и амер. менталитетов / Б.С. Гершунский. – М. : Флинта, 1999. – 599 с.

7. Кириенко, В.В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ) : автореф. дис. … д-ра социолог. Наук : 22.00.06 / В.В. Кириенко ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2007. – 30 с.

8. Корнилов, О.А. Доминанты национальной ментальности в зеркале фразеологии / О.А. Корнилов // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурн. коммуникация. – 2007. – № 2. – С. 53–66.

9. Джандильдин, Н. Природа национальной психологии / Н. Джандильдин. – Алма-Ата : «Казахстан», 1971. – 303 с.

10. Леонтович, О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О.А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – 399 с.

11. Фомина, Н.О. Ценностные аспекты межкультурной коммуникации: личностный уровень : дис. … канд. философ. Наук : 09.00.11 / Н.О. Фомина. – М., 1999. – 135 л.

12. Levine, R. Beyond Language. Cross-Cultural Communication / R. Levine. – New Jersey, 1993. – 286 p.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 372.851

Построение интегративных связей в процессе преподавания математики на примере решения одной задачи множеством способов

А.Б. Прусак

Представлен метод, позволяющий учащимся изучать математику как целостную науку посредством решения одной задачи разными способами. Приведены примеры задач и рассмотрены разные способы их решений, относящиеся к одному или разным разделам математики. Описана методика этого творческого, развивающего подхода. В статье объяснено, какие изменения призван внести интегративный подход в подготовку студентов, получающих педагогическое образование.
Ключевые слова: решение задачи разными способами, математика как целостная наука, интегративные связи, математическое мышление, математическое творчество, взаимное обучение учеников.

A method that allows students to study mathematics as an integrated discipline by solving one problem in different ways is presented. The examples of problems are given and different ways of their decisions relating to the same or different branches of mathematics are considered. This approach is considered as a creative one. In addition, the paper describes the contribution of this integrative approach to prospective teachers training.
Keywords: solving a problem in different ways, Mathematics as a holistic discipline, integrative connections, mathematical thinking, mathematical creativity, peer teaching.

Введение. Актуальность темы для учащихся и учителей. В педагогической литературе подчеркивается, что в процессе обучения математике очень важно, чтобы учащиеся воспринимали математику как *целостную науку*, в которой все темы (разделы) взаимосвязаны. Для глубокого понимания и решения задачи учащийся должен соединить разные области математики [1], [2]. Поиск учащимися различных способов решения одной задачи – один из путей осуществления этой цели, развивающий математическое творчество учащихся. Определяя три основные свойства математического творчества учащегося (и не только одаренного учащегося): генерация идей, гибкость, новизна, Сильвер подчеркивает, что решение задач разными способами развивает эти свойства. Это происходит, когда ученики находят новые способы, анализируют, сравнивают и обобщают особенности разных способов в ходе обсуждения на уроке [3]. Лейкина утверждает, что развитие привычки решать одну задачу разными способами поднимает математическое мышление на более высокий уровень, и предлагает использовать этот подход, чтобы связать знания в разных областях математики и таким образом закрепить знания в каждой из этих областей [4]. Однако обычно в учебниках математики задачи классифицированы по темам в соответствии с учебными программами, поэтому многие ученики «точно знают», к какой теме принадлежит задача, и думают, что для каждой задачи можно найти «одно единственное решение» [5].

В Израиле, в соответствии с новой реформой школьного образования, это направление провозглашено в качестве центрального в школьном курсе математики. Реформа подчеркивает, что одним из путей осуществления этой цели является поиск учащимися различных способов решения одной и той же задачи. Актуальность темы усиливает тот факт, что сегодня на экзаменах на аттестат зрелости в израильских школах нет ограничений на использование математических тем при решении задач, и каждая изученная тема может использоваться учеником как инструмент для решения любой задачи (например, задачу по теме «Стереометрия» ученик может решить с помощью векторов и т. п.). Причем, требование Министерства просвещения относится не только к старшим классам (10–12 классы), но и к средней школе (7–9 классы). (Якель и Кобб рекомендуют использовать этот подход, начиная с начальный школы [6]).

Ориентация на интегративные связи между разделами школьного курса математики призвана внести *изменения в подготовку студентов*, получающих педагогическое образование. На математических курсах, которые преподаю, отдельная тема – «Решение одной задачи

разными способами». Как правило, эта тема завершает курс, и студенты обучаются поиску разных способов решения внутри одного раздела, а также способов, относящихся к разным разделам математики, и собирают в свою «методическую копилку» новые интересные идеи. На экзаменах на математических курсах в качестве обязательного задания студент должен решить одну из предложенных задач двумя способами. В курсы «Методика преподавания математики» и «Развитие математического мышления» (курс для студентов, обучающихся на вторую академическую степень, все они – учителя в школах), также включена тема «Интеграция между различными разделами математики и пути ее использования в преподавании». Студенты решают задачи разными способами в рамках одной или разных математических тем.

Методика и примеры. Решение математических задач разными способами развивает у ученика много важных способностей, в том числе умение предвидеть результат и способности разумно искать правильный путь в запутанных условиях задачи. Учитель должен стремиться к тому, чтобы ученик, прочтя задачу и еще не производя никаких действий, научился видеть, какой способ не пригоден, а какой может быть использован. Такое умение вырабатывается в процессе решения одной и той же задачи разными способами. Именно поэтому часто полезнее решить одну и ту же задачу тремя различными способами, чем решить три различные задачи одним способом.

– Разные способы решения одной задачи, использующие материал темы, на языке которой сформулирована задача. Идея этого подхода в том, что одна и та же задача переходит из темы в тему и «сопровождает» учащихся при изучении разных тем школьного курса математики. В каждой теме она решается с помощью математического материала (понятий, теорем, формул), относящегося к этой теме. Ниже пример такой задачи (взята из школьного учебника по геометрии для 10 класса).

Задача. Две окружности пересекаются в точках A и B так, что их диаметры AC и AD перпендикулярны (рисунок 1). Доказать: $AB^2=CB\cdot BD$.

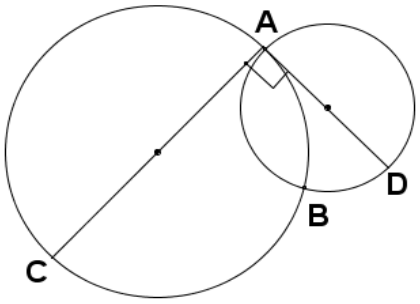
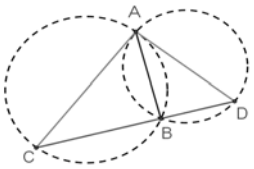
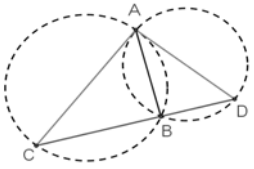
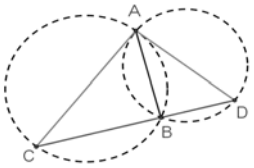
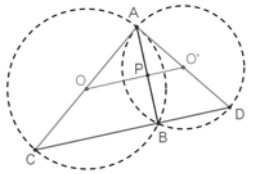
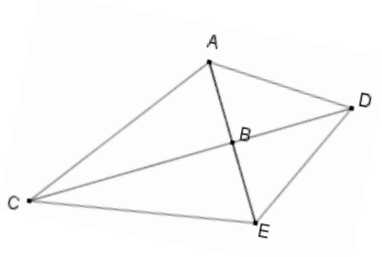


Рисунок 1 – Данный в задаче чертеж

Перед учениками ставилась цель найти максимально возможное количество способов ее решения. У каждого способа есть автор, имя которого обязательно записывается на классной доске. Этот организованный поиск новых способов решения позволил повторить, применить и закрепить изучаемую тему. На уроке происходило взаимное обучение учеников, обмен идеями и накопление новых идей, почерпнутых из найденных способов. В процессе изучения геометрии учащиеся нашли более десяти различных способов решения этой задачи. Ниже в таблице 1 приведены краткие пояснения к некоторым из них с указанием темы урока, на котором этот способ может быть рассмотрен. (Несомненно, что кроме представленных в таблице решений, имеются и другие, не менее интересные). Студентам на курсе Евклидовой геометрии в теме «Разные способы решения одной задачи» предлагалось найти как можно больше способов решения, проанализировать и сравнить методику и специфику их преподавания.

Решение задачи. Сначала доказывается, что три точки C, B, D лежат на одной прямой (используется теорема о вписанном угле, опирающимся на диаметр), и отсюда следует, что CD гипотенуза прямоугольного треугольника CAD.

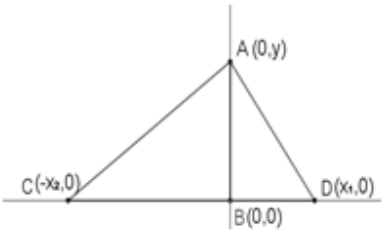
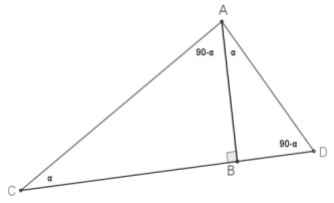
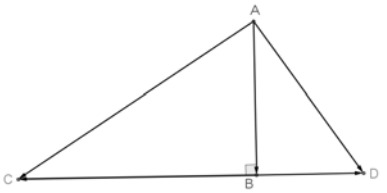
Таблица 1 – Способы решения задачи с помощью разных тем геометрии

Номер способа	Тема урока (новая тема или повторение)	Чертеж и дополнительное построение	Идея способа и указания к решению
1	Подобные треугольники	Общая хорда AB, отрезки CB и BD. 	1. Доказать подобие прямоугольных треугольников ΔABD и ΔCBA. 2. Записать пропорцию для соответствующих сторон, и по свойству пропорции (произведение крайних членов равно произведению средних членов пропорции) получить требуемое.
2	Теорема о касательной и секущей к одной окружности, выходящих из одной точки вне ее	Общая хорда AB, отрезки CB и BD. 	1.По теореме о касательной и секущей к большой окружности $AD^2 = CD \cdot BD$ 2. По теореме Пифагора в ΔABD $AB^2 + BD^2 = AD^2$ 3. Подставить 1 в 2, перенести BD^2 в правую часть равенства и вынести общий множитель BD. Заменить $CD - BD$ на CB.
3	Теорема Пифагора	Общая хорда AB, отрезки CB и BD. 	1. Записать теорему Пифагора для ΔABD и ΔABC и сложить почленно эти равенства. 2. В полученном равенстве заменить по теореме Пифагора для ΔACD. $AD^2 + AC^2 = CD^2$ 3. Заменить $CD = CB + BD$ и раскрыть формулу квадрата суммы для $(CB + BD)^2$, а затем упростить .
4	Теорема о средней линии треугольника Теорема о высоте, проведенной к гипотенузе в прямоугольном треугольнике	Отрезок, соединяющий центры данных окружностей. Общая хорда AB, отрезки CB и BD. 	1. По теореме о высоте, проведенной к гипотенузе в прямоугольном треугольнике ΔOAO' $AP^2 = OP \cdot O'P$ 2. По теореме о средней линии треугольника $OP = \frac{1}{2}CB$; $O'P = \frac{1}{2}BD$ 3. Доказать, что $AP = \frac{1}{2}AB$ 4. Подставить формулы 2 и 3 в 1.
5	Теорема о пропорциональных отрезках, образующихся при пересечении двух хорд в окружности	Построить ΔCED, симметричный ΔCAD относительно отрезка CD. 	1. Доказать конгруэнтность ΔCAD и ΔCED. 2. В четырехугольнике ADEC $\angle A + \angle E = 180^\circ$, поэтому его можно вписать в окружность. 3.По теореме о пропорциональных отрезках, образующихся при пересечении двух хорд в окружности, получаем $CB \cdot BD = AB \cdot BE$. 4. Поскольку $BE = AB$, остается подставить это равенство в 1.

– Разные способы решения одной задачи, использующие материал из других разделов математики. Учащиеся возвращались к рассмотренной выше задаче при изучении раз-

ных тем математики, и в каждой теме способ ее решения они связывали с материалом этой конкретной темы. Ниже в таблице 2 приводятся способы решения той же задачи, в которых используются такие математические инструменты как аналитическая геометрия, тригонометрия и векторы.

Таблица 2 – Способы решения задачи с помощью разных разделов математики

Способ	Чертеж	Указания к решению
аналитическая геометрия		1. Поместим ΔACD в систему координат так, что точка B совпадет с началом координат, а ось Y пройдет через высоту AB. Обозначим координаты вершин: A (0, y), C ($-x_2$, 0), D (x_1, 0), B (0, 0). 2. ΔCAD прямоугольный, поэтому произведение угловых коэффициентов отрезков AC и AD равно -1, т.е. $m_{AD} \cdot m_{AC} = -1$ $m_{AD} = \frac{y}{-x_1}$; $m_{AC} = \frac{y}{x_2}$ 3. Перемножив почленно эти равенства, получим $y^2 = x_1 \cdot x_2$ Поскольку $y = \lvert AB \rvert$, $x_1 = \lvert BD \rvert$, $x_2 = \lvert BC \rvert$, получили требуемое.
тригонометрия		1. Доказать, что $\angle$ ACB = $\angle$ BAD. 2. В прямоугольном ΔABC выразим $AB = CB \cdot \tan\alpha$ 3. В прямоугольном ΔABD выразим $AB = BD \cdot \cot\alpha$ 4. Умножим почленно оба равенства, учтем, что $\tan\alpha \cdot \cot\alpha = 1$, и получим требуемое.
векторы		1. Поскольку $\overrightarrow{AC}$ и $\overrightarrow{AB}$ перпендикулярны, выполняется $\overrightarrow{AC} \cdot \overrightarrow{AD} = 0$ В прямоугольных треугольниках ΔABC и ΔABD выполняется $\overrightarrow{AC} = \overrightarrow{AB} + \overrightarrow{BC}$ $\overrightarrow{AD} = \overrightarrow{AB} + \overrightarrow{BD}$ 2. Подставив эти равенства в формулу пункта 1, раскрыв скобки, и учитывая, что: $\overrightarrow{AB} \cdot \overrightarrow{BC} = 0$ и $\overrightarrow{AB} \cdot \overrightarrow{BD} = 0$ получим $\overrightarrow{AB} \cdot \overrightarrow{AB} + \overrightarrow{BC} \cdot \overrightarrow{BD} = 0$ 3. Применяя определение скалярного произведения, и учтя, что угол между $\overrightarrow{BC}$ и $\overrightarrow{BD}$ равен 180º, получим требуемое.

Опыт показывает, что когда ученики или студенты решают одну и ту же задачу различными способами, они глубже понимают специфику того или иного способа, его преимущества и недостатки в зависимости от содержания задачи. На уроке разные способы решения сравниваются по критериям, установленным учителем вместе с учениками, а иногда проводятся соревнования: какой способ самый красивый, оригинальный, элегантный, интересный, короткий и т. п.

В процессе поиска нового способа решения учащиеся определяют *тему-помощник* (например, в таблице 2 тема «Векторы») и *тему-источник* (таблица 2 – «Геометрия»).

Вместо задач, «сопровождающих» учеников в разных темах, можно использовать и теоремы (например, теорему Пифагора учащиеся могут доказывать в разных классах разными способами – в соответствии с темой урока).

В начале изучения очередного нового математического раздела, *на первом уроке по новой теме* каждый ученик получает лист с задачами и теоремами, относящимися к изученным ранее темам математики, которые можно решить с помощью новой темы. Задачи и теоремы на листе классифицированы по принадлежности к темам. Конечно, на этом этапе ученик не умеет их решать, но может видеть, что новая тема – это тема-помощник, поскольку является инструментом для решения задач из других тем (в том числе для доказательства известных ему теорем другим способом). Это усиливает мотивацию ученика начинать и продолжать

изучение нового математического инструмента. В процессе изучения темы мы возвращаемся к этим задачам, и ученики испытывают удовлетворение, когда успешно справляются с их решением. Ниже в таблице 3 приведены задачи, с которыми ученикам предлагается познакомиться на первом уроке по теме «Векторы», и указаны темы-источники (раздел математики, к которому эта задача/теорема принадлежит).

Таблица 3 – Задачи из разных тем, которые можно решить с помощью векторов

Раздел математики	Примеры задач и теорем
Геометрия	Доказать, что диагонали ромба перпендикулярны. Доказать теорему об угле, вписанном в окружность. Доказать теорему о средней линии треугольника и трапеции. Доказать теорему Пифагора.
Тригонометрия	Доказать теорему косинусов. В треугольнике ABC дано: AB=c, AC=b, $\angle$ BAC=α. Выразить длину медианы к стороне BC.
Стереометрия	Доказать теорему о трех перпендикулярах. Доказать признак перпендикулярности прямой и плоскости.
Комплексные числа	Дано, что вершины двух треугольников ABC и MNP это комплексные числа a, b, c и m, n, p соответственно. Доказать, что если выполняется равенство $\frac{c-a}{b-a}=\frac{p-m}{n-m}$, то треугольники подобны.
Аналитическая геометрия	В квадрате ABCD даны координаты вершины A (7,1) и противоположной ей вершины C (-1, 5). Найти координаты двух других вершин квадрата.

Рассмотрим пример *«взаимопомощи»* между разделами математики – комплексные числа и тригонометрия (аналитическая), позволяющей учителю и ученикам использовать аппарат одной темы для решения задач в другой теме.

Комплексные числа помогают тригонометрии: при изучении темы «Возведение комплексных чисел в степень» учащимся предлагается доказать формулы синуса и косинуса двойного угла, тройного угла и т. д., известные им из тригонометрии. Докажем, например, формулы для sin(2α) и cos(2α). Для этого выразим квадрат комплексного числа $(\cos\alpha+i\sin\alpha)$ двумя способами – по формуле сокращенного умножения квадрат суммы и по теореме Муавра, и приравняем результаты. По формуле квадрата суммы получим:

$$(\cos\alpha+i\sin\alpha)^2=\cos^2\alpha+2i\cos\alpha\sin\alpha-\sin^2\alpha=(\cos^2\alpha-\sin^2\alpha)+2i\ \cos\alpha\sin\alpha, \quad (1)$$

Используя теорему Муавра, получим:

$$(\cos\alpha+i\sin\alpha)^2=\cos(2\alpha)+i\ \sin(2\alpha), \quad (2)$$

Два комплексных числа в алгебраической форме равны, когда соответственно равны их действительные и мнимые части. Отсюда, приравнивая соответствующие правые части (1) и (2), получим формулы двойного угла:

$$\cos(2\alpha)=\cos^2\alpha-\sin^2\alpha \text{ и } \sin(2\alpha)=2\sin\alpha\cos\alpha.$$

Эти формулы очень широко используются в тригонометрии, и доказываются в ней обычно с помощью подстановки $\alpha=\beta$ в следующие формулы:

$$\sin(\alpha+\beta)=\sin\alpha\cos\beta+\sin\beta\cos\alpha \text{ и } \cos(\alpha+\beta)=\cos\alpha\cos\beta-\sin\alpha\sin\beta$$

Аналогичным способом, используя формулу сокращенного умножения для куба суммы и теорему Муавра для третьей степени, можно получить формулы sin(3α) и cos(3α) *для тройного угла* . Этот пример показывает учащимся применение теоремы Муавра, в частности, в тригонометрии. Здесь «Тригонометрия» была темой-источником, а «Комплексные числа» – темой-помощником.

Тригонометрия помогает комплексным числам: учащимся предлагается исправить ошибки в написании тригонометрической формы следующих комплексных чисел:

$$1)\ z=-3\left(\cos\frac{\pi}{4}+i\sin\frac{\pi}{4}\right) \quad 2)\ z=3\left(\cos\frac{\pi}{4}-i\sin\frac{\pi}{4}\right) \quad 3)\ z=4\left(\cos\frac{2\pi}{3}+i\sin\frac{\pi}{6}\right)$$

В каждом из примеров разная ошибка: в первом – знак минус перед модулем, во втором – знак минус между косинусом и синусом, в третьем – разные углы у слагаемых. Приведем решение примера 1, в котором используется свойство нечетности функции синус, а также следующие формулы приведения: $\sin\left(\pi+\frac{\pi}{4}\right)=-\sin\frac{\pi}{4}$, $\cos\left(\pi+\frac{\pi}{4}\right)=-\cos\frac{\pi}{4}$.

$$z=-3\left(\cos\frac{\pi}{4}+i\sin\frac{\pi}{4}\right)=3\left(-\cos\frac{\pi}{4}-i\sin\frac{\pi}{4}\right)=3\left(\cos\frac{5\pi}{4}+i\sin\frac{5\pi}{4}\right)$$

Здесь «Тригонометрия» была темой-помощником, а «Комплексные числа» – темой-источником.

– Решение задачи разными способами как введение к изучению новой темы. Перед началом изучения нового математического раздела предлагаю учащимся решить задачу, которая как правило является характерной для этого раздела. Не владея еще новым инструментом для решения такой задачи, ученики ищут способы ее решения с помощью уже изученных тем, и эти способы обсуждаются и анализируются на уроке. Переходя к новой теме, мы снова возвращаемся к той же задаче и решаем ее, используя новый инструмент. Это позволяет ученикам понять значение и применение новой темы, а также по достоинству оценить те преимущества, которые она дает для решения задач. Например, перед изучением темы «Решение текстовых задач на минимум и максимум» учащимся была предложена задача: Как получить (вырезать) из треугольного куска картона прямоугольник наибольшей площади? (рисунок 2). Решения, найденные учащимися, содержали опытные проверки гипотез, анализ результатов, строгое математическое доказательство, и они использовали геометрию, тригонометрию и даже метод «сворачивания бумажного треугольника» (так его назвала ученица, которая решила задачу путем складывания листа).

– Решение разными способами старинных задач и задач, связанных с историей математики. Часто на уроках математики решаются старинные задачи, составленные известными математиками, что также предоставляет учащимся возможности поиска разных способов решения, включая тот способ, которым сам математик решил задачу. Например, при изучении темы «Арифметическая прогрессия» предлагаю ученикам решить задачи, составленные и решенные Пифагором и его учениками. Пример одной из них: доказать, что сумма любого числа последовательных нечетных чисел, начиная с единицы, равна точному квадрату натурального числа. (То есть $1 + 3 = 4 = 2^2$, $1 + 3 + 5 = 9 = 3^2$, $1 + 3 + 5 + 7 = 16 = 4^2$ и т. д.). В Пифагорийской школе эта задача решалась геометрически с помощью «метода гномонов» [7], в котором единица представлялась в виде квадрата, а последовательные нечетные числа – в виде гномонов, то есть фигур г-образной формы, состоящих из нечетного числа квадратов (единиц) (рисунок 3). Учащимся было предложено догадаться и объяснить способ, с помощью которого Пифагор и его ученики решали эту задачу, а затем найти другой способ ее решения и сравнить эти способы. В этой работе создались интегративные связи между геометрией и алгеброй, и учащиеся использовали материал изучаемой темы (доказательство с помощью формул суммы арифметической прогрессии).

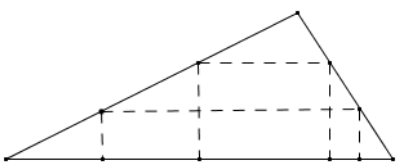


Рисунок 2 – Прямоугольники, вписанные в данный треугольник

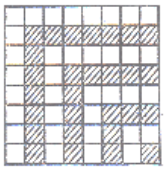


Рисунок 3 – Гномоны

Заключение. Роль подхода: «Задача – одна, способов решения – множество». Подход развивает:

– творческое математическое мышление. Учащиеся находят способы, отличные от тех, которые изучали раньше, представляют и объясняют их решения в классе, убеждают других учеников в правильности решения, исследуют разные решения.

– гибкость математического мышления. Развивая это качество у учеников, *учителя сами должны быть гибкими* в процессе преподавания [8], [9].

– математические *знания и педагогическое мастерство самого учителя*: учителя сами учатся и развивают математическое творчество [4].

– методический прием, при котором решаемая многократно разными способами задача превращается и в инструмент учителя и в исследуемый математический объект.

– видение *математики как единой целостной картины* – «пазеля», в котором каждая составляющая – это какой-то раздел в математике. Понимание, что каждая изучаемая тема не существует «сама для себя», а тесно переплетается с другими темами, они «используют» друг друга и помогают одна другой.

– чувства красоты в математике путем анализа способа решения и сравнения различных способов между собой по критериям.

– важные качества человека: сообразительность, настойчивость, аккуратность, умение аргументировать и убеждать в его правильности, критичность по отношению к способу, придуманному самим учеником, другими учениками или учителем, а также воображение – качество, важное для планирования работы и поиска оптимальных решений в жизни.

– видение и понимание значения и применения каждой изучаемой темы как инструмента, помогающего решать задачи из других тем, и как результат – изменение представления о математике. Это отражено в отзыве ученицы:

«Я начала думать по-другому… Чему научилась? Открытости мышления и способности рассматривать, анализировать и исследовать математический объект с разных сторон. Научилась позволять мыслям течь. Я поняла, что математика – это не сборник задач, которые только ждут, чтобы я их решила. А это целый мир, мир живой и многогранный, интересный, увлекательный и открытый, где не все известно заранее. В этом мире есть место для индивидуальной мысли каждого, место для личного самовыражения и для творчества».

Подытоживая, отметим: даже *в одной задаче* содержится богатый методический потенциал для развития математического мышления и творчества учащихся, и поэтому решение одной задачи разными способами должно стать неотделимой составляющей школьной программы по математике.

Литература

1. Borasi, R. Learning mathematics through inquiry / R. Borasi. – Portsmouth, NH : Heinemann, 1994. – 234 p.

2. NCTM – National Council of Teachers of Mathematics. Principles and standards for school mathematics. Reston, VA : NCTM, 2000.

3. Silver, E.A. Fostering creativity through instruction rich in mathematical problem solving and problem posing / E.A. Silver // ZDM. – 1997. – № 29 (3). – P. 75–80.

4. Leikin, R. About four types of mathematical connections and solving problems in different ways / R. Leikin // Aleh – The (Israeli) Senior School Mathematics Journal. – 2006. – № 36. – P. 8–14.

5. Schoenfeld, A.H. When good teaching leads to bad results: The disasters of «well-taught» mathematics courses» / A.H. Schoenfeld // Educational Psychologist. – 1988. – № 23 (2). –P. 145–166.

6. Jackel, E., Cobb, P. Socio-mathematical norms, argumentation, and autonomy in mathematics / E. Jackel, P. Cobb // Journal for Research in Mathematics Education. – 1996. – № 27 (4). – P. 458–477.

7. Чистяков, В.Д. Старинные задачи по элементарной математике / В.Д. Чистяков. – Минск : Вышейшая школа, 1978. – 272 с.

8. Leikin, R., Dinur, S. Teacher flexibility in mathematical discussion / R. Leikin, S. Dinur // The Journal of Mathematical Behavior. – 2007. – № 26 (4). – P. 328–347.

9. Polya, G. Mathematics and plausible reasoning / G. Polya. – Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1954. – 296 p.

Академический образовательный
колледж – Ораним, Тивон, Израиль

Поступила в редакцию 15.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 376-091.31-056.36-059.1 (043.3)

Индивидуализация обучения на компетентностной основе детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью

В.И. Радионова

Рассматривается необходимость пересмотра содержания и методики обучения детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью на современном этапе развития общества. Предлагаются инновационные взгляды решения проблемы социально-средовой адаптации рассматриваемой категории детей.
Ключевые слова: индивидуализация обучения, компетентностная основа обучения, ведущие сенсорные системы, структура индивидуализации обучения, программно-методическое обеспечение.

The need for revision of the content of training of children with moderate and severe intellectual insufficiency at the present stage of development of society is considered. Innovative views for solutions of the problem of social and environmental adaptation of the considered category of children are proposed.
Keywords: individualization of education, competency basis of education, dominant sensory systems, structure of individualization of education, program and methodical provision.

Сущностные преобразования, происходящие в современном образовании Республики Беларусь, внедрение системы инклюзивного обучения детей с особенностями психофизического развития требуют соответствующих изменений. Насущными становятся изменения в образовании детей с интеллектуальной недостаточностью. Переход к гуманистической парадигме предполагает становление системы вариативного, непрерывного образования, направленного на удовлетворение не только образовательных, но и социально-психологических потребностей обучающихся с учетом их индивидуальных особенностей.

Учащиеся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью (умственной отсталостью) имеют выраженные психофизические нарушения, что делает актуальным исследование индивидуализации их обучения. Признается необходимостью осуществление индивидуализации с опорой на потенциальные возможности учащихся, отмечаются трудности их выявления, следствием чего является низкий уровень подготовки учащихся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью к самостоятельной жизни. Поэтому поиск эффективных средств воздействия на процесс социализации ребенка с нарушением интеллекта стоит того, чтобы стать предметом научного исследования и осмысления.

Одним из путей усиления социальной направленности обучения детей с нарушением интеллекта в специально созданной, моделируемой педагогом учебной и внеучебной деятельности является, по нашему мнению, компетентностный подход. Внедрение же технологий, основанных на компетентностном подходе, требует активизации функционирования ведущих сенсорных систем [1], [2] обучающихся и отработки тесного социального взаимодействия между ними.

Вводится новый научный конструкт «индивидуализация обучения на компетентностной основе», применительно к детям с интеллектуальной недостаточностью, который определяется как процесс выбора содержания, способов, приемов, темпа обучения в соответствии с индивидуальными возможностями, способностями и потребностями учащихся, что обеспечивает формирование у учащихся умений, знаний, способов практической деятельности, а также отработку способов деятельности не только в условиях класса, но и в условиях семьи, оценивание способов деятельности, развитие способности и готовности действовать в жизненно важных ситуациях. Предусматривается:

– направление на амплификацию социального опыта, усиление практической направленности обучения, поскольку доказано, что социальное развитие этих детей более успешно и ведет к развитию высших психических функций [3];

– формирование социального опыта происходит непрерывно, пролонгировано. Это обеспечивается включением в учебный процесс учителей, воспитателей, родителей.

Меняется направленность научного поиска, характер индивидуализации обучения и весь образовательный процесс применительно к детям с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью. Акцент переносится на отработку операций, составляющих основу формируемых умений, формирование витогенных знаний и овладение способами практической деятельности.

Специальное образование на компетентностной основе рассматривается как процесс формирования ключевых образовательных компетенций, которые являются наиболее общими (универсальными) способностями и умениями, позволяющими достигать положительных результатов в практической деятельности и личной жизни [4], [5], [6] [7], [8]. Научно обоснована целесообразность формирования следующих ключевых образовательных компетенций: ценностно-ориентационной, личностной, коммуникативной. Ценностно-ориентационная компетенция включает формирование относительно устойчивых отношений и ценностных представлений, необходимых для жизнедеятельности. Личностная компетенция обеспечивает физическое и нравственное развитие, овладение умениями, знаниями, способами практической деятельности, позволяющими реализовать личностные качества. Коммуникативная компетенция включает умения пользоваться языковыми средствами общения (вербальными и невербальными) для вступления во взаимодействие с другими людьми и при выполнении различных социальных ролей. Ключевые образовательные компетенции являются основаниями индивидуализации обучения на компетентностной основе детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью и позволяют формировать, расширить выбор средств для решения практических задач, ослабить социальную инфантильность, недостаточную способность и готовность адекватно действовать в жизненно значимых ситуациях, сниженную самостоятельность и активность в повседневной жизнедеятельности. Целенаправленное освоение компетенций требует длительного времени и, следовательно, должно начинаться как можно раньше, в младшем школьном возрасте.

Формируются умения и развиваются способности применять знания на практике без перенапряжения учащихся. Умения рассматриваются как компоненты деятельности, включающие как автоматизированные элементы (навыки), так и операции, совершаемые под контролем сознания. Важны не знания сами по себе, а умения и готовность действовать в жизненно значимых ситуациях, освоение способов практической деятельности. В результате многократных повторений способов деятельности, они становятся привычкой. Овладение компетенциями позволит учащимся повысить в определенной мере самостоятельность в различных жизненных ситуациях.

Освоение способов деятельности в различных сферах социального взаимодействия, отвечающих этическим нормам поведения в типичных социальных ситуациях, способствует формированию компетенций, позволяющих адекватно адаптироваться в обществе. Способ деятельности рассматривается как система последовательных действий, ведущих к достижению намеченной цели.

Важным для выбранной категории учащихся видится формирование на определенном временном промежутке конкретных способов деятельности (в рамках выбранных компетенций), разнообразных действий как подразделений в систематике способов деятельности. Формируются и развиваются способность и готовность встретить близкого человека, поздравить его, оказать услугу, пригласить к чаепитию, выразить свои потребности и нужды и другие. Каждый способ деятельности включает систему действий и операций, относительно законченных элементов, направленных на достижение промежуточных целей, обогащающих жизненный опыт ребенка. Действия реализуют поставленные цели и задачи, на операциях выстраивается действие. Создаются конкретные ситуации, в которых учащиеся учатся сотрудничеству, приобретают и проявляют знания и опыт, включаются в активное взаимодействие. В деятельности, в конкретных ситуациях формируются ценностно-ориентационная, личностная и коммуникативная компетенции. Непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетенций.

Выявляется устойчивая тенденция недостаточной сформированности ключевых компетенций у учащихся с интеллектуальной недостаточностью. При изучении ценностно-ориентационной компетенции только 15 % (на втором этапе – 10 %) детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью и 19 % (13 %) учащихся с легкой интеллектуальной недостаточностью выполняют самостоятельно предложенные задания. При исследовании личностной компетенции самостоятельно выполняют задания 11 % (0 %) учащихся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью и 18 % (10 %) детей с легкой интеллектуальной недостаточностью. В процессе изучения коммуникативной компетенции 11 % (0 %) учащихся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью и 19 % (13 %) учащихся с легкой интеллектуальной недостаточностью справляются с заданиями. Дети с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью обнаруживают неумение разложить способ деятельности на действия, действия – на операции, что затрудняет выполнение деятельности, недостаточную способность переноса действий в другие условия жизнедеятельности. Учащиеся испытывают трудности в прогнозировании своих социальных действий, в выборе правильного поведения в жизненных ситуациях.

Выявляется особенность овладения способами практической деятельности детьми с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью. Продуктивность выполнения заданий повышается при использовании осязательно-тактильного подкрепления, вербальных и невербальных форм общения, стимулирующего обучения.

Эффективными видами помощи учащимся являются вербальная, наглядная, действенно-наглядная, в основе которых лежат аудиальная, визуальная и кинестетическая сенсорные системы. При вербальной помощи задание разъясняется, предлагается дополнительная информация или задание повторяется, но с выделением ключевых слов. При наглядной – вводится дополнительное визуальное подкрепление. При действенно-наглядной помощи привлекается осязательно-тактильная чувствительность («ощупай руками», «выполни действие с предметом»). Этот вид помощи предполагает включение учащихся в совместную («рука в руке») или частично-совместную деятельность с педагогом.

Самой востребованной помощью во всех классах и применительно ко всем компетенциям оказывается действенно-наглядная. Ее эффективность в отношении ценностно-ориентационной компетенции составляет 37,2 % (44,44 %) (это значение отражает отношение числового выражения оказываемой помощи к максимально возможной ее числовой характеристике), применительно к коммуникативной – 38,39 % (47,78 %), к личностной – 49,27 % (56,67 %).

Кроме того, у учащихся данной категории ведущими являются разные сенсорные системы: у 48 % учащихся ведущая сенсорная система кинестетическая; у 33 % детей ведущей оказалась комбинация визуальной и кинестетической систем; у 19 % – комбинация аудиальной и кинестетической систем.

Выше приведенные данные делают актуальным внедрение в коррекционно-образовательную практику структуры индивидуализации обучения и соответствующего программно-методического обеспечения. Структура индивидуализации обучения на компетентностной основе обладает основополагающими характеристиками: необходимостью и целесообразностью комплексного обследования, выявлению у учащихся имеющегося потенциала, персонификации обучения на материале межпредметного содержания, формированию умений, знаний, способов практической деятельности, использованию в учебном процессе элементов рефлексии. При разработке структуры учитываются ограниченные познавательные возможности детей, для которых актуальным и продуктивным является не столько когнитивное развитие, сколько социальное. Определяется тактика совместных педагогических действий, этапов и содержания взаимодействия и сотрудничества взрослого с ребенком. Структура рассматривается как выражение целостности индивидуализации и обеспечения ее функционирования.

Реализация структуры достигается в процессе *пропедевтико-диагностической* деятельности. Осуществляется знакомство с этиологией нарушения, выявляются особенности психофизического развития учащихся, изучается социальная ситуация развития, создается адаптируемая образовательная среда, анализируется учебно-методическое обеспечение. В процессе

организационно-содержательной деятельности создается адаптирующая образовательная среда, определяется содержание взаимодействия участников образовательного процесса на основе выявления у учащихся ведущих сенсорных систем (аудиальной, визуальной, кинестетической) и уровня сформированности ключевых компетенций (ценностно-ориентационной, личностной и коммуникативной). Разрабатываются научно обоснованные индивидуальные программы на компетентностной основе. *Процессуально-методическая* деятельность включает выделение особенностей реализации индивидуальных программ и внесение коррективов в процесс формирования ценностно-ориентационной, личностной, коммуникативной компетенций. Отбор методов и приемов работы осуществляется на основе учета ведущих сенсорных систем каждого ученика. Формируются умения, знания, способы практической деятельности учащихся. Осуществляется включение детей в социальное взаимодействие, выбираются приемы обучения, облегчающие деятельность учащихся, используются релаксационные упражнения. Даются рекомендации по индивидуализации обучения, адресованные родителям, учителям и воспитателям. В процессе *контрольно-оценочной* деятельности достигнутые результаты анализируются на основе оценки способов практической деятельности. Вносятся коррективы в пролонгированный процесс индивидуализации обучения.

Программно-методическое обеспечение индивидуализации обучения на компетентностной основе детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью включает:

– модель индивидуальной программы, составленной на компетентностной основе, учитывающей ключевые образовательные компетенции (ценностно-ориентационную, личностную, коммуникативную), возможности учащихся, их ведущие сенсорные системы, определение материалов обучения межпредметного содержания, оказание помощи в формировании способов практической деятельности;

– алгоритм коррекционного занятия на компетентностной основе, формирующего умения, знания, способы деятельности;

– методические рекомендации по индивидуализации обучения, способствующие созданию учебных пособий с учетом ведущих сенсорных систем.

Эффективность индивидуализации обучения на компетентностной основе обеспечивается: реализацией разработанного программно-методического обеспечения, направленного на формирование компетенций; комплексностью коррекционной работы, позволяющей включать в нее педагогов, воспитателей и родителей; системностью индивидуализации, которая достигается на коррекционных занятиях и продолжается на уроках по общеобразовательным предметам и в условиях семейного воспитания; пролонгированностью учебного процесса во внеклассной работе.

Разработка и внедрение понятийного тезауруса, инновационной структуры индивидуализации обучения и программно-методического обеспечения педагогической технологии усиливает самостоятельность и активность учащихся рассматриваемой категории в повседневной жизнедеятельности, стремление к социальному взаимодействию с другими людьми, обогащает личный опыт детей, улучшает их эмоциональное состояние, способствует формированию ключевых компетенций, социально одобряемого поведения и, как следствие, социально-средовой адаптации.

Важность исследования достаточно убедительно рассматривается с разных позиций. С социально-педагогической точки зрения ставятся акценты на необходимость оказания помощи учащимся с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью с учетом их ведущих сенсорных систем в процессе обучения и последующей успешной социализации. На научно-теоретическом уровне осуществляется уточнение подходов к решению проблемы индивидуализация обучения на компетентностной основе детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью, на научно-методическом предлагается программно-методическое обеспечение индивидуализации обучения на компетентностной основе детей рассматриваемой категории. Особо следует отметить социально-гуманистический аспект результатов: предлагается целостная, апробированная модель расширения социализирующих возможностей образовательной среды вспомогательной школы, на практике реализующая право на образование детей с тяжелыми нарушениями развития.

Практическая значимость результатов научно-практического исследования состоит в научном обосновании, разработке и апробации программно-методического обеспечения индивидуализации обучения, включающего: модель индивидуальной программы; алгоритм коррекционного занятия; методические рекомендации по индивидуализации обучения.

Таким образом, приоритеты в формировании полезных жизненных компетенций у детей с умеренной и тяжелой интеллектуальной недостаточностью на данный момент составляют одну из базовых позиций современного специального образования Республики Беларусь.

Литература

1. Основы специальной психологии: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Л.В. Кузнецова, Л.И. Переслени, Л.И. Солнцева [и др.] ; под ред. Л.В. Кузнецовой. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 480 с.

2. Специальная психология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.И. Лубовский, Т.В. Розанова, Л.И. Солнцева [и др.] ; под ред. В.И. Лубовского. – М. : Академия, 2003. – 464 с.

3. Коробейников, И.А. Нарушения развития и социальная адаптация / И.А. Коробейников. – М. : Per Se, 2002. – 192 с.

4. Змушко, А.М. Коммуникативная компетенция как важная составляющая социальной адаптации детей с интеллектуальной недостаточностью / А.М. Змушко // Образовательная интеграция и социальная адаптация лиц с ограничеными возможностями: пособие для учителей, психологов и родителей детей с ограниченными возможностями / А.Н. Коноплёва [и др.] ; ред. Т.Л. Лещинская. – Минск, 2005. – С. 54–66.

5. Змушко, А.М. Социальная адаптация лиц с особенностями психофизического развития в социокультурном контексте / А.М. Змушко // Спецыяльная адукацыя. – 2008. – № 1. – С. 4–9.

6. Коноплёва, А.Н. Оптимизация специального образования: проблемы, пути их решения / А.Н. Коноплёва // Дэфекталогія – 2005. – № 6. – С. 3–7.

7. Коноплёва, А.Н. Стандартизация специального образования на компетентностной основе / А.Н. Коноплёва, Т.Л. Лещинская, Т.В. Лисовская // Веснік адукацыі – 2009. – № 6. – С. 12–18.

8. Лисовская, Т.В. Компетентностный подход во включенном (инклюзивном) образовании / Т.В. Лисовская // Дэфекталогія. – 2006. – № 5. – С. 9–13.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 03.04.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 37.037.1

Система принципов технико-тактической подготовки военнослужащих

В.В. Руденик

На основе метода экспертных оценок определены направленность и значимость методических положений в процессе решения частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям. Совокупность методических положений, положительно и значимо влияющих на эффективность решения соответствующих задач, определена как система дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при решении частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям.
Ключевые слова: система, принципы, физическая подготовка военнослужащих, обучение решению двигательных задач, технико-тактическая подготовка.

The direction and significance for teaching positions in the process of solving particular problems of stages of training soldiers in deliberately and impromptu, impromptu motor actions are determined on the basis of expert assessments. A set of methodological provisions positively and significantly influencing the effectiveness of implementation, are defined as a system of didactic (specific) principles governing the activities of the Instructor of physical training lessons in the solution of particular problems of stages of training soldiers in deliberately and impromptu, impromptu motor actions.
Keywords: system, principles of physical training of servicemen, training of motor tasks, technical and tactical training.

Введение. Специфическая цель физической подготовки в Вооруженных силах Республики Беларусь – обучение военнослужащих умениям эффективно решать двигательные задачи, которые могут возникнуть в условиях боевой деятельности или возникают в процессе подготовки к выполнению задач по предназначению [1].

Обучение военнослужащих умениям принимать эффективные решения о способах разрешения двигательных ситуаций и моментах начала двигательных действий относят к *тактической подготовке*, а обучение умениям и навыкам реализовывать системы движений, посредством которых и решаются двигательные задачи, – к *технической подготовке.* В специфической двигательной деятельности, в частности, в условиях противоборств соперников, когда имеется минимум времени на принятие решений, механизмы принятия решений и механизмы реализации принятых решений сливаются в единый процесс, образуя функциональную систему на уровне целостных поведенческих актов [2], [3].

На протяжении длительного периода развития основ теории и методик физического воспитания (ее специализированных разделов) за методологическую основу обучения принималась, как правило, условно-рефлекторная теория И.П. Павлова. Известно [2], что в 1916 г. в своем докладе «Рефлекс цели» И.П. Павлов впервые в своих исследованиях деятельности головного мозга коснулся вопроса о цели поведения, однако больше к нему никогда не возвращался. Вследствие этого, в рефлекторной теории не рассматривался и физиологический механизм «принятия решения», что дало повод некоторым исследователям говорить о неживучести самой теории, которая вступает в противоречия с научными фактами [4], [5]. Ученик И.П. Павлова Петр Кузьмич Анохин считал, что «… сам факт возникновения цели для получения того или иного результата вступает в принципиальное противоречие с основными чертами рефлекторной теории» [2, с. 38]. Вследствие противоречий рефлекторной теории механизмам принятия решений на уровне общих основ теории физического воспитания не было уделено серьезного внимания. Разработанная П.К. Анохиным (1935–1974 гг.) теория функциональных систем дала основание для ликвидации этого пробела. Проведены исследования на основе теории функциональных систем [2] с целью совершенствования тактической и, следовательно, технико-тактической подготовки в фехтовании [6], выработана дидактическая схема обучения в спортивных играх и единоборствах («обучение обусловленным двига-

тельным действиям» – «обучение преднамеренным двигательным действиям» – «обучение преднамеренно-экспромтным двигательным действиям» – «обучение экспромтным двигательным действиям») [7], [8]. Следующим логическим шагом исследований в сфере теории и методик физической подготовки военнослужащих стала разработка состава и структуры процесса обучения решению двигательных задач, возникающих в условиях боевой деятельности или в процессе подготовки к ней. Используя в качестве методологической основы теорию функциональных систем П.К. Анохина [2], установлено, что в системе двигательных задач, возникающих в условиях двигательной деятельности человека целесообразно различать задачи, отличающиеся физиологическими механизмами «принятия решений» [9]. Дифференциация двигательных задач, проведенная на основе отличий в физиологических механизмах «принятия решения», требует и соответствующего дифференцированного подхода к обучению их решению. В результате исследований [9] известная дидактическая схема обучения технико-тактическим умениям (*«обучение обусловленным двигательным действиям» – «обучение преднамеренным двигательным действиям» – «обучение преднамеренно-экспромтным двигательным действиям» – «обучение экспромтным двигательным действиям»)* [6], [7], [8] получила дальнейшее развитие с учетом дифференциации двигательных задач, проведенных на основе отличий в физиологических механизмах «принятия решения» [2]. Результаты исследований позволили конкретизировать этапы технико-тактической подготовки военнослужащих, цели и задачи этапов, средства и методы решения соответствующих задач [9].

Формирование технико-тактических умений у военнослужащих целесообразно осуществлять, как известно, в соответствии с принципами – важнейшими положениями, отражающими закономерности обучения, установленные в сфере двигательной деятельности человека. Обучение решению двигательных задач, являющихся специфической целью физической подготовки военнослужащих [1] – сложный педагогический процесс, состоящий из множества взаимосвязанных элементов. Эффективность процесса обучения напрямую связана с тем, насколько точно и глубоко методические положения, которыми руководствуются руководители занятий по физической подготовке, отражают закономерности этого процесса, и как ощутимо они могут влиять на конкретный результат обучения военнослужащих.

По мнению ряда исследователей [7], [10], перечень восьми дидактических принципов, принятых в результате дискуссии, прошедшей на страницах журнала «Советская педагогика» в 1950–1951 гг., по итогам которой фактически «законодательно» по всей стране была закреплена *единая система дидактических принципов* для сферы воспитания человека новой экономической формации (принципы *научности, доступности, систематичности, сознательности и активности, наглядности, прочности, коллективности в единстве с индивидуализацией, связи с практикой),* не в полной мере отвечает современным потребностям обучения в сфере физического воспитания. Известными учеными в конце прошлого столетия были сформулированы методические положения, отражающие специфические закономерности обучения и соответствующие, по их мнению, статусу принципов. Установлено, что известные принципы, статус которых не подлежит сомнению, играют в конкретных элементах процесса обучения относительно избирательную роль. Так, Ю.К. Гавердовский [10] отметил, что в различных видах спорта и применительно к разным предикатам обучения значимость повсеместно распространенных не только специфических, но и дидактических принципов, сформулированных в рамках общей педагогики, существенно различается.

В результате исследований [11] была определена конкретная направленность определенных специфических методических положений и их значимость в конкретных элементах обучения технике физических упражнений на этапах обучения обусловленным и преднамеренных двигательным действиям. В то же время, направленность и значимость специфических методических положений, которыми целесообразно руководствоваться руководителям занятий на этапах обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям, не определены.

Цель исследования – определить систему дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при ре-

шении частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям.

Задачи исследования:

1) оценить степень влияния каждого из методических положений на эффективность решения частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям;

2) разработать систему дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при решении частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям.

Основная часть. В исследовании определялось влияние дидактических (специфических) принципов, предложенных Ю.К. Гавердовским [10], на эффективность процесса обучения военнослужащих технико-тактическим умениям. При определении степени влияния дидактических (специфических) принципов на эффективность решения частных задач этапов обучения был использован метод экспертных оценок. В качестве экспертов были выбраны ведущие специалисты, эффективно осуществляющие обучение решению двигательных задач на этапах обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным двигательным действиям (цель этапа обучения – *научить военнослужащих в условиях лимита времени выбирать оптимальные пути развития двигательных ситуаций и эффективно решать двигательные задачи посредством двигательных действий)* и экспромтным двигательным действиям (цель этапа обучения – *научить военнослужащих в условиях лимита времени находить максимально приближенные к оптимальным варианты развития неизвестных двигательных ситуаций и эффективно решать соответствующие двигательные задачи)*. Были выбраны 40 специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональной подготовки и способных к критическому анализу, в соответствии с рекомендациями, предъявляемыми к этому процессу [12]. Экспертам предлагалось оценить по десятибалльной шкале, какое влияние оказывают методические положения, если ими руководствоваться, на эффективность обучения военнослужащих технико-тактическим умениям. Оценка проводилась с использованием специально выбранной шкалы оценок. Положения, не оказывающие влияния на эффективность решения частных задач – 0 баллов, оказывающие положительное, но не существенное влияние – 1–4 балла, положительное и существенное – 5–10 баллов.

Определение степени согласованности мнений экспертов осуществлялось посредством расчета коэффициента конкордации [12]. Результаты исследований представлены в таблицах 1–2.

Таблица 1 – Система дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при решении частных задач этапа обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным двигательным действиям

Частные задачи этапа обучения	Дидактические (специфические) принципы, регламентирующие деятельность руководителя занятий по физической подготовке на этапе обучения
1) определить и систематически дополнять совокупность ситуаций, отражающих специфику конкретного вида деятельности;	– *целесообразности и практичности;* – *планомерности и постепенности;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
2) разработать варианты развития двигательной ситуации, приводящие как к успеху, так и к неудаче (с учетом предполагаемых действий соперников или противника);	– *целесообразности и практичности;* – *планомерности и постепенности;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
3) сформулировать двигательные задачи, решение которых позволит развивать двигательную ситуацию в необходимых направлениях;	– *целесообразности и практичности;* – *планомерности и постепенности;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*

Окончание таблицы 1

4) обучить военнослужащего оценке складывающихся двигательных ситуаций и выбору путей их развития в условиях лимита времени;	– *целесообразности и практичности;* – *готовности и текущей валидности;* – *управляемости и подконтрольности;* – *воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; – *систематичности и регулярности;* – *смысловой и перцептивной «наглядности»;* – *планомерности и постепенности;* – *методического динамизма и прогрессирования;* – *доступности и стимулирующей трудности;* – *необходимой адаптивности и самостоятельности;* – *сознательности и активности при ведущей роли педагога;* – *индивидуального обучения в коллективе;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
5) при осуществлении двигательной деятельности в условиях коллективных действий определить механизмы взаимодействия военнослужащих и научить их в условиях лимита времени эффективно взаимодействовать при достижении совместной цели деятельности.	– *целесообразности и практичности;* – *готовности и текущей валидности;* – *управляемости и подконтрольности;* – *воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; – *систематичности и регулярности;* – *смысловой и перцептивной «наглядности»;* – *планомерности и постепенности;* – *методического динамизма и прогрессирования;* – *доступности и стимулирующей трудности;* – *необходимой адаптивности и самостоятельности;* – *сознательности и активности при ведущей роли педагога;* – *индивидуального обучения в коллективе;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*

Таблица 2 – Система дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при решении частных задач этапа обучения военнослужащих экспромтным двигательным действиям

Частные задачи этапа обучения	Дидактические (специфические) принципы, регламентирующие деятельность руководителя занятий по физической подготовке на этапе обучения
1) научить военнослужащего в условиях определенного промежутка времени определять эффективные пути развития неизвестной двигательной ситуации;	– *целесообразности и практичности;* – *готовности и текущей валидности;* – *управляемости и подконтрольности;* – *воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; – *систематичности и регулярности;* – *смысловой и перцептивной «наглядности»;* – *планомерности и постепенности;* – *методического динамизма и прогрессирования;* – *доступности и стимулирующей трудности;* – *необходимой адаптивности и самостоятельности;* – *сознательности и активности при ведущей роли педагога;* – *индивидуального обучения в коллективе;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
2) научить военнослужащего в условиях определенного промежутка времени формулировать двигательную задачу, которую он способен решить, и решение которой приведет не только к успеху в конкретном фрагменте деятельности, но и окажет положительное влияние на динамику развития цепи последующих событий;	– *целесообразности и практичности;* – *готовности и текущей валидности;* – *управляемости и подконтрольности;* – *воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; – *систематичности и регулярности;* – *смысловой и перцептивной «наглядности»;* – *планомерности и постепенности;* – *методического динамизма и прогрессирования;* – *доступности и стимулирующей трудности;* – *необходимой адаптивности и самостоятельности;* – *сознательности и активности при ведущей роли педагога;* – *индивидуального обучения в коллективе;* – *формально-эвристического единства;* – *научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*

Окончание таблицы 2

3) из имеющихся в аппаратах памяти механизмов координации двигательных актов в условиях лимита времени «сложить» последовательную цепь действий, посредством которой двигательная задача может быть решена с необходимой эффективностью; в случае отсутствия в аппаратах памяти недостающих звеньев сложной цепи действий (отсутствия в аппаратах памяти механизмов координации необходимых двигательных актов) в условиях лимита времени синтезировать и реализовать необходимую систему движений;	*– целесообразности и практичности;* *– готовности и текущей валидности;* *– управляемости и подконтрольности;* *– воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; *– систематичности и регулярности;* *– смысловой и перцептивной «наглядности»;* *– планомерности и постепенности;* *– методического динамизма и прогрессирования;* *– функциональной избыточности и надежности;* *– доступности и стимулирующей трудности;* *– необходимой адаптивности и самостоятельности;* *– сознательности и активности при ведущей роли педагога;* *– индивидуального обучения в коллективе;* *– формально-эвристического единства;* *– научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
4) в процессе решения двигательной задачи своевременно вносить необходимые коррекции в реализуемую экспромтную систему движений;	*– целесообразности и практичности;* *– готовности и текущей валидности;* *– управляемости и подконтрольности;* *– воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; *– систематичности и регулярности;* *– смысловой и перцептивной «наглядности»;* *– планомерности и постепенности;* *– методического динамизма и прогрессирования;* *– доступности и стимулирующей трудности;* *– необходимой адаптивности и самостоятельности;* *– сознательности и активности при ведущей роли педагога;* *– индивидуального обучения в коллективе;* *– формально-эвристического единства;* *– научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*
5) осуществлять вышеназванную деятельность в различных условиях внешней среды и внутреннего состояния организма.	*– целесообразности и практичности;* *– готовности и текущей валидности;* *– управляемости и подконтрольности;* *– воспитывающего обучения и позитивной мотивации*; *– систематичности и регулярности;* *– смысловой и перцептивной «наглядности»;* *– планомерности и постепенности;* *– методического динамизма и прогрессирования;* *– функциональной избыточности и надежности;* *– доступности и стимулирующей трудности;* *– сознательности и активности при ведущей роли педагога;* *– индивидуального обучения в коллективе;* *– формально-эвристического единства;* *– научно-рационального и интуитивно-эмпирического единства.*

Заключение. Двигательные задачи, которые потенциально могут возникнуть в условиях боевой деятельности военнослужащих или возникают в процессе подготовки к ней, могут быть дифференцированы на основе отличий в физиологических механизмах «принятия решений» о способах и механизмах решения соответствующих двигательных задач. Среди двигательных задач необходимо различать: 1) задачи, которые военнослужащий решал ранее, и решения которых сохранились в аппаратах памяти; 2) задачи, которые ранее в процессе двигательной деятельности военнослужащего не возникали. Среди двигательных задач, механизмы решения которые сохранились в аппаратах памяти, целесообразно различать: 1) задачи, которые были решены успешно; 2) задачи, которые ранее человек решал неудачно.

Дифференциация двигательных задач, проведенная на основе отличий в физиологических механизмах «принятия решения», требует и соответствующего дифференцированного подхода к обучению их решению. При использовании в качестве методологической основы обучения теории функциональных систем П.К. Анохина в процессе обучения решению двигательных задач могут быть выделены четыре этапа: этапы обучения обусловленным, пред-

намеренным, преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям. Особенности обучения на этих этапах обусловлены отличиями в физиологических механизмах «принятия решений», выявленных при разработке названной теории.

При решении конкретных задач обучения специалисты руководствуются ограниченной совокупностью дидактических положений. Соответствующие положения оказывают положительное и значимое влияние на эффективность решения частных задач этапов обучения. Совокупность методических положений, регламентирующих деятельность руководителей занятий по физической подготовке при решении частных задач этапов обучения может быть классифицирована как система дидактических (специфических) принципов, отражающих закономерности в конкретных элементах обучения.

Используя метод экспертных оценок, были определены направленность и значимость методических положений на эффективность решения частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям. Совокупность методических положений, положительно и значимо влияющих на эффективность решения соответствующих задач, составили систему дидактических (специфических) принципов, регламентирующих деятельность руководителя занятий по физической подготовке при решении частных задач этапов обучения военнослужащих преднамеренно-экспромтным и экспромтным двигательным действиям.

Литература

1. Инструкция о порядке организации физической подготовки и спорта в Вооруженных Силах. – Мн : МО РБ, 2014. – 163 с.

2. Анохин, П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М. : Медицина, 1975. – 448 с., ил.

3. Теория физического воспитания: учебное пособие для институтов физической культуры / А.Д. Новиков [и др.] ; под ред. А.Д. Новикова, Л.П. Матвеева. – М. : Физкультура и спорт, 1959. – 390 с.

4. Бернштейн, Н.А. О построении движений / Н.А. Бернштейн. – М. : Медгиз, 1947. – 254 с.

5. Боген, М.М. Обучение двигательным действиям / М.М. Боген. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 192 с.

6. Келлер, В.С. Деятельность спортсменов в вариативных конфликтных ситуациях / В.С. Келлер. – Киев : Здоров'я, 1977. – 184 с.

7. Эйдер, Е. Обучение движению / Е. Эйдер, С.Д. Бойченко, В.В. Руденик. – Барановичи : РУПП «Барановичская укрупненная типография», 2003. – 291 с.

8. Бойченко, С.Д. Особенности обучения двигательным действиям в средних учебных заведениях милиции / С.Д. Бойченко, В.В. Руденик, В.Е. Костюкович // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 3. – С. 52–55.

9. Гавроник, В.И. Состав и структура технико-тактической подготовки военнослужащих / В.И. Гавроник, В.В. Руденик, А.А. Немытов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – Санкт-Петербург : Военный институт физической культуры. – № 5 (9). – 2010. – С. 51–54.

10. Гавердовский, Ю.К. Опыт трактовки ортодоксальной дидактики в современном контексте обучения спортивным упражнениям / Ю.К. Гавердовский // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 8. – С. 12–20.

11. Руденик, В.В. Теоретико-методические основы обучения двигательным действиям / В.В. Руденик. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 275 с.

12. Масальгин, Н.А. Математико-статистические методы в спорте / Н.А. Масальгин. – М. : Физкультура и спорт, 1974. – 151 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 13.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 378.169.14+378.013+155.2 +378.12

Подготовка кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов естествознания: состояние проблемы на практике

Е.П. Савчук

Раскрыто состояние проблемы подготовки преподавателей вуза к специфическому виду деятельности – педагогической поддержки личностной самореализации студентов естествознания. Проведен анализ исследования. Цель: определить структуру компонентов подготовленности кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов естествознания. Уточнить сущность понятия «подготовленность преподавателей и кураторов к педагогической поддержке личностной самореализации студентов».
Ключевые слова: подготовка; педагогическая поддержка личностной самореализации; студенты естествознания.

The state of the problem of curators and professors preparation for a special kind of activity – pedagogical support of personal self-realization of natural science students is exposed. Analysis of the survey results is presented. Purpose: to define the structure of components of curators and professors' preparedness for pedagogical support of personal self-realization of natural science students and specify the essence of the concept of «curators and professors preparedness for pedagogical support of students' personal self-realization».
Keywords: preparation; pedagogical support of personal self-realization; natural science students.

Введение. В последнее время вопрос педагогической поддержки в образовании вступает в силу с необходимостью ее применения в педагогической деятельности преподавателей (А.Д. Балацинова [1], Т.И.Дейниченко [2], Е.В. Егорова [3], Л.П. Лазарева [4], Н.Г. Ничкало [5], Е.Ю. Шлюбуль [6], И.Ю. Шустова [7] и др.).

Проблема педагогической поддержки детей и молодежи нашла свое отображение в научных трудах Е. Абаева, А. Адлера, А. Анохиной, А. Асмолова, Е. Бондаревской, А. Волковой, О. Газмана, Н. Загрядской, Н. Криловой, З. Курлянд, И. Лилиенталь, Н. Михайловой, Т. Осиповой, Л. Петровской, Т. Солодиловой, Г. Сороки, С. Юсфина, А. Яция и др.

Вопросами профессиональной подготовки учителя занимались многие ученые И. Богданова, С. Гончаренко, И. Зязюн, Е. Карпова, З. Курлянд, Н. Ничкало, Л. Хомич, Р. Хмелюк и др. Ученые отмечают, что профессиональная подготовка – это целостный процесс усвоения и закрепления психолого-педагоических, методических и специальных знаний, умений и навыков.

Общедидактичная подготовка учителя естественных дисциплин стала предметом научной заинтересованности таких исследователей как: А. Алексюк, Ю. Бабанский, В. Гринева, А. Дубасенюк, В. Заболотный, И. Зязюн, А. Коломиець, Л. Кондрашова, Т. Коростиянець, М. Кузьмина, И. Мороз, В. Паламарчук, П. Пидкасистий, А. Савченко, М. Скаткин, Г. Щукина и др.

Однако, вне поля зрения исследователей остается проблема педагогической поддержки личностной самореализации будущих учителей естественных дисциплин в процессе учебы в ВУЗ. Анализ совокупности литературных источников и диссертаций засвидетельствовал нехватку теоретико-методологических трудов и материалов из опыта работы, в которых бы комплексно, системно и всесторонне рассматривалась вышеупомянутая проблема.

Обращение к педагогической поддержке будущих учителей естествознания определяется тем, что студенты вуза не всегда могут самостоятельно и решительно преодолевать объективные и субъективные трудности своего личностного и профессионального саморазвития, что не дает им возможности личностно самореализоваться во время учебы в вузе. Поэтому перед преподавателями возникает проблема качественной подготовки к оказанию педагогической поддержки, которая предусматривает создания педагогических условий, которые положительно влияют на стимулирование личностной самореализации будущих учителей естествознания.

Цель работы. Выявить начальный уровень подготовленности преподавателей и кураторов к педагогической поддержке личностной самореализации студентов вуза.

Материалы и методы исследования: *теоретического уровня* – изучение, анализ, сравнение и обобщение психолого-педагогической и методической литературы отечественных и зарубежных авторов по проблеме педагогической поддержки личностной самореализации будущих учителей в образовании; *эмпирического уровня* – наблюдение; диагностические (анкетирование, беседы, опросы, психолого-педагоическое тестирование) с целью диагностики уровня подготовленности кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации будущих учителей.

Результаты исследования и их обсуждение. В своей работе мы придерживаемся идеи К.К. Платонова, который считает, что оптимальным результатом профессиональной подготовки и учебы личности является профессиональная подготовленность [8, с. 106]. Профессиональная подготовленность формируется предварительно, в итоге специально организованных влияний; она действует и оказывается постоянно и составляет важнейшую предпосылку успешной профессиональной деятельности педагогов.

Педагогическая подготовленность характеризуется соответствующим уровнем знаний, умений и навыков, наличием позитивных профессиональных установок, которые позволяют преподавателям и кураторам квалифицированно выполнять педагогическую деятельность по педагогической поддержке личностной самореализации студентов, которая предопределяет успешное решение следующих заданий:

– предоставление учебно-воспитательному процессу творческого характера;

– приобретение студентами опыта личностной самореализации в разных видах деятельности;

– стимулирование инициативы и творчества студентов;

– формирования у студентов не только познавательных, но и профессиональных мотивов, профессиональной позиции.

Содержание педагогической поддержки куратора как воспитателя и организатора направленная на стимулирование личностной самореализации студентов и заключается в формировании и развитии студенческого коллектива, прививании любви к естественным наукам в выбранной специальности, подкреплении веры в собственные силы студента, в способности обнаруживать недостатки и позитивные стороны их характера, в создании условий для проявления способностей в учебно-воспитательной и социально общественной деятельности.

Деятельность куратора студенческой группы к оказанию педагогической поддержки самореализации студентов направлена на содействие саморазвитию будущих учителей, реализации их творческого потенциала, обеспечения активной социальной защиты, создания условий для активизации усилий студентов во время решения проблем, при этом выстраивая отношения с каждым студентом с учетом его индивидуальных особенностей. Иначе говоря, внимание кураторов сосредоточено не столько на организации студентов, сколько на помощи им в самоорганизации.

Методика работы кураторов определяется, во-первых, в выявлении и раскрытии самоуправляемого механизма личности, в стимулировании личностного развития студентов; во-вторых, в постоянном изменении тактик, направлений, методов и приемов влияния на членов студенческого коллектива, в перестраивании видов и стилей общения в зависимости от того, на какой стадии развития находится личность будущего учителя и студенческий коллектив в целом; в-третьих, в создании перспективы индивидуального развития личности и студенческого коллектива.

Для успешной личностной самореализации будущего учителя куратор обнаруживает наклоны и способности студентов и способствует их участию в работе научных и творческих кружков, культурных обществ, клубов за интересами, спортивных секций, в художественной самодеятельности; держит в поле зрения успеваемость студентов, устанавливает контакты с соответствующими кафедрами с целью создания надлежащих условий для учебы, предоставления помощи студентам, осуществления мероприятий для работы с одаренными студентами.

На четвертом – пятом курсах куратор вместе с преподавателями помогает студентам овладевать научной методологией, закреплять знания, которые получили из практики учебы

и воспитания, активно участвовать в научно-исследовательской работе, учебно-воспитательной деятельности, знакомить студентов с современными достижениями в отрасли науки, поддерживать развитие творческого потенциала в профессии, стремления приступить к работе как можно раньше и совершенствовать свой профессионализм. Студенты ЕГ были задействованы к проведению разнообразных научно-практических конференций, участия в олимпиадах, научной работе, в конкурсе молодых поэтов.

Студенты ЕГ начали заниматься в методическом центре ЮГПУ имени К.Д.Ушинского в вокальной студии; в хореографическом, театральном и поэтическом кружках; в спортивных секциях, в секции педагогической антропологии, секции краеведения; были задействованы в создании электронной библиотеки университета.

Методика воспитательной работы кураторов имела многоаспектный характер, перечень воспитательных мероприятий в работе педагогов был дополнен и расширен, планирование и организация работы содержала разнообразные направления воспитания: национального, патриотического, гражданского, духовного и морального, экологического, эстетичного и физического.

Динамика сформированности личностных и профессиональных качеств студентов положительно повлияла на построение межличностных отношений между субъектами учебно-воспитательного процесса, успешное усвоение профессиональных знаний, умений и навыков, состоялись позитивные изменения в развитии индивидуальной траектории студента.

Подготовленность кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации мы определяем как интегративную совокупность взаимосвязанных качеств личности, которые предусматривают владение теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками организации педагогической поддержки личностной самореализации студента (тактики, приемы, ситуации, средства). Важным при осуществлении педагогической поддержки студентов является наличие таких личностных качеств педагогов (экспрессивность, емпатия, коммуникабельность, фасилятивность и др.), которые заключаются в умении осознанно использовать их во время осуществления педагогической поддержки, направленные на стимулирование и повышение уровня личностной самореализации студента.

Анализ трудов ведущих научных работников в области данной проблемы позволил выделить структуру подготовленности кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов (далее ППЛС) (рисунок 1), которая включает четыре компонента (мотивационный, смысловой, деятельностный и рефлексивный), совокупность и взаимодействие которых влияет на осознание и обобщение профессиональных установок, реализацию знаний, умений и навыков, самораскрытие и самоосуществление преподавателей и кураторов.

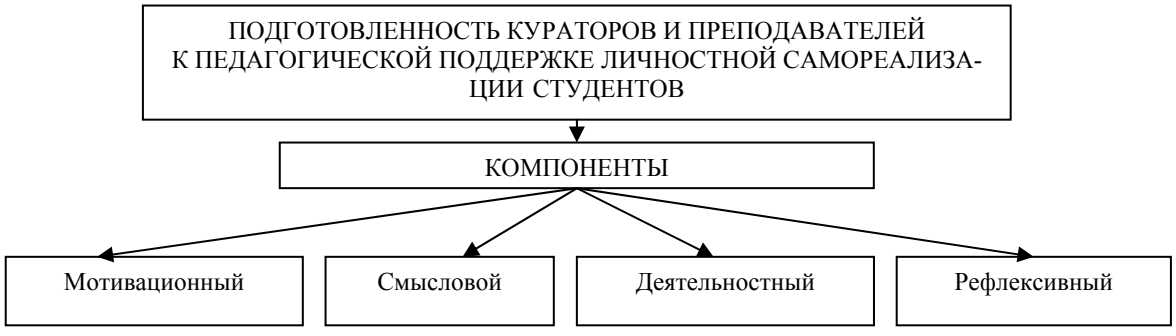


Рисунок 1 – Структура подготовленности кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов

Мотивационный компонент подготовленности кураторов и преподавателей к ППЛС будущих учителей отражает направленность на осознание специалистов осуществление поддержки личностной самореализации студентов. В состав этого компонента относим интересы, жизненные цели, убеждения, желания осуществлять педагогическую поддержку личностной самореализации студентов, профессиональную направленность и самоусовершенствование педагогов.

Смысловой компонент подготовленности кураторов, преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации будущих учителей предусматривает наличие системы формирования представлений и знаний по ППЛС.

Деятельностной компонент подготовленности кураторов и преподавателей к ППЛС будущих учителей содержит в себе совокупность приобретенных профессиональных, организационных и диагностических умений, которые позволяют успешно осуществлять педагогическую поддержку личности, и выражают зависимость личностной самореализации будущих учителей естественных дисциплин от уровня педагогической поддержки преподавателя.

Рефлексивный компонент подготовленности кураторов и преподавателей к ППЛС будущих учителей отображает способность педагога к самоанализу профессиональной деятельности по поддержке личностной самореализации студентов на основе приобретенных знаний, способствует поиску оптимальных, педагогически целесообразных форм и методов предоставления помощи с учетом индивидуально-личностных особенностей будущих учителей. Предусматривает анализ, понимание и осознание педагогом себя: своей деятельности, опыта, чувств, поступков, действий, способностей, своего назначения в жизни в целом. Именно поэтому в контексте рефлексивного компонента мы выделяем самопроектирование педагогов.

Критериями подготовленности преподавателей и кураторов к ППЛС будущих учителей выступили: установочно-личностный, когнитивный, технологический и оценочный. Для определения уровня подготовленности преподавателей и кураторов к поддержке личностной самореализации студентов был подобран и использован комплекс различных методик и диагностик, составлены анкеты и разработаны опрошенные листы.

С целью определения состояния подготовленности кураторов и преподавателей к ППЛС будущих учителей, мы провели опрос 154 преподавателей и 85 кураторов, педагогов с опытом работы не менее трех лет института физики и математики государственного заведения «Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Одесса), и химического и физического факультетов Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

Результаты констатирующего эксперимента (таблица 1) показали, что большинство опрошенных продемонстрировали средний (46,4 % преподавателей и 43,2 % кураторов) и достаточный (24,7 % преподавателей и 25,8 % кураторов) уровни подготовленности к этой деятельности; на высоком уровне – только 9,5 % преподавателей и 10 % кураторов; на низком было выявлено 19,4 % преподавателей и 21,0 % кураторов. Полученные данные показали недостаточную подготовленность педагогов к педагогической поддержке личностной самореализации.

Поэтому для повышения уровня подготовленности педагогов к рассматриваемой специфической деятельности нами были разработаны: методика подготовки кураторов и преподавателей вуза к педагогической поддержке личностной самореализации будущих учителей естественных дисциплин; серия семинаров и тренингов; спецкурс «Педагогическая поддержка личностной самореализации будущих учителей» [9]; методические рекомендации кураторам студенческих групп по следующим темам «Педагогическая поддержка студентов ВНЗ» [10], «Подготовка кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации студентов вишу» [11], что дало возможность обеспечить понимание у педагогов необходимости осуществлять поддержку развития личностных и профессиональных качеств студентов ради их успешной личностной самореализации в учебное время в вузе, расширить знание, повысить уровень их осведомленности относительно педагогической поддержки личностной самореализации студентов.

Мы провели повторное диагностирование подготовленности преподавателей и кураторов к педагогической поддержке личностной самореализации будущих учителей за вышеупомянутыми критериями, которые отражали наличие того или другого компонента, используя те же методики, что и при начальном диагностировании.

Обобщая полученные начальные показатели диагностирования подготовленности преподавателей и кураторов ЭГ и КГ к ППЛС за определенными критериями, мы выявили такие средние показатели за высоким (В), достаточным (Д), средним (С) и низким (Н) уровнями. Сравнительные результаты уровней подготовленности педагогов к рассматриваемой деятельности до и после эксперимента наведены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительные результаты уровней подготовленности преподавателей и кураторов ЕГ и КГ по педагогической поддержке личностной самореализации студентов (до и после эксперимента в %)

Уровни	До эксперимента				После эксперимента			
	Преподаватели		Кураторы		Преподаватели		Кураторы	
	ЕГ	КГ	ЕГ	КГ	ЕГ	КГ	ЕГ	КГ
Высокий	9,5	9,4	10,0	10,3	21,8	11,5	24,5	12,2
Достаточный	24,7	24,6	25,8	26,3	44,3	29,5	46,4	28,0
Средний	46,4	46,6	43,2	44,0	32,8	44,4	28,1	43,5
Низкий	19,4	19,4	21,0	19,4	1,1	14,6	1,0	16,3

В таблице 1 можно увидеть сравнительные результаты уровней подготовленности преподавателей и кураторов ЭГ и КГ. После проведенной работы мы видим существенные изменения в уровнях подготовленности педагогов ЭГ. Так, на высоком уровне уже находятся 21,8 % преподавателей ЭГ и 11,5 % КГ; на достаточном 44,3 % преподавателей ЭГ и 29,5 % КГ; на среднем – 32,8 % преподавателей ЕГ и 44,4 % КГ и на низком 1,1 % преподавателей ЕГ и 14,6 % КГ. У кураторов на высоком уровне находятся 24,5 % преподавателей ЕГ и 12,2 % КГ; на достаточном 46,4 % преподавателей ЭГ и 28,0 % КГ; на среднем – 28,1 % преподавателей ЭГ и 43,5 % КГ и на низком 1,0 % преподавателей ЭГ и 16,3 % КГ. Анализируя полученные результаты, мы отметили, что после проведения экспериментальной работы в ЭГ состоялись значительные позитивные изменения, а показатели КГ – остались почти без изменений.

Поскольку уровень личностной самореализации студентов зависит от подготовленности кураторов и преподавателей к педагогической поддержке личностной самореализации, то мы проверяли уровень сформированности личностной самореализации будущих учителей в конце формирующего этапа эксперимента.

У студентов экспериментальных групп, которые принимали участие в исследовании, в результате формирующего эксперимента значительно повысился исходный уровень сформированности личностной самореализации. На личностно-креативном уровне самореализации стало 19,5 % студентов (было 10,9 %), на индивидуально-ролевом – 56,1 % студентов (было 37,6 %), и на примитивно исполнительном осталось 24,4 % студентов, тогда как к началу проведения формирующего эксперимента на этом уровне находилось 51,5 % студентов.

Для математической обработки полученных результатов был использован критерий однородности χ^2. Эмпирическое значение критерия χ^2 сравнение ЭГ и КГ на констатувальному этапе эксперимента меньше критического значения, которые свидетельствуют о несущественных отличиях между этими группами. Зато, эмпирическое значение критерия χ^2 сравнение ЭГ и КГ на формирующем этапе эксперимента больше критического значения. То есть, достоверность разногласий характеристик КГ и ЭГ после эксперимента составляла 95 %, что свидетельствует о статистической значимости полученных результатов. Существование реального взаимодействия между определенной педагогической поддержкой и ее влиянием на стимулирование личностной самореализации студентов подтвердило эмпирическое исследование.

Сравнение полученных оконечных результатов с результатами контатувального эксперимента обнаружило, что в ЭГ, где была реализована разработанная нами методика, качество подготовленности кураторов и преподавателей к поддержке личностной самореализации студентов существенно выросло.

Заключение. Анализируя полученные данные, мы пришли к выводу, что проведенная работа по развитию тех критериев подготовленности преподавателей и кураторов к педагогической поддержке личностной самореализации студентов, которые по данным диагностирования были развитыми недостаточно (на низком и среднем уровне), способствовала значительному улучшению показателей в ЕГ сравнительно с результатами в КГ. Следовательно, можно утверждать, что подготовленность преподавателей и кураторов ЕГ в отмеченном направлении стала эффективной.

Литература

1. Балацинова, А.Д. Педагогічна підтримки обдарованих учнів загальноосвітніх шкіл України другої половини ХХ століття : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / А.Д. Балацинова. – Харків, 2011. – 22 с.

2. Дейніченко, Т.І. Диференціація навчання в процесі групової форми його організації (на прикладі предметів природничо – математ.циклу) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.09 / Т.І. Дейніченко. – Харків, 2006. – 21 с.

3. Егорова, Е.В. Подготовка будущих учителей в университетах Германии к оказанию педагогической поддержки школьникам : автореф. дис … канд. пед. наук : 13.00.08 / Е.В. Егорова. – Великий Новгород, 2008. – 21 с.

4. Лазарева, Л.П. Теория и практика педагогической поддержки саморазвития жизнеустойчивости студентов технического вуза : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Лазарева Л.П. – Хабаровск, 2000. – 287 с.

5. Ничкало, Н.Г. Професійно-технічній освіті – державну підтримку та науково-педагогічне забезпечення / Н.Г. Ничкало // Нові технології навчання : наук.-метод. зб. – 1995. – Вип. 15. – С. 11–24.

6. Шлюбуль, Е.Ю. Педагогическая поддержка студента в образовательном пространстве вуза : дис. … канд. пед. Наук : 13.00.08 / Шлюбуль Е.Ю. – Краснодар, 2005. – 164 с.

7. Шустова, И.Ю. Педагогическая поддержка как условие становления готовности к самоанализу старшеклассников : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Шустова И.Ю. – М., 1999. – 187 с.

8. Платонов, К.К. Краткий словарь системы психологических понятий / К.К. Платонов. – М. : Высшая школа, 1984. – 174 с.

9. Савчук, О.П. Педагогічна підтримка студентів ВНЗ : методичні рекомендації кураторам студентських груп / О.П. Савчук. – Одеса : Державний заклад «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського», 2010. – 44 с.

10. Савчук, О.П. Педагогічна підтримка особистісної самореалізації майбутніх учителів : програма спецкурсу / О.П. Савчук. – Одеса : Державний заклад «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського», 2011. – 62 с.

11. Савчук, О.П. Методичні рекомендації з підготовки викладачів і кураторів до педагогічної підтримки особистісної самореалізації майбутніх учителів природничих дисциплін / О.П. Савчук. – Одеса : Державний заклад «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д. Ушинського», 2012. – 84 с.

Южноукраиснкий национальный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского

Поступила в редакцию 18.11.2014

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 796.035:796.4:796.011.3-057.874

Об эффективности занятий оздоровительной аэробикой с учащимися старших классов на уроках физической культуры

О.В. Тозик, А.Г. Нарскин

Представлены результаты исследования влияния занятий оздоровительной аэробикой на уроках физической культуры в школе. В ходе педагогического эксперимента определены особенности динамики показателей физической подготовленности старшеклассников. Доказана эффективность использования упражнений оздоровительной аэробики в вариативной части урока по физической культуре в общеобразовательной школе.
Ключевые слова: гиподинамия, оздоровительная аэробика, урок физической культуры, физическая подготовленность, учащиеся старших классов.

The research results of the influence of taking health-improving aerobic activities on Physical Education (PE) lessons at school are shown. In the course of pedagogical experiment some specific aspects of the dynamics of indicators of upper-form pupils' physical readiness were determined. The efficiency of the use of exercises of health-improving aerobics in various parts of PE lesson at secondary school was proved.
Keywords: hypodynamia, health-improving aerobics, physical education (PE) lesson, physical readiness, pupils of senior classes.

Введение. Многочисленные исследования, проводимые как в Республике Беларусь, так и за рубежом, свидетельствуют, что охрана здоровья подрастающего поколения является важнейшей государственной задачей. В связи с этим к физическому воспитанию в общеобразовательных школах предъявляются особые требования. Так как большинство ученых и практиков считают гипокинезию не только одним из ведущих факторов риска развития многих заболеваний, но и причиной снижения уровня функциональных возможностей организма [1], [2], становится очевидной необходимость совершенствования и оптимизации двигательной активности школьников, повышения оздоровительной эффективности уроков физической культуры как одного из путей сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения, нормализации физического развития и физической подготовленности учащихся.

Как отмечет В.А. Пегов [3], на современном уровне развития образования характерна его «психологизация», т. е. основные усилия педагогов концентрируются на развитии интеллектуальных процессов, при этом часто игнорируется физическое развитие школьника. Поэтому внедрение современных оздоровительных технологий, разработка и обоснование эффективности средств и методов физического воспитания должны занимать ведущее место в системе мероприятий, обеспечивающих оптимизацию физического состояния школьников в условиях психоэмоционального напряжения при обучении в школе.

Цель исследования заключалась в обосновании эффективности занятий оздоровительной аэробикой с учащимися старших классов на уроках физической культуры в школе.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенные нами предварительные исследования физического развития, функциональной и двигательной подготовленности учащихся позволили установить, что направленность физических упражнений при организации занятий по физической культуре в школе должна носить преимущественно оздоровительный характер. Кроме того, установлено наличие ряда противоречий между имеющимися мотивами к занятиям физическими упражнениями у старшеклассников и реализуемой в настоящее время системой физического воспитания учащихся. Важно подчеркнуть, что ориентация учебного материала на недостаточно сформированные мотивы или даже мотивы, имеющие отрицательное значение в системе личностных ориентаций школьников, весьма часто приводит к негативным последствиям.

На основании полученных данных нами был предложен инновационный подход к планированию учебного материала по физической культуре для учащихся старших классов, суть которого заключалась в оптимальном сочетании содержания элементов базового компонента (включающего теоретические знания, двигательные умения и навыки, обязательные для усвоения старшеклассниками), и вариативного (использование целенаправленных физических

упражнений, способствующих развитию физической подготовленности, улучшению функционального состояния и повышению функциональных резервов занимающихся). Применяя разработанную методику распределения учебного материала в структуре урока школьного типа, мы полагали, что используемые нами средства позволят не только улучшить динамику показателей функциональной подготовленности и уровень развития физических качеств в течение учебного года, но и будут способствовать повышению функциональных резервов организма школьников.

В качестве средств вариативного компонента нами использовались занятия классической и степ-аэробикой. Эти виды оздоровительной физической культуры относятся к наиболее популярным и доступным, а рациональная организация занятий и целесообразное построение нагрузок способствуют не только улучшению физического развития и физической подготовленности, но и служат действенным средством предупреждения и коррекции отклонений в состоянии здоровья [4], [5], [6].

Классическая аэробика является наиболее распространенным видом аэробики и представляет собой синтез общеразвивающих гимнастических упражнений, разновидностей бега, скачков и подскоков, выполняемых под музыкальное сопровождение 120–160 акцентов в минуту. Основной физиологической направленностью данного вида аэробики является развитие выносливости и повышение функциональных возможностей кардиореспираторной системы.

Степ-аэробика является ближайшей родственницей классической аэробики. Главной ее особенностью является использование специальной степ-платформы, которая позволяет выполнять различные шаги, подскоки на нее и через нее в различных направлениях, а также использовать ее для выполнения упражнений для брюшного пресса, спины и др. Ярусное устройство платформы позволяет регулировать ее высоту, а следовательно, и физическую нагрузку. В основе степ-аэробики в основном лежит хореография базовой аэробики, что не исключает возможность проведения других ее видов.

Рациональное дозирование физической нагрузки при занятиях оздоровительной аэробикой основывалось на учете физических и функциональных возможностей занимающихся и осуществлялось на основании рабочего уровня частоты сердечных сокращений (по формуле Карвонена) [7, с. 107]:

$$ЧСС_р = [(220 - возраст) - ЧСС_п] \times ИТН + ЧСС_п,$$

где $ЧСС_р$ – частота сердечных сокращений, рекомендуемая для кардиотренировки;

$ЧСС_п$ – частота сердечных сокращений в покое;

ИТН – необходимая интенсивность тренировочной нагрузки. При 50–85 % от максимальной ЧСС – соответственно 0,5; 0,6; 0,7 и т. д.

По воздействию на системы организма занимающихся все упражнения аэробики принято делить на три группы [6, с. 8]. К первой группе относятся упражнения, оказывающие воздействие на сердечно-сосудистую и дыхательную системы, ко второй – упражнения для мышц и суставов, к третьей – упражнения, действие которых направлено на нормализацию психических процессов методами релаксации, внушения, аутотренинга.

Упражнения для комплексов оздоровительной аэробики подбирались из числа описанных в специальной литературе, а также разработанных нами. Так как каждое упражнение имело свою целевую направленность (на развитие скоростно-силовых качеств, силы, выносливости и т. п.), то на каждом занятии мы старались использовать разнонаправленные упражнения, чтобы воздействие на организм носило комплексный характер.

Обязательным при составлении комплексов оздоровительной аэробики являлся учет анатомо-физиологических различий между юношами и девушками: если юноши-старшеклассники обладают большими силовыми возможностями и выносливостью, то старшеклассницы-девушки – лучшей координацией, гибкостью. В этой связи для стимуляции и поддержания интереса к занятиям нами использовались комплексы из новых направлений аэробики – фанк-аэробики (выполнение свободных танцевальных движений в стиле «хип-хоп»), фитбол-аэробики (аэробика с использованием фитболов – больших резиновых мячей), памп-аэробики (силовая разновидность аэробики с использованием гантелей и небольших штанг), тай-бо (аэробика с элементами восточных единоборств – ушу, таэквондо, кикбоксинга) и других.

Для оценки уровня физической подготовленности мы использовали тесты, рекомендованные учебной программой для общеобразовательных учреждений, утвержденной Министерством образования Республики Беларусь.

Как показал сравнительный анализ данных физической подготовленности, до начала эксперимента контрольная и экспериментальная группы не имели достоверных различий. В то же время по окончании педагогического эксперимента практически по всем показателям старшеклассники экспериментальной группы превзошли своих сверстников из контрольной (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика показателей физической подготовленности юношей-старшеклассников в ходе педагогического эксперимента, M ± m

Показатели	До начала эксперимента				По окончании эксперимента			
	КГ	ЭГ	Достоверность различий		КГ	ЭГ	Достоверность различий	
			t	P			t	P
Челночный бег 4×9 м, с	9,62 ± 0,51	9,54 ± 0,49	0,39	> 0,05	9,54 ± 0,41	9,23 ± 0,38	1,96	> 0,05
Бег 30 м, с	5,16 ± 0,15	5,20 ± 0,17	0,61	> 0,05	4,91 ± 0,15	4,75 ± 0,14	2,75	< 0,05
Прыжок в длину с места, см	2,12 ± 0,17	2,14 ± 0,15	0,30	> 0,05	2,15 ± 0,14	2,27 ± 0,12	2,31	< 0,05
Бег 1500 м, мин	6,13 ± 0,23	6,10 ± 0,25	0,30	> 0,05	6,01 ± 0,29	5,45 ± 0,27	4,99	< 0,001
Подтягивание на перекладине, раз	8,57 ± 2,34	9,04 ± 3,41	0,39	> 0,05	9,54 ± 2,11	11,87 ± 2,06	2,79	< 0,01
Наклон вперед, см	6,59 ± 4,25	6,94 ± 4,12	0,20	> 0,05	9,02 ± 3,47	14,75 ± 3,35	4,19	< 0,001

Так, по результатам челночного бега 4 × 9 м, характеризующем качество ловкости, у юношей из контрольной группы данный показатель улучшился с 9,62 ± 0,51 с до 9,54 ± 0,41 с, в то время как у юношей экспериментальной группы – с 9,54 ± 0,49 с до 9,23 ± 0,38 с.

Более значимые изменения отмечены в показателях бега на 30 м (позволяющем определить уровень развития скоростных качеств) – 4,91 ± 0,15 с в контрольной группе и 4,75 ± 0,14 с в экспериментальной группе соответственно, при $t = 2,75$, $p < 0,05$ и прыжке в длину с места (по результатам которого оцениваются скоростно-силовые качества) – 2,15±0,14 м против 2,27 ± 0,12 м в контрольной и экспериментальной группах соответственно, $t = 2,31$, $p < 0,05$.

Более значимые достоверные различия между юношами контрольной и экспериментальной групп были отмечены в среднегрупповых результатах тестов бег 1500 м (6,01 ± 0,29 мин и 5,45 ± 0,27 мин в контрольной и экспериментальной группе соответственно, при $t = 4,99$, $p < 0,001$), подтягивании из виса на перекладине (9,54 ± 2,11 раз и 11,87 ± 2,06 раз в контрольной и экспериментальной группах соответственно, $t = 2,79$, $p < 0,01$) и наклоне вперед из положения сидя (9,02 ± 3,47 см в контрольной и 14,75 ± 3,35 см в экспериментальной группе соответственно, при этом $t = 4,19$, $p < 0,001$).

В группе девушек (таблица 2) были отмечены еще более выраженные изменения – старшеклассницы экспериментальной группы по всем тестам значимо превзошли своих ровесниц из контрольной группы.

Таблица 2 – Динамика показателей физической подготовленности девушек-старшеклассниц в ходе педагогического эксперимента, M ± m

Показатели	До начала эксперимента				По окончании эксперимента			
	КГ	ЭГ	Достоверность различий		КГ	ЭГ	Достоверность различий	
			t	P			t	P
Челночный бег 4×9 м, с	10,57 ± 0,54	10,69 ± 0,51	0,55	> 0,05	10,55 ± 0,42	10,20 ± 0,40	2,08	< 0,05
Бег 30 м, с	5,68 ± 0,12	5,64 ± 0,14	0,75	> 0,05	5,59 ± 0,14	5,35 ± 0,16	3,26	< 0,01
Прыжок в длину с места, см	1,67 ± 0,13	1,65 ± 0,14	0,36	> 0,05	1,72 ± 0,13	1,85 ± 0,11	2,61	< 0,05
Бег 1100 м, мин	5,18 ± 0,23	5,24 ± 0,27	0,58	> 0,05	5,10 ± 0,29	4,51 ± 0,31	4,80	< 0,001
Поднимание туловища, раз	44,29 ± 4,18	43,87 ± 4,12	0,24	> 0,05	47,87 ± 3,94	51,21 ± 3,85	2,09	< 0,05
Наклон вперед, см	12,51 ± 2,41	12,08 ± 2,86	0,39	> 0,05	15,57 ± 2,52	20,84 ± 2,78	4,87	< 0,001

Так, в челночном беге 4×9 м среднегрупповой результат девушек экспериментальной группы составил 10,20 ± 0,40 с, в то время как у девушек контрольной группы по окончании эксперимента он был равен 10,55 ± 0,42 с ($t = 2,08$, $p < 0,05$).

В беге на 30 м у старшеклассниц контрольной группы среднегрупповой результат был равен 5,59 ± 0,14 с, в то время как в экспериментальной группе он составил 5,35 ± 0,16 с., при достоверности различий между группами $t = 3,26$, $p < 0,01$.

По окончании педагогического эксперимента среднегрупповой результат в прыжках в длину с места у девушек экспериментальной группы составил 1,85 ± 0,11 м, при этом у девушек контрольной группы исследуемый показатель был равен 1,72 ± 0,13 м ($t = 2,61$, $p < 0,05$).

В результатах бега на 1100 м (характеризующем качество общей выносливости), девушки экспериментальной группы также превзошли своих сверстниц из контрольной: по итогам года их результат был равен 4,51 ± 0,31 мин, в то время как у девушек контрольной группы – всего 5,10 ± 0,29 мин, ($t = 4,80$, $p < 0,001$).

По уровню развития силовых качеств, оцениваемому по результатам теста «Поднимание туловища из положения лежа» также выявлено превосходство девушек экспериментальной группы (51,21 ± 3,85 раза против 47,87 ± 3,94 раз в контрольной группе, $t = 2,09$, $p < 0,05$).

Среднегрупповой показатель в тесте «Наклон вперед из положения сидя» (позволяющем оценить уровень развития гибкости) у девушек экспериментальной группы по окончании года был равен 20,84 ± 2,78 см, в то время как их сверстницы из контрольной группы показали лишь 15,57 ± 2,52 см, $t = 4,87$, $p < 0,001$.

Заключение. Физическая подготовленность школьников, как и их физическое развитие, подчиняется общим биологическим закономерностям роста и развития и во многом зависит от генетических предпосылок и состояния здоровья. Однако именно показатели физической подготовленности в большей мере отражают влияние процесса физического воспитания по сравнению с показателями физического развития. Сравнение динамики показателей физической подготовленности учащихся старших классов контрольной и экспериментальной групп в ходе педагогического эксперимента позволило установить эффективность разработанной нами методики занятий оздоровительной аэробикой на уроках по физической культуре в школе.

Литература

1. Богатырев, В.С. Снижение уровня физической подготовленности выпускниц средних школ / В.С. Богатырев, В.И. Циркин, С.А. Дворянский // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2000. – № 2. – С. 14–16.

2. Доленко, Ф.Л. Аспекты гипокинезии / Ф.Л. Доленко // Теория и практика физической культуры. – 1987. – № 7. – С. 17–18.

3. Пегов, В.А. Теоретическое и практическое обоснование возможных путей решения проблемы экологии детства: от «нормального» к здоровому / В.А. Пегов // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 9. – С. 49–52.

4. Анисимова, М.В. Занимаясь оздоровительной аэробикой: В помощь учителю / М.В. Анисимова // Физическая культура в школе. – 2004. – № 6. – С. 29–35.

5. Беспутчик, В.Г. Аэробика в физическом воспитании школьника / В.Г. Беспутчик. – Брест. пед. ин-тут им. А. С. Пушкина. – Минск, 1995. – 95 с.

6. Лисицкая, Т.С. Принципы оздоровительной тренировки / Т.С. Лисицкая // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 8. – С. 6–14.

7. Давыдов, В.Ю. Методика преподавания оздоровительной аэробики: Учебное пособие // В.Ю. Давыдов, Т.Г. Коваленко, Г.О. Краснова. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2004. – 124 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 28.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

ПРАВО

УДК 343.1:343.296

Судебное производство по уголовным делам в части обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением

С.Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

В настоящее время стала утверждаться качественно новая доктрина, закрепляющая приоритет обеспечения прав лиц, которым в результате совершения преступлений причиняется вред. В связи с этим актуализируется проблема критического осмысления и дальнейшего развития механизма защиты прав указанных лиц, одним из основных элементов которого является гражданский иск. Рассматриваются вопросы обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, на судебных стадиях уголовного процесса.
Ключевые слова: судебное производство, вред, уголовный процесс, меры пресечения.

At the present time qualitatively new doctrine becomes firmly established. This doctrine consolidates priority of providing rights of individuals to whom harm was inflicted as a result of a crime. In this connection problem of critical perception and further development of mechanism of protection of the indicated individuals' rights is being brought up to date. One of the primary elements of the mechanism is civil claim. Questions on providing indemnification of harm inflicted by crime at litigation stage of a criminal procedure are contemplated in the article.
Keywords: judicial proceedings, harm, criminal procedure, preventive measure.

Система общественных отношений в современном государстве строится на приоритете соблюдения прав и свобод человека. Предельно отчётливо степень приверженности данному постулату проявляется в национальном законодательстве. Его состояние и генезис является объективным критерием оценки эффективности обеспечения основных прав и законных интересов граждан.

Одно из основных мест в национальных законодательствах отводится разрешению уголовно-правовых конфликтов, поскольку преступление как крайнее проявление девиантного поведения несёт в себе серьёзную угрозу нормальному функционированию любого цивилизованного общества. Эта задача решается в рамках уголовного процесса, неотъемлемой частью которого является механизм обеспечения прав лиц, пострадавших в результате совершения преступления.

Обеспечение прав лиц, пострадавших в результате совершения преступления, в соответствии со ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), заключается, в частности, в том, что лица, которым общественно опасным деянием причинен вред, имеют право предъявить гражданский иск. Данному праву соответствует обязанность суда рассмотреть гражданский иск вместе с уголовным делом.

На первой стадии судебного производства, именуемой стадией назначения и подготовки судебного разбирательства, судья единолично выясняет следующие вопросы:

1) подсудно ли дело данному суду;

2) не имеются ли обстоятельства, влекущие приостановление производства по делу;

3) подлежит ли изменению или отмене применённая в отношении обвиняемого мера пресечения;

4) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение вреда, причинённого преступлением, и возможную конфискацию имущества;

5) подлежат ли удовлетворению заявления и ходатайства

6) имеются ли основания для проведения предварительного судебного заседания (ст. 277 УПК).

Оценивая указанные вопросы, необходимо отметить, что практически все они, за исключением вопроса о том, подлежит ли изменению или отмене применённая в отношении обвиняемого мера пресечения, находятся в органической связи с судьбой исковых требований.

Судья по поступившему в суд уголовному делу принимает одно из следующих решений:

1) о направлении дела по подсудности;

2) о приостановлении производства;

3) о назначении предварительного судебного заседания;

4) о назначении судебного разбирательства (ст. 276 УПК).

Прекращая производство по уголовному делу в предварительном судебном заседании, судья не вправе разрешать гражданско-правовые требования, поскольку стадия назначения и подготовки судебного разбирательства не является разбирательством уголовного дела по существу и, следовательно, не гарантирует участие в ней сторон и иных заинтересованных в исходе дела лиц.

При отсутствии оснований, препятствующих рассмотрению уголовного дела в суде, судья принимает решение о назначении судебного разбирательства, облекаемое в форму постановления, в котором разрешается, в частности, вопрос о вызове в судебное заседание гражданского истца и ответчика. В указанном постановлении следовало бы также принимать решение по гражданскому иску.

В случае непринятия на досудебных стадиях мер по обеспечению возмещения вреда, причинённого преступлением, судья обязывает орган уголовного преследования такие меры принять (ст. 284 УПК). Это решение должно облекаться в форму отдельного постановления.

Центральной частью производства по гражданскому иску является стадия судебного разбирательства.

Судебное разбирательство происходит при обязательном участии обвиняемого. Однако закон допускает рассмотрение дел и в его отсутствие в случаях, когда:

1) лицо, обвиняемое в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления, признаёт свою вину и ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие;

2) обвиняемый находится вне пределов Республики Беларусь и уклоняется от явки в судебное заседание.

При неявке истца иск, как правило, рассмотрению не подлежит и оставляется без рассмотрения. Обратное допустимо, если:

1) истец или его представитель ходатайствуют о рассмотрении иска в его отсутствие;

2) иск поддержан (заявлен) прокурором;

3) суд признаёт необходимость рассмотрения иска.

Неявка гражданского ответчика или его представителя не является препятствием для рассмотрения гражданского иска.

В подготовительной части судебного заседания явившимся сторонам и иным лицам разъясняются их права и обязанности. Кроме этого, на данном этапе гражданский истец и обвиняемый (ответчик) вправе заявлять ходатайства о производстве различных процессуальных действий.

Судебное следствие, на котором непосредственно осуществляется процесс доказывания гражданского иска, начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения, а по делам частного обвинения – с изложения заявления частным обвинителем (ст. 325 УПК). После этого председательствующий опрашивает обвиняемого, понятно ли ему обвинение, разъясняет сущность обвинения и выясняет его отношение к предъявленному обвинению. Наряду с обвинением должны зачитываться и исковые заявления, поскольку в оглашаемом обвинении не отражаются гражданско-правовые аспекты. При этом следует иметь в виду, что гражданский ответчик участвует в судебном заседании с целью оспаривания исковых требований. Отсюда вытекает необходимость оглашения иска и постановки ответчику вопроса, признаёт ли он требования истца обоснованными.

Исследование доказательств на судебном следствии ведётся в порядке, определяемом судом по согласованию сторон.

Необходимо отметить, что какие-либо объяснения истца или ответчика в качестве источников доказательств не выступают. Однако защита прав и законных интересов указанных лиц в настоящее время обеспечивается возможностью их допроса в качестве свидетелей.

В ходе судебного заседания непосредственно исследуются вещественные и письменные доказательства, проводятся необходимые следственные действия. Одним из важнейших средств доказывания гражданского иска является экспертиза, которую суд вправе назначить по собственной инициативе или по ходатайству сторон. Назначение того или иного вида экспертизы обусловливается характером причиняемого преступлением вреда и конкретными обстоятельствами совершённого преступления. Так, для установления размера возмещения физического вреда может быть назначена судебно-медицинская экспертиза. Обстоятельства, релевантные для определения размера имущественного вреда, могут стать предметом исследования судебно-экономической и судебно-товароведческой экспертизы.

Следует подчеркнуть, что в целом суд осуществляет руководство судебным заседанием, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и обеспечивая равенство прав, а также необходимых условий для их реализации сторонам обвинения и защиты. Вместе с тем он может выступать инициатором производства ряда процессуальных действий, в том числе истребовать у гражданского истца и ответчика предметы и документы, относящиеся к иску.

По окончании судебного следствия суд переходит к судебным прениям, которые состоят из речей государственного обвинителя, частного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца и ответчика или их представителей, защитника, обвиняемого, самостоятельно осуществляющего свою защиту, или его законного представителя.

Первым с речью выступает государственный обвинитель, который наряду с другими освещает вопросы, относящиеся к гражданскому иску. В силу своего должностного положения он обязан дать оценку доказанности как оснований иска, так и возражений против иска. Наибольшей глубиной должна отличаться речь прокурора, если им был предъявлен или поддержан гражданский иск.

Выступление гражданского истца и гражданского ответчика ограничены определенными рамками: в них могут быть отражены только те обстоятельства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу, а также только те доказательства, которые исследовались в судебном заседании. Это означает, что указанные субъекты вправе касаться в своей речи вопросов как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера.

После судебных прений и последнего слова обвиняемого суд немедленно удаляется для постановления приговора, о чём председательствующий объявляет присутствующим в зале судебного заседания.

В первую очередь рассматриваются уголовно-правовые вопросы. Затем обсуждается вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере.

В итоге суд, согласно ст. 155 УПК, принимает одно из следующих решений:

1) удовлетворяет полностью или частично гражданский иск;

2) отказывает в удовлетворении иска;

3) признаёт право на удовлетворение гражданского иска с передачей вопроса о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства;

4) оставляет гражданский иск без рассмотрения.

Следует отметить, что принятие других решений по гражданскому иску, отличных от перечисленных, не допускается.

Гражданский иск удовлетворяется лишь при постановлении обвинительного приговора или вынесения постановления (определения) о применении принудительной меры безопасности и лечения и в случае доказанности оснований и размеров исковых требований. При этом суд указывает в приговоре (постановлении, определении) срок для добровольного исполнения приговора в части гражданского иска. В противном случае (при несоблюдении принятого срока) осуществляется принудительное исполнение, но в рамках исполнительного производства. По изученным уголовным делам этот срок колебался от одного до трёх месяцев. Причём по некоторым делам суд указывал, что данный срок должен исчисляться со дня провозглашения приговора. Однако такую практику нельзя признать соответствующей закону, поскольку приговор (в том числе, в части гражданского иска) не вступает в силу со дня его провозглашения.

При постановлении обвинительного приговора может быть отказано в иске, если, например, вред определённому лицу не был причинён или был причинён не в результате совершённого преступления, отсутствовала вина гражданского ответчика, вред был причинён не охраняемым законом общественным отношениям.

При вынесении оправдательного приговора, постановления (определения) о прекращении производства по уголовному делу по применению принудительных мер безопасности и лечения в удовлетворении иска отказывается, если не установлено общественно опасное деяние либо не доказано участие обвиняемого (невменяемого) в совершении преступления (общественно опасного деяния).

Гражданский иск оставляется без рассмотрения в случае оправдания обвиняемого за отсутствием в деянии состава преступления либо прекращения дела за отсутствием оснований для применения принудительных мер лечения к лицу, которое, исходя из своего состояния и характера совершённого деяния, не представляет опасности для общества. Данное решение имеет место, например, в случае причинения вреда в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, в случае невиновности причинителя вреда.

Лицо, чей гражданский иск остался без рассмотрения, имеет право предъявить его в порядке гражданского судопроизводства (ст. 155 УПК). Тем самым гражданский истец оказывается в невыгодном положении, учитывая привилегии, предусмотренные уголовным процессом. Исходя из этого, ряд авторов предлагает решать вопрос о судьбе иска по существу и при оправдании обвиняемого за отсутствием в его действиях состава преступления [1, с. 95].

Авторы, отстаивающие позицию законодателя в этом вопросе, ссылаются на то, что нет ни теоретических, ни практических предпосылок для разрешения иска по существу в рассматриваемой ситуации. Например, А.Г. Мазалов указывает, что принципы уголовного процесса не позволяют разрешать в качестве гражданского дело, начатое производством как уголовное [2, с. 136].

В юридической литературе в качестве контраргумента было высказано мнение, заключающееся в том, что «в случае заявления гражданского иска в уголовном процессе рассматриваются сразу два дела – уголовное, основанное на охранительных уголовно-правовых отношениях, и гражданское, обусловленное гражданско-правовыми отношениями, порождёнными преступлением. Эти дела связаны друг с другом, однако они не перерастают одно в другое, равно как не трансформируется один вид материальных правоотношений в другой». Кроме того, «при вынесении оправдательного приговора по мотивам отсутствия состава преступления уголовно-процессуальные отношения продолжают жить до вступления приговора в законную силу. Это даёт суду возможность при постановлении приговора с помощью указанных отношений разрешать и гражданский иск» [1, с. 96].

В приведённом выше обосновании, на наш взгляд, присутствует логический изъян. Дело в том, что сам по себе факт существования уголовно-процессуальных отношений до вступления приговора в законную силу значимым быть признан не может. Иными словами, специфика правоотношений опосредована спецификой стадий уголовного процесса. После вынесения приговора возникают отношения, позволяющие решать задачи, стоящие перед стадией кассационного производства. Такая задача, как разрешение дела по существу, перед ней не стоит. Не следует также забывать о том, что приговоры Верховного Суда вступают в силу с момента их оглашения.

Однако нами ни в коей мере не оспаривается необходимость разрешения гражданских исков при оправдании обвиняемого за отсутствием состава преступления. Уголовно-процессуальные отношения, функционирующие на стадии судебного разбирательства, позволяют это сделать. Такой вывод базируется на том, что посредством их как выявляется охранительное гражданско-правовое отношение, так и устанавливаются все его структурные элементы, причём при соблюдении гарантий участвующих в деле лиц.

Признание за гражданским истцом права на удовлетворение иска и передача вопроса о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства допускается только тогда, когда отсутствует возможность произвести подобный расчёт по гражданскому иску без отложения разбирательства уголовного дела и когда ущерб не влияет на квалификацию преступления, назначение меры наказания и иные вопросы, возникающие при постановлении приговора.

Данный вид решения несёт в себе менее негативные последствия, чем оставление иска без рассмотрения. Дело в том, что при рассмотрении иска в гражданском процессе истец не будет обременён необходимостью доказывания оснований своих требований. Пределы соответствующего рассмотрения будут минимальны: нужно лишь установить размер вреда, подлежащего возмещению.

Как свидетельствует судебная практика, в ряде случаев судами допускается необоснованная передача вопроса о размерах гражданского иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (ввиду отсутствия сведений о цене иска на день вынесения решения). Также при постановлении обвинительного приговора выносятся решения об оставлении иска без рассмотрения, о разъяснении права на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства, о выделении иска в гражданское судопроизводство. Однако суд в этих случаях обязан либо удовлетворить (отказать в удовлетворении полностью или частично) иск, либо передать вопрос о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. В соответствии с законом, принимая последнее решение, председательствующий обязан самостоятельно принять дело к своему производству и разрешить заявленные исковые требования. Повторного обращения потерпевшего с иском в суд не требуется.

Несмотря на выявленные недостатки, рассматриваемый институт позволяет оперативно разрешать уголовно-правовые вопросы, которые не находятся в корреляционной связи с размером гражданского иска (исключение составляют случаи совпадения размера реального имущественного вреда и размера иска). Вряд ли можно признать обоснованным задержку вынесения приговора по причине несвоевременности предоставления истцом доказательств размера, например, физического вреда (ст. 954 ГК), стоимости ремонта автотранспорта и т. д. К тому же ситуация может усугубиться, если иск предъявляется в конце судебного следствия.

В судебном приговоре, при положительном решении по гражданскому иску, должно быть чётко зафиксировано, на кого, в чью пользу, в каком размере, в какой форме возлагается возмещение. При этом принятое решение должно быть обоснованным и мотивированным. Тем не менее данное требование во многих случаях не выполняется, особенно когда речь идёт о компенсации морального вреда.

Как было ранее отмечено, на стадии судебного разбирательства, помимо приговоров, выносятся определения (постановления) о прекращении производства по уголовному делу. Согласно УПК, посредством таких определений гражданский иск не подлежит разрешению. К вопросу о правомерности разрешения гражданского иска судом в случае прекращения дела по нереабилитирующим основаниям в ходе судебного разбирательства процессуалисты относятся неоднозначно. Например, А.Г. Мазалов, В.Т. Нор считают, что уголовно-процессуальный закон предоставляет право предъявлять гражданский иск в уголовном деле лишь лицам, которые понесли ущерб от преступления, по поводу которого возбуждён и ведётся уголовный процесс. Такой иск может быть разрешён исключительно приговором. Поэтому прекращение уголовного дела в любой стадии процесса, независимо от его оснований, влечёт за собой и прекращение производства по гражданскому иску [2, с. 150], [3, с. 91]. Л.Д. Кокорев и С.А. Александров указывают, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям возможно только в отношении лица, совершившего преступление. При прекращении уголовное дело разрешается по существу. Поэтому с точки зрения требований теории нет никаких препятствий для одновременного разрешения уголовно-правовых и гражданско-правовых вопросов [4, с. 115], [5, с. 48].

Мнение последних в целом является обоснованным. К тому же реально будет обеспечиваться своевременная и эффективная защита прав истца. Однако разрешение охранительного гражданского правоотношения при прекращении производства по делу по нереабилитирующим основаниям будет приемлемым только тогда, когда к моменту вынесения соответствующего определения (постановления) суд (судья) уже исследовал все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по гражданскому иску, при соблюдении прав заинтересованных лиц.

Приговоры, не вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по жалобам обвиняемого, его защитника и законного представителя, потерпевшего или его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, а также по протесту прокурора независимо от его участия в судебном разбирательстве уголовного дела.

Гражданский истец и гражданский ответчик (их представители) вправе обжаловать приговор в части, относящейся к гражданскому иску (ст. 370 УПК). В этой связи конкретный перечень обжалованных вопросов определяется с учетом тех элементов, которые входят в основание иска.

Все заинтересованные лица имеют право принять участие в заседании суда кассационной инстанции. При этом их неявка не является безусловным препятствием к кассационному пересмотру.

Порядок рассмотрения уголовного дела в кассационной инстанции определён ст. 384 УПК. Непосредственное рассмотрение дела начинается с доклада одного из судей, в котором излагается существо дела, жалобы или протеста. После чего участники заседания дают объяснения.

Следует добавить, что законодатель ввёл отдельные элементы апелляции в кассационное производство. Согласно ст. 384 УПК, суд по ходатайству сторон вправе назначить экспертизу.

В результате рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке суд принимает одно из решений, указанных в ст. 385 УПК.

В уголовном процессе предусмотрена дополнительная гарантия защиты прав и законных интересов потерпевших, обвиняемых, гражданских истцов и ответчиков – пересмотр дел в порядке судебного надзора.

Необходимо отметить, что инициатором возбуждения надзорного производства могут быть только компетентные должностные лица суда и прокуратуры. Поэтому вышеназванные участники процесса при несогласии с решениями судов первой и кассационной инстанции могут обратиться к субъектам надзорного опротестования с соответствующей жалобой. Если жалоба будет признана обоснованной, то председатель суда, прокурор или их заместители (в пределах своей компетенции) обязаны принести протест (ст. 410 УПК). Причём в предусмотренных законом случаях принесение протеста приостанавливает исполнение приговора (ст. 405 УПК).

В соответствии с общими правилами, принесение надзорного протеста не ограничивается какими-либо сроками. Однако пересмотр обвинительного приговора в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении, за мягкостью наказания или иным основаниям, влекущим ухудшение положения осуждённого, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу допускается в течение одного года по вступлении их в законную силу (ст. 406 УПК).

По данным правилам пересматривается обвинительный приговор и в части гражданского иска. Так, например, вышеупомянутый годичный срок должен быть соблюдён, если суд сочтёт необходимым увеличить размер взыскания по иску, вследствие чего может измениться квалификация либо содержание обвинения в сторону, ухудшающую положение осуждённого.

Следует подчеркнуть, что недопустим пересмотр оправдательного приговора с целью изменения мотива оправдания, поскольку требование ст. 406 УПК в этом плане категорично.

Действующий УПК, регламентируя порядок рассмотрения дела в надзорной инстанции, предусматривает, что в необходимых случаях на заседание суда для дачи объяснений могут быть приглашены субъекты гражданского иска. В то же время, в соответствии со ст. 53 и 55 УПК, гражданскому истцу и гражданскому ответчику во всяком случае предоставляется право участвовать в заседании суда надзорной инстанции.

В результате рассмотрения уголовного дела в порядке надзора суд вправе принять одно из решений, указанных в ст. 412 УПК. В частности, допускается изменение приговора, которое может заключаться, например, в удовлетворении гражданского иска или отказе в удовлетворении, в замене или отмене определённого порядка привлечения к материальной ответственности (солидарного либо долевого).

Исполнение приговора – заключительная стадия уголовного процесса, на которой реализуется вынесенный судом приговор.

На основании вынесенного решения суд по своей инициативе направляет исполнительный лист для исполнения, о чем извещает соответственно финансовый орган или взыскателя. Необходимо отметить, что должнику по приговору предоставляется определенный срок для добровольного возмещения ущерба.

Принудительное исполнение приговора в части иска осуществляется в рамках исполнительного производства.

Если исполнение производится в различных местах или по делу имеется несколько истцов или ответчиков, то суд по просьбе взыскателей может выдать несколько исполнительных листов с точным указанием части, подлежащей исполнению по данному листу. Несколько исполнительных листов могут выдаваться также при взыскании денежных сумм с солидарных ответчиков. При этом в каждом выданном документе указывается его номер, общая сумма взыскания и перечисляются все ответчики (ст. 464 ГПК).

В практической деятельности имеют место случаи, когда суды не всегда чётко и ясно решают вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора, или решают их не в полном объёме, либо вовсе оставляют без разрешения. Это приводит к необходимости устранять неясности и сомнения, возникающие в процессе исполнения приговора.

Согласно УПК, допускается разрешение сомнений и неясностей в части гражданского иска при условии, если они не затрагивают существо приговора. Таким образом, могут приниматься решения об отмене мер обеспечения иска, если при вынесении приговора эти меры не были отменены; об освобождении имущества от ареста в случаях, когда арест налагается на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания; об устранении описок и арифметических ошибок, если они очевидны и исправления их не может вызвать сомнение. В то же время, учитывая названное условие, не допускается изменение размера взыскания, субъектного состава «ответчиков», вида материальной ответственности и т. п.

В рамках действующего УПК отсутствует возможность отсрочки исполнения приговора в части гражданского иска, поскольку отсрочка предусматривается только в отношении назначенного судом наказания (УПК 1960 г. таких ограничений не накладывал).

Как последний, так и иные вопросы должны решаться в порядке исполнительного производства. Остановимся на наиболее важных моментах.

По заявлению заинтересованных лиц суд, исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств, вправе вынести определение об отсрочке (рассрочке) исполнения решения в части гражданского иска, а также изменить способ и порядок исполнения решения (ст. 329–331 ГК). Основаниями для вынесения данного определения могут быть болезнь должника, изменение условий жизни, отсутствие присуждённого имущества в натуре, отказ исправить повреждённую вещь, изменение размера вреда вследствие инфляции. Мы считаем, что в последнем случае, с точки зрения целесообразности, процессуальной экономии и надлежащей защиты прав гражданского истца, перерасчёт (индексация) размера взыскания должен осуществляться судебными исполнителями, а не судом.

Если после вступления в законную силу приговора по длящимся правоотношениям сторон (присуждение периодических платежей) изменятся обстоятельства, на которых он основан, суд по новому иску одной из сторон выносит новое решение (ст. 333 ГПК). Перечень указанных обстоятельств содержится в ст. 959 ГК. В частности, согласно данной статье, потерпевший может потребовать увеличения возмещения в связи с уменьшением его трудоспособности, а осуждённый (гражданский ответчик) вправе потребовать уменьшения размера возмещения ввиду того, что возросла трудоспособность потерпевшего.

Литература

1. Понарин, В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. Наук : 12.00.09 / В.Я. Понарин. – Воронеж, 1994. – 354 с.

2. Мазалов, А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе / А.Г. Мазалов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 176 с.

3. Нор, В.Т. Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве / В.Т. Нор. – Киев : Высш. школа, 1989. – С. 93.

4. Кокорев, Л.Д. Потерпевший от преступления / Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 138 с.

5. Александров, С.А. Разрешение гражданского иска в уголовном процессе / С.А. Александров. – Горький : Высш. шк. МВД СССР, 1978. – 64 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 15.04.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 347. 97/. 99

Противоречия законодательного закрепления языка судопроизводства в Украине

Н.Е. Керноз

Изучается исследование проблемных вопросов законодательного закрепления, определения и реализации принципа языка на котором ведется судопроизводство в Украине. Проанализировав толкования понятия «язык судопроизводства» в различных нормативных актах Украины, автор приходит к выводу, что преждевременное гарантированное внедрение региональных языков или языков меньшинств в судопроизводство Украины и отсутствие единого (унифицированного) определения понятия «язык судопроизводства» вызывают сложности при применении на практике.
Ключевые слова: язык судопроизводства, государственный язык, родной язык, региональный язык или язык меньшинства.

Study of the problem of legislative definition and implementation of the principle of the language of justice into the Ukrainian judicial system is presented. The term «language of justice» was analyzed. It is concluded that there are a lot of difficulties in guaranteed implementation of regional or minority languages in the Ukrainian justice and any unified definition of «language of justice» cause complexity when applying in practice.
Keywords: language of justice, state language, native language, regional or minority language.

Конституционные принципы языковой политики, в том числе и в судопроизводстве Украины, определены ст.ст. 10, 11, 12, 24, 92, 127, 129, 148 Основного Закона Украины (далее – Конституция Украины) [1].

В соответствии со ст. 10 Конституции Украины государственным языком в Украине является украинский язык «всестороннее развитие и функционирование которого обеспечивает государство во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины», при этом «гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины».

Разногласия в закреплении принципа язык судопроизводства в законодательстве Украины влияют на реализацию гражданами своих прав, в том числе, права на справедливое судебное разбирательство, провозглашенное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод.

Отсутствие механизма правоприменения в национальном судопроизводстве Украины региональных языков или языков меньшинств вызвало необходимость проведения научного исследования такого важного процессуального принципа как язык судопроизводства, так как многочисленные противоречия законодательных норм в отношении него должны быть устранены.

Анализ современных исследований и публикаций. Проблемность законодательного определения и правоприменения принципа языка судопроизводства при осуществлении правосудия в Украине в разное время исследовались в трудах А.А. Эдуардович, С.С. Бычковой, В.В. Городовенко, В.М. Кампа, Н.Е. Керноз, В.В. Комарова, В.Т. Маляренка, Ю.В. Назаренко, В.И. Шишкина, С.Я. Фурсы, В.А. Яворивского. В процессуальной доктрине Республики Беларусь свою точку зрения по данной проблеме высказывали И.А. Басюк, Г.А. Василевич, И.И. Мартинович, В.И. Самарин.

Цель данного исследования: на основе анализа норм действующего процессуального законодательства Украины раскрыть понятие «язык судопроизводства», в том числе «государственный язык», «региональный язык или язык меньшинства», «родной язык» при осуществлении правосудия в Украине; обосновать преждевременность гарантирования применения в судопроизводстве Украины региональных языков или языков меньшинств.

Основная часть. По своей юридической природе принцип язык судопроизводства в Украине относится к межотраслевым процессуальным принципам, соответствует требовани-

ям норм международного права и при реализации конвенционного права на справедливое судебное разбирательство имеет приоритетную цель – защиту прав, свобод, законных интересов человека являющегося стороной судопроизводства.

Конституция Украины в своем терминологическом обороте к основным принципам судопроизводства не относит «язык судопроизводства», но в ст. 129 Конституции Украины [1] регламентировано, что «законом могут быть определены также иные принципы судопроизводства в судах отдельных судебных юрисдикций». Так в пункте 22 части 1 статьи 7 Уголовного процессуального кодекса Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI (далее – УПК Украины) [2] закреплено, что «язык, которым осуществляется уголовное производство» относится к общим принципам уголовного судопроизводства.

Содержание этого принципа раскрыто в ст. 29 УПК Украины, при этом законодатель использует такие терминологические обороты «на государственном языке», «на любом другом языке, которым он достаточно владеет…», «выступать в суде на родном или другом языке, которым они владеют, пользуясь при необходимости услугами переводчика». Но термин «региональные языки или языки меньшинств» не употребляется.

При регламентации принципа «язык судопроизводства» в ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Украины [3], в ст. 3 Хозяйственного процессуального кодекса [4] и в ст. 15 Кодекса административного судопроизводства Украины [5] отмечаем, что законодатель применил одинаковую отсылочную конструкцию нормы, а именно: «Язык (гражданского, хозяйственного, административного – *от автора*) судопроизводства определяется статьей 14 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики».

В ст. 14 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029–VI (далее – Закон № 5029) [6] язык судопроизводства, в отличие от УПК Украины, определен следующим образом: «Судопроизводство в Украине в гражданских, хозяйственных, административных и уголовных делах осуществляется на государственном языке. В пределах территории, на которой распространен региональный язык (языки), … по согласию сторон *суды могут* осуществлять производство *на этом региональном языке…».*

Впервые на законодательном уровне понятие «региональных языков или языков меньшинств» в Украине введено с 01.01.2006 г. – даты вступления в силу Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [7], которую Украина ратифицировала с оговорками Законом Украины «О ратификации Европейской хартии европейских языков или языков меньшинств» от 15.05.2003 г. № 802 (далее – Закон № 802) [8]. В соответствии со ст. 2 Закона Украины «О международных договорах Украины» от 29.06.2004 г. № 1906 [9]: «оговорка – *одностороннее письменное заявление*, сделанное *при* подписании, *ратификации*, утверждении, принятии международного договора или присоединении к нему, *которым высказывается желание исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора об их применении к Украине*».

Не соответствуют Закону Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15.05.2003 г. № 802 следующие положения ст. 14 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики»:

– «*государство гарантирует* возможность осуществлять *судебное производство* на этом *региональном языке (языках*). Необходимость обеспечения такой гарантии должны учитываться при подборе судейских кадров» ч. 2 ст. 14 Закона Украины № 5029;

– «допускается подача в суд письменных процессуальных документов и доводов, изложенных на этом региональном языке (языках), с переводом, в случае необходимости, на государственный язык *без дополнительных затрат для сторон процесса»* ч. 2 ст. 14 Закона Украины № 5029;

– «услуги переводчика с регионального языка или языка меньшинства (языков), в случае их необходимости, предоставляются без дополнительных для этих лиц затрат» ч. 4 ст. 14 Закона Украины № 5029 [6].

Законом Украины «Об обеспечении права на справедливый суд» от 12.02.2015 г. № 192-VIII [10] внесены существенные изменения в процессуальные кодексы Украины и За-

кон Украины «О судоустройстве и статусе судей». В соответствии со ст. 12 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» в редакции от 12.02.2015 г. № 192-VIII (далее – Закон № 2453 [11] «судопроизводство и делопроизводство в судах Украины осуществляется на государственном языке», при этом гражданам гарантируют право на использование ими в судебном процессе «родного языка или языка, которым они владеют». Таким образом, на законодательном уровне устранено «гарантирование региональных языков или языков меньшинств за счет средств Государственного Бюджета Украины».

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о существенных нормативных «разнообразиях» при закреплении языка судопроизводства в ст. 29 УПК Украины, ст. 12 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» и ст. 14 Закона «Об основах государственной языковой политики», так как в содержание понятия «язык судопроизводства» законодатель включает не только «государственный язык», «родной язык», «другой язык, которым лицо владеет», но, в отличие от уголовного судопроизводства, дополнительно гарантирует использование «региональных языков или языков меньшинств».

В ст.ст. 1, 6 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» определены термины «государственный язык», «региональный язык или язык меньшинства», «родной язык».

Противоречивость нормативного закрепления термина «государственный язык», целей, принципов и сущности языковой политики в Законе Украины «Об основах государственной языковой политики» отображена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика коллизионных норм Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029

Государственный язык – закрепленный законодательством язык, употребление которого ***обязательно в органах государственного управления*** и делопроизводства, учреждениях и организациях, на предприятиях, в государственных учебных заведениях, науки, культуры, в сферах связи и информатики *и т. п.* (ст. 1 ЗУ № 5029).	*Украинский язык* как государственный язык *обязательно* применяется на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами законодательной, исполнительной *и судебной власти*, *в международных договорах*, в учебном процессе в учебных заведениях ***в пределах и порядке, которые определяются настоящим Законом*** (ч. 2 ст. 6 ЗУ№ 5029).
Вывод: *определение государственного языка в ст. 1 Закона № 5029 значительно уже, чем в ч. 2 ст. 6 Закона, так как терминологический оборот « в органах государственного управления» можно толковать как «в органах исполнительной власти».*	
Цели и принципы, которые придерживается Украина при осуществлении государственной языковой политики: **– обеспечение** всестороннего развития и функционирования **украинского языка как государственного** во всех сферах общественной жизни на всей территории государства *с созданием возможности параллельного использования региональных языков или языков меньшинств* на тех территориях и в тех случаях, **где это является оправданным (**п. 2 ч. 2 ст. 5 ЗУ № 5029); *– содействие использованию региональных языков* или языков меньшинств в устной и письменной форме в сфере образования, в средствах массовой информации и создания возможности для их использования **в деятельности органов государственной власти** и органов местного самоуправления, **в судопроизводстве**, в экономической и социальной деятельности, при проведении культурных мер и в других сферах общественной жизни в пределах территорий, на которых такие языки используются, **и с учетом состояния каждого языка** (п. 3 ч. 2 ст. 5 ЗУ № 5029)	*Государственная языковая* политика Украины базируется на **признании и всестороннем развитии** украинского языка как государственного и ***гарантировании свободного развития региональных языков или языков меньшинств, других языков***, а также права языкового самоопределения и языковых склонностей каждого человека (ч. 1 ст. 5 ЗУ № 5029).
Вывод: *содержание ч. 1 ст. 5 Закона не соответствует конституционным положениям ст. 10, а также целям и принципам государственной языковой политики, которые определены ч. 2 этой же статьи, поэтому ее целесообразно привести в соответствие с Основным Законом Украины.*	

Окончание таблицы 1

К каждому языку, определенному в части второй настоящей статьи, применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств, предусмотренные в настоящем Законе, **при условии**, если количество лиц – носителей языка, проживающих на территории, на которой распространен данный язык, составляет 10 % и более численности ее населения. По решению местного совета в отдельных случаях, с учетом конкретной ситуации, такие меры могут применяться к языку, региональная языковая группа которого составляет менее 10 % населения соответствующей территории (ч. 3 ст. 7 ЗУ № 5029).	Каждому **гарантируется** *право на защиту* в соответствующих государственных органах и суде своих языковых прав и законных интересов, языковых прав и законных интересов своих детей, *на обжалование* в суде решений, действий или бездеятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц, юридических и физических лиц, которыми возбуждаются языковые права и свободы человека и гражданина (ч. 3 ст. 8 ЗУ № 5029).
Вывод: *в ч.ч. 1, 2, 3, 4 ст. 14 Закона оборот «в пределах территории, на которой распространен региональный язык (языки), соответствующий условиям части третьей ст.* ***8*** *настоящего Закона», содержит техническую ошибку, а именно: условия распространения региональных языков регламентированы в ч. 3 ст. 7 Закона, поэтому цифру «8» необходимо заменить на «7».*	

Сравнительную характеристику конкурентности норм Закона Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» нормам Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» проведена в таблице 2; норм Закона Украины «О международных договорах Украины» от 29.06.2004 г. № 1906 нормам Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» – таблице 3.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика конкурентности норм Закона Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» нормам Закона Украины «Об основах государственной языковой политики»

Закон Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15.05.2003 г. № 802	Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029
к языкам 13 национальных меньшинств Украины, а именно: белорусской, болгарской, гагаузской, греческой, еврейской, крымскотатарской, молдавской, немецкой, польской, русской, румынской, словацкой и венгерской применяются положения Хартии (ст. 2 ЗУ № 802).	*к региональным языкам или языкам меньшинств* Украины, которые предусмотрены Законом № 5029, отнесены **18 языков** :1) русский, 2) белорусский, 3) болгарский, 4) армянский, 5) гагаузский, 6) идиш = еврейский, 7) крымскотатарский, 8) молдавский, 9) немецкий, 10) новогреческий = греческий ?, 11) польский, 12) ромский, 13) румынский, 14) словацкий, 15) венгерский, 16) русинский, 17) караимский, 18) крымчацкий (ч. 2 ст. 7 ЗУ № 5029).
Вывод: *Законом Украины № 802 не установлены языки*: *армянский, идиш, новогреческий, ромский, русинский, караимский, крымчацкий.*	
При применении положений Хартии меры, направленные на утверждение украинского языка как государственного, его развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины, не считаются препятствующими или такими что создают угрозу *сохранению или развитию языков,* на которые в соответствии ст. 2 настоящего Закона распространяются положения Хартии (ст. 5 ЗУ № 802).	Обязательность применения государственного языка или содействие его использованию в той или иной сфере общественной жизни *не должны толковаться как возражения или преуменьшение права на использование региональных языков или языков меньшинств* ***в соответствующей сфере*** *(в т.ч. и судопроизводство – от автора) и на территориях распространения* (ч. 3 ст. 6 ЗУ № 5029) **Ни одно положение настоящего Закона не может** толковаться как такое, которое направлено на сужение сферы использования государственного языка (ч. 5 ст. 6 ЗУ № 5029) **Ни одно из положений настоящего Закона** о мерах по развитию, использованию и защите региональных языков или языков меньшинств не должно толковаться как такое, что создает препятствия для использования государственного языка (ч. 9 ст. 7 ЗУ № 5029).
Вывод*: ч. 3 ст. 6 Закона № 5029 не соответствуют положениям ст. 5 Закона № 802.*	

Таблица 3 – Сравнительная характеристика конкурентности норм Закона Украины «О международных договорах Украины» от 29.06.2004 г. № 1906 нормам Закона Украины «Об основах государственной языковой политики»

Закон Украины «О международных договорах Украины» от 29.06. 2004 г. № 1906	Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029
Если международным договором Украины, вступившим в силу в установленном порядке, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены в соответствующем акте законодательства Украины, **то применяются правила международного договора** (ч. 2 ст. 19 Закона № 1906).	Если действующим международным договором Украины, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины, установлены иные правила, чем предусмотренные в законодательстве Украины о языках, то *применяются нормы, которые содержат более благоприятные положения относительно прав человека* (ч. 2 ст. 4 Закона № 5029).

До настоящего времени из 47 государств – членов Совета Европы Хартию ратифицировали 24 государства, 9 государств подписали ее без ратификации.

Заключение. На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и предложения:

– в ст. 10 Конституции Украины закреплены «украинский язык как государственный», «языки национальных меньшинств Украины, в частности русский», «языки международного общения» [1], а термин «региональные языки или языки меньшинств» не является конституционно-правовой категорией;

– разное количество языков, которые закреплены Законом Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15.05.2003 г. № 802 и Законом Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029;

– заменить терминологический оборот «права на использование региональных языков или языков меньшинств в соответствующей сфере и» ч. 3 ст. 6 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029 на «права на сохранение или развитие региональных языков или языков меньшинств», т. е. привести в соответствие с положениями статьи 5 Закона Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15.05.2003 г. № 802;

– с целью облегчения правоприменения и однозначности толкования понятия «государственный язык», которое закреплено в ст. 1 Закона № 5029, необходимо внести изменения: терминологический оборот «в органах государственного управления» заменить на «в органах государственной власти и государственного управления»;

– исключить терминологический оборот ч. 2 ст. 6 Закона № 5029 «в пределах и порядке, которые определяются настоящим Законом»;

– ч. 1 ст. 5 Закона № 5029 привести в соответствие со ст. 10 Основного Закона Украины;

– терминологический оборот ч. 2 ст. 4 Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» от 03.07.2012 г. № 5029 «нормы, которые содержат более благоприятные положения относительно прав человека» заменить на «правила международного договора, которые содержат более благоприятные положения относительно прав человека»;

– владение государственным языком является обязательным требованием для профессиональных судей (ст. 127, ст. 148 Конституции Украины, ст. 64 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей»), народных заседателей и присяжных (ст. 59 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», но положения ч. 2 ст. 14 Закона № 5029 «государство гарантирует возможность осуществлять судебное производство на этом региональном языке (языках). Необходимость обеспечения такой гарантии должны учитываться при отборе судейских кадров», влекут неоднозначность как толкования, так и применения в следствии противоречивости Основному Закону Украины и Закону Украины «О судоустройстве и статусе судей»;

– положения Конституции Украины обязывают применять государственный - украинский язык как язык официального общения должностных и служебных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, в частности это касается административного судопроизводства, так как основным ответчиком выступает субъект властных полномочий – орган государственной власти, орган местного самоуправления, их должностное или служебное лицо, дру-

гой субъект при осуществлении ими властных управленческих функций на основе законодательства, в том числе на выполнение делегированных полномочий (п.п. 7, 9 ч. 1 ст. 3 КАС) [5].

Изложенное свидетельствует, что введение и гарантирование региональных языков в национальное судопроизводство положениями Законов Украины «О судоустройстве и статусе судей», «Об основах государственной языковой политики» является преждевременным, так как, по нашему мнению, это может быть осуществлено только одновременно с внесением изменений в Конституцию Украины, в порядке, установленном Основным законом, в частности: в ст. 10 раздела I Конституции Украины; ст. 127 раздела VIII Правосудие – относительно требований как профессиональных так и непрофессиональных судей (народных заседателей и присяжных), ст.ст. 59,64 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», в Закон Украины «О прокуратуре», в Закон Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», во все процессуальные кодексы ГПК, КАС, ХПК Украины [12, с. 264–265].

Литература

1. Конституция Украины 1996 года: принята Верховной Радой Украины 28.06.1996 г. № 254к/96-ВВ // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.

2. Уголовный процессуальный кодекс Украины: принят ВР Украины 13.04.2012 г. № 4651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2013. – № 9–10, № 11–12, № 13. – Ст. 88.

3. Гражданский процессуальный кодекс Украины: принят ВР Украины 18.03.2004 г. № 1618-IV : с изм. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 40–41, 42. – Ст. 49.

4. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины: принят ВР Украины 06.11.1991 р. № 1798-XII : с изм. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1992. – № 6. – Ст. 56.

5. Кодекс административного судопроизводства Украины: принят ВР Украины 06.07.2005 г. № 2747-IV и: с изм. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2005. – № 35–36, № 37. – Ст. 446.

6. Об основах государственной языковой политики : Закон Украины от 28.11.2012 г. № 5029-VI // Официальный вестник Украины. – 2012. – № 61. – С. 9.

7. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств: ратифицирована Законом Украины № 802-IV от 15.05.2003 г. // Официальный вестник. – 2006. – № 50. – С. 379.

8. О ратификации Европейской хартии европейских языков или языков меньшинств: Закон Украины от 15.05.2003 г. № 802 // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2003. – № 30. – Ст. 259.

9. О международных договорах Украины : Закон Украины от 29.06.2004 г. № 1906-IV // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 50. – Ст. 540 с изменениями, внесенными Законом Украины от 05.06.2014 г. № 1323-VII // ВВР. – 2014. – № 34. – Ст. 1166.

10. «Об обеспечении права на справедливый суд»: Закон Украины от 12.02.2015 №№ 192-VIII. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2015. – № 18, № 19–20. – Ст. 132.

11. О судоустройстве и статусе судей : Закон Украины от 07.07.2010 г. № 2453-VI: в новой редакции Закона Украины «Об обеспечении права на справедливый суд» № 192-VIII от 12.02.2015 г. – ВВР. – 2015. – № 18, № 19–20. – Ст. 132.

12. Керноз, Н.Е. Противоречия законодательного закрепления языка судопроизводства в Украине / Н.Е. Керноз // UKRAINE – EU. Modern technology, business and law: collection of international scientific papers: in 2 parts. – Chernihiv : CNUT, 2015. – Part 2. Modern engineering. Sustainable development. Innovations in social work: philosophy, psychology, sociology. Current problems of legal science and practice – P. 263–266.

Черниговский национальный
технологический университет

Поступила в редакцию 07.12.2014

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 347.511

Теоретические аспекты деликтной ответственности за правонарушения в информационной сфере

А.А. Кодинец

Рассматриваются теоретические аспекты гражданско-правовой защиты субъективных прав в сфере информационных отношений, особенности деликтной ответственности за правонарушения прав на информацию, а также формулировки выводов и пропозиций, направленных на совершенствование гражданского законодательства в указанной сфере. С позиции юридической доктрины анализируется понятие и система способов защиты гражданских прав в сфере информационных отношений, рассматриваются основные доминирующие в современной цивилистике концепции определения гражданско-правовой ответственности, а также характеризуются признаки и особенности деликтной ответственности в отрасли информационных отношений.
Ключевые слова: защита гражданских прав и интересов, информация, деликтная ответственность, результат интеллектуальной деятельности, способы защиты, опровержение недостоверной информации, право на ответ.

The article discusses the theoretical aspects of civil protection of subjective rights in the area of information relations, features of tort liability for violations of the rights to information. In the article are made the conclusions and propositions aimed at improving the civil law in this area. In the article from the position of legal doctrine are examined the concept and system methods of protecting civil rights in the sphere of information relations, are discussed the main in modern civil law conceptions of determining civil liability, as well as are characterized the features of tort liability in the information relations.
Keywords: protection of civil rights and interests, the information, tort liability in the information relations, methods of protection, the refutation of false information, the right of reply.

В современных условиях развития рыночных отношений, изменения социально-экономической сферы, формирования правового государства и развития гражданского общества наблюдается тенденция к смещению подходов в правовом регулировании общественных отношений. Приоритетное значение приобретает сфера защиты человека, обеспечение его прав и свобод, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности.

Реализация закрепленного в ст. 3 Конституции Украины принципа основополагаемости государственной защиты человека, его потребностей и интересов, признание человека высшей социальной ценностью обусловливают изменение акцентов правовой регламентации общественных отношений. В этих обстоятельствах постепенное расширение границ и объемов частноправового регулирования, совершенствуются механизмы и институты частного права, возникают новые и существенно изменяются существующие гражданско-правовые явления и конструкции.

Принципы, категории и институты частного права все чаще и во все большем объеме проникают в области публичного права, выступая необходимым условием развития и построения публично-правовых конструкций и формулирования законодательных положений.

В частности, разработана цивилистами категория «юридического лица», которая применялась прежде всего для регулирования участия в гражданских отношениях капиталов нескольких лиц, оказалась пригодной для регламентации не только гражданских, но хозяйственных или земельных отношений. Данная конструкция приобретает все большее распространение и в публичной сфере. Действующее законодательство Украины допускает привлечение к публичной (административной) ответственности таких юридических структур.

В рамках публичного права активно применяются категории «административного договора», «административных услуг», «налогового залога» и другие, которые, по сути, являют собой приспособленными к потребностям регламентации публичных отношений гражданско-правовыми явлениями и дефинициями. Сближение и взаимопроникновение юридических конструкций, механизмов и институтов частного и публичного права является законо-

мерным результатом развития и усложнения общественных отношений, повышения уровня юридической защищенности субъектов, создания дополнительных гарантий соблюдения и эффективной реализации прав человека.

Сфера частных отношений также подвергается воздействию публичного права. Сейчас невозможно только с помощью чисто публично-правовых инструментов в полной мере обеспечить надлежащую и эффективную защиту прав человека. Факт привлечения к административной или уголовной ответственности правонарушителя сам по себе не приводит к восстановлению имущественного положения потерпевшего, компенсации причиненного ему вреда или возмещения его моральных (душевных) страданий. В этих условиях акцент на необходимости использования гражданско-правовых способов защиты прав и законных интересов, в том числе в случае причинения вреда незаконными решениями, действиями или бездействием должностных и служебных лиц органов государственной власти или местного самоуправления в результате совершения противоправных деяний.

Вышеизложенное в полной мере касается информации как объекта правовой охраны, в рамках которой тесно переплетаются положения и правовые механизмы сферы публичного и частного права. Эти факторы обусловливают *актуальность данного исследования* проблем деликтной ответственности за правонарушение в информационной сфере.

Указанные вопросы были предметом научного исследования представителей различных отраслей юридической науки, в частности, И.Л. Бачило, Б.М. Гоголя, В.А. Дозорцева, О.А. Отрадновой, Е.О. Харитонова, Е.И. Харитоновой и других ученых. Научным основанием исследования проблем методологии регулирования сферы информационных отношений стали многочисленные публикации Е.В. Кохановской, посвященные разработке теории гражданско-правового регулирования информационных отношений.

Целью статьи является исследование теоретических аспектов гражданско-правовой защиты субъективных прав в сфере информационных отношений, в том числе анализ деликтных обязательств, возникающих в этой среде, а также формулировка выводов и пропозиций, направленных на совершенствование гражданского законодательства в указанной области.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках системы публичного права охраняются правоотношения, связанные с информационной безопасностью, информационной политикой государства, охраной государственной или иной конфиденциальной информацией. Частное право регулирует особенности реализации отношений по аккумулированию, хранению, обработке и распространению различной информации, которая касается личного статуса субъекта физического лица, защитой его персональных данных. Гражданское право обеспечивает необходимые правовые условия и возможности реализации личных неимущественных прав физического лица в сфере информационных отношений (прав на честь, достоинство), защиты их от неправомерных посягательств третьих лиц в форме распространения неправдивых или недостоверных данных, порочащих личностные характеристики человека.

В этих случаях возникают деликтные обязательства в информационной сфере, предусматривающие возложение на правонарушителя ответственности в виде возмещения ущерба и компенсации морального вреда. Деликтные обязательства в информационной среде регламентируются как общими положениями Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) [1] об деликтной ответственности, так и его особенными нормами, которые касаются специальных мер защиты прав субъекта в информационной сфере.

Прежде всего, следует отметить, что имущественный ущерб, причиненный неправомерными решениями, действиями или бездеятельностью личным неимущественным правам физического или юридического лица возмещается в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1166 ГК Украины). Подлежит также возмещению моральный вред, причиненный физическому или юридическому лицу неправомерными решениями, действиями или бездеятельностью другого лица (ст. 1167 ГК Украины).

Гражданское законодательство предусматривает специальные способы защиты информации как личных неимущественных благ субъекта. Например, ст. 277 ГК Украины допускает возможность опровержения недостоверной информации в том же средстве массовой ин-

формации, в котором были распространены недостоверные сведения. Такое опровержение информации осуществляется независимо от вины лица, которое ее распространило и осуществляется тем же способом, которым была распространена недостоверная информация.

Кроме, уже упомянутого положения об опровержении недостоверной информации, положения ст. 277 ГК Украины также регламентируют право на ответ. Право на ответ, а также на опровержение недостоверной информации относительно умершего лица, принадлежит членам его семьи, близким родственникам и другим заинтересованным лицам. В юридической литературе подчеркивается отличие между правом на опровержение и правом на ответ. Как верно отмечает Е.В. Кохановская [2, с. 383], опровержение является, по сути, добровольным признанием факта распространения недостоверной информации. При этом право на ответ таких правовых последствий не предусматривает.

Еще одним способом защиты права на информацию в гражданском законодательстве является запрет распространения информации, которой нарушаются личные неимущественные права (ст. 278 ГК Украины). Если личное неимущественное право физического лица нарушено в газете, книге, кинофильме, и т. п., которые готовятся к выпуску в свет, суд может запретить распространение соответствующей информации. При этом можно провести соответствующие параллели с предусмотренным п. 3 ч. 2 ст. 432 ГК Украины способом защиты прав интеллектуальной собственности – изъятием из гражданского оборота товаров, изготовленных или введенных в гражданский оборот с нарушением права интеллектуальной собственности и уничтожения таких товаров. В этих случаях правонарушение связано с распространением информации, нарушающей права лица (в сфере интеллектуальной собственности), поэтому закономерно, что законодатель использует практически идентичные способы его защиты.

Исследование гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в результате совершения деяний, нарушающих информационные права, невозможно без проведения общего анализа понятия и особенностей гражданской ответственности, ее форм и способов, на основании которого можно определить специфику деликтной ответственности в указанной сфере.

Следует отметить, что одним из наиболее дискуссионных вопросов в цивилистике является вопрос о содержании форм и видов гражданско-правовой ответственности.

Как справедливо отмечает В.И. Борисова, понятие «гражданско-правовая ответственность» является абстрактной научной категорией, на которой базируются различные конструкции и институты гражданского права. Давняя дискуссия юристов относительно понятия гражданско-правовой ответственности продолжается и сегодня. Наличие в юридической литературе большого количества точек зрения обусловливается использованием термина «ответственность» в разных целях, вытекает из сущности этой правовой категории [3, с. 268].

Е.О. Харитонов и Е.И. Харитонова также отмечают, что проблема юридической ответственности принадлежит к числу тех, что давно привлекали и еще долго будут привлекать внимание правоведов, поскольку без такого действенного регулятора, которым она может быть при правильном использовании, достичь надлежащего выполнения обязанностей и реализации прав часто бывает невозможно [4, с. 23].

В целом высказанные в юридической литературе мысли, концепции и правовые подходы можно условно разделить на несколько групп. Некоторые авторы связывают ответственность с понятием санкции. Так, по мнению О.Э. Лейста ответственность – это применение и реализация санкции в случае правонарушения. Из факта правонарушения возникает ряд отношений между органами государства, с одной стороны, и правонарушителем, с другой; отношений, складывающихся в процессе расследования дела, определения мер государственного воздействия, назначения и реализации этих мероприятий. Эти отношения в своей совокупности и охватываются общим понятием «ответственность» [5, с. 486].

Сторонником этой концепции в пределах гражданского права является О.С. Иоффе, который указал, что «гражданско-правовая ответственность является санкцией за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав или возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [6, с. 141].

По мнению В.П. Грибанова, гражданско-правовая ответственность является одной из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота [7, с. 310].

Согласно данной концепции любые гражданско-правовые санкции именуются мерами ответственности. Санкция лишь указывает на размер неблагоприятных имущественных последствий, которые несет правонарушитель. Но характер этих последствий может быть различным, следовательно, юридическая природа принудительных мер будет разная. Однако далеко не каждая санкция, предусмотренная законодательством в случае нарушения обязательства, является гражданско-правовой ответственностью. Например, последствием неисполнения обязательства передать индивидуально определенную вещь является принудительное изъятие вещи у должника и передачи ее кредитору. Такую санкцию нельзя рассматривать как гражданско-правовую ответственность, поскольку она предусматривает принудительное осуществление тех действий, которые должник и так обязан был сделать через возложенную на него обязанность. Гражданско-правовую ответственность предусматривает дополнительные обременения. Эти обременения могут быть в виде возложения на правонарушителя дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения субъективного гражданского права, принадлежащего ему.

Другая группа авторов обосновывает позицию относительно трактовки юридической ответственности как правоотношений, возникающих между правонарушителем и потерпевшим. С.С. Алексеев раскрывает юридическую ответственность как правовое явление, которое существует и реализуется в рамках особого охранного правового отношения, но при этом ответственность возникает на определенной стадии развития охранного правоотношения [8, с. 381].

По сути, юридическая ответственность выражает реализуемое охранительное правоотношение, когда правонарушитель фактически несет обязанность понести определенные ограничения штрафного характера. Такое правоотношение характеризуется наличием субъективных прав и обязанностей его участников. У пострадавшего право на защиту, а у правонарушителя обязанность претерпеть влияние мер принуждения. Возникает оно с момента совершения правонарушения и прекращается в момент фактического исполнения обязанности по перетерпению мер ответственности.

Вместе с тем следует отметить, что правоотношение само по себе не является ответственностью. Как справедливо отмечает Д.М. Кархалев, ответственность не является охранным правоотношением, а лишь реализуется в его рамках [9, с. 8]. В этих правоотношениях кредитор имеет право требовать применения мер ответственности. Но указанное право может и не реализоваться, например, из-за отсутствия вины нарушителя. То есть охранительное правоотношение может возникнуть, но ответственность не всегда автоматически наступает. Поэтому нельзя определять ответственность как правоотношение или через субъективные права кредитора на ее применение. Гражданско-правовая ответственность является лишь результатом реализации этих правоотношений.

Необходимо подчеркнуть, что для возникновения ответственности, кроме наличия охранительных правоотношений, также необходим состав гражданского правонарушения. Так, основанием возникновения деликтного обязательства согласно ст. 11 ГК Украины является факт причинения вреда, однако основанием деликтной ответственности является состав правонарушения, охватывает вину, причинную связь, противоправное поведение и вред. То есть, деликтное обязательство может возникнуть при наличии только вреда, а деликтная ответственность может не наступить при отсутствии ее необходимых условий. Поэтому ответственность в сфере деликтных отношений нельзя характеризовать только как охранительное правоотношение.

В юридической литературе существует мнение, что ответственностью является неуклонное, строгое, исключительно инициативное осуществление своих обязанностей. Такая позитивная ответственность устанавливается с момента возникновения между лицами гражданско-правовых отношений и предусматривает надлежащее выполнение ими своих обязанностей. Как указывает В.И. Борисова: существуют основания полагать, что такой подход приводит к

игнорированию юридической сущности гражданско-правовой ответственности и влечет отождествление ее с социальной ответственностью. В действительности «позитивная ответственность» является обязанностью надлежащего исполнения обязательства в гражданском праве. Из этого тезиса автор делает вполне правильный вывод, что гражданско-правовая ответственность как отраслевой вид юридической ответственности имеет ретроспективный характер, поскольку возникает как следствие гражданского правонарушения [2, с. 269].

По мнению Е.О. Харитонова и Е.И. Харитоновой, указанные концепции юридической ответственности не отрицают и не исключают друг друга, являясь отражением сложного правового явления, взятого в тех или иных своих сущностных проявлениях [4, с. 25]. Разделяя указанный подход об отражении этими концепциями (санкции и правоотношения) различных аспектов одного явления, все же считаем целесообразным присоединиться к позиции ученых, которые трактуют гражданско-правовую ответственность в целом и деликтную ответственность в частности как негативные последствия, что возлагаются на лицо, совершившее гражданское правонарушение и выражаются в возложении на правонарушителя мер воздействия имущественного характера.

На наш взгляд, ответственность нельзя сводить только к правоотношениям, поскольку гражданско-правовая ответственность является лишь результатом их реализации. Для возникновения ответственности, кроме наличия охранительных правоотношений, необходим состав гражданского правонарушения (условия привлечения к ответственности – состав деликта). Только при его наличии охранительное правоотношение между правонарушителем и потерпевшим приводит к возникновению гражданской ответственности. Указанное прослеживается в сфере деликтной ответственности за совершение деяний третьими лицами (например, ответственность юридического лица за действия работника или ответственность государства за действия его должностного лица). В этих деликтных правоотношениях субъект, который привлекается к гражданско-правовой ответственности, и возмещает ущерб, и правонарушитель не совпадают.

Подводя итог рассмотрению проблем защиты прав в сфере информационных отношений, следует отметить, что действующее законодательство предусматривает широкий диапазон защитных возможностей в случае нарушения прав в сфере информации, который может реализоваться в порядке гражданского, уголовного или административного судопроизводства.

На основании исследования концепций гражданско-правовой ответственности в науке гражданского права целесообразно определить понятие деликтной ответственности в сфере информационных отношений, учитывая как общие признаки гражданской ответственности, так и особенности деликтного соответствия в этой сфере. Гражданско-правовая ответственность в сфере информационных отношений – это вид деликтной ответственности, которая заключается в возложении на правонарушителя негативных последствий в виде обязанности возмещения вреда (материальных убытков и / или морального вреда), причиненного физическому или юридическому лицу действиями, связанными с незаконным хранением, использованием и распространением информации.

Закрепление норм о гражданской ответственности за вред, причиненный нарушением прав личности в информационной сфере, в положениях ГК Украины является закономерным развитием и дополнительной гарантией реализации в рамках гражданского права конституционных положений ст. 3 о защите прав человека и об ответственности государства перед человеком за свою деятельность.

Литература

1. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40–44. – Ст. 356.

2. Кохановська, О.В. Теоретичні проблеми інформаційних відносин у цивільному праві: монографія / О.В. Кохановська. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2006. – 463 с.

3. Цивільне право України. Підручник: у 2 т. ; за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатеевой, В.Л. Яроцького. – К., Юрінком Інтер, 2007. – Т. 1. – 480 с.

4. Харитонова, О., Харитонов, Е. Юридична відповідальність: пошук парадигми // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права ; за ред. проф. І. Безклубого. – 2010. – № 5. – 367 с.

5. Лейст, О.Э. Понятие юридической ответственности / О.Э. Лейст // Общая теория государства и права: академический курс в 3-х т. – Изд. 2-е перераб. и доп. ; отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – М. : ИКД «Зерцало», 2002. – Том. 3. – 528 с.

6. Иоффе, О.С. Общее учение об обязательствах / О.С. Иоффе // Избранные труды: в 4 т. – СПБ : «Юридический центр Пресса», 2004. – Т. 3. – 837 с.

7. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : «Статут», 2001. – 411 с. (классика российской цивилистики).

8. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права. Курс лекций в 2-х томах. / С.С. Алексеев ; Науч. ред. : Р.К. Русинов; Отв. за вып. : В.М. Семенов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.

9. Кархалев, Д.Н. Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: Учебное пособие / Д.Н. Кархалев. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 148 с.

Киевский национальный
университет им. Т. Шевченко

Поступила в редакцию 22.12.2014

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 343.52

Теоретические и методические основы подлога документов

Н.В. Маратаев

Общественная опасность подлога документов состоит в том, что в результате осуществления такого рода противоправных деяний могут быть нарушены определенные отношения в сфере государственного управления, а также причинен существенный вред правам и законным интересам граждан, юридических лиц. В этой связи представляется важным остановиться на понятии объекта исследования, его сопоставлении с обманом, классификации и других научных аспектах, являющихся исходным материалом для правотворчества и правоприменения, поскольку многие вопросы в этой области до сих пор однозначно не разрешены.
Ключевые слова: подлог документов в уголовном праве, обман, материальный, интеллектуальный, документооборот.

The public danger of documents forgery consists in the breach of certain relations in the field of public administration, the substantial damage to the rights and legitimate interests of citizens and legal persons may be caused by this kind of the illegal acts. In this regard, it is important to focus on the concept of the object of research, its comparison with deception, its classification, and other scientific aspects, which are the source material for the law-making and law enforcement, as in this field of many issues have not been solved clearly yet.
Keywords: documents forgery in criminal law, deception, material, intellectual, documents circulation.

Несмотря на то, что обозначенной тематике всегда уделялось внимание в теории уголовного права, степень ее разработанности на сегодняшний день, между тем, остается недостаточной.

Подлог документа (в том числе, в сфере уголовно-правовой плоскости), как видится, представляет собой умышленное искажение достоверной информации с целью сокрытия истины путем внесения в него полностью или частично заведомо ложных сведений либо посредством сокрытия подлинной информации.

Данное понятие объединяет целый класс различных криминальных посягательств и как научная категория имеет существенное значение, в одних случаях выполняя роль ориентира, концептуального положения, в других – используется как унифицированный термин, применяемый в числе иных признаков преступного деяния.

В.С. Постников полагает, что подлог документов – это особый овеществленный (материальный) обман, воплощенный в фальшивом документе [1, с. 10].

Между тем, теоретическое осмысление позволяет сделать вывод, что по сути подлог выступает приготовлением к обману/обманыванию в целях достижения определенного результата, а его использование – покушением.

Приверженцем данного подхода является, прежде всего Н.И. Панов, отмечающий, что «составление подложных документов не может быть признано обманом в строгом смысле этого слова, так как ложные сведения от таких действий еще не становятся достоянием обманываемого, ложная информация ему не поступает, истина в его представлении не искажается» [2, с. 52].

Действительно, искажение подлинности документа либо составление изначально ложного документа нельзя признавать совершившимся или совершающимся обманом. Субъект, только фальсифицируя документ, еще не вводит никого в заблуждение. Обманом, в том числе, «овеществленным», следует считать использование подложного документа, введение его в обращение [3, с. 118].

До сих пор единственное законодательное закрепление обмана содержалось в примечании к ст.187 УК РСФСР 1922 г., согласно которому под ним понималось как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно.

В уголовно-правовой доктрине под обманом понимается: «искажение фактов, внушение человеку ложного о них представления, либо умолчание об истине, использование заблуждения» [4, с. 284]; «умышленное искажение истины путем сообщения заведомо ложных

сведений или путем заведомого сокрытия обстоятельств, сообщение о которых было обязательно» [5, с. 282]; современный вариант – «сообщение ложных сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для введения в заблуждение либо умолчание, сокрытие обстоятельств, имеющих указанное значение, сообщение о которых было обязательным» [6, с. 234].

Таким образом, обманная деятельность начинается с момента сознательного искажения истинной информации о прошлом либо настоящем, а также заведомо ложных обещаний о будущем поведении (событии, явлении).

«Как всякое порицаемое (асоциальное, осуждаемое, негативное) поведение, в том числе – преступное, обманная деятельность, нарушая социальные нормы и общепринятые правила поведения в обществе (правовые, морально-этические, религиозные и др.), также имеет свой состав, условно говоря, нормонарушения. По аналогии с уголовно-правовой терминологией предлагается выделить стадии обманной деятельности: приготовление к обману, покушение на обман и обман как оконченное нормонарушение». Исходя из такого подхода, начало обманного поведения лица с целью ввести в заблуждение адресата следует признавать началом выполнения объективной стороны нормонарушения. Отсутствие же последствия в виде заблуждения человека (например, адресат не поверил сообщаемой ему ложной информации) нельзя расценивать как оконченный обман, поскольку желание виновного было убедить последнего в достоверности доводимых сведений, но по не зависящим от него обстоятельствам этого ему не удалось сделать, а значит, данное деяние надо считать покушением на обман или обманыванием (попытка обмануть, предобман) [7, с. 117–118].

Отождествление понятий обмана и обманывания (покушения на обман) порождает множество споров, при этом надо понимать, что обманывание является оконченным с момента начала выполнения действий по дезинформации конкретного лица независимо от достижения поставленной цели.

Для обозначения рассматриваемого явления, помимо термина «подлог», в Уголовном кодексе используются такие слова и словосочетания, как – подделка; фальсификация; внесение заведомо ложных сведений и записей; составление заведомо ложных документов.

Наличие синонимичных терминов нередко вызывает стремление находить между ними разницу, что может завершиться искажением содержания, в связи с чем важно свести их до минимума. На сегодняшний день это совершенно равные по смыслу понятия, при чем применение законодателем различной терминологии при описании однородных составов преступлений объяснимо неким стремлением изложить уголовно-правовые нормы в наиболее выгодном ракурсе.

Не зря по Уголовному кодексу Республики Беларусь 1960 г. использование заведомо подложного документа в рамках ст. 192 было включено в ч. 3 отдельным составом преступления, поэтому и должно рассматриваться обособленно.

Соглашусь с позицией, выработанной А.В. Кузнецовым, в силу которой, использование фиктивных документов не считается подлогом и выводится за рамки данного понятия [8, с. 91]. Расширенная трактовка, включающая в себя либо изготовление подложного документа, либо его использование, либо обе формы одновременно – противоречила бы буквальному толкованию.

Обращаясь к вопросам классификации, Р.Б. Семенов в своем диссертационном исследовании обоснованно начинает с подразделения подлога официального документа на два вида:

а) контактный (переделка), т. е. внесение изменений в подлинный документ путем исправления (в том числе, уничтожения, удаления) или добавления содержащихся в нем подлинных символов;

б) бесконтактный (фабрикация), т. е. полное изготовление изначально фиктивного документа [9, с. 4].

В зависимости же от того, какой элемент документа подвергается подлогу, допустимо говорить о содержательном и формальном критериях.

Другие авторы подразделяют подлог документов, ориентируясь на законодательное определение конкретных составов преступлений, группируя их на общий и специальный виды, что базируется на основных положениях частного учения уголовного права – теории квалификации преступлений [10, с. 198–199].

Общим подлогом признается состав преступления, имеющий наиболее общие признаки данного деяния. Специальный характеризует определенный вид подлога полнее и точнее настолько, что выходит за пределы общего, выступая как самостоятельное преступное деяние.

Надо отметить, что принадлежность конкретного состава к общему или специальному виду подлога документов относительна. В частности, служебный подлог является специальным по отношению к частному подлогу, а общим – применительно к фальсификации доказательств, избирательных документов и т. п.

Составляющие предмет рассмотрения преступления также допустимо классифицировать в зависимости от характера и направленности действий виновных лиц, вычленив следующие разновидности подлога документов:

1) как самостоятельное преступление;

2) в качестве альтернативного действия иного уголовного состава;

3) как способ совершения другого преступного деяния.

В науке уголовного права практически все авторы признают также деление подлогов документов на материальные и интеллектуальные [11, с. 25], [12, с. 89–90], хотя в уголовном законодательстве оно прямо и не зафиксировано.

К первому из них относятся подлоги, связанные с изменением документа, исправлением содержащихся в нем записей, внесением фиктивных реквизитов, а особенность заключается в том, что при его осуществлении остаются материальные следы преступления.

Второй вид образуют подлоги документов, имеющих необходимые атрибуты, при этом составленных с соблюдением соответствующих требований и правильных по форме, но ложных по содержанию. Фальсифицированный таким образом документ с внешней стороны ничем не отличается от подлинного и каких-либо материальных признаков подделки не содержит.

Для наглядности приведу пример из судебной практики. При разбирательстве Гомельским областным судом по 1-й инстанции уголовного дела по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч.ч. 5, 6 ст. 17 – ч. 1 ст. 192, ч. 1 ст. 213 УК Беларуси 1960 г., ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст.3 80 УК 1999 г., было установлено, что он, кроме прочего, вступил в преступный сговор с неким лицом на изготовление поддельного общегражданского паспорта Республики Беларусь, для реализации чего передал последнему 1.500 долларов США и фотографии, получив через некоторое время от того взамен надлежаще оформленный и выданный паспортно-визовой службой Светлогорского ГРОВД Гомельской области при неустановленных обстоятельствах подложный документ со своей фотографией на имя У., которым пользовался на протяжении нескольких лет вплоть до задержания сотрудниками милиции. Согласно экспертному заключению, указанный бланк паспорта был изготовлен уполномоченной организацией. Карточка в нем, в отличие от заявления формы № 1, не переклеивалась. При чем выяснить, кто из сотрудников ПВС был к этому непосредственно причастен, так и не удалось. Дело в этой части выделено в отдельное производство [13]. Рассматриваемый случай является типичным для интеллектуального подлога.

На практике интеллектуальный подлог, наказуемый по ст. 380 УК, наиболее часто встречается при изготовлении официальных документов посредством похищенных или незаконно изъятых печатей, бланков, заранее проставленных подписей, а также введения в заблуждение лица, утверждающего документ. При совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 427 УК, его субъектом является должностное или иное уполномоченное лицо.

Следует констатировать, что материальный подлог в рассматриваемой плоскости может быть выражен в двух формах:

а) в виде трансформации существующего подлинного документа путем его подчистки, травления и нанесения поверх нового текста, либо дописки, прочих исправлений и вмешательств;

б) посредством создания документа с использованием поддельных оттисков штампов, печатей, подписей, номерного или иным образом защищенного от подделки бланка.

Материальный и интеллектуальный критерии нередко пересекаются между собой, т. е. при создании подложного документа (пакета документов) субъект использует и физические приемы подделки, и имеющиеся у него правовые либо фактические возможности. В юридической литературе подобную разновидность некоторые авторы именуют комбинированной,

интеллектуально-материальной или смешанной [14, с. 162], [15, с. 56]. Не вижу смысла в такой промежуточной разновидности, поскольку деление на материальный и интеллектуальный подлоги достаточно условно и само по себе рассматривается как один из методов научного познания, позволяя глубже понять природу исследуемого предмета, системно-структурные связи между элементами. Кроме того, это никак не связано с существенными для уголовной ответственности обстоятельствами.

Вместе с тем, первичная классификация, безусловно, важна в познавательном, учебном и криминалистическом плане, позволяя более наглядно, системно и подробно анализировать преступные посягательства, основанные на подлоге документов, а также выбирать конкретные формы для установления истинности или подложности сомнительного документа, доказывания факта противоправного деяния и определения значимых признаков.

Материальный подлог во многих случаях может быть установлен только экспертным путем, а интеллектуальный, как правило, выявляется в результате сопоставления учетных и бухгалтерских документов, регистрационных книг, проведения комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Хотя способ подлога и не влияет на квалификацию преступления, но является одним из элементов, характеризующих степень общественной опасности деяния, антисоциальные установки виновного в его совершении лица, а также другие обстоятельства, учитываемые судом при избрании меры уголовной репрессии.

Возможны и иные классификации подлога документов – в криминологическом или криминалистических аспектах, по родовым объектам уголовно-правовой охраны, в зависимости от формы или значения документа, канала восприятия, источника происхождения, виду носителя, юридической значимости, порядка оформления, степени подготовленности и т. д. Между тем, приведенные выше критерии ориентированы, прежде всего, на создание теоретической основы для выработки оптимальных правил и разрешения поставленных в настоящем исследовании задач.

Устанавливая криминообразующие признаки деяний, связанных с незаконным оборотом документов в новых условиях, следует обратить пристальное внимание и на то, что они зачастую становятся приготовительными действиями для облегчения совершения либо сокрытия следов более тяжких преступлений. Подлинная опасность заключается в использовании подложных документов при терроризме, бандитизме, заказных убийствах, похищении человека, торговле людьми и др.

В качестве криминологических манипуляций в чистом виде с заведомо подложными официальными документами в Уголовном кодексе рассматриваются их выдача, сбыт и использование. Наибольшие сложности в понимании кроются в использовании заведомо подложного документа, в том числе, с точки зрения юридической квалификации.

Под использованием понимаются действия субъекта по извлечению пользы, выгоды, эффекта или других полезных свойств документа путем его предъявления или предоставления. Например, лицо предъявляет в нотариальной конторе поддельное удостоверение участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС для освобождения от уплаты государственной пошлины либо подает в учреждение, где оно работает, поддельную справку о службе в составе ограниченного военного контингента в Республике Афганистан для получения льгот при взыскании подоходного налога с граждан.

При предъявлении подложного документа виновный знакомит с его содержанием другое лицо, но документ остается у него во владении, а при предоставлении – таковой переходит в ведение соответствующего органа или лица и остается у них на хранении.

В силу сложившейся в стране на протяжении многих лет доктрины, к использованию заведомо подложного документа также приравнивается умышленное предъявление подлинного документа, выданного другому лицу, например, чужого водительского удостоверения [16, с. 984–985].

По этому же пути идет и судебная практика.

Так, приговором суда Гомельского района от 8 апреля 2014 г. гражданка Республики Молдова М. осуждена по ч. 1 ст. 380 УК, будучи признанной виновной в том, что в региональном

пункте пропуска «Новая Гута» умышленно, с целью выдать себя за иное лицо для беспрепятственного прохождения паспортного контроля и въезда на территорию Республики Беларусь, предъявила сотрудникам органов пограничной службы паспорт, принадлежащий ее сестре, и данные действия были расценены как использование заведомо подложного документа [17].

Позволю с этим не согласиться, поскольку подложный документ ни при каких обстоятельствах не может считаться подлинным, а подлинный не становится подложным даже в случае незаконного обращения с ним. Чужой документ обладает всеми признаками истинного. При его обманном использовании по существу имеет место подлог личности физического лица, но не документа.

Такой же позиции придерживаются И.Г. Гричанин и Ю.В. Щиголев [18, с. 38].

Российский исследователь О.Н. Лобанок более категоричен, не усматривая признаков состава преступления для привлечения к уголовной ответственности за использование заведомо подложного документа во всех случаях обманного использования подлинного документа, в том числе – когда один документ выдается за другой; используется предмет, внешне похожий на документ, но в действительности таковым не являющийся [19, с. 68–69].

Полагаю, что проблема может быть разрешена на законодательном уровне, ориентируясь либо на введение факультативного признака «сопряженности с обманным использованием документов» при совершении отдельных категорий преступлений (хорошим примером чему является ст. 228 УК Республики Беларусь, предусматривающая ответственность за контрабанду – перемещение в крупном размере через таможенную границу товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к этому, в том числе сопряженное с обманным использованием документов), либо на расширение диспозиции ст. 380 УК, закрепив в ней возможность уголовного преследования за намеренное использование не только подложного, но и чужого документа.

Следует констатировать, что в юриспруденции теоретические представления могут существовать вне зависимости от закрепленных нормами права законодательных конструкций, однако научные взгляды служат основой для дальнейшего совершенствования действующего законодательства, поэтому и требуют к себе внимания, в том числе, по данному вопросу, поскольку преступные посягательства на официальный документооборот нарушают нормальную деятельность органов власти и управления, а также подрывают их авторитет в глазах населения.

Литература

1. Постников, В.С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Постников ; ВЮЗШ МВД СССР. – Москва, 1990. – 25 с.

2. Панов, Н.И. Квалификация преступлений, совершенных путем обмана : уч. пособие / Н.И. Панов. – Харьков : Харьк. юр. ин-т, 1980. – 88 с.

3. Щиголев, Ю.В. Понятие и основные элементы подлога документов / Ю.В. Щиголев // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 116–123.

4. Уголовное право. Часть особенная : учебник / В.А. Владимиров [и др.] ; под ред. Н.И. Загородникова, В.Ф. Кириченко. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 582 с.

5. Уголовное право. Часть особенная : учебник / П.И. Гришаев [и др.] ; под ред. Б.В. Здравомыслова [и др.]. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 559 с.

6. Уголовное право Республики Беларусь. Часть особенная : учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

7. Семенов, Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Семенов ; Моск. гос. юр. акад. – Москва, 2005. – 186 с.

8. Кузнецов, А.В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву / А.В. Кузнецов. – Москва : Госюриздат, 1959. – 111 с.

9. Семенов, Р.Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Семенов ; Моск. гос. юр. акад. – Москва, 2006. – 26 с.

10. Щиголев, Ю.В. Виды подлога документов: уголовно-правовой аспект / Ю.В. Щиголев // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 198–207.

11. Гаджиев, Н. Выявление и профилактика подлогов / Н. Гаджиев // Законность. – 1995. – № 1. – С. 25–27.

12. Жижиленко, А.А. Должностные (служебные) преступления. Глава III Уголовного кодекса : практический комментарий / А.А. Жижиленко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Право и жизнь, 1927. – 100 с.

13. Архив Гомельского областного суда за 2002 г. – Уголовное дело № 2-72.

14. Гамолин, И.Д. Материальный и интеллектуальный подлог документов по делам о хищениях государственного и общественного имущества / И.Д. Гамолин // Актуальные вопросы теории и практики охраны правопорядка и борьбы с преступностью : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Темиртау, 1 марта 1974 г. – Караганда : НИИиРИО Караганд. ВШ МВД СССР. – 1976. – Вып. 4. – С. 153–162.

15. Пинхасов, Б.И. Защита документов по советскому уголовному праву / Б.И. Пинхасов. – Ташкент : Узбекистан, 1976. – 198 с.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

17. Архив суда Гомельского района и области за 2014 г. – Уголовное дело № 14034090121.

18. Гричанин, И.Г., Щиголев, Ю.В. Квалификация подделки и использования подложных документов / И.Г. Гричанин, Ю.В. Щиголев // Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 37–38.

19. Лобанок, О.Н. Официальный документ как предмет преступления и другие вопросы уголовной ответственности за преступления в сфере документооборота / О.Н. Лобанок // Мир юридической науки. – 2010. – № 2. – С. 66–69.

Гомельский областной суд

Поступила в редакцию 15.04.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 340.153

Социальные и экономические аспекты распространения магдебургского права на белорусских землях

Н.В. Мисаревич

Исследуются экономические и социальные предпосылки распространения магдебургского права на белорусских землях. Показано, что магдебургское право было направлено на урегулирование противоречий между различными слоями населения с учетом уровня экономического развития города. Делается вывод о том, что получение привилеев на самоуправление городами означало, что они достигли достаточно высокого социального и экономического уровня развития и сравнялись в этом отношении со многими польскими и немецкими городами.
Ключевые слова: феодальный город, магдебургское право, привилей, мещане, торговля.

The economic and social backgrounds of the spreading of Magdeburg Law on Belarusian lands are studied. It is shown that Magdeburg Law was aimed at settlement of contradictions among various segments of population considering the level of economic development of the city. The conclusion is made that receiving the privileges of self-government by cities indicated the achievement of a rather high social and economic level of development equal to that of many Polish and German cities.
Keywords: feudal city, Magdeburg Law, privileges, petty bourgeoisie, trade.

История белорусских городов свидетельствует о существовании в XIV–XVII вв. высокоорганизованной системы самоуправления. Привилеи на вольности и привилегии представляли собой своеобразные «конституции», которые определяли основные моменты в организации и деятельности органов самоуправления в городах, а также закрепляли положения, реализация которых должна была способствовать улучшению благосостояния горожан. Хотя в последние годы значительно возрос интерес к истории средневековых городов, некоторые стороны их жизнедеятельности до сих остаются мало изученными. К ним относятся и причины распространения магдебургского права (как одной из разновидностей городского права) на белорусских землях. Магдебургское право представляло собой этап, причем значительный, как в развитии городского самоуправления, так и в формировании института самоуправления на территории Европы. Как представляется, без серьезного осмысления данных процессов невозможно правильно оценить и понять основные закономерности развития городского права на белорусских землях, в целом, и истории развития института местного управления и самоуправления, в частности. Между тем, многое и в экономической, и в социальной истории средневековых городов все еще остается неясным и спорным.

Следует отметить, что история феодальных городов являлась предметом исследования многих ученых. М.Ф. Владимирский – Буданов в работе «Немецкое право в Польше и Литве» изучал воздействие магдебургского права на систему городского самоуправления [1, с. 12]. М.К Любавский, анализируя вопросы местного управления на территории «Литвы и Западной Руси», обращал внимание и на причины распространения магдебургского права [2].

В польской историографии имеются работы, которые посвящены социально-экономическому и политическому развитию городов Речи Посполитой и Беларуси. Выяснению вопросов существования магдебургского права посвящены труды Ю. Бардаха [3], [4], П. Ющука [5].

Различным сторонам истории белорусских городов посвящены статьи и отдельные замечания в работах белорусских ученых В.И. Пичеты [6], [7], М.В. Довнар-Запольского [8], В. Дружчица [9], [10]. В работах З.Ю. Копысского [11] и А.П. Грицкевича [12] очерчены основные моменты процесса получения привилеев на магдебургское право белорусскими городами. Авторы констатировали важную роль магдебургского права в экономической и социально-политической жизни городов. В соответствии с ним сложилась система городского самоуправления. А.П. Грицкевич, З.Ю. Копысский убедительно показали, что магдебургский строй не создавал препятствий развитию городов и что его введение обусловлено объективными причинами, а не капризами верховной власти.

С.Ф. Сокол, характеризуя правовой статус городского населения на территории ВКЛ (XVI–XVII вв.), обращает внимание на то, что правовое положение мещан зависело, среди прочих причин, и от наличия в городе магдебургского права [13, с. 30].

В работах И.М. Кузнецова, В.А. Шелкопляса [14], А.Ф. Вишневского, И.А. Сороковика [15], И.А. Юхо [16] освещаются вопросы истории возникновения и развития государства и права на территории Беларуси, в том числе дается краткая характеристика периода, когда в городах Беларуси вводилась особая форма управления на основе магдебургского права (XV–XVI вв.).

Для выявления роли феодальных городов в развитии общества очень важен этап, когда процесс складывания поселений ремесленно-торгового типа делал первые шаги, и когда эти поселения самим фактом своего существования и борьбой с феодалами заставляли последних идти на уступки и оформлять эти уступки специальными грамотами. Именно на основе анализа этих юридических источников можно выявить экономические противоречия и расстановку социальных сил, которые стояли у истоков развития средневекового города и формирования особой системы права.

Время возникновения городов на территории Беларуси точно не установлено. П.Й. Шафарик, ссылаясь на географа Боварского, пишет, что бужане к середине IX в. имели 231 город, свиране – 325, туричане – 104, пружане – 70, наровляне – 78 городов [17, с. 192–229]. Первоначально города представляли собой небольшие укрепленные поселения, которые служили и административными центрами для конкретной местности. В период развития феодальных отношений происходит процесс укрупнения городов, рост разделения труда как внутри города, так и между городом и деревней, выделение городов в самостоятельные административно-хозяйственные объединения с обособленными правовыми актами.

Развитие ремесла и торговли в городах превращало их в центры хозяйственной деятельности. В городах работали ремесленники, велась торговля, проводились ярмарки, на которые приезжали жители других местностей, а также купцы всего государства и вне границы. Увеличение хозяйственного значения населения городов вызвало выделение купцов и ремесленников в отдельную социальную группу мещан. В середине XV в. такая социальная группа уже сложилась, шел быстрый процесс ее правового оформления, и в первую очередь, путем получения городами привилеев на магдебургское право.

Понятно, что чем более заметной становилась роль городов в экономической жизни государства, тем настойчивее горожане выступали с требованием политических гарантий в обществе. Условия феодальной эпохи диктовали предоставление такого рода гарантий в форме сословных привилегий.

Возникновение городских общин относится ко второй половине средневековья. После бурной эпохи великого переселения народов в Европе установился относительный покой. В Германии возрождались старые, построенные еще римлянами, города. С X в. началось строительство новых городов. Постепенно, благодаря развитию торговли, немецкие города стали терять свой военный характер. Как подчеркивает Ф.В. Тарановский, «пріютившійся въ городахъ торгово-промышленный труд требовалъ ... свободы отъ произвола феодальных владельцев, внутренней самостоятельной организаціи, самосуда и самоуправленія» [18, с. 2]. Развитие торговли вызвало потребность свободно торговать, создало условия для возникновения именно свободной городской общины. Необходима была соответствующая юридическая база для данных процессов.

Распространение городского права в Германии происходило по следующей схеме: один город получал право от другого и в свою очередь передавал третьему и т. д. Постепенно выделились два наиболее древних центра городского права – Любек и Магдебург. Именно правовые предписания последнего чаще всего использовались в Европе.

Немецкое право начало проникать на соседние земли, в частности к полякам. Свою роль в этом процессе сыграли и немецкие колонисты, которые заселяли опустевшие польские территории. С XIV в. магдебургское право начало вводиться в городах ВКЛ.

Для того, чтобы то или иное явление получило свое распространение на других территориях, прижилось там и стало активно использоваться, необходимы не только желание населения и воля государя, но и определенные предпосылки. В первую очередь следует гово-

рить об экономических и социальных условиях, которые сложились в белорусских городах на рубеже XIV–XV вв. и выступили стимулом для дальнейшего распространения и развития магдебургского права в XVI и последующих столетиях на территории ВКЛ.

Экономические предпосылки. Естественно, что чем более заметной становилась роль городов в экономической жизни государства, тем настойчивее выступали горожане с требованиями экономической свободы.

Города Беларуси выполняли несколько функций: хозяйственную, административную и военную. Первая не исчерпывалась ролью ремесла и торговли. Отдельным городам были присущи специальные виды экономической деятельности. Так, Витебск и Полоцк были крупными портовыми городами. Брест выполнял функции речного порта и центра сухопутных дорог из Украины, Беларуси, Литвы в Польшу. Крупные, а также некоторые средние и малые города и поселки были торговыми центрами (например, Новогрудок, Орша, Копыль, Несвиж и т. д.).

Города Беларуси оставались звеном феодальной системы производства и общественных отношений. Это на определенном этапе развития общества явилось тормозом в дальнейшем экономическом развитии городской жизни в целом и оказало негативное влияние на экономический и социальный прогресс в частности. Но нужно учитывать то, что «феодал не искал средство к тому, чтобы превратить города в придаток своего поместья, ибо очень скоро понял выгоду поддержания экономической деятельности города в качестве центра товарного производство и обмена» [11, с. 18].

В процессе развития сложились города, которые отличались друг от друга, во-первых, масштабом своей экономической деятельности, а во-вторых, характером этой деятельности. Предоставляя городам самоуправление, как отмечает В.И. Пичета, и выделяя их в отдельную административно-хозяйственную единицу, собственники хотели поднять экономическое развитие государства «путем возбуждения хозяйственной производительности и деятельности городского население» [6, с. 426].

Таким образом, возрастающая роль городов как центров товарного производства и обмена, расширение торговли как внутри государства, так и вне ее пределов требовали определенной свободы для горожан. А поскольку Европе была известна такая система норм (так называемое «городское право»), которая уже была проверена на эффективность и действенность, то белорусские города не стали придумывать что-то особенное, новое, а взяли за основу магдебургское право как право городов на льготы в торговой деятельности, как фундамент для развития ремесленного производства.

Именно экономическая составляющая являлась причиной, по которой собственники городов предоставляли право на самоуправление. В тексте привилея Могилеву 1577 г. закрепляется положение, что наличие у города магдебургского права позволит увеличить доход казны ВКЛ («скарбу нашому примноженья пожитковъ») [19, с. 203]. Дальше в тексте обосновывается данная позиция. Нет сомнений в том, что где мещане «нищаютъ, тамъ тежь и доходы и пожитки зменьшаются». А там, где мещане «право и доброе справованье справедливости» (это значит там, где горожанам гарантированы права и справедливый порядок), в таком городе «примножено есть», и город имеет лучшую защиту и «доходы въ немъ ся розмножаютъ» [19, с. 203].

Экономический аспект в распространении магдебургского права проявляется и в развитии ремесленного производства, и в определении системы ярмарок. Чтобы закрепить свои права и обеспечить монополию на рынке, ремесленники стремились к объединению и созданию своих корпораций. Ими стали цехи. Ремесленники работали в основном на заказ или были связаны с потребностями своего города. Это позволяло наполнить не только внутренний рынок товарами собственного производства, но и вывозить их за рубеж, а также привлекать иностранных купцов для участия в ярмарках. Именно последние не были забыты в привилеях. Предусматривалось «домъ гостиный коштомъ и накладомъ своимъ на пріездъ людей купецкихъ сбудовати» [20, с. 264]. По полоцкому привилею 1510 г. мещане получили право построить «чотыри домы гостиныи, ... въ которыхъ жо домехъ со всихъ сторонъ мають гости пріездаючіи становитися» [21, с. 77]. Привилеем также устанавливается, что доход от гостиных домов должен делиться на две части: «половица намъ, до скарбу нашого (это значит государству), а другая половица имъ на ратушу».

Сроки проведения ярмарок регулировались государством. Пинск по привилею 1581 г. получил право на «чотыри ярмарки дорочные, вольные, то есть: первшій на день нового лета, другій на день Громницъ, третій на день семые суботы, четвертый на день Успленія Пречистые, а тыжденный торгъ на кождый тыждень въ понеделокъ обыходити и отправовати уставляемъ» [20, с. 262]. Могилев (привилей 1577 г.) имел право на две ярмарки в год, на «неделный торгь у пятніцу на кождый тыждень» [19, с. 206]. Представляется, что все это делалось для того, чтобы привлечь внимание иностранных купцов, которые, зная «график» проведения ярмарок, могли свободно приезжать в тот или иной город, потому что именно во время ярмарок им разрешалось торговать не оптом, а в розницу. В итоге: товары местных производителей продаются, иностранные товары привозятся на местный рынок – сотрудничество взаимовыгодное.

Социальные предпосылки. Концентрация в городах ремесленной и торговой деятельности содействовало росту городского населения. Социальная структура городов была разнородной. Это объяснялась тем, что источники пополнения населения были разнообразны. Общей тенденцией в процессе возникновения городов являлся их рост за счет постоянной иммиграции сельского населения. Бежали в города, как правило, крестьяне, недостаточно обеспеченные землей. Земельные собственники были весьма обеспокоены данным явлением. Одним из вариантов выхода из этого положения было создание в городах частных юридик, куда феодалы селили своих крестьян. Однако правопорядок в таких городах мог устанавливаться и контролироваться только правомочными органами власти и управления. Эту систему органов и могло предложить магдебургское право.

Разорившиеся и безземельные крестьяне («люзные», «гультяи») искали «лучшей жизни» в городе. Для того, чтобы быть полноправным горожанином, т. е. пользоваться всеми льготами и привилегиями и находиться под защитой городских властей, необходимо было обладать определенной недвижимостью. А «люзный» не имел необходимого имущественного минимума, чтобы стать горожанином. Тем не менее, они снимали жилье у горожан и получают название «коморники». Те, которые занимались перекупкой товаров, обозначались как «перекупники»; те, которые работали по найму – «наймиты» [11, с. 59].

На самом низу социальной лестницы стояли нищие. Игнорировать такую массу населения правительство не могло, поэтому власти стремились обуздать стихийность данных процессов, включить этих людей в общую городскую систему (регистрация в органах городской власти). В 1636 г. нищие г. Вильно, «видя большой беспорядок», обратились в магистрат с просьбой дать им особый устав. В том же 1636 г. он был подтвержден королем Владиславом IV [22, с. 159–160]. На основании этого устава нищие получили право иметь свой дом для собраний, свой «денежный сундук», свои органы управления. Все виленские и пришлые нищие должны были записаться в это братство и соблюдать его устав. В соответствии с уставом нищими считались только те, которые действительно таковыми были, т. е. «лишены каких-нибудь физических качеств для добывания себе средств существования». Все деньги, которые собирались нищими, должны были идти в «братскую кассу». Для осуществления контроля и надзора за данной категорией городского населения вводилась должность – бичевник. Он должен был следить за тем, чтобы в город не приходили за сбором милостыни под видом нищих совершенно здоровые мужчины и женщины и дети разных возрастов. Он же, в случае необходимости, должен был «подбирать ослабленных и заболевших нищих на улицах и доставлять их в нищенский госпиталь».

Политика и городских властей, и государства в данном случае совершенно ясна. Оставить «вне закона» такую массу населения власть не могла, поэтому был выбран самый оптимальный вариант – взять под свой контроль и упорядочить нахождение данной социальной группы в городе. Наличие «братской кассы» снимало с государства обязанность расходовать деньги из государственной казны на содержание нищих. Наличие такого «братства милосердия» говорит о своеобразной «социальной» политике страны в тот период.

С другой стороны, глава государства был заинтересован в том, чтобы новые поселения развивались, что находило соответствующее юридическое закрепление в привилеях. Государство поощряло переселение в города и свободных людей, имея в виду расширение доходов, которые в значительной степени состояли из различных налогов, что должны были пла-

тить города. Подтверждением данного факта могут выступать положения привилеев, где особо оговариваются льготы для новопоселенцев. Например, в жалованной грамоте Клящелям говорится: «ино люди почали ся были тамъ место садити… и вжо было ихъ немало осело»; «панъ воевода привернулъ ихъ къ пашни дворной, и для того дей людей немало зъ места прочъ ся было розышло» [23, с. 153]. Поэтому в 1523 г. данное поселение получило грамоту на самоуправление и «по которому праву они маютъ ся справовати и рядити». «И маютъ намъ давати плату; съ каждой волоки по полукопью грошей, а по бочце солянца овса; а капщизны, хто пиво варить, полкопы грошей…». «А тымъ людямъ, которые бы до того места пришли люди вольные (новопоселенцы)... дал его милость (глава государства) воли на десять лет отъ цыншу, што зъ волоки идетъ…» [23, с. 154].

Верхушка городского общества была представлена богатым купечеством и старшинами цехов. Им принадлежала власть в городе. Купечество активно включалось в жизнь городов, пытаясь занять свою ступеньку в социальной иерархии сословия мещан. Как указывается в одном из документов, «купцы получают свои доходы от купли и продажи», поэтому всякое вмешательство в сферу хозяйственной деятельности порождало конфликт с иными жителями городов, особенно ремесленниками. Гарантией защиты своих прав купцам могло стать юридическое закрепление их особого правового статуса (привилеи на магдебургское право и иные акты городских властей). Виленский магистрат в 1665 г. принял решение, в соответствии с которым он отныне «должен управлять городом не по своему усмотрению, но вместе с купеческою думою и всем народом» [22, с. 295–299].

Средний слой городского населения – это ремесленные мастера, торговая часть жителей, владевшая лавками, ларьками на рынках. Значительным элементом городской жизни были ремесленные (цеховые) братства. В рамках цеха различалось положение мастеров, подмастерьев и прочих работников. Членами цеха были ученики, которых иногда называли «хлопцами», «товарищи» (ученики, которые закончили срок обучения и желали продолжить работу по полученной специальности), «младшие» (товарищи, которые «вернулись из путешествия» и проработали в цехе один год и шесть месяцев), «расходчикъ» (хранили один из трех ключей от цехового сундука). Особый статус данной категории населения определялся в уставах конкретного ремесленного братства. Например, Устав Виленского цеха шапошников и валильщиков, Устав цехового скорняжного братства [22].

Таким образом, по своему составу социальная среда города, в которой формировалось мещанское сословие, не была однородной. Магдебургское право было направлено на урегулирование противоречий между различными слоями населения. Привилеи на магдебургское право содержали нормы, направленные на установление мира и порядка в городе. В привилее Минску 1499 г. имеется такая норма: «Иж маючы взгляд посполитого доброго розмноженья и хотечи положенье места нашого Менского в мере лепшое поставити, абы люди наши там мешкаючыи, через врад добрый а справедлівый былі размножены...» [24, с. 187–188].

С укреплением экономической роли городов, их общественного значения в политических процессах страны росло стремление городского сословия расширить свои права и закрепить привилегии. Товарное производство и товарное обращение вступали в противоборство с системой феодальной несвободы и феодального произвола. Феодалы вынуждены были учитывать интересы торговли, ремесленного производства, защищая, таким образом, собственные интересы. Актуальным был вопрос об автономии городских поселений от местных властей. Ответом стало использование и дальнейшее развитие идеи самоуправления на белорусских землях в форме магдебургского права. Как представляется, попытки силой навязать городам ВКЛ магдебургское право не имели бы успеха, если бы они не были подготовлены к его принятию, если бы не было тех социальных сил, которых оно привлекало по вполне практическим соображениям. Получение привилеев на самоуправление городами означало, что они достигли достаточно высокого социального и экономического уровня развития и сравнялись в этом отношении со многими польскими и немецкими городами.

Литература

1. Владимірскій-Буданов, М.Ф. Немецкое право въ Польше и Литве / М.Ф. Владимірскій-Буданов. – СПб, 1868. – 308 с.

2. Любавский, М.К. Очеркі исторіи Литовско-Русского государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеннемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ / М.К. Любавский. – Москва : Изд-е Императорскаго Общества истории и Древностей россійскіх, 1910. – 380 с.

3. Bardach, J.O dawnej i niedawnej Litwe / J.O. Bardach. – Poznan : Wyd-wo Uniw im. A. Mickiewicza, 1988. – 443 s.

4. Bardach, J. Statuty Litewskie a prawo rzymskie / J. Bardach. – Warszawa, 1999. – 160 s.

5. Juszczuk, P. Prawo litewske na zachodnich rubiezach Wielkiego ksiestwa Litewskiego / P. Juszczuk // / Матэрыялы Міжнар. навук. Канф. «Шлях да ўзаемнасці». – Гродна: ГрДУ, 1999. – С. 201 – 206.

6. Пичета, В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В.И. Пичета. – М. : Академия наук СССР, 1958. – 548 с.

7. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. / В.И. Пичета. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 813 с.

8. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі / Беларус. энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Бсларусь ; пер. з рус. Т.М. Бутэвіч, Т.М. Кароткая, Е.П. Фешчанка. – Мінск : БелЭн, 1994. – 510 с.

9. Дружчыц, В. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх местах з майдэборгскім правам / В. Дружчыц // Адбітак з «Запісак Аддзелу Гуманітарных навук». – Менск, 1928. – Кніга 3, Т. 3. – 58 с.

10. Дружчыц, В. Магістрат у беларускіх местах з майдэборгскім правам у XV–XVII стст. / В. Дружчыц // Адбітак са зборніку «Працы клясы Гісторыі». – Том III. – Менск : Друк. БелАН, 1929. – 82 с.

11. Копысский, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI–XVII вв./ З.Ю. Копысский. – Минск : Наука и техника, 1975. – 192 с.

12. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.

13. Сокал, С.Ф. Гісторыя дзяржавы і права БССР (дакастрычніцкі перыяд): Тэксты лекцый для студэнтаў спецыяльнасці «Правазнаўства» / С.Ф. Сокал. – Мінск : БДУ імя У.І. Леніна, 1989. – 54 с.

14. Кузнецов, И.М. История государства и права Беларуси / И.М. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск : Дикта, 1999. – 272 с.

15. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі // А.Ф. Вішнеўскі, І.А. Саракавік. – Мінск : Веды, 1997. – 108 с.

16. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо //Вучэб. дапам.: у 2 ч. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.

17. Шафарик, П.Й. Славянские древности / П.Й. Шафарик. – М. : Университетская типография. 1847. – Том 2, книга 1. – 462 с.

18. Тарановский, Ф.В. Обзоръ памятніковъ магдебургскаго права западнорусскихъ городовъ литовской эпохи: Историко-юридическое исслъдованіе / Ф.В. Тарановский. – Варшава, 1897. – 204 с.

19. Жалованная грамота Могилевскимъ мещанам, на магдебургское право, съ представлениемъ имъ разныхъ преимуществъ и льготъ въ судебной расправъ, ремеслахъ и проч., 28.01.1577 г. // Акты, относящіеся ки истории Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб.,1848. – Т. 3. – С. 202–206.

20. Жалованная грамота городу Пинску на Магдебургское право, съ предоставленіемъ жителямъ его разныхъ преимуществъ и льготъ, 12.01.1581 г. // Акты, относящіеся къ истории Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1848. – Т. 3. – С. 261–264.

21. Подтвердительная грамота жителямъ Полоцка на Магдебургское право и другія преимущества, 27.08.1510 г. // Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1848. – Т. 2. – С. 75–79.

22. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссіею: в 39 т. – Вильна, 1879. – Т. 10 : Акты Виленского магистрата и магдебургии. – 592 с.

23. Жалованная грамота жителямъ королевской Клещелязской отчины на хелмское право, съ освобождением новых поселенцевъ отъ взноса податей на десять лет 22.03.1523 г. // Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1848. – Т. 2. – С. 153–154.

24. Жалованная грамота Минску на Магдебургское право, 14.03.1499 г. // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі ў сярэднія вякі (VI–XV ст.). – Мінск : Народная асвета, 1998. – С. 185–188.

БИП – Институт правоведения,
Гродненский филиал

Поступила в редакцию 09.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 346: 347. 133: 347. 41

Право на участие в управлении обществом: аспекты регламентации и защиты

Д.И. Михайлов

Рассматривается природа права участника хозяйственного общества на участие в управлении им, а также функции указанного права. Обосновываются проблемы правоприменения, обусловленные отсутствием регламентации данного права с учетом его комплексного характера и разносторонности функций. Значительное внимание уделено исследованию вещно-правовых аспектов права на участие в управлении и их правоприменительного значения.
Ключевые слова: право на участие в управлении, участник, хозяйственное общество, обязательственное право, вещное право, действие, сделка, решение высшего органа управления.

This article discusses the nature of the rights of a participant in a business entity to participate in the management, and the functions of the said law. Settled law enforcement problems due to the lack of regulation of this law with regard to its complex nature and diversity of functions. Considerable attention is paid to proprietary aspects of the right to participate in management and law enforcement values.
Keywords: the right to participate in management, participant, a business entity, liability law, property law, action, transaction, decision of the supreme governing body.

Введение. Право на участие в управлении коммерческой организацией – одно из самых значимых прав инвесторов, в частности участников (акционеров) хозяйственных обществ. Исходя из содержания норм гражданского законодательства Беларуси и России, можно сделать вывод об относимости права на участие в управлении обществом к категории обязательственных прав. По справедливому утверждению Я.И. Функа, в течение нескольких столетий в различных правовых системах и доктринах участник юридического лица и само юридическое лицо стали рассматриваться как абсолютно независимые и не связанные друг с другом (за исключением определенных обязательственных отношений) субъекты гражданского права [1]. В результате все нормы, регламентирующие право на участие в управлении организацией, исходят из его обязательственно-правовой природы. Однако следует учитывать, что в отличие от правоотношений по поводу выплаты обществом дивидендов, приобретения и выкупа акций и иных обязательственных правоотношений с участием хозяйственных обществ, в управленческих правоотношениях инвестор выступает как в качестве самостоятельного субъекта гражданских (корпоративных) правоотношений, так и в качестве члена органа управления юридического лица.

В нормах действующего законодательства не учитывается множественность функций участников коммерческих организаций, прежде всего хозяйственных обществ как наиболее востребованных из таких организаций.

Целью настоящего исследования является обоснование правовых проблем регламентации права управления обществом, обусловленных отсутствием комплексного подхода при определении природы данного права.

Основная часть. Любое нарушение права на участие в управлении может повлечь за собой не только нарушение имущественных интересов инвестора, но также нарушение права собственности юридического лица. Это обусловлено тем, что надлежащая реализация юридическим лицом правомочий собственника, как и любых других гражданских прав, возможна только при соблюдении всеми органами управления организации границ их полномочий. Неслучайно к способам защиты права собственности, наряду с классическими вещно-правовыми, принято относить обязательственно-правовые и иные способы, в частности требования о реституции имущества по недействительным сделкам [2, с. 465–466]. В соответствии с п. 1 ст. 49 Гражданского кодекса Беларуси (далее – ГК) и ст. 53 ч. 1 Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ), дееспособность юридического лица реализуется через его органы управления [3], [4].

В отличие от дееспособного гражданина формирование воли юридического лица может осуществляться посредством реализации несколькими органами управления их компетенции. При этом воля организации будет формироваться ненадлежащим образом как в случае прямого превышения органом, правомочным совершить сделку, его компетенции (сделки, совершенные без одобрения высшего или наблюдательного органов), так и при несоответствии условий сделки, заключенной исполнительным органом, решениям высшего или наблюдательного органов. Следует отметить, что от нарушения вещных прав юридического лица в результате совершения сделок с превышением полномочий органа управления гражданским законодательством предусмотрены конкретные, хотя и недостаточно эффективные средства правовой защиты, например, оспаривание таких сделок. В то время как защита интересов юридического лица от несоблюдения исполнительным органом управления решений высшего и наблюдательного органов при совершении сделки не урегулирована нормами прямого действия. Данное положение вещей неслучайно, так как является следствием того, что не учитывается разносторонний характер природы рассматриваемого права инвестора. С одной стороны, данному праву, безусловно, корреспондирует обязанность юридического лица обеспечивать его соблюдение, с другой, надлежащая реализация этого права является условием формирования воли юридического лица, а, следовательно – инструментом соблюдения не только обязательственных, но и вещных прав организации. Неслучайно, с конституционно-правовой точки зрения, достаточно сложно правильно квалифицировать нарушение права на участие в управлении юридическим лицом. Исходя из обозначенного комплексного вещно-обязательственного характера права на участие в управлении, его нарушение следует рассматривать как несоблюдение следующих конституционных норм:

– несоблюдение права на свободное осуществление предпринимательской деятельности, предусмотренного ст. 13 Конституции Беларуси от 15 марта 1994 г. и ст. 34 Конституции России от 12 декабря 1993 г. Несмотря на то, что участники не являются субъектами предпринимательства, несоблюдение их права управлять юридическим лицом в какой-то мере нарушает права коммерческой организации беспрепятственно формировать волю на осуществление предпринимательской деятельности;

– несоблюдение ст. 44 Конституции Беларуси, а равно ст. 35 Конституции России, гарантирующих неприкосновенность собственности.

Однако, в связи с недостаточной определенностью природы вещно-правовой составляющей права управления, достаточно сложно квалифицировать его нарушение как посягательство на неприкосновенность собственности и даже свободу предпринимательства.

В этой связи нельзя не отметить, что и в странах, имеющих значительную историю регламентации корпоративных отношений, восстановление нарушенного права инвестора на участие в управлении компанией регулируется без всестороннего учета его вещно-правовой составляющей. В частности, в праве США и ФРГ определяющее значение имеет не факт грубого нарушения со стороны менеджера компании обязательных предписаний ее вышестоящих органов, а возможность доказывания экономических неблагоприятных последствий в результате действий менеджера. Например, в соответствии с п. 23.1 Правил гражданского судопроизводства в федеральных районных судах США допускается рассмотрение производных исков, поданных акционерами с целью принудить директора корпорации действовать определенным образом от имени корпорации против третьего лица, а также с целью возмещения убытков, причиненных корпорациями, нарушившими свои доверительные обязанности [5]. Согласно ст. 147 Закона «Об акционерных обществах» ФРГ акционеры, владеющие по крайней мере 5 процентами акций либо акциями на сумму 500000 евро, могут потребовать от акционерного общества предъявить управляющим и директорам иски о возмещении убытков, вызванных ненадлежащим управлением, если существует причина подозревать, что акционерное общество управляется ненадлежащим образом или недобросовестно [5].

В Беларуси и России вещно-правовая составляющая права на участие в управлении юридическим лицом сводится к реституционным требованиям по следующим оспоримым сделкам, совершенным от имени юридического лица исполнительным органом без одобрения высшего или наблюдательного органа: а) сделкам с заинтересованностью; б) крупным

сделкам; в) нецелевым сделкам; г) иным сделкам с превышением полномочий исполнительного органа. Право оспаривать иные сделки с превышением полномочий напрямую предоставлено лишь самому юридическому лицу, но не его участникам, в отличие от права оспаривать нецелевые, крупные и конфликтные сделки [4], [5], [6].

В отличие от нарушений права на участие в управлении, выражающихся в совершении сделок с превышением полномочий, для иных нарушений права на участие в управлении организацией белорусским и российским законодательством не предусматриваются конкретные основания для восстановления нарушенных вещных прав юридических лиц.

Однако проблему отсутствия единой направленности регламентации права управления юридическим лицом не следует отождествлять с неопределенностью правовых последствий совершения исполнительным органом юридического лица распорядительных действий, ущемляющих право инвесторов на участие в управлении организацией. Как известно, основу содержания права собственности образуют правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом. При этом многие действия по реализации правомочий владения и пользования, в отличие от распорядительных действий, выходят за рамки действия правила о реализации дееспособности юридического лица через его органы управления (п. 1 ст. 49 ГК Беларуси). Объясняется это тем, что далеко не все действия по реализации правомочий владения и пользования имуществом направлены на приобретение (изменение и прекращение) гражданских прав (обязанностей). Например, производственное потребление сырья влечет за собой прекращение вещных прав на него. Однако ремонт оборудования, с целью улучшения его характеристик, без привлечения подрядчика никак не может повлечь за собой приобретение или прекращение гражданских прав. Для норм вещного права (в отличие от норм обязательственного права) безразлично любое изменение эксплуатационных и иных характеристик имущества до момента достижения перехода количественных изменений в качественные. Речь идет о существенной переработке, в результате которой имеет место изменение вида имущества, а следовательно прекращение права собственности (иного вещного права) на переработанную вещь и возникновение этого права на продукт переработки. С точки зрения норм вещного права, в отличие от норм обязательственного права, достаточно сложно квалифицировать принятие избыточных мер или напротив непринятие необходимых мер по обеспечению сохранности имущества. Представляется, что такие действия сами не могут повлиять на объем гражданских прав при отсутствии обязательственных правоотношений между организацией-собственником и иными субъектами. Таким образом, далеко не все действия по реализации правомочия владения и пользования имуществом юридического лица могут быть квалифицированы как действия по реализации его дееспособности – способности приобретать гражданские права и обязанности, исполнять их, нести имущественную ответственность. С учетом изложенного следует отметить, что отсутствие обоснованности рассмотрение в рамках дееспособности многих действий по реализации правомочий владения и пользования свойственно не только юридическим лицам как собственникам имущества. Например, управление несовершеннолетним гражданином, унаследованным им транспортным средством, в отсутствии причинении вреда влечет за собой административно-правовые, но не гражданско-правовые последствия. Однако в отличие от дееспособности граждан надлежащая реализация дееспособности юридических лиц неслучайно связывается правилом п. 1 ст. 49 ГК Беларуси с соблюдением органами управления их компетенции, а в конечном итоге – права инвестора на участие в управлении. Тогда как значительный круг действий по реализации правомочий собственника, входящих в уставную компетенцию того или иного органа управления организации, не может рассматриваться как надлежащая или ненадлежащая реализация дееспособности юридического лица в контексте правила ст. 49 ГК Беларуси. В связи с этим значительно усложняется констатация гражданско-правовой противоправности в действиях исполнительного органа управления, реализующего правомочия владения и пользования имуществом в качестве необходимой правовой предпосылки защиты имущественных интересов инвестора, ущемленных в результате несоблюдения права на участие в управлении юридическим лицом.

Нормы гражданского права о разграничении компетенции органов управления хозяйственных общества, в том числе ст. 34, 35 и 53 Закона Беларуси «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. № 2020XII (далее Закон «Об обществах»), не позволяют дать однозначный ответ на вопрос о наличии (отсутствии) противоправности в действиях исполнительного органа, реализующего, например, уставное полномочие по использованию имущества в нарушении решения высшего органа об установлении порядка использования имущества, также принятого в рамках его уставной компетенции [7]. Отнесение уставом общества вопроса об определении порядка использования его имущества к компетенции собрания участников полностью соответствует правилу ст. 35 Закона об обществах, позволяющему расширять компетенцию высшего органа. В то же время совершение конкретных действий по использованию имущества исполнительным органом общества полностью соответствует правилу ст. 53 указанного Закона, в соответствии с которым в компетенцию исполнительного органа входят вопросы, не отнесенные (законом или уставом) к компетенции высшего или наблюдательного органов. Противоречие конкретных действий исполнительного органа по использованию имущества юридического лица решению высшего органа об установлении порядка его использования, безусловно, означает неисполнение им данного решения, но не нарушение правила ст. 35 Закона об обществах.

С формальной точки зрения, исполнительный орган не может нарушить правило ст. 35 Закона об обществах, так как эта норма определяет не его компетенцию, а компетенцию высшего органа общества.

С системной точки зрения, исполнительный орган может нарушить правило ст. 35 Закона об обществах, так как рамки его полномочий должны соответствовать границам полномочий иных органов юридического лица. Однако для формирования необходимых для защиты имущественных интересов инвестора предпосылок в данном случае указанная вариативность толкования правоприменительного значения не имеет, так как по общему правилу для этого необходима констатация противоправных действий со стороны самой организации, а не ее органа управления. Любые обязательственно-правовые требования участника к самому обществу об устранении нарушения обязательства общества перед участником будут заведомо не обоснованы ввиду исключительной сложности констатации гражданской противоправности со стороны общества. Правило п. 1 ст. 49 ГК не может считаться нарушенным, если действие по владению и пользованию имуществом юридического лица, хотя бы и нарушающее решение высшего или наблюдательного органов управления, не направлено на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав (обязанностей) юридического лица. Таким образом, применительно к нарушениям права управления юридическим лицом, которые выражаются в несоблюдении исполнительным органом порядка владения и пользования имуществом, установленного высшим органом, актами действующего законодательства Беларуси не предусматриваются не только конкретные способы защиты нарушенного права, но и гражданская противоправность указанных действий со стороны юридического лица.

В отличие от многих видов действий по реализации правомочий владения и пользования, любые действия по реализации правомочия распоряжения имуществом юридического лица всегда направлены на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав. Поэтому, несоблюдение нижестоящим органом управления при совершении таких действий решений вышестоящего органа, а равно положений устава, на наш взгляд, следует рассматривать как противоправное деяние со стороны самого юридического лица, нарушающее правило п. 1 ст. 49 ГК Беларуси. Решение высшего (наблюдательного) органа общества, затрагивающее виды сделок, а равно их существенные условия, следует рассматривать как одну стадию формирования воли организации, а совершение исполнительным органом сделок – другую. Именно по причине этой неопределенности существуют доводы как за, так и против соответствия законодательству сделок юридического лица, условия которых противоречат решениям высшего или наблюдательного органов настолько, что исключают их исполнение. В связи с этим следует констатировать проблему установления факта ничтожности сделок юридического лица, совершенных его исполнительным органом и противоречащих решениям вышестоящих органов данной организации.

Против установления факта ничтожности такой сделки могут быть выдвинуты следующие аргументы:

– совершение исполнительным органом общества сделки, исключающей возможность исполнения решения высшего или наблюдательного органа, следует рассматривать исключительно как ненадлежащее исполнение обязательства общества-должника перед инвестором-кредитором, не влияющее на действительность как сделки, из которой это обязательство возникло, так и сопутствующей, в том числе направленной на его исполнение;

– между несоблюдением исполнительным органом решения вышестоящего органа о направлениях деятельности общества и совершенной им сделке, исключающей возможность реализации одного из них, отсутствует связь, достаточная для констатации нарушения законодательства именно при совершении сделки.

Данный довод может основываться на концепции формального разграничения полномочий органов управления при реализации дееспособности юридического лица в соответствии с п. 1 ст. 49 ГК. При этом для соответствия законодательству сделки значение имеет только наличие соответствующих полномочий у органа, совершающего сделку, а решения иных органов, затрагивающих ее условия, не могут влиять на соответствие сделки законодательству, так как принятие решения о ее совершении не входит в их компетенцию. Такое толкование основывается на таких концепциях юридического лица как «теория фикции» и «теория директора» [2, сс. 121, 123]. Исходя из того, что именно директор правомочен действовать от имени юридического лица в гражданском обороте, сторонники этой теории утверждают, что следовательно директор является основным носителем личности юридического лица. Применительно к рассматриваемому аспекту это означает, что сделка будет соответствовать правилу п. 1 ст. 49 ГК Беларуси, если директор обладал достаточными полномочиями для ее совершения. Однако слабость такой позиции заключается в игнорировании стадий формирования дееспособности юридического лица, при котором предписание высшего органа, затрагивающее условия сделки, является одной стадией, а заключение сделки исполнительным органом – другой.

В пользу ничтожности сделки общества, исключающей возможность реализовать направления его деятельности, могут быть представлены такие доводы:

– отсутствие иных правовых последствий правонарушения общества, выражающегося в несоблюдении его исполнительным органом решений высшего или наблюдательного органов. Особо следует подчеркнуть отсутствие как в белорусском, так и российском законодательствах обязательственно-правовых способов защиты нарушенного права инвестора управлять обществом;

– наличие безосновательной замены воли юридического лица, поэтапно выражаемой всеми его органами управления, волей исполнительного органа, которая обуславливает несоответствие рассматриваемой сделки п. 1 ст. 49 ГК Беларуси и ст. 53 ГК РФ.

Исходя из реалистической теории юридического лица, разработанной Саллейлем, следует дифференцировать не только индивидуальную и коллективную волю участников организации, но также само юридическое лицо и совокупность индивидов, образующих его органы управления [2, с. 122].

Однако в любом случае восстановление нарушенного вещного права общества посредством установления факта ничтожности сделки представляется крайне неблагоприятным. Нормы о ничтожности сделок вносят элемент публичности в регламентацию частных правоотношений, сужая автономию воли компаний и их участников [8, с. 128–132]. Неслучайно все сделки с тем или иным пороком правосубъектности юридического лица, согласно действующему законодательству Беларуси и России, являются оспоримыми. Абсолютным правовым диссонансом является возможная ничтожность сделок общества, противоречащих решениям его органов, и оспоримость нецелевых сделок.

Заключение. На основании изложенного, следует заключить:

1. В силу ряда пробелов в нормах действующего законодательства имеет место отсутствие единонаправленной регламентации отношений, складывающихся по поводу реализа-

ции права инвестора на участие в управлении коммерческой организацией, как обязательственных, вещных или комплексных (смешанных).

2. Отсутствие учета влияния данного права на реализацию правомочий юридического лица как собственника имущества влечет невозможность констатации гражданской противоправности действий организации по владению и пользованию имуществом, противоречащих предписаниям высшего или наблюдательного органов, для цели защиты интересов ее участников с помощью обязательственно-правовых требований.

3. Результатом игнорирования взаимосвязи права на участие в управлении общества и законностью его распорядительных действий является недостаточная определенность правовых последствий совершения исполнительным органом общества сделки, исключающей возможность исполнения решений высшего или наблюдательного органов.

4. Для комплексного разрешения всех возможных проблем, которые могут возникнуть из-за правовой неопределенности участия инвесторов в управлении, необходима единонаправленная регламентация соответствующих правоотношений.

Литература

1. Функ, Я.И. Право собственности на имущество акционерного общества [Электронный ресурс] / Я.И. Функ// Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Гражданское право: учеб.: в 2 ч. – 3-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 1998.– Ч. 1.– 632 с.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. Закон Рос. Федерации, 30 нояб. 1994 г. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2015. – Ч. 1.

5. Матвийчук, С.Б. Иски в защиту прав и охраняемых законом интересов учредителей (участников) юридического лица / С.Б. Матвийчук [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2015.

6. Козыревская, Л.А. К вопросу о правовом статусе органов управления хозяйственных обществ / Л.А. Козыревская / Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов : тезисы докл. Междунар. науч.–практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол. : И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2007. – С. 248–250.

7. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Михайлов, Д.И. Недействительность сделок хозяйственного общества с заинтересованностью: сравнительно-правовой аспект/ Д.И. Михайлов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – № 7. – 2012. – С. 128–135.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 09.01.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 343.36

Системно-правовая непротиворечивость и международно-правовая необходимость и допустимость как принципы криминализации деяний против нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины

Ю.В. Орел

Рассматриваются такие разработанные наукой уголовного права общеправовые системные принципы криминализации деяний, как принцип системно-правовой непротиворечивости и принцип международно-правовой необходимости и допустимости. Проводится анализ соответствия деяний, посягающих на нормальную деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы Украины, предусмотренных ст.ст. 389, 390, 391–393, 395 Уголовного кодекса Украины, нормам национального законодательства, а также универсальным и региональным международным стандартам, как общего, так и специального характера.
Ключевые слова: международные стандарты, международно-правовая необходимость и допустимость, пенитенциарная служба Украины, принципы криминализации, системно-правовая непротиворечивость, уголовно-правовая охрана.

In the paper such developed by science of criminal law all-legal system principles of criminalization of acts are considered as the principle of system-legal consistency and the principle of international-legal need and admissibility. The analysis of conformity of acts, that encroaching on normal activity of the organs and institutions of the penitentiary service of Ukraine, provided by articles 389, 390, 391–393, 395 of the Criminal code of Ukraine, rules of national legislation, and also universal and regional international standards, as the general, and special character is given.
Keywords: international standards, international-legal need and admissibility, penitentiary service of Ukraine, principles of criminalization, system-legal consistency, criminal-law protection.

Введение. Проблемы криминализации общественно опасных деяний против нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины, а также разработка системы борьбы с ними на теоретическом уровне, являются одними из основных направлений развития уголовно-правового учения о мерах борьбы с пенитенциарной преступностью, поскольку объем и содержание криминализации общественно опасных деяний определяют, в конечном счете, и характер стратегии в борьбе с преступностью.

В юридической литературе проблемы уголовно-правовой охраны нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины исследовались в трудах таких ученых, как М.И. Бажанов, О.В. Брынзанская, И.С. Власов, А.П. Гель, В.И. Горобцов, Т.М. Добровольская, В.И. Егоров, Н.И. Загородников, А.И. Зубков, В.Д. Иванов, В.Е. Квашис, А.Г. Колб, А.И. Лукашов, К.В. Мазняк, А.С. Михлин, Д.А. Назаренко, Н.А. Огурцов, А.Н. Павлухин, Е.И. Плужник, Ш.С. Рашковская, А.Л. Ременсон, В.К. Сауляк, А.М. Сокуренко, В.М. Трубников, И.М. Тяжкова, Ю.К. Шевелев и др. Однако в трудах этих ученых рассматривались или в целом проблемы уголовной ответственности за посягательство на правосудие, или ответственности за отдельные виды противодействия функционированию органов и учреждений пенитенциарной службы Украины.

Несмотря на проведенные исследования, считаем, что степень разработанности этой проблематики не может быть признана достаточной. Проблемы уголовно-правовой охраны нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины остаются не раскрытыми должным образом.

Целью статьи является анализ соответствия деяний, предусмотренных ст.ст. 389, 390, 391–393, 395 УК Украины, таким общеправовым системным принципам криминализации деяний, как принцип системно-правовой непротиворечивости и принцип международно-правовой необходимости и допустимости.

Основная часть. В науке уголовного права были разработаны принципы криминализации – научно обоснованные и сознательно применяемые общие правила и критерии оценки допустимости и целесообразности уголовно-правовой новеллы, устанавливающей или изменяющей ответственность за конкретный вид деяний [1, с. 208].

Одними из них есть системно-правовые принципы криминализации, определяемые требованием внутренней логической непротиворечивости системы норм уголовного права, либо норм уголовного и других отраслей права [1, с. 210].

Системно-правовые принципы делятся на общеправовые и уголовно-правовые. К общеправовым системным принципам криминализации относятся, в частности, принципы системно-правовой непротиворечивости и международно-правовой необходимости и допустимости.

Принцип системно-правовой непротиворечивости криминализации (декриминализации) конкретного деяния. Его сущность заключается в необходимости уяснить, не противоречит ли криминализация деяния нормам других отраслей права, то есть не объявляет ли она преступным допущенное или разрешенное другим действующим законом.

Этот принцип имеет не абсолютный, а относительный характер. Его соблюдение осуществляется не путем обязательного отказа от криминализации того, что могло бы оказаться косвенно или прямо разрешенным другой отраслью законодательства, но принятием альтернативного решения: либо отказ от криминализации, либо отмена нормы, препятствующей криминализации [1, с. 231].

Так, ст. 27 Уголовно-исполнительного кодекса Украины (далее – УИК Украины) говорит, что если осужденный уклоняется от уплаты штрафа, он привлекается к уголовной ответственности в соответствии со ст. 389 УК Украины.

Ст. 35 УИК Украины указывает, что в случае уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью он привлекается к уголовной ответственности в соответствии со ст. 389 УК Украины.

Согласно ч. 2 ст. 40 УИК Украины, в отношении лица, которое уклоняется от отбывания наказания в виде общественных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет материалы прокурору для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности в соответствии со ст. 389 УК Украины.

В свою очередь ч. 5 ст. 46 УИК Украины содержит положение, что в отношении лица, которое уклоняется от отбывания наказания в виде исправительных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет прокурору материалы для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности в соответствии со ст. 389 УК Украины.

Не является исключением из этого и ч. 2 ст. 68 УИК Украины, в которой сказано, что в отношении лица, которое самовольно покинуло место ограничения свободы или злостно уклоняется от работ, или систематически нарушает общественный порядок, или установленные правила проживания, администрация исправительного центра направляет прокурору материалы для решения вопроса о привлечении осужденного к уголовной ответственности в соответствии со ст. 390 УК Украины [2].

В других нормативно-правовых актах, таких, например, как Инструкция о порядке исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и осуществления контроля в отношении лиц, осужденных к таким наказаниям, также предусмотрена возможность привлечения осужденных к уголовной ответственности по ст. 389 УК Украины в случае уклонения ими от отбывания наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественных работ и исправительных работ [3].

В п. 5.16. Инструкции о порядке организации осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, указано, что за нарушение правил административного надзора и установленных судом ограничений поднадзорный может быть привлечен к административной или уголовной ответственности в соответствии с нормами Кодекса Украины об административных правонарушениях или УК Украины [4].

Также заслуживает внимания ст. 11 Закона Украины «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», где указано, что в случае злостного

нарушения правил административного надзора, предусмотренных ст.ст. 9 и 10 настоящего Закона, лица, в отношении которых установлен административный надзор, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством [5].

Как мы считаем, здесь имеется в виду возможность привлечения лица, в отношении которого установлен административный надзор, к уголовной ответственности по ст. 395 УК Украины в случае самовольного оставления им места жительства с целью уклонения от административного надзора, а также неявки без уважительных причин в определенный срок к избранному месту жительства в случае освобождения из мест лишения свободы.

К сожалению, действующее законодательство Украины не содержит указаний о возможности привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 или ч. 3 ст. 390 УК Украины осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы, которым был разрешен краткосрочный выезд за пределы уголовно-исполнительного учреждения, в случае невозвращения их к месту отбывания наказания по истечении срока выезда. Также в законодательстве ничего не сказано о возможности привлечения к уголовной ответственности осужденных, которые во время отбывания наказания совершают побег из места лишения свободы, оказывают злостное неповиновение требованиям администрации учреждения исполнения наказания, осуществляют действия, которые дезорганизуют их работу, однако такая возможность существует.

Так что вполне оправданным является тот факт, что в УК Украины закреплена уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 389, 390, 391–393, 395 УК Украины, поскольку они не только не противоречат нормам других отраслей права, но и призваны обеспечивать уголовно-правовую охрану их отдельных положений.

Принцип международно-правовой необходимости и допустимости криминализации. Этот принцип состоит, с одной стороны, в необходимости систематически приводить уголовное законодательство в соответствие с принятыми на себя Украиной международными обязательствами по борьбе с преступностью, а с другой – в обязательной предварительной оценке предлагаемого изменения уголовного закона с позиций его соответствия названным обязательствам.

В соответствии со ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду. При этом термин «принудительный или обязательный труд» не распространяется на всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям ст. 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения [6].

Аналогичные положения содержатся в ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [7], [8, с. 12].

Обязанность осужденных работать в соответствии с их физическими и психическими способностями, удостоверенными врачом, подтверждается также ст. 71 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [8, с. 80], [9].

В свою очередь Европейские пенитенциарные (тюремные) правила от 12 февраля 1987 г. в редакции рекомендаций № R (2006) 2, принятых Комитетом Министров Совета Европы от 11 января 2006 г., в ст. 26 указывают, что труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания. Администрация пенитенциарного учреждения должна стремиться предоставить заключенным достаточно полезной работы [10].

Таким образом, как указывает М.Г. Детков, администрация уголовно-исполнительного учреждения имеет правовую основу для принудительного обеспечения выполнения осужденным его обязанности трудиться, с использованием при этом всего комплекса мер дисциплинарного воздействия. В данном случае элементы кары проявляют себя в средствах обеспечения труда осужденных в условиях мест лишения свободы [11, с. 259].

В соответствии со ст. 118 УИК Украины, осужденные к лишению свободы имеют право работать в местах и на работах, определяемых администрацией колонии. Осужденные могут привлекаться без оплаты труда только к работам по благоустройству колоний и прилегающих к ним территорий, а также улучшения жилищно-бытовых условий осужденных либо

к вспомогательным работам по обеспечению колонии продовольствием. К этим работам осужденные привлекаются, как правило, в порядке очередности, в нерабочее время и не более чем на два часа в день. Кроме того, ст. 6 УИК Украины называет общественно полезный труд в качестве одного из основных средств исправления и ресоциализации осужденных [2].

Проведенные исследования показали, что большинство лиц были осуждены по ст. 391 УК Украины за отказ от работы на производстве или за отказ в установленном порядке выполнять работы по благоустройству учреждения исполнения наказаний и прилегающей к ней территории, а также для улучшения культурно-бытовых условий осужденных [12].

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными в ст.ст. 27, 28 предусматривают, что дисциплину и порядок следует поддерживать с твердостью, вводя, однако, только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения должных правил общежития в заведении.

Заключенных не следует назначать в дисциплинарном порядке на работу по обслуживанию самого заведения. Однако это правило не должно препятствовать должному функционированию системы самоуправления, при которой ответственность за определенные виды социальной, воспитательной или спортивной деятельности возлагается на самих заключенных, которые работают под надзором в составе групп, создаваемых в целях их перевоспитания [9].

Не случайно, приводя национальное законодательство в соответствие с международными стандартами в сфере обращения с осужденными, такая мера взыскания, применяемая к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, как назначение на внеочередное дежурство по уборке помещений и территории колонии, была исключена из ст. 132 УИК Украины.

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., провозглашая в ст. 3 право каждого человека на свободу, допускает вместе с тем его арест или задержание. В ст. 9 Декларации указано, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию [13].

В ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отмечено, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом, в частности, в случае законного содержания под стражей лица, осужденного компетентным судом, законного задержания или заключения под стражу (ареста) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом, законного задержания или заключения под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [6].

Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 9 говорит, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом [7], [8, с. 12].

Таким образом, можно сделать вывод, что предусматривая возможность содержания лиц за совершение преступлений в уголовно-исполнительных учреждениях, рассмотренные выше международные акты косвенно запрещают осужденным совершать действия, направленные на их незаконное оставление.

Рассматривая вопрос предоставления осужденным возможности кратковременного пребывания вне исправительного учреждения, следует отметить, что оно является одним из направлений либерализации и гуманизации исполнения и отбывания наказаний в виде ограничения свободы и лишения свободы.

Европейские пенитенциарные (тюремные) правила в ст. 24 содержат основные формы и способы поддержания контактов осужденных с внешним миром. В частности отмечается, что заключенным необходимо позволять максимально часто общаться по почте, по телефону или другими способами общения со своими семьями, другими лицами и представителями

внешних организаций; необходимо позволять также посещение заключенных указанными лицами. Всегда, когда это позволяют обстоятельства, заключенному должно быть разрешено с сопровождением или самостоятельно покидать пенитенциарное учреждение для посещения больного родственника, присутствия на похоронах или по иным гуманитарным мотивам [10].

В свою очередь уголовно-исполнительное законодательство Украины также предусматривает предоставление краткосрочных и длительных свиданий с осужденными, а также кратковременных выездов за пределы уголовно-исполнительных учреждений лицам, отбывающим наказание в виде ограничения свободы и лишения свободы.

В связи с этим следует согласиться с А.М. Сокуренко, который указывает, что если существует разрешение на такие выезды, то, конечно, должен существовать и уголовно-правовой запрет за уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы и в виде лишения свободы путем невозвращения к месту отбывания наказания, потому что такие действия подрывают авторитет администрации уголовно-исполнительного учреждения и нарушают общественные отношения в сфере порядка и условий отбывания и исполнения наказания, а также исполнение приговора суда, который вступил в законную силу [14, с. 41].

Анализируя возможность привлечения осужденных к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, установления постпенитенциарного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и привлечения их к уголовной ответственности за нарушение его правил, следует указать, что она также предусмотрена международными актами.

Так, Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. в ст. 8 отмечают, что судебный орган, имея в своем распоряжении выбор не связанных с тюремным заключением мер, должен при вынесении своего решения принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы, с которой в надлежащих случаях следует консультироваться.

Органы, выносящие приговоры, могут предусматривать по делам следующие санкции: экономические санкции и денежные наказания, такие, как штрафы, постановление о выполнении общественно полезных работ, судебный надзор и любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением.

В соответствии с Разделом V указанных выше Правил, цель надзора состоит в том, чтобы сократить рецидивы правонарушений и содействовать такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступлений.

Если какая-либо не связанная с тюремным заключением мера предусматривает надзор, то он осуществляется компетентным органом в соответствии с конкретными условиями, предусмотренными законом.

В рамках конкретной меры, не связанной с тюремным заключением, следует определять для каждого отдельного случая наиболее приемлемый вид надзора и обращения, который был бы нацелен на то, чтобы помочь правонарушителю работать над собой с учетом характера совершенного им/ею правонарушения. Порядок надзора и обращения следует периодически пересматривать и при необходимости корректировать.

Условия, подлежащие выполнению, должны быть практическими, точными и по возможности малочисленными и должны быть направлены на уменьшение вероятности возвращения правонарушителя к уголовной деятельности и повышение вероятности возвращения правонарушителя к нормальной жизни в обществе, с учетом интересов жертвы.

При нарушении условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена. В случае изменения или отмены данной меры, не связанной с тюремным заключением, компетентный орган стремится установить подходящую альтернативную меру, не связанную с тюремным заключением Наказание в виде тюремного заключения может налагаться только при отсутствии других подходящих альтернативных мер [15].

Таким образом, в целом можно утверждать, что введение уголовно-правового запрета на нарушение нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины социально обусловлено и подтверждено потребностями международного сообщества.

Заключение. Подводя итоги изложенного, можно сделать вывод о соответствии действий, предусмотренных ст.ст. 389, 390, 391–393, 395 УК Украины, которые посягают на нормальную деятельность органов и учреждений пенитенциарной службы Украины таким общеправовым системным принципам криминализации деяний, как принцип системно-правовой непротиворечивости и принцип международно-правовой необходимости и допустимости.

Литература

1. Кудрявцев, В.Н. Основания уголовно-правового запрета: кримиинализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 304 с.

2. Кримінально-виконавчий кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 3–4. – Ст. 21.

3. Інструкція про порядок виконання покарань, не пов'язаних з позбавленням волі, та здійснення контролю щодо осіб, засуджених до таких покарань : Затв. наказом Державного департаменту України з питань виконання покарань та Міністерства внутрішніх справ України № 270/1560 від 19.12.2003 р. // Офіційний вісник України. – 2004. – № 2, Т. 2. – Ст. 90.

4. Інструкція про порядок організації здійснення адміністративного нагляду за особами, звільненими з місць позбавлення волі : Затв. наказом Міністерства внутрішніх справ, Державного департаменту України з питань виконання покарань № 1303/203 від 4 листопада 2003 р. // Офіційний вісник України. – 2004. – № 2, Т. 2. – Ст. 103.

5. Про адміністративний нагляд за особами, звільненими з місць позбавлення волі : Закон України від 1 грудня 1994 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 52. – Ст. 455.

6. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 04.11.1950 р. // Офіційний вісник України. – 2006. – № 32. – Ст. 2371.

7. Міжнародний пакт про громадянські та політичні права від 16.12.1966 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_043. – Дата доступу : 14.01.2015.

8. Кримінально-виконавче право: Збірник нормативно правових актів / Уклад. А.Х. Степанюк. – Х. : Право, 2005. – 464 с.

9. Мінімальні стандартні правила поводження з в'язнями від 30.08.1955 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_212. – Дата доступу : 14.01.2015.

10. Европейські пенітенціарні (в'язничні) правила від 12.02.1987 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_032. – Дата доступу : 23.01.2015.

11. Детков, М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность: монографія / М.Г. Детков. – М. : ВНИИ МВД России, 1998. – 294 с.

12. Орел, Ю.В. Кримінальна відповідальність за злісну непокору вимогам адміністрації виправної установи : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.08 / Ю.В. Орел. – Харків, 2008. – 209 с.

13. Загальна декларація прав людини від 10.12.1948 р. // Офіційний вісник України. – 2008. – № 93. – Ст. 3103.

14. Сокуренко, О.М. Кримінальна відповідальність за ухилення від відбування покарання у виді обмеження волі та у виді позбавлення волі : дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.08 / О.М. Сокуренко. – Запоріжжя, 2010. – 234 с.

15. Мінімальні стандартні правила Організації Об'єднаних Націй у відношенні заходів, не пов'язаних з тюремним ув'язненням (Токійські правила) від 14.12.1990 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_907. – Дата доступу : 23.01.2015

Николаевский межрегиональный
институт развития человека
высшего учебного заведения
«Открытый международный университет
развития человека «Украина»

Поступила в редакцию 24.01.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 346: 347. 133: 347. 41

Коммандитное товарищество: понятие, формы, правовое положение участников

П.А. Рог

Раскрывается сущность коммандитного товарищества как организационно-правовой формы, проводится анализ правового положения его участников. Исследуется вопрос о дифференцированном правовом регулировании нормами гражданского законодательства Республики Беларусь двух форм коммандитного товарищества: на основе полного товарищества и с одним неограниченно ответственным участником. Обоснован вывод о целесообразности внесения в Гражданский кодекс Республики Беларусь положений, регламентирующих организацию и деятельность коммандитного товарищества с одним неограниченно ответственным участником.
Ключевые слова: хозяйственное товарищество, полное товарищество, коммандитное товарищество, полный товарищ, коммандит, коммандитное товарищество на основе полного товарищества, коммандитное товарищество с одним неограниченно ответственным участником.

In the article the essence of the commandite as organizing-legal form is revealed, legal position of its participants are analysed. The issue of differentiated legal regulation of the civil legislation of the Republic of Belarus of two forms of commandite partnership: on the basis of full partnership with unlimited liability of one party to the investigation. In the conclusion the practicability of putting into Civil code of the Republic of Belarus positions, specifying organization and activity of the commandite with one unlimited responsible participant is motivated.
Keywords: business partnership, general partnership, commandite, general partner, commandite, commandite on the basis of a general partnership, commandite with one unlimited responsible participant.

Введение. В научной литературе проблемы, касающиеся организации и деятельности хозяйственных товариществ (и коммандитных товариществ, в частности), освещаются многими авторами. Наиболее часто вопросы о понятии коммандитного товарищества, его особенностях анализируются в различных научных журналах, учебниках, учебных пособиях, монографиях, выпускаемых как в нашей стране, так и за рубежом.

Однако по-прежнему в отечественном законодательстве недостаточно полно освещены вопросы организации и деятельности коммандитного товарищества, в частности не урегулирован вопрос о возможности существования коммандитного товарищества с одним полным товарищем и одним вкладчиком, порядок принятия решений в таком товариществе, ведения дел и изменения состава его участников.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о сущности коммандитного товарищества, анализ правового положения участников данного юридического лица; рассмотрение вопроса о необходимости внесения в ст. 81 Гражданского кодекса Республики Беларусь положения, регламентирующего формы коммандитного товарищества.

Изучением вопросов правовой регламентации коммандитного товарищества занимались различные ученые-юристы, в том числе Я.И. Функ, В.С. Гальцов, К.В. Паращенко, О.А. Бакиновская, Т.В. Кашанина.

Однако конкретные положения о коммандитном товариществе с единственным полным товарищем (порядок принятия решений, ведения дел и изменения состава участников коммандитного товарищества с единственным товарищем) разработаны не были.

В связи с этим, в настоящей статье будет более подробно раскрыт вопрос о возможности существования коммандитного товарищества с одним полным товарищем и одним вкладчиком (в частности, будут рассмотрены неурегулированные нормами права отношения, касающиеся принятия решений, ведения дел и изменения состава участников коммандитного товарищества с единственным товарищем, правового статуса вкладчика в коммандитном товариществе), а также предложены конкретные нормы, регламентирующие деятельность данной формы коммандитного товарищества.

Основная часть. Согласно ст. 81 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (ГК Беларуси) к коммандитному товариществу применяются правила о полном товариществе [1].

По мнению Я.И. Функа, в случае если в состав коммандитного товарищества входит лишь один полный товарищ, то говорить о распространении на такую организацию правил о полном товариществе не представляется возможным, так как данный участник будет действовать, исходя из своей собственной единоличной воли и так называемая «товарищеская воля» будет отсутствовать [2, с. 242]. С указанной выше позицией можно согласиться частично. Представляется, что на коммандитное товарищество с одним полным товарищем могут распространяться положения о полном товариществе, за исключением положений, регулирующих коллективные действия полных товарищей и взаимодействие между ними в рамках организации (например, порядок совместного ведения дел товарищества; порядок принятия решений в товариществеединогласно, либо большинством голосов участников).

Применительно к праву Республики Беларусь возможность создания и деятельности коммандитного товарищества с одним полным товарищем необходимо рассматривать, исходя из следующих норм:

– п. 1 ст. 81 ГК Беларуси, в котором содержится дефиниция коммандитного товарищества, предусматривает, что в коммандитном товариществе может быть один или несколько вкладчиков, однако применительно к определению полных товарищей законодатель использует конструкцию множественного числа, а не единственного числа («наряду с участниками… (полными товарищами)»);

– п. 1 ст. 85 ГК Беларуси законодатель указывает на то, что в отличие от полного товарищества коммандитное товарищество сохраняется, если в нем остается, по крайней мере, один полный товарищ и один вкладчик.

Исходя из изложенного, законодательство Республики Беларусь допускает возможность сохранения коммандитного товарищества и с одним полным товарищем, но все-таки не предоставляет возможности создания коммандитного товарищества с одним полным товарищем.

На наш взгляд, такую возможность в законодательстве следует предусмотреть, при этом одновременно необходимо урегулировать две разновидности коммандитного товарищества, а именно: «коммандитное товарищество на основе полного товарищества» (сохранив действующие подходы к его регулированию) и «коммандитное товарищество с одним неограниченно ответственным участником».

Правоотношения, складывающиеся между полными товарищами в коммандитном товариществе регламентированы нормами ГК Беларуси о полном товариществе.

Вкладчики, в отличие от полных товарищей, не вправе участвовать в управлении делами коммандитного товарищества. Они могут выступать от его имени не иначе как по доверенности [1, ст. 83]. Коммандит также не вправе оспаривать действия полных товарищей. Однако он наделен правом получать часть прибыли товарищества, причитающуюся на его долю в уставном фонде; знакомиться с годовыми отчетами и балансами товарищества; по окончании финансового года выйти из товарищества и получить свой вклад; передать свою долю в уставном фонде или ее часть другому вкладчику или третьему лицу [3, с. 68]. Вкладчики пользуются преимущественным правом покупки доли в товариществе перед третьими лицами [1, ст. 84].

Отношения, связанные с принятием решений, ведением дел и изменением состава участников коммандитного товарищества с единственным товарищем, урегулированы субсидиарно применяемыми нормами о полных товариществах. Однако как было указано выше, на коммандитное товарищество с единственным товарищем не могут распространяться те положения о полном товариществе, которые регулируют отношения между двумя и более полными товарищами, так как двух и более полных товарищей в такой организации быть не может по определению. Поэтому, представляется необходимым внести в ГК Беларуси изменения и дополнения, регламентирующие порядок осуществления вышеуказанных действий.

Представляется, что в коммандитном товариществе с одним неограниченно ответственным участником фактически лицом, наделенным полномочиями как высшего, так и исполнительного органа, будет единственный полный товарищ. Все решения по управлению

товариществом единоличный полный товарищ принимает самостоятельно. В единоличном порядке полный товарищ принимает и иные решения, касающиеся организации и деятельности товарищества (о заключении сделок, об объявлении и распределении прибыли и т. д.), а также заключает сделки от имени товарищества.

Представляется, что один участник, наделенный всем кругом полномочий не должен безраздельно, никем не ограничено, управлять капиталом, сформированным за счет иных лиц (вкладчиков). Поэтому целесообразно законодательно наделить коммандитов возможностью согласовывать действия единственного полного товарища, по крайней мере, по вопросам затрагивающим их права и законные интересы.

Применив по аналогии ст. 73 ГК Беларуси, можно отметить, что изменение состава участников коммандитного товарищества может осуществляться вследствие выхода участника; исключения участника; уступки доли участника иному лицу; принятия нового участника; признания участника банкротом; смерти участника, объявления его умершим либо признания его безвестно отсутствующим, недееспособным или ограниченно дееспособным, а также ликвидации участника - юридического лица.

Следует отметить, что в случае выхода из данного товарищества единственного полного товарища, коммандитное товарищество, представляется, подлежит ликвидации согласно ч. 2 п. 1 ст. 85 ГК Беларуси (где указано, что коммандитное товарищество сохраняется, если в нем остаются, по крайней мере, один полный товарищ и один вкладчик). При этом не предусмотрено право вкладчиков преобразовать коммандитное товарищество в полное товарищество, а также в унитарное предприятие в случаях, когда в составе товарищества остался один участник (т. к. коммандиты лишены возможности участвовать в управлении делами коммандитного товарищества). Помимо этого, согласно п. 3 Положения о ликвидации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь № 1 от 16.01.2009 г. «О государственной регистрации и ликвидации субъектов хозяйствования», решение о ликвидации юридического лица может быть принято: участниками (учредителями, собственником имущества или высшим органом) юридического лица (добровольная инициативная или обязательная ликвидация), экономическим судом или регистрирующим органом (принудительная ликвидация) [4]. Если исходить из безосновательности управления коммандитным товариществом вкладчиками, то и принимать решение о его ликвидации они также не вправе. Своевременность обращения уполномоченного государственного органа в экономический суд с иском о принудительной ликвидации товарищества, в связи с осуществлением предпринимательской деятельности с грубыми нарушениями законодательства, во многом зависит от ряда объективных и субъективных факторов, влияние которых нельзя учесть заблаговременно.

Представляется, для вкладчиков решение полного товарища о выходе из данной организации может быть неприемлемо, т. к. оно фактически повлечет за собой возникновение основания для обязательной реорганизации товарищества в иную организационную правовую форму или для обязательной его ликвидации. В данной ситуации, если полный товарищ работал эффективно, коммандиты могут потерять возможную прибыль организации, которая приходится на их долю в уставном фонде данного юридического лица.

Однако вкладчики на принятие полным товарищем решения о выходе из коммандитного товарищества повлиять не могут. Единственным позитивным условием для коммандитов является обязанность полного товарища заявить о выходе не менее чем за шесть месяцев [1, ст. 74]. За указанный период времени коммандиты могут найти новое лицо, которое заменит выходящего участника.

С учетом того, что вкладчики доверились полному товарищу, положились на его управленческие способности, его способность обеспечить прибыльную деятельность организации, то, представляется, что в интересах вкладчиков предусмотренное ст. 64 ГК Беларуси право полного товарища на выход из организации необходимо ограничить.

Согласно ст. 77 ГК Беларуси, лицо вправе стать участником товарищества при условии согласия на это иных участников товарищества. Таким образом, если новый участник – полный товарищ – пожелает войти в данную организацию до выхода из него заявившего о своем выходе другого полного товарища, то обязательно необходимо согласие последнего (хотя он

на этот момент будет иметь минимальный интерес относительно будущего товарищества). Если выходящий товарищ не согласует кандидатуру нового полного товарища, то последний будет вынужден ждать выхода первого, а затем обращаться с заявлением о вступлении к оставшимся участникам – коммандитам.

Однако возникает новый вопрос, о том, согласие каких «иных участников товарищества» необходимо для принятия в его состав нового участника: всех полных товарищей либо еще и всех вкладчиков. Представляется, что если вкладчики не вправе участвовать в управлении делами коммандитного товарищества, то и согласовывать с коммандитами вопросы изменения субъектного членского состава данной организации (принятие нового участника в состав товарищества, передача своей доли в уставном фонде третьему лицу) законодатель не требует.

Помимо этого недостаточно ясен ответ на вопрос о возникновении основания для обязательной ликвидации или реорганизации со дня выхода из него единственного полного товарища. Если применять по аналогии ст. 80 ГК Беларуси, то даже, если в составе коммандитного товарищества остается один участник (нет указании, какой: полный товарищ, коммандит), у него есть возможность в течение трех месяцев со дня, когда он стал единственным участником товарищества, преобразовать организацию в унитарное предприятие. Следовательно, вкладчики, оставшиеся в коммандитном товариществе без полных товарищей (а это возможно не только в случае выхода единственного полного товарища, но и его исключения из состава участников организации, признания участника банкротом, смерти участника, объявления его умершим либо признания его безвестно отсутствующим, недееспособным или ограниченно дееспособным, а также ликвидации участника – юридического лица, обращение взыскания на долю участника) вполне могут иметь право в течение трех месяцев со дня выхода единственного полного товарища найти как минимум одного нового полного товарища для продолжения деятельности. В противном случае коммандитное товарищество подлежит ликвидации (преобразовать коммандитное товарищество в иную организацию правовых оснований у вкладчиков нет).

При этом из законодательства нельзя дать ответ на вопрос о том, какие меры могут быть приняты коммандитами в случае неэффективного осуществления единственным полным товарищем предпринимательской деятельности в рамках коммандитного товарищества. Применив по аналогии ст. 75 ГК Беларуси, можно отметить, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения участником коммандитного товарищества своих обязанностей участники товарищества вправе требовать в судебном порядке исключения такого участника из состава товарищества. Однако, согласно п. 2 ст. 83 ГК Беларуси, вкладчики не вправе оспаривать действия полных товарищей по управлению и ведению дел товарищества. Таким образом, практически исключить единственного полного товарища из состава коммандитного товарищества невозможно, даже если такой участник приносит товариществу убытки. В указанной ситуации коммандит может либо выйти из состава организации, чтобы найти себе более выгодный вариант вложения имущества, либо, получив от полного товарища доверенность, самостоятельно осуществлять отдельные сделки (без систематичности, чтобы не было признаков предпринимательской деятельности).

Представляется, что отсутствие обязанности согласовывать с вкладчиком вопросы изменения численности коммандитного товарищества, отсутствие у вкладчика права требовать в судебном порядке исключения полного товарища из состава участников организации ведет к невыгодности для потенциального инвестора вложений в коммандитное товарищество, и вынуждает направлять имущество для вложений в другие проекты (в том числе в деятельность акционерного общества). В связи с этим, представляется необходимым внести в действующее законодательство изменения, направленные на предоставление коммандиту указанных выше прав.

Вкладчиков можно в определенной степени сравнить с акционерами – владельцами привилегированных акций (они также вносят вклад в уставной фонд организации, получают часть ее прибыли, однако в управлении организацией не участвуют). Поэтому рассмотрим, правовой статус акционера – владельца привилегированных акций.

Согласно ст. 71 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» акционеры – владельцы привилегированных акций имеют право на получение части прибыли акционерного общества в виде фиксированных размеров дивиден-

дов; получение в случае ликвидации акционерного общества фиксированной стоимости имущества либо части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами; участие в общем собрании акционеров с правом голоса [5].

Если сравнить права коммандитов и акционеров – владельцев привилегированных акций, то можно прийти к выводу о том, что права последних шире. В частности, акционеры – владельцы привилегированных акций имеют в определенных случаях право на участие в общем собрании акционеров с правом голоса. Указанное право, безусловно, необходимо, и позволяет таким акционерам защитить свои права как инвесторов.

Представляется, что вкладчики, находящиеся в коммандитном товариществе в похожем положении, также должны быть наделены по отдельным вопросам правом на участие в общем собрании участников с правом голоса.

В связи с вышеизложенными недостатками в правовом регулировании организации и деятельности коммандитного товарищества представляется необходимым внести в ГК Беларуси следующие изменения и дополнения:

– изложить п. 1 ст. 81 ГК Беларуси в следующей редакции: «Коммандитным товариществом признается товарищество, в котором наряду с одним или несколькими участниками, осуществляющими от имени товарищества предпринимательскую деятельность и отвечающими по обязательствам товарищества всем своим имуществом (полными товарищами), имеется один или несколько участников (вкладчиков, коммандитов), которые несут риск убытков, связанных с деятельностью товарищества, в пределах сумм внесенных ими вкладов и не принимают участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности»;

– дополнить ст. 81 ГК Беларуси пунктом 1^1 следующего содержания: «Коммандитное товарищество может существовать в одной из двух форм: на основе полного товарищества (с участием в его деятельности двух и более полных товарищей) и с одним неограниченно ответственным участником (полным товарищем). К коммандитному товариществу на основе полного товарищества применяются действующие подходы к регулированию полного товарищества»;

– изложить ст.83 ГК Беларуси в следующей редакции:

«1. Управление деятельностью коммандитного товарищества осуществляется полными товарищами. Порядок управления и ведения дел такого товарищества его полными товарищами устанавливается ими в соответствии с законодательством о полном товариществе, за исключением случаев, указанных в пунктах 1^1, 3 и 4 настоящей статьи.

1^1. Управление в коммандитном товариществе с одним неограниченно ответственным участником и ведение его дел осуществляется полным товарищем самостоятельно, за исключением случаев, указанных в пунктах 3 и 4 настоящей статьи.

2. Вкладчики не вправе участвовать в управлении делами коммандитного товарищества, за исключением случаев, указанных в пунктах 3 и 4 настоящей статьи. Они могут выступать от имени коммандитного товарищества не иначе как по доверенности. Они не вправе оспаривать действия полных товарищей по управлению и ведению дел товарищества.

3. Вкладчики вправе участвовать в общем собрании участников коммандитного товарищества с правом голоса при принятии решений о реорганизации и ликвидации товарищества, о внесении в устав товарищества изменений и (или) дополнений, ограничивающих их права.

4. В случае если на общем собрании участников коммандитного товарищества было принято решение о невыплате прибыли или было принято решение об ее неполной выплате либо решение о выплате прибыли не было принято, вкладчики могут участвовать в последующих общих собраниях участников коммандитного товарищества с правом голоса с момента принятия (непринятия) такого решения до момента выплаты вкладчикам прибыли в полном объеме»;

– дополнить ч. 1 п. 2 ст. 84 ГК Беларуси шестым и седьмым абзацами следующего содержания:

«требовать в судебном порядке исключения из коммандитного товарищества полного товарища, в случае если последний причиняет своим ведением дел убытки товариществу; давать согласие по вопросам изменения состава участников коммандитного товарищества в случаях, указанных в статьях 76–78 настоящего Кодекса»;

– изложить п. 1 ст. 85 ГК Беларуси в следующей редакции:

«Коммандитное товарищество ликвидируется при выбытии всех участвовавших в нем полных товарищей или вкладчиков. Однако полные товарищи вправе вместо ликвидации пре-

образовать коммандитное товарищество в полное товарищество либо иное юридическое лицо. Коммандитное товарищество ликвидируется в случае, когда в товариществе остается единственный участник (один полный товарищ либо один вкладчик). Последний вправе в течение трех месяцев со дня, когда он стал единственным участником товарищества, преобразовать такое товарищество в унитарное предприятие в порядке, установленном законодательством.

Коммандитное товарищество ликвидируется также по основаниям ликвидации полного товарищества (ст. 80). Однако коммандитное товарищество сохраняется, если в нем остаются, по крайней мере, один полный товарищ и один вкладчик.

При выбытии из коммандитного товарищества всех участвовавших в нем полных товарищей оно сохраняется в течение трех месяцев со дня, когда в организации остались одни вкладчики. Однако коммандитное товарищество ликвидируется, если по истечении вышеуказанных трех месяцев в его состав не вступит в качестве полного товарища, по крайней мере, одно лицо».

Заключение. Коммандитным товариществом признается хозяйственное товарищество, в котором наряду с участниками, осуществляющими от имени товарищества предпринимательскую деятельность и отвечающими по обязательствам товарищества всем своим имуществом, имеется один или несколько участников, которые несут риск убытков, связанных с деятельностью товарищества, в пределах сумм внесенных ими вкладов и не принимают участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности.

Законодательство Республики Беларусь допускает возможность сохранения коммандитного товарищества и с одним полным товарищем, но все-таки не предоставляет возможности создания коммандитного товарищества с одним полным товарищем.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь следует предусмотреть возможность создания коммандитного товарищества с одним полным товарищем, при этом одновременно необходимо урегулировать две разновидности коммандитного товарищества, а именно: «коммандитное товарищество на основе полного товарищества» и «коммандитное товарищество с одним неограниченно ответственным участником». Для этого необходимо внести в ст.ст. 81, 83, 84 и 85 кодекса соответствующие изменения и дополнения.

На коммандитное товарищество с одним полным товарищем могут распространяться положения о полном товариществе, за исключением положений, регулирующих коллективные действия полных товарищей и взаимодействие между ними в рамках организации.

Внесение в Гражданский кодекс Республики Беларусь вышеуказанных изменений и дополнений позволит расширить географию применения коммандитного товарищества, так как в этом случае даже одно лицо сможет под свое собственное имя объединить ряд вкладчиков и тем самым создать финансовую основу для деятельности соответствующего товарищества, а также значительно улучшит правовое положение вкладчиков, что сделает коммандитное товарищество более привлекательным для потенциальных инвесторов.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г., № 218-З // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Функ, Я.И. Курс бизнес-права: гражданско-правовые основы организации предпринимательской деятельности: в 3 кн. / Я.И. Функ. – Минск : Амалфея, 2005. – Кн. 1 : Коммерческие организации. – 544 с.

3. Бакиновская, О.А. Хозяйственное право: учебное пособие. / О.А. Бакиновская, И.А. Шарапа, Ю.А. Амельченя. – Минск : Издательство Гревцова, 2010. – 416 с.

4. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 16 января 2009 г., № 1 // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 9 декабря 1992 г., № 2020-XII // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 30.04.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 343.232

Особенности классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности в уголовном законодательстве государств-участников СНГ

С.В. Сыс

Проводится исследование особенностей классификации преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности в уголовном законодательстве государств-участников СНГ. Автор показывает сходства и различия в соответствующих классификациях, определяет специфику категорий преступлений по уголовному законодательству отдельных стран. По итогам исследования делаются выводы о возможности внесения изменений в уголовное законодательство Республики Беларусь.
Ключевые слова: классификация преступлений, категории преступлений, общественная опасность, СНГ, уголовный кодекс.

In the article the research of features of classification of crimes depending on character and degree of public danger in the criminal legislation of the CIS states is conducted. The author shows similarities and distinctions in the corresponding classifications, determines specifics of the categories of crimes by the criminal legislation of the certain countries. On the results of research the conclusions about the possibility of modification of the criminal legislation of Republic of Belarus are drawn.
Keywords: classification of crimes, categories of crimes, public danger, CIS, criminal code.

На сегодняшний день к числу стран СНГ относятся Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина [1]. На развитие их уголовного законодательства, в том числе и Грузии (далее говоря о странах СНГ, будем подразумевать также и Грузию как бывшего участника, имплементировавшего в своё национальное законодательство ряд норм, принятых в рамках СНГ) большую роль сыграло принятие 17 февраля 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ (далее – МУК) [2]. МУК стал образцом для Уголовных кодексов (далее – УК) в каждой из стран СНГ.

Классификация преступлений по характеру и степени общественной опасности в уголовном законодательстве стран СНГ является схожей, но не одинаковой, что периодически вызывает научный интерес к данному вопросу. В наибольшей степени это происходит в России, Украине и Казахстане. Именно в этих странах существуют наиболее отличительные особенности в классификации преступлений по рассматриваемому признаку, и именно в этих странах в последние годы она подвергалась корректировке. О научном интересе говорит и то, что за последние пятнадцать лет в указанных странах проблема рассматриваемой классификации затрагивалась в диссертационных исследованиях В.В. Бездольного, А.М. Конаровского, А.Н. Ратькова, Т.В. Цатурян, О.И. Соболь, Е.А. Онгарбаева. Это говорит о необходимости дальнейшего изучения рассматриваемой классификации преступлений, выявления новых подходов для совершенствования законодательства Республики Беларусь на основе опыта других стран. В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности классификации преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности в законодательстве каждой из стран СНГ, приняв за основу положения МУК.

В соответствии с ч. 1 ст. 18 МУК в зависимости от характера и степени общественной опасности все преступления подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Согласно ч. 2–5 ст. 18 МУК, преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за которые максимальное наказание, предусмотренное МУК, не превышает двух лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за которые максимальное наказание, пре-

дусмотренное МУК, не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет. Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за которые максимальное наказание, предусмотренное МУК, не превышает двенадцати лет лишения свободы. Особо тяжкими признаются умышленные преступления, за которые МУК предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет или более тяжкое наказание.

Таким образом, МУК закрепляет четырёхзвенную (относительно умышленных и неосторожных преступлений в совокупности) классификацию преступлений (терминология МУК использует термин «категории преступлений»). Основным критерием классификации выступает форма вины, а дополнительным – индикатор санкции, выражающийся в сроке возможного максимального наказания в виде лишения свободы, предусмотренного санкцией статьи, устанавливающей ответственность за совершённое преступление. Это объяснятся тем, что неосторожные преступления подразделяются на две категории, а умышленные – на четыре. Определив форму вины, следует определить индикатор санкции, что позволит установить точную категорию преступления. Об основном характере формы вины говорит и то, что ст. 18 МУК упоминает её перед индикатором санкции.

Подобно МУК все УК стран СНГ фактически содержат в себе классификацию преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности, хотя формально формулировка «в зависимости от характера и степени общественной опасности» встречается не во всех УК. Так, УК Грузии использует формулировку «в зависимости от максимального срока лишения свободы, предусмотренного в качестве наказания», УК Молдовы использует формулировку «в зависимости от характера и степени вреда преступления», УК Туркменистана – формулировку «в зависимости от степени тяжести и формы вины», а УК Украины – «в зависимости от степени тяжести» [3], [4], [5], [6].

Различия имеются и в формальном обозначении данной классификации в УК стран СНГ. Так, уголовные кодексы Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, России, Таджикистана, Туркменистана обозначают данную классификацию как «категории преступлений» [7], [8], [9], [10], [11], а УК Азербайджана, Молдовы, Кыргызстана, Узбекистана, и Украины [12], [13], [14] закрепляют «классификацию преступлений».

Преимущественно все УК стран СНГ, используют четырёхзвенную классификацию по рассматриваемому основанию. Данного подхода придерживаются УК Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана (здесь имеется определённая особенность, о которой речь пойдёт ниже, однако, относительно преступлений мы можем здесь говорить об УК Казахстана), Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Иная классификация принята в УК Молдовы и Грузии. УК Молдовы закрепляет пятизвенную классификацию (незначительные преступления, преступления средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие преступления), а УК Грузии – трёхзвенную (менее тяжкие преступления; тяжкие преступления; особо тяжкие преступления). Однако, по сути, УК Молдовы и УК Грузии имеют такую же классификацию, как и МУК, за тем отличием, что особо тяжкие преступления по классификации МУК в УК Молдовы разделены на особо тяжкие и чрезвычайно тяжкие, а преступления небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие по классификации МУК закреплены в УК Грузии в качестве менее тяжких и тяжких.

Также УК имеют отличия в наименовании классификационных групп. Эти отличия касаются наименования преступлений небольшой тяжести и средней тяжести (в терминологии МУК). Терминологию МУК в отношении преступлений небольшой тяжести используют УК Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Украины, иные же используют иную терминологию: «преступления, не представляющие большой общественной опасности» – УК Азербайджана, Беларуси, Узбекистана, а УК Молдовы – «незначительные преступления». В отношении преступлений средней тяжести терминологии МУК придерживаются УК Армении, Казахстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Украины. В свою очередь УК Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана, Узбекистана, Грузии используют термин «менее тяжкие преступления».

Согласно МУК для определения категории преступления необходимо определить в первую очередь форму вины. Вместе с тем, не все УК стран СНГ включают в качестве критерия классификации форму вины (УК Молдовы и Украины). «Такой подход законодателя можно объяснить тем, что преступления, предусмотренные отдельными статьями УК Украины, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, а также со сложной (смешанной) формой вины» [15]. Профессор О.О. Дудоров отмечает существование тезиса: «такая ситуация противоречит принципу дифференциации уголовной ответственности и, соответственно, индивидуализации наказания» [16, с. 96]. Однако мы не можем согласиться с данным тезисом. Назначая наказание, суд принимает во внимание все обстоятельства дела, учитывает объективные и субъективные признаки. Таким образом, форма вины будет учитываться судом в любом случае. Следовательно, даже если форма вины не будет влиять на классификацию преступлений, как это существует в Украине и Молдове, это не мешает суду учитывать её при назначении наказания, реализуя в полной мере принцип дифференциации уголовной ответственности. Ещё одним доводом в пользу того, что вину не следует выделять в качестве критерия классификации преступлений по степени общественной опасности, является довод профессора О.О. Дудорова, который мы разделяем в полной мере. Так, он отмечает, что «форма вины (нужно так понимать) уже учтена законодателем при конструировании санкций» [16, с. 96]. Стоит отметить, что для осуществления классификации преступлений в Общей части УК определяющее значение имеет соблюдение основных формально-логических требований, к числу которых относится единство основания деления [17]. Деление по различным основаниям в логике является неправильным и называется перекрёстным [18]. Очевидно, что, использование формы вины наравне с тяжестью преступления приведёт к нарушению данного логического требования.

Помимо вышеописанных особенностей каждый УК имеет отличия в индикаторе санкции. Относительно преступлений небольшой тяжести (при характеристике отличий в индикаторе санкции будем использовать терминологию МУК) все УК можно разделить на два вида: устанавливающие одинаковый индикатор санкции для умышленных и неосторожных преступлений и устанавливающие отдельный индикатор санкции для умышленных и неосторожных преступлений. К первому виду относятся УК Азербайджана, Беларуси, Молдовы, России, Туркменистана и Украины. Абсолютное большинство перечисленных УК устанавливают предел в два года лишения свободы, кроме УК России, где предел установлен в три года лишения свободы. Ко второму виду относятся УК Армении, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Данные УК устанавливают различные пределы сроков лишения свободы для умышленных и неосторожных преступлений. Абсолютное большинство указанных УК устанавливает для умышленных преступлений предел в два года лишения свободы, и лишь УК Узбекистана – в три года лишения свободы. В отношении неосторожных преступлений можно наблюдать схожую ситуацию: УК Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана установлен предел в пять лет лишения свободы, а УК Армении – в три года лишения свободы.

При рассмотрении преступлений средней тяжести можно обратить внимание на то, что одна группа УК устанавливает единый индикатор санкции как для умышленных, так и для неосторожных преступлений, а вторая группа УК устанавливает для них различные индикаторы санкции. К первой группе относятся УК Азербайджана (предельный срок лишения свободы составляет семь лет), УК Грузии (предельный срок лишения свободы составляет пять лет; также не будем забывать, что УК Грузии не содержит преступлений небольшой тяжести), УК Молдовы (предельный срок лишения свободы составляет пять лет, деления преступлений на умышленные и неосторожные в данном случае не проводится), УК Туркменистана (предельный срок лишения свободы составляет восемь лет), УК Украины (предельный срок лишения свободы составляет пять лет, деления преступлений на умышленные и неосторожные в данном случае не проводится). При рассмотрении второй группы следует отметить, что существуют различия относительно умышленных и неосторожных преступлений. Относительно умышленных преступлений устанавливаются максимальные сроки лишения свободы. При этом абсолютное большинство УК, относящихся к этой группе (УК Армении,

Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана), имплементировали положение МУК и закрепили максимальный срок в размере пяти лет лишения свободы; исключение составляет лишь УК Беларуси, закрепивший максимальный срок в размере шести лет лишения свободы. Если же рассматривать неосторожные преступления, то здесь все УК можно разделить на две подгруппы: устанавливающие максимальный предел санкции и устанавливающие минимальный предел санкции. К первой подгруппе относятся УК Армении («не превышает десяти лет лишения свободы»), УК Казахстана («не превышает пяти лет лишения свободы»), ко второй подгруппе относятся УК Беларуси («на срок свыше двух лет»), Кыргызстана («свыше пяти лет»), России («превышает три года лишения свободы»), Таджикистана («на срок свыше пяти лет») и Узбекистана («на срок более пяти лет»).

Рассматривая тяжкие и особо тяжкие преступления, можно отметить, что отличие выражается в границе между ними. По МУК (а равно УК Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана) граница составляет двенадцать лет лишения свободы. В УК Армении, Грузии, Кыргызстана, России, Узбекистана и Украины граница составляет десять лет лишения свободы, в УК Туркменистана – пятнадцать лет лишения свободы. Различно и место неосторожных преступлений. УК Молдовы и Украины допускают отнесение неосторожных преступлений как к тяжким, так и особо тяжким (а УК Молдовы и к чрезвычайно тяжким) в связи с тем, что не используют форму вины в качестве критерия классификации, а УК Азербайджана, Грузии и Туркменистана – к числу тяжких. Остальные УК к числу тяжких и особо тяжких преступлений относят только умышленные.

Помимо обозначенных особенностей, касающихся всех УК стран СНГ, УК России, Украины и Казахстана имеют и собственные особенности, присущие только им. Наиболее важную отличительную особенность УК России приобрёл в связи со вступлением в силу дополнений, внесённых Федеральным законом Российской Федерации от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (далее – Закон). Так, суд с учётом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления средней тяжести осужденному назначено наказание, не превышающее трёх лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение тяжкого преступления осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение особо тяжкого преступления осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

Такая законодательная новелла вызвала споры в российском научном сообществе. По мнению отдельных российских учёных в таком нововведении нет необходимости. А.Ю. Епихин отмечает, что «наиболее сложным и проблематичным ... будет являться судебная оценка фактических обстоятельств совершения преступления, а также его степени общественной опасности. Проблематичность ситуации заключается в том, что характер и степень общественной опасности уже помещен законодателем в санкцию статьи (её части и пункта) уголовного закона» [19, с. 107]. Скептически относится к данной норме и Ф.Р. Сундуров, отмечающий, что законодатель отошёл от устоявшейся формулы деления преступлений на категории с учётом характера и степени общественной опасности преступления. По его мнению, «введение в закон новых формулировок, тем более не вызванных какой-то необходимостью, приводит к разноречиям в их толковании и применении в судебной практике» [20, с. 231]. Л.Ю. Ларина отмечает, что возможность изменения категории преступления судом означает то, что правоприменителем, то есть судом, по сути, определяется преступность деяния (например, при приготовлении к тяжкому или особо тяжкому преступлению). Таким образом, преступность деяния в ряде случаев ставится в зависимость от судейского усмотрения. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 3 УК России преступность деяния определяется лишь уголовным законом [21, с. 57].

Представляется, что, несмотря на такие критические мнения, данное законодательное положение представляет определённый интерес для изучения. Стоит отметить, что Закон был принят в продолжение общей политики либерализации уголовного законодательства

России [22, с. 12]. Можно предположить, что данное положение было принято для предоставления возможности суду в большей степени индивидуализировать подход к преступникам. Очевидно, что изменение категории преступления повлияет, например, на применение условно-досрочного освобождения, выбор места отбывания наказания в виде лишения свободы, что, безусловно, позволяет проявить гуманизм в отношении лица, совершившего преступление. Вместе с тем, так как для изменения категории преступления необходимо сначала назначить наказание, то, например, освободить лицо в связи с деятельным раскаянием в данном случае не представляется возможным, так как лицу уже будет назначено наказание. Таким образом, данная норма является достаточно неоднозначной и представляет определённый научный интерес.

Важной особенностью УК Украины является использование наказания в виде штрафа в качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы в индикаторе санкции. Данная новелла была введена Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности» от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI. При этом ч. 6 ст. 12 УК Украины указывает, что степень тяжести преступления, за совершение которого предусмотрено основное наказание в виде штрафа и лишения свободы, определяется, исходя из срока наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за соответствующее преступление. Необходимо отметить, что это единственный пример на пространстве СНГ, когда в индикаторе санкции используется наряду с наказанием в виде лишения свободы иной вид наказания. Подобное законодательное положение имеет право на существование, так как за ряд, преимущественно экономических, преступлений не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, но есть достаточно суровое наказание в виде штрафа. Очевидно, что в подобном случае нерационально и несправедливо относить подобные преступления к числу преступлений небольшой тяжести.

Наиболее яркие особенности имеет УК Казахстана, вступивший в силу с 1 января 2015 г. Ст. 10 УК Казахстана определяет, что уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности подразделяются на преступления и уголовные проступки. Под преступлением понимается совершённое виновно деяние (действие или бездействие), запрещённое УК Казахстана под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни. В то же время уголовный проступок определяется как совершённое виновно деяние (действие или бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста. Вместе с тем, преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

Таким образом, УК Казахстана закрепляет особую классификацию деяний, влекущих уголовную ответственность: уголовные проступки и преступления. Можно допустить тезис о том, что данная классификация является наиболее общей классификацией деяний, влекущих уголовную ответственность, в зависимости от характера и степени их общественной опасности, согласно УК Казахстана. При этом уголовный проступок хотя и влечёт привлечение к уголовной ответственности, но формально не является преступлением. В свою же очередь деяния, отнесённые к числу преступлений, подразделяются на категории в зависимости от характера и степени общественной опасности. Таким образом, можно говорить о том, что УК Казахстана закрепляет двухуровневую классификацию деяний, влекущих уголовную ответственность: на первом уровне они все подразделяются на уголовные проступки и преступления, а на втором уровне преступления подразделяются на категории.

Подводя итог проведённому исследованию, обозначим ряд положений, которые могут представлять интерес для развития белорусского уголовного законодательства. В первую очередь стоит отметить отсутствие указания на форму вины в УК Украины и Молдовы. Представляется, что при конструировании конкретных составов преступлений и санкций за

их совершение законодателем учтена форма вины, что отражается на виде и размере наказания, закреплённого в санкции. Также, учитывая максимальный размер наказания в УК Беларуси в виде лишения свободы в размере десяти лет за совершение преступления по неосторожности, представляется необоснованным отнесение преступлений, совершённых по неосторожности, лишь к категориям преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжким.

Также большого внимания заслуживает положение УК Украины, включающего наказание в виде штрафа в индикатор санкции. Представляется, что такой пример мог бы стать образцом для гуманизации УК Беларуси в части установления санкций за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы и вписывался бы в русло последних изменений в ч. 2 ст. 50 УК Беларуси, связанных с установлением особого размера штрафа, устанавливаемого в качестве санкции за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы. В свою очередь это позволило бы исключить наказание в виде лишения свободы из ряда санкций статей, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы, не понизив категорию преступления. По нашему мнению, такое законодательное положение, с одной стороны, позволило бы снизить нагрузку на бюджет, сократив число заключённых, а с другой стороны, позволило бы применять более гуманное наказание для преступника, которое, с одной стороны, достаточно строгое, а с другой стороны, не отрывает его от общества, не способствует утрате профессиональных навыков и деловых качеств, а также даёт шанс для исправления, ведь именно исправление, а не наиболее суровая кара, является принципом уголовной ответственности.

Литература

1. Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-cis.info. – Дата доступа: 01.07.2015.

2. Модельный уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // International Committee of the Red Cross. – Режим доступа : https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/crim.pdf. – Дата доступа : 01.07.2015.

3. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] // Электронный вестник Грузии. – Режим доступа : https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/143/ru/pdf. – Дата доступа : 03.07.2015.

4. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] // Registrul de stat al actelor juridice al Republicii Moldova. – Режим доступа : http://lex.justice.md/ru/331268/. – Дата доступа : 03.07.2015.

5. Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа : http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/tm/tm039ru.pdf. – Дата доступа : 03.07.2015.

6. Кримінальний кодекс України [Электронный ресурс] // Ліга-Закон. Главный правовой портал Украины. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T012341.html. – Дата доступа : 03.07.2015.

7. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения. Официальный сайт. – Режим доступа : http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#3. – Дата доступа : 03.07.2015.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа : http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа : 03.07.2015.

9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа : http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375#LinkTarget_10433. – Дата доступа : 03.07.2015.

10. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Параграф. Информационные системы. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Дата доступа : 03.07.2015.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/popular/ukrf/. – Дата доступа : 03.07.2015.

12. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по налогам Азербайджанской Республики. – Режим доступа : http://www.taxes.gov.az/uploads/qanun/2011/mecelleler/cinayet_mecellesi_rus.pdf. – Дата доступа : 03.07.2015.

13. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Информационная система «Параграф». – Режим доступа : http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000871459. – Дата доступа : 03.07.2015.

14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа : http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111457. – Дата доступа : 03.07.2015.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Украины [Электронный ресурс] // Юрисконсульт. Народный правовой портал. – Режим доступа : http://legalexpert.in.ua/komkodeks/uk.html. – Дата доступа : 10.07.2015.

16. Дудоров, О.О. Поняття злочину. Класифікація злочинів / О.О. Дудоров // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2013. – № 1. – С. 84–102.

17. Покровский, М.П. Об оценке классификации [Электронный ресурс] // Российская академия наук. Уральское отделение. – Режим доступа : http://www1.igg.uran.ru/Publications/Tr159_2012/PDF/99991192_2012_159_247-251.pdf – Дата доступа : 15.07.2015.

18. Челпанов, Г.И. Учебник логики [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://lib100.com/book/superlearning/uchebnik_logiki/Логика.doc. – Дата доступа : 15.07.2015.

19. Епихин, А.Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / А.Ю. Епихин // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2012. – № 2. – С. 105–108.

20. Сундуров, Ф.Р. Категории преступлений: вопросы законодательной регламентации и дифференциации уголовной ответственности / Ф.Р. Сундуров // Учёные записки Казанского университета. – 2013. – № 4. – С. 227–231.

21. Ларина, Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления / Л.Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 56–59.

22. Щепельков, В.Ф. Проблемы применения уголовного закона в связи с изменением ст. 15 УК РФ / В.Ф. Щепельков // Криминалистъ. – 2012. – № 1. – С. 12–15.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 339.564:341.9(476)

Экспортный договор купли-продажи товаров: правовые аспекты заключения

В.А. Федотов

Рассматриваются комплексный и системный анализ норм международных договоров, инструменты национального законодательства и практики по экспортным контрактам. Дан ряд конкретных предложений по совершенствованию законодательства внешней торговли.
Ключевые слова: экспортный договор, международные акты, товары.

The comprehensive and systematic analysis of the norms of international agreements, instruments of the national legislation and practices on export contracts are considered. A number of specific suggestions for improving the foreign trade legislation are given.
Keywords: export treaty, international instruments, commodities.

В международной торговой практике применяются самые разнообразные договоры как по форме, так и по содержанию. Однако, несмотря на все разнообразие их видов, в основе этих соглашений лежат правила классического договора международной купли-продажи.

Основные правила заключения международных договоров купли-продажи унифицированы Конвенцией ООН 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров» (далее – Конвенция; Венская конвенция). Это акт комплексного характера, регламентирующий международные коммерческие отношения коммерсантов более 70 стран мира [1, с. 55]. Нормы Конвенции носят диспозитивный характер. Однако в ряде стран, ее положения, имплементированные в национальное законодательство, приобрели императивное значение.

Разработанные в 1994 г. Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА) Принципы международных коммерческих договоров (Принципы) в качестве общих правил международных контрактов также повторяют многие из положений Венской конвенции. Они могут применяться, когда стороны согласились, что их договор будет регулироваться «общими принципами права», «lex mercatoria» или аналогичными положениями.

В сфере трансграничной купли-продажи действуют также специальные международно-правовые акты об отдельных разновидностях договора международной купли-продажи. Например, нормы о заключении международного договора поставки предусмотрены Соглашением 1992 г. «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников СНГ» (ОУП). Несмотря на участие в ОУП ряда стран СНГ, следует признать, что некоторые иностранные государства не исполняют Соглашение. Так, высшие (верховные) суды ряда государств-участников ОУП (Молдовы, Туркменистана, Армении, Таджикистана) отметили, что Соглашение судами этих государств не применялось. Экономический Суд СНГ указывает, что механизм формирования хозяйственных связей по договорам поставки, заключаемым по межгосударственным экономическим соглашениям, установленный пп. 7–10 ОУП, не используется, и в этой части Соглашение практически утратило силу. Стороны международных договоров поставки определяли в качестве применимого права Конвенцию, национальное законодательство одной из сторон [2]. В этой связи следует отметить, что Конвенцией предусмотрена норма о соотношении ее положений с нормами иных международных соглашений: Конвенция не затрагивает действия любого международного соглашения по вопросам, являющимся предметом ее регулирования, если стороны договора имеют свои коммерческие предприятия в государствах – участниках такого соглашения (ст. 90). Таким образом создалась парадоксальная ситуация при которой императивные нормы ОУП в некоторых странах Содружества фактически не действуют, а применяются диспозитивные нормы Конвенции.

В Беларуси ОУП применяются не только субъектами хозяйствования, экономическими судами и иными компетентными органами. Республика Беларусь признает приоритет обще-

признанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Конвенция и ОУП являются частью действующего на территории Беларуси права.

В связи с актуальностью правового регулирования экспортной торговли в Республике Беларусь в последние годы активизировалась научная деятельность отечественных ученых-юристов по данной проблематике. Вместе с тем проблеме заключения экспортного договора купли-продажи должного внимания не уделяется ни наукой, ни законодателем. Предусмотренный международными и национальными правовыми актами механизм заключения трансграничного контракта, не лишен недостатков.

Во-первых, действие норм указанных выше международных соглашений к экспортным отношениям ограничено субъективным и объективным критериями. Используемый в Конвенции термин «коммерческие предприятия» в современных условиях получил широкое толкование, под ним понимаются коммерсанты с образованием или без образования юридического лица. При этом предприниматели должны иметь разную государственную принадлежность. В основу квалификации положен критерий места осуществления деятельности, предусмотренный в английском тексте Конвенции, а не места нахождения коммерческого предприятия, установленный русским текстом данного акта (ст. 1). Пожалуй, это самый неудачный критерий национальности участвующих в трансграничных отношениях лиц.

В соответствии с Конвенцией объектом отношений могут выступать только материальные товары. При этом из сферы ее действия исключен ряд материальных объектов, а также товаров, приобретаемых для личного (семейного) и т. п. использования (ст. 2). В ОУП, под товаром понимаются как товары народного потребления, так и продукция производственно-технического назначения (п. 2).

Конвенцией установлено также специальное ограничение в отношении международных контрактов купли-продажи, содержащих элементы договора подряда, услуг и др. Договоры на поставку товаров, подлежащих изготовлению или производству, считаются договорами купли-продажи, если только сторона, заказывающая товары, не берет на себя обязательства поставить существенную часть материалов, необходимых для изготовления или производства таких товаров (ст. 3). Понятие «существенная часть» подлежит толкованию в каждом конкретном случае судом (арбитражем), разрешающим спор.

Во-вторых, на национальном уровне неоднозначно решается вопрос о юридической силе международных соглашений, их применения в национальной правоприменительной практике. Например, согласно ст. 55 Конституции Франции договоры, должным образом ратифицированные или одобренные, с момента их опубликования имеют силу, превышающую силу внутренних законов, при условии применения такого договора другой стороной. В праве США исполнение международного договора зависит от признания договора «самоисполнимым» или «несамоисполнимым», действия правил «последнего по времени акта» в случае противоречия международного соглашения с принятым федеральным законом [3].

По-разному решается вопрос о соотношении норм Конвенции с иными источниками права. Как отмечает немецкий профессор Б. Пильтц, «обычаи, предусмотренные соглашением и установленные в международном торговом обороте либо принятые сторонами в их практике, имеют приоритет перед нормами Конвенции» [4].

В белорусском законодательстве обычай – источник права, применяемый всегда субсидиарно и на основе норм национального закона. Согласно ст. 9 Венской конвенции, стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях. При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли. Например, широко известным и постоянно соблюдаемым в международной торговле обычаем являются Международные правила толкования торговых терминов (Инкотермс 2010 г.). По смыслу указанной статьи Конвенции, правовой обычай должен применяться и в том случае, если стороны международного договора купли-продажи

прямо не указали в соглашении на применение базисов поставки Инкотермс. Фактически данная норма не применяется в своем буквальном значении. На наш взгляд, Пленуму Верховного Суда Беларуси необходимо принять руководящее разъяснение по данному вопросу.

В-третьих, в международных соглашениях о купле-продаже товаров имеются пробелы регламентации отдельных правил. Так, Конвенция не регламентирует вопросы преддоговорных отношений, места заключения международного договора купли-продажи (имеет существенное значение для определения применимого права в отсутствие соглашения сторон[1]), международной подсудности споров, осуществления прав в интересах третьих лиц, исковой давности, зачета встречных требований, установления действительности договоров и др.

В-четвертых, при выражении согласия на обязательность Конвенции ряд государств-участников (Дания, Норвегия, Финляндия и др.) сделали оговорки о неприменении части II «Заключение договора». Это указывает на действие иного порядка регламентации международных отношений продажи товаров с участием коммерсантов соответствующих стран.

Многие нормы межгосударственных соглашений о международной купле-продаже нуждаются конкретизации в нормативных правовых актах, с учетом судебной (арбитражной) практики, обычаев делового оборота и др. К сожалению, нормативные правовые акты Беларусь о внешней торговле не предусматривают специальных норм о заключении экспортно-импортных договоров всех категорий. Действующие в этой сфере правила – нормы ГК, применяемые субсидиарно к правилам международных соглашений. Эти нормы разработаны для внутренних контрактов резидентов Беларуси. Следует отметить, судебными органами ведется правотворческая деятельность в этом направлении: принят ряд постановлений, уточняющих положения международных договоров. Однако, на наш взгляд, необходимо закрепление норм, восполняющих пробелы международных соглашений в комплексном законе, регламентирующем трансграничные отношения гражданско-правового характера. По своему характеру национальные нормы о заключении внешнеторговых договоров должны иметь рекомендательное значение, т. е. служить «моделью» поведения субъектов внешнеэкономической деятельности.

Следует признать, что ряд нормативных положений ГК о заключении договоров тождественен нормам Конвенции. В то же время данным Кодексом предусмотрены нормы, имеющие существенные отличия от международных правил заключения договора.

Вступая в отношения с нерезидентом, белорусскому субъекту хозяйствования следует учитывать действие иностранных норм права страны контрагента, поскольку общих правил заключения договора, к сожалению, не существует. Как и в Беларуси, за рубежом пробелы международных правовых актов восполняются нормами национального законодательства, обычаями делового оборота. Национальные нормы императивного характера содержат порой противоположные друг другу правила. Правовые системы стран мира по-разному решают вопросы о юридической силе оферты и акцепта, отзыве твердого предложения и др. Применение закона места заключения соглашения, в ряде случаев не позволяет избежать коллизий императивных норм государств участников экспортного договора купли-продажи.

Вместе с тем в сфере международного торгового обмена действует ряд начал, применяемых как в странах общего, так и континентального права: для заключения международного договора необходимо согласование воли участвующих в соглашении лиц; при этом воля одной стороны должна соответствовать воле другой. Результатом взаимного волеизъявления, совершения сторонами последовательных волевых действий, направленных на достижение соглашения является возникновение договорного обязательства.

Стороны экспортного договора купли-продажи могут прийти к взаимному соглашению разными способами. ОУП и Конвенции, к сожалению, предусматривают фиксированный перечень способов передачи информации. Из электронных видов связи ст. 13 Конвенции к письменной форме приравнивает только сообщения по телеграфу и телетайпу. Согласно

[1] К сожалению, в Беларуси сложилась, на наш взгляд, неправильная правоприменительная практика о применении к внешнеторговому договору применимого права в отсутствие соглашения сторон. Если местом заключения экспортного договора стороны избрали Беларусь, судом не принимается во внимание право места заключения договора. Применимое право в таких случаях определяется судом в соответствии с п. 1 ст. 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) [5].

абз. 2 п. 16 ОУП, договорные отношения сторон могут быть установлены путем обмена письмами, телеграммами, телетайпограммами или переданы по факсу. Пункт 2 ст. 404 ГК дополняет этот перечень: путем обмена документами посредством «...электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору». Если стороны изберут «иною связь», не предусмотренную соответствующим международным договором (конвенцией), к таким отношениям сторон применимо национальное право.

Как на международном, так и национальном уровнях, на наш взгляд, необходима разработка эффективного механизма заключения международного контракта купли-продажи при помощи электронных средств связи. Действующие в этой сфере правила полностью не решают проблем, связанных с юридической действительностью электронных документов, сохранностью информации, переданной при помощи электронной связи, аутентичностью электронной подписи и др.

Регламентация правила о содержании внешнеторгового контракта, предусмотренного подп. 1.11 Указа Президента Беларуси от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций» (Указ № 178), допускает возможность резиденту Республики Беларусь оформить заключение договора несколькими документами. Заключению экспортного договора могут предшествовать преддоговорные контакты.

По общему правилу заключение международного договора купли-продажи товаров состоит из двух стадий: направление предложения о заключении договора (оферта) и принятия предложения (акцепт).

В отличие от Венской конвенции, которая по ряду вопросов детально определяет процедуру достижения соглашения сторон, в ОУП закреплены лишь некоторые правила о заключении международного договора поставки (п.п. 6, 11, 16). В соответствии с п. 16 ОУП договоры заключаются путем составления одного документа, подписываемого сторонами, или путем принятия поставщиком заказа покупателя к исполнению, если заказ содержит все условия, необходимые для поставки товара. Используемая терминология в Соглашении отличается от общепринятой. Понятия «оферта» и «акцепт» вовсе не употребляются, а используется термины – «заказ-спецификация на поставку товара», «принятие заказа к исполнению». Кроме того, не соответствует современным реалиям установленная ОУП система прикрепления поставщиков к покупателям, система квот для государства-потребителя и др. Все это снижает эффективность применения данного международного соглашения.

Конвенция определяет два вида оферты: 1) предложение о заключении договора, адресованное одному или нескольким конкретным лицам; 2) предложение, адресованное неопределенному кругу лиц.

Предложение о заключении договора, адресованное одному или нескольким конкретным лицам, является офертой, если оно достаточно определено и выражает намерение оферента считать себя связанным в случае акцепта. Согласно п. 1 ст. 14 Конвенции, такое предложение является достаточно определенным, если в нем обозначен товар и прямо или косвенно устанавливаются количество и цена либо предусматривается порядок их определения. По сути данный пункт закрепляет условия международного договора купли-продажи, именуемые в национальном законодательстве существенными (п. 2 ст. 402 ГК).

Вместе с тем ст. 55 Венской конвенции предусматривает, что если в договоре ни прямо, ни косвенно не установлена цена или не предусматривается порядок ее определения, действует, при отсутствии какого-либо упоминания об ином, презумпция о наличии соглашения сторон о цене. В литературе высказано мнение о том, что противоречие ст.ст. 14 и 55 может быть устранено путем применения ст. 6 Конвенции, согласно которой стороны могут отступить от любого из предложений Конвенции [6, с. 52]. Однако судебная практика не признает офертой предложение, в которой цена указана не точно. Такие контракты, а также контракты, согласно которым цена будет сторонами согласована в будущем, признаются незаключенными [7]. Это правило применялось и до внесения изменений и дополнений от 9 августа 2011 г. в Указ № 178 (подп. 1.16.4).

Предложение, адресованное неопределенному кругу лиц, рассматривается лишь как приглашение делать оферты, если только иное прямо не указано лицом, сделавшим такое предложение.

В Конвенции использован подход, принятый в странах континентальной Европы. В английском праве оферта – это предложение вступить в договор на определенных условиях (так называемая общая оферта – general offer). Судебная практика Англии признает офертой также предложение без указания существенных условий.

Согласно ГК, оферта должна обладать следующими признаками: 1) предложение о заключении договора должно быть адресовано одному или нескольким конкретным лицам; 2) оферта должна содержать определенное и явное намерение заключить договор; 3) предложение о заключении договора должно содержать все существенные условия соглашения.

По общему правилу оферта вступает в силу, когда она получена адресатом оферты. В соответствии со ст. 15 Конвенции, ст. 2.3 Принципов, даже когда она является безотзывной, оферта может быть отменена оферентом, если сообщение об отмене получено адресатом раньше, чем сама оферта, или одновременно с ней.

Вместе с тем оферта может быть отозвана оферентом, пока договор не заключен, если сообщение об отзыве будет получено адресатом оферты до отправки им акцепта.

Оферта не может быть отозвана: 1) если в оферте указывается путем установления определенного срока для акцепта или иным образом, что она является безотзывной; или 2) если для адресата оферты было разумным рассматривать оферту как безотзывную и адресат оферты действовал соответственно (ст. п. 2 ст. 16 Конвенции), т. е. полагаясь на оферту (ст. 2.4 Принципов).

Оферта, даже когда она является безотзывной, утрачивает силу по получении оферентом сообщения об отклонении предложения о заключении договора. Данное правило п. 2 ст. 15 Венской конвенции по содержанию тождественно ст. 2.5 Принципов. Однако ГК оно не предусмотрено. Применение п. 2 ст. 15 Конвенции к экспортным отношениям купли-продажи возможно лишь в соответствии указанными ограничениями данного международного акта. Полагаем, что в ГК необходимо предусмотреть специальную норму, восполняющую пробелы международных соглашений.

Акцептом является заявление или иное поведение адресата оферты, выражающее согласие с офертой. В соответствии с п. 1 ст. 18 Венской конвенции, п. 1 ст. 2.6 Принципов молчание или бездействие сами по себе не являются акцептом.

Если адресат оферты не совершает обусловленного договором действия, свидетельствующего о согласии с офертой, акцепт вступает в силу в момент совершения такого действия, при условии что оно совершено в пределах установленного срока (п. 2, 3 ст. 18). Суды не признают акцептом регулярное совершение действий (операций) по договору без придания им значения действий адресата оферты свидетельствующих об акцепте. Так, по одному из дел суд не признал молчание покупателя акцептом на изменение цены продавцом, несмотря на то, что поставка имела место [7].

Нормы ГК тождественны правилам Конвенции: молчание не является акцептом, если иное не вытекает из законодательства или соглашения сторон (п. 2 ст. 408). Гражданский кодекс России признает молчание акцептом, если это вытекает из обычая делового оборота или из прежних деловых отношений сторон (п. 2 ст. 438). По праву Германии молчание не признается акцептом, но допускаются некоторые отступления из этого правила для коммерсантов, постоянно заключающих сделки для других лиц. Законодательство ряда других стран (Англии, США и др.) предусматривает случаи, при которых молчание адресата оферты является акцептом.

Принятие предложения (акцепт) вступает в силу в момент, когда указанное согласие получено оферентом. Акцепт не имеет силы, если оферент не получает указанного согласия в установленный им срок, а если срок не установлен, то в разумный срок, принимая при этом во внимание обстоятельства сделки, в том числе скорость использованных оферентом средств связи (п. 2 ст. 18 Венской конвенции).

Конвенция и Принципы допускают заключение международного договора совершением конклюдентных действий, как это предусмотрено ст. 2.1. Принципов – «...в результате поведения сторон, достаточно свидетельствующего о соглашении».

Если в силу оферты или в результате практики, которую стороны установили в своих взаимных отношениях, или обычая адресат оферты может, не извещая оферента, выразить согласие путем совершения какого-либо действия (например, действия, относящегося к от-

правке товара или уплате цены), акцепт вступает в силу в момент совершения такого действия, при условии что оно совершено в пределах установленного срока или разумного срока, если срок не установлен (п.п. 2–3 ст. 18 Венской конвенции).

Заключение экспортного контакта купли-продажи посредством совершения конклюдентных действий, к сожалению, не получило конкретизации в правовых актах внешнеторгового законодательства Беларуси.

Венская конвенция исходит их того, что ответ на оферту, который имеет целью служить акцептом, но содержит дополнения, ограничения или иные изменения, является отклонением оферты и представляет собой встречную оферту. Однако ответ на оферту, который имеет целью служить акцептом, но содержит дополнительные или отличные условия, не меняющие существенно условий оферты, является акцептом, если только оферент без неоправданной задержки не возразит устно[2] против этих расхождений или не направит уведомления об этом. Если он этого не сделает, то условиями договора будут являться условия оферты с изменениями, содержащимися в акцепте (п.п. 1–2 ст. 19 Конвенции).

Норма, предусмотренная п. 2 ст. 19 Венской конвенции, ГК не известна. Кодифицированным законом Беларуси установлено иное императивное правило: акцепт должен быть полным и безоговорочным (п. 1 ст. 408 ГК). ГК произвел рецепцию норм Германии о полном и безоговорочном акцепте. Однако право Нидерландов (ст. 225 Гражданского кодекса) допускает возможность внесения акцептантом изменений в оферту, если дополнения не имеют существенного значения и если акцептант принимает условия оферты только со сделанными дополнениями. ЕТК также предусматривает возможность внесения изменений в оферту акцептом (ст.ст. 2–207). Полагаем, что в ГК следует закрепить специальную норму по своему содержанию тождественную п.п. 1–2 ст. 19 Венской конвенции.

Течение срока для акцепта, установленного оферентом в телеграмме или письме, согласно п. 1 ст. 20 Венской конвенции, начинается с момента сдачи телеграммы для отправки или с даты, указанной в письме, или, если такая дата не указана, даты, указанной на конверте. Течение срока для акцепта, установленного оферентом по телефону, телетайпу или при помощи других средств моментальной связи, начинается с момента получения оферты ее адресатом. При этом государственные праздники или нерабочие дни, имеющие место в течение срока для акцепта, не исключаются при исчислении этого срока.

ГК закреплены лишь общие правила об исчислении сроков. Течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало (ст. 192). Нормы о включении нерабочих дней в срок для акцепта ГК не предусмотрено.

В соответствии с п. 2 ст. 20 Конвенции, если извещение об акцепте не может быть доставлено по адресу оферента в последний день указанного срока вследствие того, что этот день в месте нахождения коммерческого предприятия оферента приходится на государственный праздник или нерабочий день, срок продлевается до первого следующего рабочего дня. В срок для акцепта Венская конвенция включает все нерабочие дни, приходящиеся на это время, а ст. 194 ГК – лишь последний день срока (соответствующий нерабочий день).

Правила ст. 20 Венской конвенции нашли свое закрепление в ст. 2.8 Принципов. На наш взгляд, необходимо осуществить трансформацию указанных норм об исчислении срока для акцепта в ГК.

Конвенция предусматривает, что запоздавший акцепт тем не менее сохраняет силу акцепта, если оферент без промедления известит об этом адресата оферты устно или направит ему соответствующее уведомление. Когда из письма или иного письменного сообщения, содержащего запоздавший акцепт, видно, что оно было отправлено при таких обстоятельствах, что, если бы его пересылка была нормальной, оно было бы получено своевременно, запоздавший акцепт сохраняет силу акцепта, если только оферент без промедления не известит адресата оферты устно, что он считает свою оферту утратившей силу, или не направит ему уведомления об этом (ст. 21). Аналогичные правила предусмотрены ст. 412 ГК.

---

[2] В силу сделанной Беларусью оговорки, при присоединении к Конвенции 1980 г., белорусские резиденты могут направлять такие возражения только в письменной форме.

Акцепт может быть отменен, если сообщение об отмене получено оферентом раньше того момента или в тот же момент, когда акцепт должен был бы вступить в силу (ст. 22 Конвенции). Иное правило предусмотрено ст. 409 ГК: если извещение об отзыве акцепта поступило лицу, направившему оферту, ранее или одновременно с самим акцептом, акцепт считается неполученным.

В соответствии с положениями Конвенции договор считается заключенным в момент, когда акцепт оферты вступает в силу (ст. 23). Венская конвенция (п. 2 ст. 18), как и ГК, связывают заключение договора с моментом получения акцепта оферентом.

Для целей части II Конвенции оферта заявление об акцепте или любое другое выражение намерения считаются «полученными» адресатом, когда они сообщены ему устно или доставлены любым способом ему лично, на его коммерческое предприятие или по его почтовому адресу либо, если он не имеет коммерческого предприятия или почтового адреса, – по его постоянному местожительству.

В Конвенции использован подход, принятый в странах континентальной Европы: договор считается заключенным в месте получения акцепта – местонахождении коммерческого предприятия оферента или по почтовому адресу его либо, если он не имеет коммерческого предприятия или почтового адреса, – по его постоянному местожительству[3]. Например, если договор между резидентом и нерезидентом Беларуси заключается посредством факсимильной связи и ответ (акцепт) поступил из иностранного государства (местонахождения иностранного партнера) в Республике Беларусь, его следует считать заключенным в Беларуси.

Литература

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учеб. : в 2 т. / Г.Н. Буднева [и др.] ; отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – 4-е изд. – М. : Междунар. отн., 2006. – Т. 2. – 640 с.

2. Решение Экономического Суда СНГ № 01-1/3-04 «О толковании Соглашения об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников Содружества Независимых Государств от 20 марта 1992 года» [Электронный ресурс]: принято 10 нояб. 2004 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000.03.13 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Оккупационная конституция [Электронный ресурс]. – Часть 3. О приоритете международного права над национальным // Livejournal – 2015. – Режим доступа : http://dimchenir.livejournal.com/5363.html. – Дата доступа : 22.01.2015.

4. Пильтц, Б. Новые тенденции в развитии права международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / Б. Пильтц. – 2015. – Режим доступа : http://20jahre.cisg-library.org/piltz.html. – Дата доступа : 27.01.2015.

5. Решения МАС при БелТПП от 22.08.2007 (дело № 592/27-06), от 15.10.2003 (дело № 328/23-02); решения Хозяйственного суда Витебской области от 21.01.2004; от 11.04.2003 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000.03.13 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи. Комментарий / Отв. ред. А.С. Комаров. – М. : Юрид. лит-ра, 1994. – 320 с.

7. Грушецкий, Ю.К. Право международной торговли [Электронный ресурс] / Ю.К. Грушецкий // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000.03.13 / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 24.03.2014

[3] В некоторых литературных источниках указывается, что Конвенция не решает вопрос места заключения договора [6, с. 68]. На наш взгляд, ст. 18 и ст. 24 Венской конвенции следует применять системно. Акцепт оферты вступает в силу в момент, когда указанное согласие получено оферентом (п. 2 ст. 18).

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

ЭКОНОМИКА

УДК:330.341:658:338.45:674:005:001.895

Развитие и реализация экономического потенциала предприятий деревообрабатывающей промышленности на основе инновационного управления

О.В. АРАШКЕВИЧ

Рассматривается алгоритм инновационного управления экономическим потенциалом предприятия, состоящий из четырех последовательных этапов. Использование данного алгоритма позволяет выявить наиболее актуальные факторы, влияющие на экономический потенциал предприятия, путем корреляционно-регрессионного анализа и построения многофакторных моделей, а также разработать основные направления и подходы к реализации инноваций.
Ключевые слова: инновация, алгоритм инновационного управления, экономический потенциал, многофакторная модель.

In the article the algorithm of innovative management of the economic capacity of the enterprise consisting of four consecutive stages is considered. The use of this algorithm allows revealing the most actual factors influencing on the economic capacity of the enterprise by the correlation and regression analysis and creation of multiple-factor models, and also developing the main directions and approaches to realization of innovations.
Keywords: innovation, algorithm of innovative management, economic potential, multiple-factor model.

Реализация экономического потенциала является одной из важнейших целей управления предприятием, поскольку реализация имеющегося потенциала означает максимизацию финансового результата (либо иного параметра экономической деятельности в зависимости от избранной стратегии) в рамках миссии предприятия и доступных ему производственных ресурсов. Если потенциал предприятия частично остаётся нереализованным, то это означает, что для его реализации необходимы изменения параметров экономической деятельности этого предприятия. Такие изменения, исходя из сложившегося в экономической науке категориального аппарата, корректнее всего описываются категорией «инновации».

В современных источниках экономической литературы инновации представлены как системная многоаспектная категория, которая может быть определена как конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или другого вида эффекта [1]. Неправомерно в понятие «инновация» включать разработку инновации, ее создание, внедрение и диффузию. Эти этапы относятся к инновационной деятельности как процессу, результатом которого могут быть новшества или инновации (либо к процессу создания нововведения).

Очевидно, что процесс изменений в экономической деятельности предприятия с целью реализации имеющегося экономического потенциала полностью соответствует понятию инноваций. При этом, поскольку процесс изменений в данном случае должен носить управляемый характер, то управленческие усилия, направленные на реализацию имеющегося экономического потенциала, фактически представляют собой управление инновациями с целью реализации экономического потенциала предприятия. Рассматривая экономический потенциал как динамично меняющуюся совокупность целевых характеристик деятельности предприятия, следует подчеркнуть, что управление инновациями в данной области предполагает не только достижение определённых результатов, но и деятельность, направленную на изменение самих результатов, достижение которых является целью предприятия. Другими словами, меры по реализации потенциала предприятия должны изменяться в соответствии с изменением самого потенциала под воздействием как внешних, так и внутренних факторов.

Экономический потенциал предприятия может изменяться под воздействием внешних факторов, которые для самого предприятия являются объективными. В процессе инновационного управления экономическим потенциалом воздействие внешних факторов и их изменение необходимо учитывать при планировании инноваций с целью адаптации предприятия к создаваемым внешними факторами рискам.

Внутренние факторы являются непосредственным объектом инновационного управления потенциалом предприятия, при этом инновации, воздействующие на внутренние факторы, могут как изменять потенциал предприятия, так и способствовать реализации имеющегося потенциала. Кроме того, управленческие инновации могут быть направлены на изменение целей предприятия, что также позволяет изменить его потенциал.

Практические действия по управлению потенциалом предприятия, под которым понимается его реализация и развитие, многовариантны и могут заключаться в воздействии на различные факторы внутренней экономической среды предприятия, а также в адаптации к изменяющимся внешним факторам. Поэтому, принимая во внимание ограниченность ресурсов, необходимо выбрать такие меры управленческого воздействия, которые позволят добиться желаемого эффекта с наименьшими затратами ресурсов. Если исследование эффективности использования ресурсов позволяет определить наиболее актуальные направления инновационной деятельности с целью реализации экономического потенциала предприятия, то уровень инновационного риска определяет вероятность реализации потенциала, то есть вероятность успешности планируемых инноваций. Следовательно, алгоритм управления инновациями по реализации экономического потенциала предприятия можно разделить на четыре основных этапа:

1. Анализ эффективности использования ресурсов предприятия.

2. Анализ инновационных рисков, то есть взаимосвязи эффективности использования ресурсов предприятия с уровнем реализации экономического потенциала.

3. Определение наиболее важных направлений инновационного развития предприятия с целью повышения и реализации экономического потенциала.

4. Разработка конкретных инноваций для развития и реализации экономического потенциала предприятия.

В качестве наиболее репрезентативных и достаточно легко рассчитываемых по финансовой отчётности показателей, характеризующих эффективность использования имеющихся ресурсов предприятия, можно назвать следующие[2], [3]:

1. Показатели рентабельности, можно разделить на три вида:

– рентабельность продаж ($P_п$), рассчитываемая как отношение прибыли от реализации продукции (*ПР*) к выручке от реализации за вычетом косвенных налогов (*В*):

$$P_п = \frac{ПР}{В}, \tag{1}$$

– рентабельность затрат (*Рз*), рассчитываемая как отношение прибыли от реализации продукции к себестоимости реализованной продукции (*С*) либо основным её элементам – материальным затратам (*М*) и затратам на оплату труда (*ОТ*):

$$P_з = \frac{ПР}{C(M, OT)}, \tag{2}$$

– рентабельность капитала ($P_к$), рассчитываемая как отношение чистой прибыли предприятия (*ЧП*) к стоимостным объемам капитала либо отдельных его элементов ($\overline{K}$):

$$P_к = \frac{ЧП}{\overline{K}}. \tag{3}$$

В качестве капитала могут выступать как его общий объем (*К*), так и отдельные его элементы:

– внеоборотный капитал (*ВК*);

– собственный капитал (*СК*);

– оборотный капитал (*ОбК*);

– краткосрочный заемный капитал (*КЗК*).

2. Показатели производительности капитала, которые также делятся на три группы:

а) показатели производительности капитала, рассчитываемые как отношение объёма производства продукции к производственному капиталу валюта баланса (*К*), внеоборотный капитал (*ВК*), производственный капитал (внеоборотный капитал плюс запасы);

б) показатели оборачиваемости капитала, рассчитываемые как отношение выручки от реализации продукции (*B*) к показателям оборотного капитала и пассивов (оборотный капитал, запасы, собственный капитал, долгосрочный и краткосрочный заёмный капитал);

в) показатели оборота элементов капитала, рассчитываемые как отношение оборотов по выбытию активов либо погашению пассивов к стоимостным объемам отдельных элементов капитала.

3. Показатели структуры капитала: коэффициент финансовой автономности (независимости); коэффициент финансовой зависимости; удельный вес долгосрочного заемного капитала; удельный вес краткосрочного заемного капитала; коэффициент финансового рычага; коэффициент зависимости перманентного капитала; коэффициент долгосрочности заимствования; коэффициент кредиторской задолженности; коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов; коэффициент маневренности собственного капитала; коэффициент мобильности активов; коэффициент мобильности оборотного капитала; коэффициент имущества производственного назначения; доля внеоборотного капитала в активах; доля материальных оборотных средств в активах.

Следует отметить, что многие из данных коэффициентов находятся в функциональной зависимости друг с другом, поэтому рассчитывать все из них не имеет смысла. В частности, по нашему мнению, достаточно ограничиться расчетом следующих показателей:

– коэффициент финансового рычага;
– коэффициент долгосрочности заимствований;
– коэффициент кредиторской задолженности;
– коэффициент мобильности капитала;
– коэффициент производственного имущества;
– коэффициент мобильности собственного капитала.

Так, коэффициент независимости и коэффициент зависимости функционально взаимосвязаны с коэффициентом финансового рычага, поэтому достаточно рассчитать один из них. Кроме того, показатели удельного веса краткосрочного и долгосрочного заёмного капитала, а также зависимости перманентного капитала характеризуют структуру пассивов аналогично коэффициенту долгосрочности заимствования. То же можно сказать и о таких показателях, как доля внеоборотного и оборотного капитала и материальных оборотных средств в активах, а также коэффициенте соотношения мобильных и иммобилизованных активов. Что касается коэффициента мобильности оборотного капитала, то он, на наш взгляд, мало репрезентативен, поскольку запасы денежных средств предприятия изменяются с очень высокой частотой, поэтому расчет данного показателя не актуален.

4. Показатели ликвидности и платёжеспособности предприятия: коэффициент текущей ликвидности; коэффициент критической ликвидности; коэффициент абсолютной ликвидности; коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами; коэффициент обеспеченности просроченных обязательств активами; коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками; коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками.

На наш взгляд, многие из вышеприведенных показателей недостаточно репрезентативны, поэтому для анализа использования ресурсов предприятия достаточно рассчитать следующие показатели:

– коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками;
– коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками;
– коэффициент текущей ликвидности.

Коэффициенты критической и абсолютной ликвидности малоэффективны из-за динамичного изменения самих показателей, которые варьируются в достаточно больших диапазонах в течение одного рабочего дня, а коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами фактически дублирует аналогичный показатель структуры пассива. Для расчёта же коэффициента обеспеченности просроченных обязательств в современной финансовой отчётности отсутствуют данные.

Для выявления наиболее значимых, с позиции реализации имеющегося потенциала, показателей был проведён корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязи рассчитанных факторных показателей с основным показателем, характеризующим имеющийся потенциал предприятия – его чистой прибылью.

Данные корреляционно-регрессионного анализа показали, что уровень реализации потенциала предприятия на основе использования имеющихся ресурсов находится в наиболее тесной связи со следующими факторными показателями:

– собственный оборотный капитал предприятия (динамика чистой прибыли на 91,8 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики более 6);

– оплатоотдача предприятия (динамика чистой прибыли на 83,4 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики более 4);

– рентабельность основных средств предприятия (динамика чистой прибыли на 69,5 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики более 2,7);

– рентабельность всего капитала предприятия (динамика чистой прибыли на 65,8 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики более 2,4);

– коэффициент имущества производственного назначения (динамика чистой прибыли на 57,7 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики около 2);

– прибыльность персонала (динамика чистой прибыли на 57,4 % коррелирует с данным фактором при уровне Т-статистики около 2).

Остальные факторы не принимались во внимание из-за их недостаточной корреляции с конечным результатом (чистой прибылью) – менее 50 %, либо недостаточной достоверности полученных результатов (уровень Т-статистики менее 2).

Включение в многофакторную модель показателя собственного оборотного капитала представляется проблематичным по следующим причинам:

– данный показатель имеет стоимостной измеритель и по масштабам является несопоставимым с иными показателями;

– данный показатель во многом является следствием, а не причиной получения предприятием чистой прибыли, поскольку пополнение собственного оборотного капитала в основном осуществляется за счёт реинвестирования чистой прибыли предприятия.

Поэтому в модель был включен показатель, построенный на основе собственного оборотного капитала, который наиболее тесно коррелирует с результатом, а именно коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками. Относительно низкая корреляция данного показателя с чистой прибылью предприятий объясняется тем, что на объём запасов влияют технологические и организационные факторы, которые отражаются на прибыли предприятия опосредованно. Так, накопление складских излишков материалов мало отражается на прибыли предприятия, так как удельный вес затрат на хранение в общей себестоимости производства изделий деревообработки весьма невелик, однако при этом накопленные излишки запасов отразятся на прибыли предприятия в перспективе в ходе списания или распродажи неликвидных запасов, покрытия расходов, связанных с браком, а также в виде имплицитных, а именно инфляционных издержек. Учитывая все вышеотмеченное следует сказать, что коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками в большей степени коррелирует с эффективностью использования ресурсов, чем показал расчёт коэффициента корреляции.

Показатель прибыльности персонала, на наш взгляд, также не следует включать в конструируемую модель, поскольку она находится в прямой зависимости от результирующего показателя – чистой прибыли предприятия, так как численность персонала анализируемых предприятий в условиях ориентации белорусских субъектов хозяйствования на сохранение трудовых коллективов достаточно стабильна и не изменяется в зависимости от финансовых результатов.

Показатели рентабельности основного капитала и общего капитала характеризуют эффективность использования ресурсов предприятием с одинаковой позиции, так как корреляция рентабельности капитала с чистой прибылью обусловлена именно рентабельностью основного капитала предприятия, благодаря низкому значению показателя мобильности капитала практически по всем исследуемым предприятиям.

Рентабельность же оборотного капитала слабо коррелирует с чистой прибылью предприятий, так как с целью получения более высокого объёма прибыли за счёт массовых продаж предприятия вынуждены идти на снижение рентабельности оборотного капитала, тогда как основной капитал предприятия менее тесно связан с процессом управления сбытом про-

дукции и его эффективностью и зависит больше от характера применяемых технологических и организационных решений. Таким образом, в многофакторную модель достаточно включить показатель рентабельности основного капитала предприятия.

Высокая степень корреляции коэффициента производственного имущества с прибылью предприятия объясняется тем, что накопление предприятием запасов финансовых активов (денежных средств и дебиторской задолженности) в условиях достаточно высокой инфляции приводит к существенному обесценению таких активов, что негативно сказывается на финансовых результатах исследуемого предприятия, которое вынуждено ограничивать масштабы деятельности и наращивать объёмы платной кредиторской задолженности.

Таким образом, для построения многофакторной модели в окончательном варианте необходимо использовать четыре показателя:

– коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками;

– рентабельность основных средств предприятия;

– коэффициент имущества производственного назначения;

– оплатоотдача предприятия.

Для построения многофакторной модели необходимо рассчитать коэффициенты факторов. Такие коэффициенты должны представлять собой результат произведения двух сомножителей:

– коэффициента корреляции, которые для отобранных нами факторных показателей уже известны;

– весового коэффициента, который приводит значения показателей к единому масштабу.

Весовой коэффициент целесообразно рассчитывать как отношение нормального или оптимального значения факторного показателя к единице.

Таким образом, многофакторная модель оценки эффективности использования экономического потенциала предприятий деревообрабатывающей промышленности (Z) будет иметь вид:

$$Z = 1,7 \times X_1 + 0,94 \times X_2 + 0,35 \times X_3 + 0,08 \times X_4, \quad (4)$$

где X_1 – рентабельность основного капитала предприятия;

X_2 – коэффициент обеспеченности запасов собственными источниками;

X_3 – коэффициент имущества производственного назначения;

X_4 – оплатоотдача предприятия.

Для расчёта оценочных интервалов значений Z-счёта были рассчитаны значения этого показателя для совокупности анализируемых предприятий. В таблице 1 приведены результаты расчётов Z-счёта по предлагаемой нами многофакторной модели по совокупности исследуемых предприятий и предприятиям – лидерам отрасли за 2006–2009 гг.

Таблица 1 – Результаты расчёта результирующего показателя многофакторной модели по предприятиям деревообработки за 2006–2009 гг.

Предприятия	Z-счёт, год			
	2006	2007	2008	2009
ОАО «Гомельдрев»	-0,47	0,0	0,2	-0,83
ОАО Гомельская МФ «Прогресс»	2,58	2,6	2,6	2,45
ОАО «Жлобинмебель»	2,02	2,2	1,9	1,76
ОАО «Мозырьдрев»	-0,02	0,1	0,5	-1,43
ОАО «Речицадрев»	0,40	0,4	0,6	-1,49
УП Рогачёвская МФ ОАО «ФанДОК»	0,85	1,2	1,3	1,22
ЧПУП «ФСК»	-1,24	-0,4	-1,3	-3,62
СООО «ЗОВ-ЛенЕвромебель»	3,71	3,4	3,3	2,43
ЗАО «Молодечномебель»	2,41	2,3	2,5	2,62
ЗАО «Пинскдрев»	2,71	2,8	2,8	2,50

Как показывают данные таблицы 1, результаты расчёта результирующего показателя по предлагаемой нами многофакторной модели полностью коррелируют с распределением предприятий по классификационным группам, характеризующим экономический потенциал предприятия. Так, показатели предприятий – лидеров отрасли явно превышают показатели по другим предприятиям – объектам исследования, за исключением ОАО Гомельская МФ «Прогресс», которая находится в той же классификационной группе высокоприбыльных предприятий, что и предприятия – лидеры. Показатели ОАО «Жлобинмебель», потенциал которого занимает про-

межуточное положение между лидерами и аутсайдерами отрасли, по показателю *Z*-счёта также занимает промежуточное положение, имея показатели выше остальных исследуемых предприятий, за исключением наиболее прибыльных. ОАО «Речицадрев» и УП Рогачёвская МФ ОАО «ФанДОК», которые относятся к низкорентабельным предприятиям, имеют небольшие позитивные значения результирующих показателей. Наконец, устойчиво нерентабельные предприятия имеют отрицательные значения *Z*-счёта по предлагаемой нами модели.

Таким образом, оценочные интервалы построенной нами многофакторной модели оценки эффективности использования потенциала предприятия, можно представить следующим образом:

– менее 1 – эффективность использования потенциала низкая, потенциал сокращается;

– от 1 до 2 – эффективность использования потенциала низкая, прогноз увеличения потенциала негативный;

– от 2 до 2,5 – эффективность использования потенциала высокая, прогноз увеличения потенциала нейтральный;

– свыше 2,5 – эффективность использования потенциала высокая, прогноз увеличения потенциала позитивный.

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что наиболее актуальными направлениями инноваций по анализируемым предприятиям, которые позволили бы повысить эффективность использования экономического потенциала предприятий деревообработки, являются:

– повышение обеспеченности запасов собственными источниками;

– повышение рентабельности основных средств предприятия;

– поддержание на оптимальном уровне коэффициента имущества производственного назначения;

– повышение оплатоотдачи предприятия.

Конкретные меры по реализации инноваций по вышеперечисленным наиболее актуальным направлениям должны, на наш взгляд заключаться в следующем:

– минимизации запасов до уровня обеспеченности собственным капиталом;

– увеличении запасов только за счёт собственных источников;

– сокращении объёмов основного капитала при сохранении объёмов производства и реализации;

– повышении рентабельности продаж при сохранении объёмов сбыта;

– минимизации дебиторской задолженности;

Таким образом алгоритм инновационного управления экономическим потенциалом предприятия включающий: анализ эффективности использования внутренних факторов хозяйственной деятельности; определение факторов, в наибольшей степени обусловливающих потенциал предприятия и эффективность его реализации с помощью корреляционно-регрессионного анализа и построения многофакторных моделей; анализ инновационных рисков; разработку наиболее эффективных инноваций, направленных на развитие и реализацию экономического потенциала предприятия, позволяет обоснованно определять наиболее действенные меры, направленные на увеличение потенциала предприятий деревообрабатывающей промышленности и в свою очередь повышать эффективность его использования и развития.

Литература

1. Завлина, П.Н. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика: учебное пособие / П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л.Э. Мендели ; под ред. П.Н. Завлина. – М. : Экономика, 2000. – 541 с.

2. Ефимова, О.В. Анализ показателей ликвидности / О.В. Ефимова // Бухгалтерский учет. – 2007. – № 11. – С. 142–154.

3. Соколова, Г.Н. Анализ финансовой устойчивости предприятия / Г.Н. Соколова // Аудиторские ведомости. – 2005. – № 8. – С. 246–253.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 658:001.895:005.22

Формирование инновационного потенциала предприятия: теоретико-методический подход

З.В. Банникова

Уточнены теоретические аспекты формирования инновационного потенциала предприятия путем выделения его основных и вспомогательных компонентов. Предложена комплексная методика оценки уровня формирования инновационного потенциала промышленного предприятия на основе консолидированных коэффициентов.
Ключевые слова: формирование инновационного потенциала предприятия, методика оценки инновационного потенциала, метод консолидированных коэффициентов, взвешенные баллы.

The article specifies theoretical aspects of an enterprise innovative potential formation through definition of its main and secondary components. A complex method to assess the level of an enterprise innovative potential formation based on consolidated ratios has been proposed.
Keywords: enterprise innovative potential formation, innovation potential assessment methodology, method of consolidated ratios, rational marks.

Экономический рост и конкурентоспособность национальной экономики определяются в настоящее время внедрением инноваций во все сферы производства. В Республике Беларусь принята стратегия инновационного развития, включающая внедрение результатов новейших научных исследований в реальном секторе экономики. На ряду с совершенствованием законодательной базы для развития инновационной сферы необходима «стартовая площадка» в виде сложившегося уровня развития производства, механизма управления, типа организационной структуры, тенденций экономической и инновационной политики, понимания потребности в изменениях и готовности к ним персонала и т. д. Все это формирует базу для осуществления инновационной деятельности, связанную с формированием и управлением инновационным потенциалом предприятий (ИПП). Чем выше уровень ИПП, тем устойчивее конкурентные позиции предприятия и шире возможность получения высокой прибыли. Следовательно, особое внимание отечественных предприятий должно быть направлено на управление формированием инновационного потенциала на основе результатов количественной оценки его составных компонентов.

Вопросы формирования ИПП нашли отражение в трудах многих зарубежных и отечественных ученых-экономистов и практиков. Однако до сих пор не существует единой общепринятой методики оценки ИПП, которая бы позволила количественно оценить его уровень и выступить информационной базой для принятия управленческих решений. Особое значение представляет оценка внутренних компонентов ИПП, на уровень формирования которых предприятие может оказывать непосредственное влияние. В связи с этим чрезвычайно актуальным является анализ существующих подходов к методике оценки ИПП и выработка комплексного методического инструментария формирования ИПП на основе уточнения теоретических аспектов данной категории для промышленных предприятий Республики Беларусь.

Рассмотренные в научной литературе методики оценки ИПП ограничиваются либо только их описанием, либо связаны с решением одной определенной задачи. Их можно классифицировать на несколько основных групп:

1) методики, основанные на отдельных показателях инновационной среды предприятия, характеризующих кадровые, финансовые ресурсы, материально-техническую базу и др. [1], [2]. Для них характерна простота вычисления показателей и возможность их сравнения в динамике. Однако отсутствие единого перечня показателей не позволяет с достаточной степенью глубины провести оценку инновационного потенциала, что сужает возможности управленческого воздействия на ИПП;

2) методики, в которых показатели инновационного потенциала сгруппированы по различным признакам. Наиболее часто встречается группировка показателей по структурным компонентам инновационного потенциала, по их экономическому содержанию на затратные, кадровые, результативные, показатели продолжительности создания и внедрения инноваций и другие [1]. Данные методики дают возможность получения информации о сильных и слабых сторонах предприятия при формировании инновационного потенциала, но не позволяют оценить общий уровень инновационного потенциала и степень готовности предприятия к осуществлению того или иного инновационного проекта;

3) методики, направленные на оценку структурных компонентов ИПП и определение на этой основе интегрального показателя [1]. При оценке используется экспертный метод, который позволяет присваивать каждому компоненту соответствующий балл и далее вычислять интегральный показатель ИПП. Данным методикам свойственны преимущества предыдущей группы, так как они позволяют оценить степень формирования структурных компонентов ИПП. Кроме этого, они позволяют определить общий уровень ИПП и сформировать информационную базу для принятия управленческих решений в области инновационной деятельности.

Данные методики активно используются и эффективны при решении определенного круга отдельных управленческих задач. Однако проведенное исследование показывает необходимость в разработке комплексной методики оценки уровня формирования ИПП, основанной на наиболее полном охвате показателей, характеризующих условия осуществления инновационной деятельности промышленных предприятий. На наш взгляд, методика должна строиться на:

– выделении основных направлений оценки ИПП, характеризующих уровень его формирования (инновационные ресурсы);

– определении и выявлении значимости отдельных показателей ИПП (компонентов), влияющих на интегральный показатель формирования ИПП;

– определении интегрального показателя формирования ИПП.

В статье предлагаем авторское понимание выбора основных внутренних компонентов, характеризующих инновационный потенциал, количественная оценка которых даст возможность всестороннего рассмотрения условий к осуществлению инновационной деятельности предприятия.

В связи с тем, что инновационный потенциал принято определять как совокупность резервных ресурсов предприятия, необходимых для осуществления инновационной деятельности [2], внутренними его компонентами являются основные и вспомогательные ресурсы, используемые в производстве инновационной продукции. Основными компонентами являются интеллектуальный капитал, материально-техническая база, материально-производственные и финансовые ресурсы.

Интеллектуальный капитал в условиях становления инновационной экономики, является основой конкурентоспособности предприятия [3]. Он включает в себя человеческий капитал и нематериальные активы. Для оценки человеческого капитала предлагаем использовать показатели, характеризующие занятость НИОКР и инновациями, уровень образования и квалификации работников инновационной сферы, их стремление к профессиональному развитию. Нематериальные активы необходимо оценивать с точки зрения их удельного веса в общей сумме внеоборотных активов, а также удельного веса самостоятельно разработанных нематериальных активов.

Материально-техническую базу (МТБ) предприятия создают его основные средства [1]. От их состояния зависит рост производства и экспорта высокотехнологичных товаров. В связи с этим считаем необходимым проводить оценку основных средств по показателям, характеризующим долю основных средств, используемых в инновационной деятельности, и поступивших основных средств в их общей стоимости, удельный вес автоматизированного и прогрессивного оборудования, износ основных средств.

Материально-производственные ресурсы (МПР) оказывают прямое воздействие на уровень прибыли и рентабельности предприятия, составляя значительную долю в себестоимости произведенной продукции. Следовательно, для их оценки следует уделить внимание показателям, характеризующим обеспеченность предприятия МПР, качество МПР и выполнение договоров поставки [1].

При оценке возможностей к инновационному развитию предприятия необходимо проанализировать достаточность и структуру финансовых ресурсов [4], особенно собственных источников. Следует оценить долю собственных источников финансирования инновационной деятельности в общем объеме финансирования инноваций, а именно фонда накопления, амортизационных отчислений. Среди показателей оценки финансовых ресурсов следует выделить долю чистой прибыли предприятия, направляемой в фонд накопления, а также отношение чистого прироста основного капитала и суммы амортизации.

Наряду с основными инновационными ресурсами предприятия, в структуре инновационного потенциала выделяются вспомогательные, к которым относятся партнерские связи в сфере инноваций и инфо-коммуникационные технологии (ИКТ).

Партнерские связи могут быть оценены с помощью показателей удельного веса договоров предприятия с учреждениями образования, с научными центрами, с другими предприятиями, с банками, с органами государственного управления в общей сумме договоров предприятия [1]. Данные показатели представляют информацию о направлениях и масштабах сотрудничества предприятия в области инноваций. Более детальное изучение договоров позволит получить информацию об эффективности сотрудничества. Еще одним важным показателем в данной группе является удельный вес договоров на участие в выставках, конкурсах, конференциях, симпозиумах и т. п. в общей стоимости договоров в инновационной сфере. Он позволяет получить информацию о стремлении предприятия к продвижению своей продукции на рынок, к обмену и получению новой информации об инновациях в своей отрасли. Особое внимание заслуживает показатель удельного веса международных договоров в сфере инноваций в общей сумме договоров о сотрудничестве.

ИКТ способствуют повышению эффективности процессов создания, сохранения, управления и обработки данных. От того, насколько быстро и качественно будут осуществляться данные процессы, зависит эффективность управления инновациями [1]. Оценка ИКТ может проводиться на основе показателей удельного веса персонала, оснащенного городской, внутренней и корпоративной мобильной телефонной связью, персональными компьютерами, персонала, имеющего доступ к Интернету в общей численности персонала, а также количеством периодических изданий, приходящихся на 10 работников.

После оценки всех перечисленных показателей предоставляется возможность определить интегральные показатели уровня формирования по каждому из внутренних компонентов ИПП, а затем интегральный показатель по совокупности внутренних компонентов ИПП при помощи средней геометрической простой (формула 1):

$$G\left(x_1, x_2, \ldots, x_n\right) = \sqrt[n]{x_1, * x_2 * \ldots * x_n} = \left(\prod_{i=1}^{n} x_i\right)^{\frac{1}{n}}, \quad (1)$$

где x_n – значения показателей.

Средняя геометрическая применяется в экономике при определении средних относительных изменений. Она дает наиболее точный результат осреднения, если задача состоит в нахождении такого значения *x*, который был бы равноудален как от максимального, так и от минимального значения *x* [5].

Для того чтобы получить более точные значения показателей ИПП предлагаем использовать метод консолидированных коэффициентов на основе весовых коэффициентов [6]. Использование весовых коэффициентов объясняется тем, что они являются числовыми параметрами, позволяющими отразить значимость, относительную важность, вес каждого фактора в сравнении с другими факторами, оказывающими влияние на общую величину, в данном исследовании на ИПП [7, с. 150].

При расчете интегральных показателей внутренних компонентов ИПП во взвешенных баллах определяем баллы исходных показателей внутренних компонентов ИПП. Баллы распределены экспертным путем от 0 до 100 ($Б_{ij}$ = (0; 20; 40; 60; 80; 100)). Если значение показателя равно 0, то присваивается 0 баллов; если значение показателя принадлежит диапазону 0,01−10,00, то 20 баллов; если – 10,01−30,00, то 40 баллов; если – 30,01−50,00, то 60 баллов; если – 50,01−80,00, то 80 баллов; если 80,01 и выше, то 100 баллов.

Далее определяем веса исходных и интегральных показателей внутренних компонентов ИПП по формуле (2):

$$\sum_{i=1}^{n} B_i = 1, B_i \geq 0, i = \overline{1;n}, \quad (2)$$

где B_i – это вес i-того показателя, i – номер текущего показателя, n – количество показателей.

Для максимально объективного определения системы весовых коэффициентов считаем целесообразным применить метод нормирования. Сущность данного метода заключается в нахождении коэффициентов нормирования (формула 3), впоследствии умножаемых на значение каждого компонента ИПП (формула 4) для определения веса:

$$Ki = \frac{1}{\sum_{i=1}^{n} x_i}, \quad (3)$$

$$B_i = \prod K_i; x_i, \quad (4)$$

где K_i – коэффициент нормирования,

B_i – вес i-того фактора или группы факторов (показателей),

x_i – фактор (показатель) или группа факторов (показателей),

i – номер текущего показателя,

n – количество показателей.

Определение значений отдельных показателей внутренних компонентов ИПП во взвешенных баллах ($ВБ_{ij}$) проводим по формуле (5):

$$ВБ_{ij} = B_{ij} * Б_{ij}, \quad (5)$$

где B_{ij} – вес i-того показателя j-того компонента ИПП,

$Б_{ij}$ – значение i-того показателя j-того компонента ИПП в баллах.

Значения интегральных показателей внутренних компонентов ИПП во взвешенных баллах ($ВБ_j$) определяются по формуле (6):

$$ВБ_j = B_j * \sum ВБ_{ij}, \quad (6)$$

где B_j – вес j-того компонента ИПП,

$\sum ВБ_{ij}$ –сумма значений i-тых показателей j-тых компонентов ИПП, взвешенные баллы.

Интегральные показатели ИПП во взвешенных баллах ($ВБ$) определяем по формуле (7):

$$ВБ = \sum ВБ_j, \quad (7)$$

где $\sum ВБ_j$ – сумма значений интегральных показателей j-тых компонентов ИПП во взвешенных баллах.

Максимально возможный уровень формирования ИПП по данной методике равен 100 взвешенным баллам. Однако в реальности предприятие может сформировать высокий уровень инновационного потенциала (в диапазоне 80–100 взвешенных баллов), не достигая данного значения по всем показателям.

Таким образом, представленная методика оценки уровня формирования ИПП позволяет количественно определить уровень формирования ИПП и его компонентов, выявить тенденции и прогнозировать сценарий его развития, осуществлять сравнение в рамках предприятия за ряд лет, а также в масштабах отрасли и региона. Такая информация необходима в процессе управления инновационной деятельностью предприятия, способствует непрерывному мониторингу инновационных ресурсов и быстрому реагированию на изменения по каждому из них, и, следовательно, эффективности инновационной деятельности предприятия.

Литература

1. Давыденко, Л.Н. Инновационный потенциал предприятия: модель формирования и управления : моногр. / Л.Н. Давыденко, З.В. Банникова. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – 240 с.

2. Банникова, З.В. Инновационный потенциал предприятия: теоретический аспект / З.В. Банникова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2010. – № 4 (61). – С. 182−190.

3. Байнев, В.Ф. Мировоззрение народа как стратегический экономический ресурс, ключевой фактор глобальной конкурентоспособности и устойчивого развития / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2010. – № 1. – С. 4−9.

4. Нехорошева, Л.Н. Организационно-экономический механизм венчурной деятельности: методология формирования / Л.Н. Нехорошева, С.А. Егоров // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 1. – С. 103−121.

5. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности : учебное пособие / М.А. Вахрушина [и др.]. – М. : Вузовский учебник, 2009. – 461 с.

6. Нортон, Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Д. Нортон, Р. Каплан. – Олимп–Бизнес, 2010. – 320 с.

7. Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики : учеб. пособие / Н.И. Лапин. – М. : Университетская книга; Логос, 2008. – 328 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.05.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 338(476):002:004(0)

Социальные аспекты развития информационной экономической системы

А.М. Баранов

Исследуются основные теоретико-методологические принципы становления современных общественных формаций (постиндустриального, информационного, антропогенного общества) и их иерархия. Рассмотрены и сопоставлены основные аспекты развития экономических систем современных этапов эволюции общества.
Ключевые слова: информационная экономика, социоэкономическая формация, постиндустриальное общество, информационное общество, антропогенное общество, креативная корпорация.

A new stage of development of the society as a society in which the creation, distribution and manipulation of information is a significant economic and social activity is analyzed. The foundation of postindustrial, information and anthropogenic society refers to a new theory and methodology of social-economic formation in which the relative importance of manufacturing lessens and that of services, information, and research and human personality increases.
Keywords: information economy, socioeconomic formation, postindustrial society, information society, anthropogenic society, creative corporation.

Введение. Теория новой информационной экономики как современная теория развития представляется мультидисциплинарной наукой, находящейся на стыке экономики, социологии и информатики, соответственно для ее изучения необходим междисциплинарный метод исследования, основанный на комбинировании знаний общественных наук. Достижения социологической научной системы прямо отражается на развитии новой экономики и позволяет применить к ней термин «социоэкономическая формация» и «социоэкономика». Соответственно, прежде чем начинать рассмотрение новой экономической системы, важным представляется изучение общества, в котором эта система зарождается и функционирует. Становление теории нового общества имеет собственную историю, отражающую процесс эволюции теоретико-методологических подходов к ее изучению.

Основная часть. Идея новой общественной формации впервые была изложена в середине XIX в. в научных работах О. Конта, Дж. Миля, А. Сен-Симона и других исследователей, которые рассматривали ее как социальную форму, способствующую реорганизации доминировавшего в то время индустриального общества. Основные методологические принципы теории постиндустриального общества были описаны в конце 40-х гг. XX в. американским экономистом К. Кларком в книге «Экономика в 1960 г.» и французским социологом Ж. Фурастье в книге «Великая надежда XX в.». Они предложили классификацию общественного производства по 3 секторам экономики:

– первичный – добывающий (сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство);

– вторичный – индустриальный (строительство, обрабатывающая промышленность);

– третичный – сектор услуг (транспорт, торговля, финансы, страхование, здравоохранение, образование, научные исследования, управление и т. п.) [1, с. 47].

Так как в настоящее время сфера услуг отличается большой дифференциацией, то некоторые современные исследователи, в частности Н.А. Скрыльникова, видоизменяют классификацию следующим образом:

– третичный сектор, охватывающий услуги материального характера (транспорт, связь, складское хозяйство);

– четвертичный сектор (торговля, финансы, страхование, недвижимость);

– пятеричный сектор (личные, профессиональные, деловые услуги и услуги государственного управления) [2].

Таким образом, еще в середине XX в. ученые определили основной вектор развития современного общества – рост доли сферы услуг в структуре ВВП и в совокупной рабочей силе стран. Динамика развития сектора услуг наглядно подтверждает эту тенденцию (рисунок 1) [3].

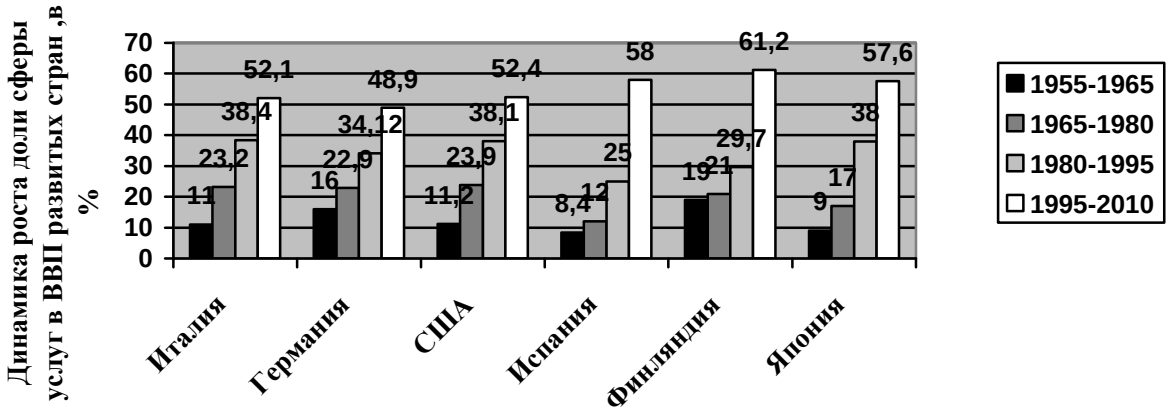


Рисунок 1 – Динамика роста доли сферы услуг в ВВП развитых стран, в %

В начале XXI в. в США, ЕС, Японии третичный сектор экономики обеспечивает до 60 % занятости населения, а высокая производительность труда в этом секторе приводит к более значительным темпам роста ВВП, чем способна обеспечить промышленность. Доминирование сферы услуг над остальными экономическими сферами является доказательством одного из основных постулатов постиндустриальной теории – услуги (третичный сектор экономики) являются источником долгосрочного экономического роста, причем третичный сектор более важный, чем первичный и вторичный сектора. В связи с этим многие страны в конце XX в. – начале XXI в. перепрофилировали структуру экономики от производства товаров к производству услуг (рисунок 2) [4].

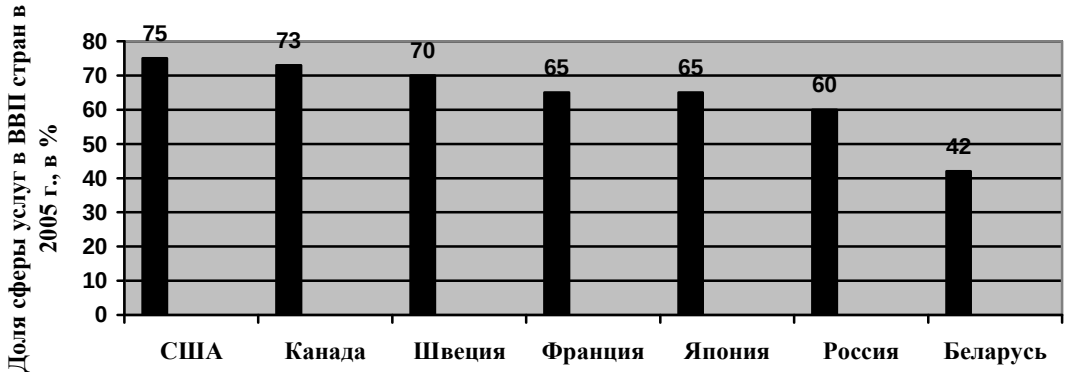


Рисунок 2 – Доля сферы услуг в ВВП стран в 2012 году, в %

Тем не менее современная концепция дифференциации секторов экономики требует уточнения в связи с возросшим значением и общественной значимостью информационных услуг. Информационные услуги можно выделить в качестве отдельного сектора экономики, дополнив классификацию Н.А. Скрыльниковой и других ученых, и представить как новый сектор современной экономической системы, включающий любые услуги, удовлетворяющие информационные потребности пользователей (предоставление информационных продуктов, проведение исследований, обработка и предоставление необходимой информации, информационный консалтинг, информационная торговля и т. д.). В процессуальном качестве определение информационных услуг зафиксировано законодательством ряда субъектов Российской Федерации:

– Закон Московской области «Об информации и информатизации в Московской области» от 12.03.1998 г. № 9;

– Закон Калининградской области «О государственной поддержке информационных технологий в Калининградской области от 29.11.2001 г. № 89 и др. [2].

Согласно законопроекту Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» 2010 г.: «Информационная услуга – деятельность по осуществлению поиска, получения, хранения, обработки, распространения и (или) предоставления информации» [5].

Доля информационных услуг в ВВП большинства стран подтверждает их высокую значимость. Например, доля «высоких технологий» (телекоммуникации, информационные услуги) в ВВП России в 2011 г. составила 4–5 % (для сравнения, доля информационных услуг Индии в 2011 г. составляла 7 %). В то же время страны ЕС и США идут в авангарде развития сектора информационных услуг с показателями в 30 % и 50 % ВВП соответственно [1]. В денежном эквиваленте к 2015 г. мировой рынок информационных услуг достигнет 2 трлн. долларов.

Приведенные данные наглядно подтверждают, что сфера информационных услуг вполне может претендовать на отдельное место в секторальной классификации экономики. Более того, становление нового общества вносит принципиальные изменения в традиционные экономические секторы. По нашему мнению, в долгосрочной перспективе в новой социоэкономической системе первичный и вторичный секторы объединяются в единый информационно-промышленный сектор (рис.3). Современное сельское хозяйство кардинальным образом отличается от аграрного сектора предыдущих этапов эволюции, в новом обществе оно служит только сырьем для перерабатывающей промышленности. К тому же происходит насыщение сельского хозяйства информацией и знаниями в процессе развития и активного внедрения генетики, биотехнологий и т. п. Так, например, стоимость колосса высокоурожайной генетически-модифицированной пшеницы на 80 % состоит из новых знаний. В издержках нефтедобычи до 40 % составляют затраты на геологоразведочные и поисковые работы, а производство знаний ведет к значительному снижению затрат промышленности по организации добычи нефти. Даже такой низкотехнологичный продукт как цемент все более насыщается знанием, поскольку он может доставляться заказчикам с точностью до 10 минут водителями на автомобилях с GPS-навигацией, соединенной через спутник и Internet с компьютерной сетью фирмы. Ожидается, что в 2015 г. широкое развитие получат «нано-машины», позволяющие с легкостью манипулировать веществом на уровне атомов. Подобная техника позволит дешево создавать любые предметы, в результате чего основные затраты в материальном производстве будут приходиться не на изготовление, а на проектирование товаров. Таким образом, в будущем основу сельского хозяйства и промышленности будет составлять овеществленная в материальных объектах информация.

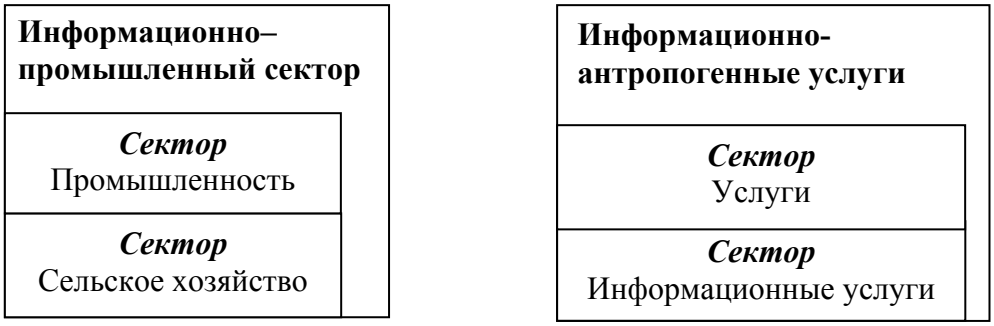


Рисунок 3 – Будущая структура секторов социоэкономической формации

В связи с усилением роли и значимости информации в секторе услуг, и выделении информационных услуг в качестве самостоятельного сектора экономики можно сделать предположение об интеграции в долгосрочной перспективе традиционных секторов в метасектор информационно-антропогенных услуг, в котором основная роль сферы услуг – средство для производства и воспроизводства информационно-интеллектуального компонента.

Возвращаясь к концепции постиндустриализма, необходимо отметить, что вопреки распространенному мнению родоначальником термина «постиндустриальное общество» является не Д. Белл, а А. Пенти, и, тем не менее, именно Д. Беллу принадлежит заслуга его современной принципиально новой интерпретации. В 1959 г., выступая на международном се-

минаре в Зальцбурге, Д. Белл впервые предложил наиболее полную и соответствующую современным реалиям трактовку: «Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования … в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достижений теоретического знания» [6].

Последователи постиндустриальной теории рассматривают 3 важнейших этапа развития цивилизации: аграрное (доиндустриальное), индустриальное и постиндустриальное общество. При этом к основополагающему преимуществу постиндустриализма можно отнести то, что ее сторонники не разграничивают этапы развития общества строго очерченными технологическими или социоэкономическими показателями. Так, развитие индустриального общества не привело к замещению сельского хозяйства промышленностью; соответственно развитие постиндустриального общества не предполагает исчезновения индустриального компонента экономики. Как вещество (основной ресурс аграрного общества), энергия (основной ресурс индустриального общества), так и информация (доминирующий ресурс постиндустриальной стадии развития) в своей взаимосвязи характерны для материи; информационная деятельность связана с переработкой вещества и энергии; таким образом, производство, распространение и реализация информационных услуг предполагает обязательное участие материальных носителей и приложение энергетического компонента. Следовательно, уже на уровне основного производственного ресурса прослеживается неотделимость одной общественной формации от другой, поэтому новый тип общества не замещает предыдущие, а дополняет их. Соответственно необходим комплексный эволюционный подход к изучению социума.

Возвращаясь к делению на этапы развития общества, отметим концепцию определения этапа эволюции цивилизации, предложенную В.В. Козловским и Э.А. Лутохиной [7, с. 186]. По их мнению, переход стран от аграрного типа экономики к индустриальному можно проследить по признаку использования коммерческой энергии (энергоносителей на душу населения). При этом если рассмотреть потребление нефти на душу населения как элемент коммерческой энергии, то для индустриального типа экономики нижняя граница нормы потребления соответствует 950 кг нефти, верхняя граница – 2400 кг. Таким образом, можно определить индустриальную развитость разных регионов мира (таблица 1) [3].

Таблица 1 – Использование коммерческой энергии по регионам мира

Регион	Потребление коммерческой энергии на душу населения (кг эквивалента нефти)
Северная Америка	7500–8000
Западная Европа	5000
Япония	4000
Бывшие социалистические страны	2700
Латинская Америка	1200
Ближний Восток и Северная Африка	1300
Восточная Азия	950
Южная Азия	450
Мир в целом	1700

Данные показывают, что для мира в целом характерен индустриальный тип экономики. Однако такие регионы, как Тропическая Африка и Южная Азия, до сих пор не достигли нижнего уровня индустриального развития (950 кг), то есть почти половина населения нашей планеты находится на стадии аграрной экономики. Следовательно, можно констатировать, что экономика аграрного, индустриального и других типов социума в разных регионах и странах предполагает свою специфику и формируется в пределах разных временных периодов. Так, если в Англии индустриальный тип экономики сформировался к началу XIX в., то в США индустриальное общество наступило только к началу XX в., а в Японии к середине XX в. Тем более примечателен тот факт, что бывшие аутсайдеры индустриальной экономики США и Япония стоят во главе нового постиндустриального общества. А между тем некоторые

регионы мира еще до сих пор находятся в процессе индустриализации, что служит подтверждением концепции Д. Белла о постепенном, эволюционном переходе мировой экономической и социальной систем к новому типу цивилизации.

Проводя анализ методологических принципов теории общественной эволюции, рассмотрим наиболее значимые аспекты постиндустриальной формации:

1. Информация является доминирующим производственным ресурсом, оказывающим превалирующее влияние на экономические процессы.

2. Базовые технологии производства становятся информационноемкими, в основе конечного продукта закладываются информация и знания.

4. Доминирующим типом предприятия в постиндустриальном обществе становятся креативные корпорации (таблица 2) [8], [9].

Таблица 2 – Сравнительная характеристика традиционной и креативной корпорации

Показатель	Традиционная индустриальная компания	Современная креативная корпорация
Определение	Хозяйственная единица, ориентированная на создания конечного продукта	Социоэкономическая система для развития потенциала ее создателей и творческой реализации работников
Основной ориентир	Ориентирована на существующие потребности рынка	Ориентирована на формирование новых потребностей рынка в рамках своей специализации
Цель деятельности	Максимизация прибыли как единственная цель и измерение достижений	Прибыль является главной целью, но выделяется также рост значимости социальных целей и результатов
Источник развития	Адаптация к внешней среде	Постоянное преобразование на основе внутренних источников финансирования и внедрения инноваций
Способ мотивации	Экономическая мотивация	Неэкономическая мотивация
Роль в обществе	Ожидание общества от предприятия – производство материальных ценностей и услуг	Общество ожидает от предприятия удовлетворения индивидуализированных услуг и повышения качества жизни населения
Базовые ценности	Дисциплина; иерархия; самодостаточность; власть; достижение; надежность	Самореализация; команда; инициатива, творчество; децентрализация; самостоятельность; гибкость

Хозяйственная деятельность в рамках постиндустриального общества основана на услугах и интерперсональном взаимодействии между людьми. Неслучайно основным производственным ресурсом становится информация – она выступает как базовый элемент человеческого взаимодействия. Кроме того, центральное значение приобретает качество этого взаимодействия – в эпоху постиндустриализма значительным является не только уровень интеллектуального развития человека, но и его способность к коммуникациям и работе в команде. Нельзя не согласиться с К. Келли, что «основой сетевой экономики является технология, но фундаментом для нее служат человеческие отношения» [10].

Появление теории информационного общества связано с именами ученых Ф. Махлупа и Т. Умесао, которые в начале 70-х гг XX в. ввели в научный оборот практически одновременно в США и Японии вышеозначенный термин. Методологическое обоснование концепции информационного общества дано в книге И. Масуды «Информационное общество как постиндустриальное общество» [11], положившей начало новой теории общественного развития. Теория информационного общества существенно обогатила представления о современном этапе научно-технического прогресса, однако большая часть предложенных в ее рамках тезисов носит весьма частный характер. Наибольшим значением, на наш взгляд, обладает проведенный ее сторонниками анализ роли информации в хозяйственном развитии стран. Результатом его стала трактовка информации как специфического ресурса, не обладающего большинством характеристик, свойственных традиционным факторам производства. Недостатком концепции информационного общества является отсутствие ее четкой взаимосвязи с предшествующими формациями и излишняя технократичность, основой которой

являются информация и информационные технологии. На наш взгляд, современное общество все-таки более комплексно и многолико. Однако, поскольку в настоящее время четкая трактовка понятия «информационное общество» отсутствует, экстраполируя различные концепции постиндустриального и информационного социума, можно сформулировать следующее определение: информационное общество – это новый этап постиндустриального социума с экспоненциально развивающимися информационными и телекоммуникационными технологиями, позволяющими эффективно использовать информационные ресурсы для обеспечения устойчивого развития государства.

Если попытаться взглянуть на более отдаленную перспективу, то как индустриальное общество, основной ценностью которого выступал товар, сменилось постиндустриальным (информационным) обществом, основной ценностью которого являются услуги (в том числе и информационные) так и антропогенное общество придет на смену постиндустриальному. В антропогенном социуме основной ценностью будет человек и развитие всех его потенциальных возможностей.

Заключение. В подтверждение информационно-антропогенной составляющей развития социоэкономики представим следующие тенденции:

– в современном обществе доминирует сфера услуг, причем услуг все в большей степени персонифицированных, индивидуальноприспособленных и информационных;

– доминирующим ресурсом производства становятся не сырье и материалы, а знания, которые являются информацией, переработанной человеческим интеллектом;

– новые трудовые ресурсы современного общества – это высококвалифицированные, способные к творчеству и проявлению инициативы работники;

– организации в новом обществе становятся креативными, то есть базирующимися на энергии взаимодействия между людьми и их способности к творческой самореализации.

Литература

1. Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / под ред. А.И. Колганова. – М. : ТЕИС, 1998. – 472 с.

2. Скрыльникова, Н.А. Информационная экономика: концепция и социально-экономические трансформации : дис. д-ра экон. наук : 08.00.01 / Н.А. Скрыльникова. – М. : РГБ, 2003. – 396 с.

3. Макшанов, С.А. Рыночные исследования как фактор повышения конкурентоспособности фирмы в сфере услуг : маг. Работа / С.А. Макшанов. – М. : РГБ, 2004. – 90 с.

4. Институт эволюционной экономики СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://iee.org.ua/ua/detailed/. – Дата доступа : 15.05.2013.

5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravo.by/kbdpz/text.asp?RN=2007024001. – Дата доступа : 15.05.2013.

6. Ракитов, А. Философия компьютерной революции / А. Ракитов. – М : Высшая школа, 1991. – 679 с.

7. Козловский, В.В., Лутохина, Э.В. Мировая экономика: социально ориентированный подход / В.В. Козловский, Э.В. Лутохина. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2005. – 352 с.

8. Аникина, О. Внутрифирменные коммуникации в современной организации [Электронный ресурс] / О. Аникина. – Режим доступа : http://old.pronline.ru/shownews.php?ID=1350&D=2002-12-16. – Дата доступа : 15.05.2013.

9. Жабин, А.П., Афонин, Ю.А. Организации, лидеры и бизнес-процессы в управленческих парадигмах XXI в. [Электронный ресурс] / А.П. Жабин, Ю.А. Афонин. – Режим доступа : http://lib.socio.msu.ru/l/library. – Дата доступа : 15.05.2013.

10. Моррис-Сузуки, Т. По ту сторону коммутопии / Т. Моррис-Сузуки. – М. : Academia, 1998. – 580 с.

11. Красильщиков, В. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории / В. Красильщиков // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 168.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.10.2014

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 330

Человеческий капитал в Беларуси: характерные черты и особенности развития

А.М. Бондарева

Приведена периодизация теории человеческого капитала, имеющая критерием сдвиги в развитии совокупной рабочей силы, определены качественные особенности функционирования человеческого капитала в Беларуси и специфические тенденции количественных его параметров. Сделаны рекомендации по внедрению научных основ концепции человеческого капитала в программы развития страны и регионов.
Ключевые слова: человеческий капитал, запасовые и потоковые величины, качественные и количественные параметры, инвестиции в человеческий капитал, деформация принципа оплаты труда, постарение населения, малодетные ориентации, демографическая безопасность.

The periodization of human capital theory, which has as a criterion shifts in the development of the total labor force, is described. The qualitative features of the functioning of the human capital in Belarus and specific trends of quantitative parameters are defined. Recommendations on the implementation of the scientific foundations of the concept of human capital development program in the country and the regions are given.
Keywords: human capital, reserve and current value, qualitative and quantitative parameters, investment in human capital, deformation of the principle of labor remuneration, aging of the population, small families orientation, demographic security.

Методологической основой решения возникающих проблем экономического развития может стать теория человеческого капитала, учитывающая реальные сдвиги в национальной экономике, связанные с формированием новых (качественных и количественных) параметров человеческого капитала. Человеческий капитал является главной составляющей национального богатства и с изменением величин показателей его оценивающих изменяется величина национального богатства.

Идеи о сущности человеческого капитала имеют давние истоки в мировой экономической мысли. Одна из первых ее формулировок дана в «Политической арифметике» родоначальника статистики и предшественника классицизма в экономической теории У. Петти, изданной в 1676 г. Этот знаменитый английский экономист оценил человеческий капитал как составляющую национального богатства дороже, чем овеществленную его часть. Стоимость населения Англии – в 417 млн. фунтов стерлингов, а вещественное богатство – в 250 млн. фунтов стерлингов. Позднее теория человеческого капитала была развита в «Исследовании и причине богатства народов» А. Смита (1776), «Принципах политической экономии» А. Маршалла (1899), работах многих других ученых. Как самостоятельный раздел экономического анализа теория человеческого капитала оформилась на рубеже 50-60-х гг. 20 в. Заслуга ее выдвижения принадлежит известному американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии Т. Шульцу, а базовая теоретическая модель была разработана в книге Нобелевского лауреата Г. Беккера «Человеческий капитал» (1964). Эта работа признана классикой современной экономической мысли. В новейшей истории теории человеческого капитала важное значение имеют тексты Й. Бен-Порэта, М. Блауга, Э. Лэзера, Р. Лэйарда, Дж. Минцера, Дж. Псахаропулоса, Ш. Розена, Ф. Уэлча, Б. Чизуика и др.

Большинство исследователей придерживается условной периодизации генезиса теории человеческого капитала, содержащей три больших этапа, соответствующих этапам развития цивилизации.

Для первого периода (17–20 вв.) характерны структурные изменения в совокупной рабочей силе и проявление интереса исследователей к факторам экономического роста и экономической динамики в целом. Данные изменения – главные поводы к возникновению и развитию теории человеческого капитала. Истоки ее просматриваются в работах У. Петти, А. Смита, Д. Риккардо, К. Маркса, А. Маршалла.

Для второго периода (19–20 вв.) характерна дальнейшая капитализация отношений, возникновение новых направлений и школ экономической мысли. Отличительные черты его – широкий спектр научных взглядов на природу человека и его производительных способностей. Открытием данных исследований является представление о человеке и его способностях как о специфической форме капитала. Следует отметить глубину и подробность работ таких представителей второго периода как И. Фишера, Л. Вальраса, И. Тюнена, Дж. С. Миля.

Третий период (20–21 вв.) характеризуется таким развитием постиндустриального общества, что «…личность выступает как самоцель общечеловеческого развития….является главным орудием прогресса» [1, с. 130]. Само развитие экономики создало предпосылки для формирования концепции человеческого капитала как элемента не только национального богатства, но и «элемента мировой цивилизации» [1, с. 130]. Основные положения современной теории человеческого капитала сформулированы в трудах Г. Беккера. Он выделяет в человеческом капитале знания, навыки, мотивацию как аспекты исследования. Делает выводы о том, что увеличение вложений в подготовку будущих специалистов и обучение квалифицированных работников может приносить в будущем не меньше прибыли, чем расходы на машины и оборудование.

Оценка человеческого капитала в современной экономической науке проводится с двух позиций: человеческий капитал как запас и как поток доходов. «Человеческий капитал как запас – имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов» [1, с. 130]. При такой оценке в структуре человеческого капитала выделяют: природные способности; общую культуру; общие и специальные знания; умение применять полученные знания в нужный момент в нужном месте. Понимание человеческого капитала как потока доходов означает, что вложения в человеческий капитал становятся важным активом, обеспечивающим более высокий поток доходов на протяжении всей жизни человека. К основным формам инвестиций в человеческий капитал относят: образование, воспитание, здравоохранение, а так же целый комплекс затрат, связанных с профессиональной подготовкой человека (не только очевидные затраты на обучение профессии, но и затраты на поиск необходимой для получения навыков информации и т. д.). Главным стимулом стремительного роста вложений в человеческий капитал является ожидание высокого дохода.

По мнению исследователей, целый ряд положений теории человеческого капитала для белорусской экономики в целом применимы, но нуждаются в уточнении. Во-первых, в белорусской экономике наблюдается значительная деформация принципа оплаты труда. Несмотря на то, что статистические данные демонстрируют наличие положительной зависимости заработков человека от уровня его образования, эта зависимость не носит характера постоянно наблюдаемой закономерности: не всегда более высокий уровень образования ведет к более высоким доходам. Данную связь мы рассматриваем как нарушаемую тенденцию [2].

Во-вторых, продолжительность образовательного процесса должна находить отражение в качестве навыков и умений, приобретаемых в ходе его. Действительность указывает на смену приоритетов официального обучения и самообучения в ходе практической деятельности. Во многих отраслях белорусской экономики большую значимость приобретает «доподготовка» специалиста по месту работы, учитывая скорость смены технологических процессов. Самообразование выходит на передний план. На современном рынке труда в любых специальностях и квалификациях ценится способность к самообучению. Такая способность расценивается работодателями как явное преимущество, поскольку позволяет недорого, или вовсе за счет наемного работника адаптировать качества рабочей силы к имеющейся технологии.

В-третьих, теория человеческого капитала содержит положение, согласно которому имеется положительная связь между полученным образованием и возможностью трудоустройства. В трансформационных экономиках несравненно более быстрыми темпами развивается сфера услуг, в частности, оптово-посредническая деятельность, где на первый план выходят характеристики, не связанные собственно с уровнем образования потенциального работника: внешние данные, возраст, семейное положение.

Из перечисленных аспектов теории человеческого капитала, обязательных к адаптации применительно к условиям Беларуси, самым актуальным, на наш взгляд, является анализ связи между уровнями доходов и образования. Эта связь отражается в показателе нормы отдачи от

инвестиций в человеческий капитал, в частном случае – в образование. Норма отдачи от инвестиций в человеческий капитал выступает как специфический вид нормы прибыли и заслуживает глубокого, всестороннего исследования как показатель эффективности капитализации стоимости. Одно из последних исследований такого рода – работа А. Чубрика и Г. Шимановича «Отдача на образование и оценка человеческого капитала в Беларуси» [3]. Методика подсчета нормы окупаемости инвестиций в человеческий капитал аналогична анализу окупаемости физического капитала. А именно: соотносятся дополнительные издержки, связанные с получением образования, профессиональным обучением, здравоохранением, с дополнительными выгодами, получаемыми после совершения указанных затрат. Это хорошо известный анализ предельных величин, требующий формулирования принципа оптимизации.

В период экономической и социальной трансформации возникают не только особенные качественные характеристики человеческого капитала, но и специфические тенденции количественных его параметров.

С 1995 г. в Беларуси наблюдается естественная убыль населения, с 2005 г. – тенденция сокращение убыли благодаря возросшей рождаемости и стимулированию иммиграции. В современных сообществах показатели рождаемости зависят от тех инвестиций, которые домохозяйства и государство осуществляют в рождение детей. И это – отправной момент формирования человеческого капитала.

Показатель уровня рождаемости, хотя и существенно улучшен за время действия мер, предусмотренных программами демографической безопасности, остается на отметке 12,5 [4, с. 12], что не обеспечивает простое замещение поколений. Нерождение детей по экономическим причинам можно признать управляемым фактором, влияние на который доступно мерами экономических программ правительства. Пока с рождением ребенка у семьи будет возрастать риск попадания в категорию малообеспеченных, невозможно надеяться на устойчивый прирост рождаемости. Однако, специфика современной демографической конъюнктуры в том, что число рождений зависит не столько от комплекса мер материальной поддержки семьи, сколько от тенденций, наблюдаемых в процессах формирования семьи.

По данным переписи 2009 г. неполных семей в нашей стране 170 тысяч и в них растут 217 тысяч детей [5]. Число зарегистрированных браков к 2013 г. увеличилось до 9,2 ‰, а количество разводов уменьшилось до 3,8 ‰ [6, с. 15]. В целом, наблюдается сокращение разрыва регистрируемых и расторгаемых браков. Сказались, хотя и с лагом запаздывания, программные меры, направленные на укрепление института семьи. С сожалением приходится констатировать, что среди расторгнутых браков наибольший удельный вес приходится на наиболее репродуктивный возраст – 25–34 года, что напрямую влияет на показатели рождаемости.

Мобильность взаимодействий современных людей предопределяет мобильность брачных отношений, но последняя зависит и от экономической устойчивости (доходности) семей, и от исповедования ими (или отсутствия в их действиях) принципов семейной морали. Противодействовать разрушению института семьи возможно целенаправленными мерами по укреплению доходности семей, прежде всего, это формирование высокодоходного статуса глав семей и, как следствие, добровольное изъятие женщин наиболее репродуктивного возраста из системы наемного труда. Представляется утопичным мнение о возможности формирования потребности в таком количестве детей, которое соответствует национальным интересам, поскольку интересы нации как целого далеко не всегда тождественны интересам отдельных семей, но воздействовать на репродуктивное поведение людей возможно. Кому-то достаточно улучшения благосостояния через комплекс мер социальной защиты и социальных гарантий, кому-то – религиозного проповедования семейных ценностей, кто-то может быть сориентирован на понимание долгосрочных эффектов «инвестиций в детей».

Такая социокультурная особенность как малодетная семья перманентна для белорусского общества последних четырех десятилетий. В Беларуси проживает 1357,8 тыс. семей, в которых воспитываются дети. Среди них 62 % семей имеют одного ребенка, 32 % – двоих детей, остальные – троих и более детей [5]. Сложившийся малодетный тип семьи воспроизводит малодетные ориентации. Прервать эту уже постоянно воспроизводимую, причинно-следственную связь может политика доходов такая, когда формируется частная собствен-

ность, в основе которой лежит право наследования. Чтобы наследовать, нужен субъект, принимающий наследство, т. е. нужны дети как физическое и духовное продолжение субъекта, создавшего объект собственности и передающего права собственности на него.

Естественная убыль населения (0,8 ‰) в Беларуси выше, чем в западноевропейских странах (0,1–0,7 ‰) главным образом из-за нетипичной для развитых стран высокой смертности [6, с. 12]. Исследователи отмечают главным образом высокую смертность мужчин. Основными причинами данного явления считаются «…исторически сложившийся стереотип пренебрежительного отношения к своему здоровью и распространение факторов риска (курение, злоупотребление алкоголем и др.)» [7, с. 53]. Другой важнейший фактор, оказывающий негативное влияние на поведенческий стереотип – низкая доходность, когда незачем беречь здоровье, отсутствует установка на долгую безбедную жизнь.

Значительные резервы увеличения продолжительности жизни населения обнаруживаются в решении проблемы травматизма и смерти от «внешних причин», профилактику неинфекционных заболеваний. К позитивным явлениям последних лет следует отнести сокращение смертности от болезней сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, туберкулеза, послеоперационной летальности, смертности от внешних причин, в том числе связанных с ДТП, случайных отравлений алкоголем и др. В 2013 г. показатель числа умерших в трудоспособном возрасте впервые приблизился к уровню 1990 г. и составил 25578 человек [6, с. 365]. В целом же высокая смертность означает невысокую продолжительность жизни(72,6 года [8, с. 157].), следовательно – недоиспользование человеческого капитала.

Важнейшей характеристикой общенационального человеческого капитала является увеличение в населении доли и численности лиц старших возрастов. Это глобальный процесс, обусловленный, с одной стороны, повышением уровня и качества жизни и, как следствие, увеличением ожидаемой продолжительности жизни. С другой стороны, старение населения обусловлено длительным, устойчивым снижением рождаемости, не обеспечивающим простое воспроизводство населения. По данным на начало 2014 г. число лиц старше трудоспособного возраста неуклонно увеличивается и составляет 23,9 %, число детей стабилизировалось, и даже несколько увеличилось и составляет 18,7 % [8, с. 121]. По прогнозу доля лиц 60 лет и старше составит к 2020 г. более 26 %, в то время как удельный вес детей – 18 % [9, с. 46]. Число лиц пожилого возраста в перспективе будет устойчиво превышать число детей, процесс старения населения будет усиливаться. Число лиц в репродуктивном возрасте будет сокращаться, следовательно, уменьшится число рождений и увеличится число смертей.

Постарение населения – общеевропейская тенденция, изменяющая условия воспроизводства человеческого капитала. К числу этих новых условий можно отнести увеличение нагрузки на трудоспособное население (в связи с сокращением численности населения трудоспособного возраста и детей демографическая нагрузка будет увеличиваться и составит к 2020 г. 793 человек на 1000 трудоспособных [9, с. 46]), рост расходов на пенсионное обеспечение пожилых людей, создание системы занятости пожилых, изменение структуры потребления, изменение законодательно установленного трудоспособного возраста.

Усиление процессов внешней миграции так же оказывает воздействие на изменение показателей, характеризующих человеческий капитал. Иммиграция из таких стран как Россия, Украина, Казахстан (в большей степени) и Литва, Китай, Латвия, Польша (в меньшей степени) – важнейший фактор замедления темпов депопуляции населения страны. Отличительная черта 2013 г. – положительное сальдо миграции полностью компенсировало естественную убыль, благодаря чему прервана тенденция депопуляции. Естественная убыль в 2013 г. составила 7329 человек, показатель прибывших на ПМЖ из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья – 19435 человек, положительное сальдо миграции – 11643 человека [5, сс. 122, 368]. Данные процессы призваны в конечном итоге стимулировать экономическое развитие страны, однако они сопряжены с необходимостью социальных программ помощи мигрантам.

Отдельной отраслью исследования человеческого капитала может стать анализ действий членов домохозяйств и семей. Актуален прежде всего анализ причинности того или иного выбора: в планировании деторождения (воспроизводство рабочих сил), в занятости женщин детородного возраста в форме найма (или предпочтение занятости женщин как домохозяек), в

получении образования родителями и детьми (выбор формы, продолжительности, качества образования), в перераспределении богатства между поколениями (отчуждение богатства родителей в пользу увеличения человеческого капитала детей). Особого исследования заслуживает возрастающая роль женщины-матери в воспроизводстве поколений и принимаемые женщинами решения по деторождению, получению образования и желаемой величины дохода, участию в государственном управлении и т. д.

Исследования закономерностей формирования человеческого капитала и их искажений в трансформационных экономках важны для всех макроэкономических субъектов. Для домохозяйств – позволяют рационализировать их денежные и временные расходы. Для государства – служат ориентиром в проведении эффективной политики организации и финансирования образовательных и иных социальных программ. На мезоуровне выявление закономерностей функционирования человеческого капитала в трансформационной экономике определяет индикаторы производительности отраслей социально-культурного комплекса.

Решение проблем экономического развития и, в частности – проблем демографии, возможно только при внедрении научных основ концепции человеческого капитала в программы развития страны и регионов и их реализация.

Литература

1. Нуреев, Р.М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики / Р.М. Нуреев. – М : Норма, 2008. – 367 с.

2. Лавровская, О.Б. Социально значимые и прикладные направления исследований в области человеческого капитала в современной белорусской экономической науке [Электронный ресурс] / О.Б. Лавровская. – Режим доступа : http://media.miu.by. – Дата доступа :14.04.15.

3. Чубрик, А. Шиманович, Г. Отдача на образование и оценка человеческого капитала в Беларуси [Электронный ресурс] / А. Чубрик, Г. Шиманович. – Режим доступа : http://www.research.by. – Дата доступа :16.04.15.

4. Беларусь в цифрах: статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол. : В.И. Зиновский [и др.]. – Минск : 2014. – 76 с.

5. Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by. – Дата доступа :14.04.15.

6. Беларусь в цифрах: статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол. : В.И. Зиновский [и др.]. – Минск : 2014. – 76 с.

7. Богданович, А.В. Региональные особенности развития демографических процессов в Республике Беларусь / А.В. Богданович, Н.В. Гордеева // Белорусский экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 50–60.

8. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол. : В.И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2014. – 412 с.

9. Привалова, Н.Н. Старение населения Беларуси: тенденции и перспективы / Н.Н. Привалова // Экономический бюллетень. – 2010. – № 6. – С. 41–49.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 20.10.2014

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 332.025:334.012.6:334.722

Государственная поддержка развития малого и среднего предпринимательства и особенности её реализации в регионах Республики Беларусь

А.П. Геврасёва, А.Г. Вышникова

Обоснована значимость развития сферы малого и среднего предпринимательства в условиях перехода Республики Беларусь к рыночной экономике. Система государственной поддержки бизнеса включает в себя создание правовых, экономических, информационных, консультационных и организационных условий, способствующих устойчивому развитию малого предпринимательства, формированию рациональной отраслевой структуры предпринимательской деятельности, стимулированию его дальнейшего развития путем совершенствования форм и методов государственного регулирования.
Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная политика содействия развитию малого и среднего предпринимательства, инфраструктура поддержки, финансовая поддержка, имущественная поддержка, информационная поддержка, государственно-частное партнерство.

The importance of development of the sphere of small and average business in conditions of transition of Republic of Belarus to market economy is proved. The system of the state support for business includes creation of the legal, economic, information, consulting and organizational conditions promoting a sustainable development of small business, formation of rational branch structure of business activity, stimulation of its further development by improvement of forms and methods of state regulation.
Keywords: small and average business, state policy of assistance for development of small and average business, infrastructure of support, financial support, property support, information support, public-private partnership.

Развитие малого и среднего предпринимательства является основой рыночной экономики, роль которого проявляется в сглаживании колебаний экономической конъюнктуры посредством особого механизма сбалансирования спроса и предложения; создании значительного количества новых рабочих мест; развитии инновационного потенциала экономики; внедрении новых форм организации, производства, сбыта и финансирования. Эффективно функционирующее малое предпринимательство – важный фактор создания оптимальной структуры региональной экономики.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в развитии малого и среднего предпринимательства, в Республике Беларусь этот сектор не оказывает столь существенного влияния на социально-экономическое развитие государства, как в промышленно развитых странах. На сегодняшний день в наиболее развитых странах мира малые фирмы составляют 70–90 % от общего числа предприятий. В Республике Беларусь по итогам 2013 г. удельный вес малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте составляет всего 15,2 %.

В Республике Беларусь в малом и среднем бизнесе занято около 28,4 % экономически активного населения. Для сравнения в США –50,1 %, в Германии – 60,9 %, в странах ЕС на аналогичных предприятиях трудится примерно половина работающего населения.

Актуальность настоящего научного исследования определяется тем, что развитие малого и среднего предпринимательства становится важнейшим фактором роста эффективности региональной экономики. Малый и средний бизнес обеспечивает стабильность экономического развития, отличается гибкостью и адаптивностью к динамично изменяющимся внешним и внутренним условиям.

Мировой опыт показывает, что малое и среднее предпринимательство во всех странах формируется и развивается при действенном участии государства, его регулировании и поддержке. Государство создает для всех граждан благоприятные условия для частной инициативы; установления взаимоотношений между бизнесом, обществом и государством; обеспечивает экономические, правовые и организационные условия для поддержки и развития малого и среднего предпринимательства.

Государственная политика содействия развитию предпринимательства осуществляется различными методами. Все разнообразие методов обеспечивает выработку различных вариантов достижения целей развития страны, выбор наилучшего из имеющихся вариантов и обеспечение его выполнения. Можно выделить три группы методов:

– правовые методы, заключающиеся в разработке и реализации законов и нормативных актов, обеспечивающих функционирование рыночного хозяйства, а также дополнительных законодательных актов по обеспечению процессов переходного периода (например, по приватизации госсобственности, поддержке предпринимательства). Правовые методы воздействуют на экономику прямо и косвенно;

– административные методы, основанные на силе государственной власти и включающие меры запрета, разрешения, принуждения. Они, как правило, носят обязательный характер и оформляются в виде законодательных актов, распоряжений, постановлений. К мерам запрета и разрешения относятся: лицензирование видов деятельности, квотирование экспорта, импорта (и их отмена). К мерам принуждения относятся: правила, условия, соблюдение которых обязательно для хозяйствующих субъектов (требования охраны труда, экологические предписания). Административные методы воздействуют на экономику прямо;

– экономические методы, заключающиеся в косвенном воздействии на экономику через хозяйственное законодательство, финансовую, денежную, кредитную, налоговую системы. Методы включают введение или отмену налогов, льготы по налогам, порядок начисления амортизации основных средств, государственный заказ, кредитование на льготных условиях и др.

Основу правового регулирования сферы малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь составляют Закон Республики Беларусь № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства» от 01.07.2010 г., Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» от 31.12.2010 г., Декрет Президента Республики Беларусь № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» от 16.01.2009 г., Декрет Президента Республики Беларусь № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности» от 07.05.2012 г., Программа государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на 2013–2015 гг. В качестве главной задачи законодательного обеспечения эффективной поддержки малого и среднего бизнеса выступает создание благоприятных условий его развития и устойчивого функционирования, повышение мотивации предпринимательской инициативы.

Основными видами государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь являются финансовая поддержка; имущественная поддержка; информационная поддержка; поддержка участия в процедурах государственных закупок товаров; содействия внешнеторговой деятельности; поддержка в сфере подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров; формирование и развитие механизмов государственно-частного партнерства.

Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства осуществляется в соответствии с законодательством за счет средств республиканского и местных бюджетов.

Государственная финансовая поддержка за счет средств, предусмотренных программами государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, на государственном уровне управления оказывается Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимателей путем предоставления финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе; имущества на условиях лизинга (финансовой аренды); гарантий по льготным кредитам, выдаваемым банками Республики Беларусь.

Государственная финансовая поддержка на региональном уровне управления оказывается областными и Минским городским исполнительными комитетами путем предоставления финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе; субсидий для возмещения части процентов за пользование банковскими кредитами; субсидий для возмещения

расходов на выплату лизинговых платежей по договорам лизинга (финансовой аренды) в части оплаты суммы вознаграждения (дохода) лизингодателя; субсидий для возмещения части расходов, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях либо с их организацией.

Государственная финансовая поддержка оказывается банками Республики Беларусь путем предоставления льготных кредитов за счет средств местных бюджетов, предусмотренных программами государственной поддержки малого и среднего предпринимательства и размещенных во вклады (депозиты) этих банков.

Государственная финансовая поддержка на локальном уровне управления оказывается субъектам инфраструктуры поддержки малого предпринимательства путем предоставления областными и Минским городским исполнительными комитетами субсидий для приобретения необходимого имущества, реконструкции, ремонта здания (части здания) в целях реализации задач по поддержке и развитию субъектов малого предпринимательства; возмещения части расходов, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях либо с их организацией.

Государственная финансовая поддержка предоставляется на конкурсной основе [1].

Для субъектов малого и среднего предпринимательства законодательством предусмотрены меры имущественной поддержки в виде передачи в безвозмездное пользование находящихся в государственной собственности капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, их частей, в том числе с правом приобретения их в собственность после окончания срока безвозмездного пользования; применения понижающих коэффициентов к базовым ставкам арендной платы при аренде находящихся в государственной собственности капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, их частей; отчуждения находящихся в государственной собственности капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, их частей субъектам малого или среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность в сфере производства товаров (выполнения работ, оказания услуг) и арендующим данное имущество не менее пяти лет.

Информационная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется путем создания доступных условий для получения информации, необходимой для эффективного осуществления и развития предпринимательской деятельности.

Основными видами информационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства являются освещение в средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет различных вопросов предпринимательской деятельности; оказание информационных и консультационных услуг субъектами инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства; создание и развитие системы консультирования с применением современных коммуникационных и информационных технологий; создание специализированных радио- и телепередач, периодических печатных изданий, освещающих актуальные вопросы развития малого и среднего предпринимательства.

В целях обеспечения участия субъектов малого и среднего предпринимательства в процедурах государственных закупок товаров (работ, услуг) законодательством предусматривается резервирование для субъектов малого и среднего предпринимательства не менее 10 % от общего объема государственных закупок товаров (работ, услуг) и проведение отдельных конкурсов по этой части государственных закупок товаров (работ, услуг); привлечение субъектов малого и среднего предпринимательства к поставке товаров (выполнению работ, оказанию услуг) в качестве соисполнителей путем установления специальных требований к победителям конкурсов о резервировании для субъектов малого и среднего предпринимательства определенной доли государственных закупок товаров (работ, услуг).

Приоритетными направлениями внешнеторговой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства признаются развитие экспорта отечественных товаров (работ, услуг) на рынки иностранных государств и развитие импорта сырья (комплектующих) для собственного производства на территории Республики Беларусь при отсутствии отечественных аналогов.

Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров осуществляется в виде содействия подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства, реализации международных программ и проектов по обмену опытом в этой сфере; проведения обучающих курсов, конференций по вопросам предпринимательства;

профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и обучающих курсов безработных, профессиональной ориентации незанятого населения, в том числе в городах районного подчинения, поселках городского типа, сельских населенных пунктах [2].

Формирование и развитие механизмов государственно-частного партнерства основывается на подготовке соответствующего закона, закрепляющего принципы и механизмы государственно-частного партнерства. Основными целями закона по развитию сферы малого и среднего предпринимательства являются: создание условий для развития государственно-частного партнерства в Республике Беларусь; обеспечение эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства; содействие эффективному использованию ресурсов государственного и частного партнеров для удовлетворения общественных потребностей; повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых населению; реализация общественно значимых проектов в интересах граждан Республики Беларусь. Повышение эффективности использования бюджетных средств и государственного имущества; привлечение частного капитала и частной инициативы в экономику республики; повышение деловой активности субъектов предпринимательской деятельности и создание новых рабочих мест относятся к числу основных задач, призванных способствовать развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь.

В условиях вынужденной оптимизации расходов бюджетов различного уровня исполнительные власти столкнулись с необходимостью экономии денежных средств. В такой ситуации возникла потребность в более пристальной оценке затрат – выделение финансирования на реализацию какого-либо проекта разумно только при гарантии высокого конечного результата. Проведенный Министерством финансов анализ эффективности расходования государственных ресурсов в рамках госпрограммы поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь за 2010–2012 гг. позволил оценить полезность тех или иных проведенных мероприятий, а также предоставил возможность скорректировать формы и варианты помощи бизнесу на 2013–2015 гг.

В рамках госпрограммы поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь за 2010–2012 гг. распорядителями средств республиканского бюджета являлись Министерство экономики и Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей (БФФПП).

БФФПП предоставлял поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства по двум направлениям: выделение финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе; предоставление имущества на условиях финансовой аренды (лизинга).

Общий объем расходов республиканского бюджета по данным статьям за период реализации программы составил 4,27 млрд. рублей. Данные средства позволили поддержать 140 бизнес-проектов, большинство из которых оказались достаточно результативными.

По информации органов статистики, субъекты хозяйствования, получившие финансовую поддержку БФФПП, с 2009 по 2012 гг. суммарно увеличили выручку от реализации продукции (товаров, работ, услуг) более чем в 3,5 раза, начисленный налог на добавленную стоимость – в 3,8 раза, прочие налоги и сборы – в 2,4 раза. В свою очередь, Минэкономики осуществляло информационное обеспечение сферы малого и среднего предпринимательства. Ведомство профинансировало комплекс мероприятий по созданию и распространению ежегодного компакт-диска «Предпринимательство в Республике Беларусь» и информационно-аналитического бюллетеня «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь», провело конкурсы «Лепшы прадпрымальнік года» и «Лучшее освещение и пропаганда в средствах массовой информации предпринимательской деятельности», поддержало ряд информационных ресурсов (в части продвижения их в сети Интернет и улучшения пользовательского интерфейса). Расходы по данным статьям за период реализации государственной программы составили 556,4 млн. рублей. Эффект от реализации этих мероприятий был незначительным и оказал лишь косвенное влияние на развитие предпринимательской среды.

Региональные программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2012 г. выполнены на 42,3 % к запланированным показателям.

Из местных бюджетов субъектам малого предпринимательства государственная поддержка оказывалась путем предоставления финансовых средств на возвратной возмездной или безвозмездной основе; субсидий для возмещения части процентов за пользование банковскими кредитами; субсидий для возмещения части расходов, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях либо с их организацией.

Кроме того, облисполкомы и Мингорисполком размещали средства местных бюджетов (предусмотренные на оказание государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства) в банковские вклады для последующего предоставления льготных кредитов. Такой вид помощи стал наиболее востребованным у бизнеса. Его популярности способствовала простота процедуры получения льготных кредитов (микрокредитов), доступность продукта (средства можно было получить по 0,5 % ставки рефинансирования), а также возможность направлять полученные ресурсы для реализации не только инвестиционных, но и бизнес-проектов. Только в течение 2012 г. банками были предоставлены льготные кредиты 71 субъекту малого предпринимательства. Ресурсы пошли на обновление материально-технической базы, а также на приобретение специальных устройств и приспособлений, транспорта и другого оборудования.

Результатами реализации региональных программ государственной поддержки являются повышение эффективности работы субъектов малого и среднего предпринимательства, активизация их производственной, инновационной и инвестиционной деятельности, развитие экспортного потенциала, а также усиление их роли в экономическом и социальном развитии страны.

По Могилевской области только за 2010–2011 гг. общая выручка от реализации товаров, продукции, работ, услуг субъектами малого и среднего предпринимательства увеличилась более чем в 2 раза; объем производства продукции, работ, услуг – в 2,2 раза, уровень промышленного производства – в 2,6 раза, размер инвестиций в основной капитал – в 2,3 раза. В Витебской области отмечается динамика роста чистой прибыли субъектов малого и среднего предпринимательства, а также увеличение объема экспорта. Если по Минской области удельный вес налоговых поступлений в бюджет от субъектов малого и среднего предпринимательства за 2011 г. составил 24,5 % (1 816,7 млрд. рублей, в том числе от индивидуальных предпринимателей получены 155,6 млрд. рублей), то в 2012 г. доля такого рода плательщиков в общем объеме увеличилась до 29,3 % (3919,1 млрд. рублей, в том числе индивидуальные предприниматели – 278,2 млрд. рублей).

Наблюдалась положительная динамика развития частного бизнеса и в Брестской области. В бюджеты всех уровней этого региона от субъектов малого предпринимательства поступило в 2010 г. 615,2 млрд. рублей (25,1 % всех поступлений), в 2011 г. – 813,5 млрд. рублей (26,5 %), а в 2012 г. – 1479,9 млрд. рублей (22,4 %). Вместе с тем, не выполнен показатель прироста численности работающих в малом и среднем предпринимательстве, что обусловлено двумя причинами: нацеленностью на создание высокотехнологичных производств с меньшим количеством занятых работников и необходимостью определенного временного промежутка для становления вновь созданных предприятий.

В таблице 1 приведены основные показатели деятельности микро-, малых и средних организаций за 2011–2013 гг.

Таблица 1 – Основные экономические показатели деятельности микро-, малых и средних организаций за 2011–2013 гг.

Показатели	2011 год	2012 год	2013 год
Количество организаций, осуществляющих свою деятельность в отчетном году, единиц	80 209	85 154	94 019
Средняя численность работников, тыс. человек	1 223,6	1 209,9	1 237,9
Объем производства продукции (работ, услуг), трлн. руб.	149,5	263,8	282,9
Объем промышленного производства, трлн. руб.	60,8	119,6	94,3
Инвестиции в основной капитал, трлн. руб.	35,5	58,5	81,6
Выручка от реализации продукции (работ, услуг), трлн. руб.	358,9	582,9	648,8
Чистая прибыль/убыток, трлн. руб.	16,7	32,9	26,7
Экспорт товаров, млрд. долл. США	18,6	19,0	14,9
Импорт товаров, млрд. долл. США	14,2	16,1	15,3

Как видно из таблицы, средняя численность работников микро-, малых и средних организаций в 2013 г. увеличилась по сравнению с 2011 г. на 13 810 тыс. человек. Положительную динамику имеют также показатели объема производства продукции (работ, услуг) (на 133,4 трлн. рублей), инвестиций в основной капитал (на 46,1 трлн. рублей), выручки от реализации продукции (на 289,9 трлн. руб.).

По итогам 2013 г. доля малых и средних предприятий составила: в валовом внутреннем продукте – 15,2 % (увеличившись по сравнению с 2009 г. на 3,8 п. п.), в общем объеме выручки – 27,7 % (уменьшилась на 0,6 п. п.), в промышленном производстве –9,5 % (увеличилась на 0,9 п. п.), в инвестициях в основной капитал – 26,7 % (увеличилась на 2,8 п. п.), внешнеторговом обороте – 27,9 % (уменьшилась на 2,6 п. п.) [3].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на 1 января 2014 г. в республике было зарегистрировано 91,6 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства – юридических лиц всех форм собственности (по сравнению с 2009 г. их количество увеличилось на 62,5 %).

Основными причинами, сдерживающими развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь являются отсутствие стабильности в законодательстве в отношении предпринимателей; уровень защиты прав собственности и интересов частного бизнеса; большое количество налогов, их высокие ставки и частые изменения в отчетности, предоставляемой в налоговые органы; высокие размеры штрафов и большое количество проверок со стороны регулирующих органов; высокие арендные ставки; наличие ценового регулирования на ряд товаров и услуг; определенные сложности в лицензировании деятельности; высокие ставки на заемные средства со стороны банков и других финансовых организаций [4].

В сложившихся условиях возникает необходимость структурной перестройки всей системы поддержки малого и среднего предпринимательства. Создание единого центра позволит обеспечить согласованность оказания инфраструктурной и финансовой поддержки, концентрацию ресурсов, методическое и организационное сопровождение процессов оказания поддержки с учетом финансовых и кадровых возможностей, взаимодействие на равных с органами государственной власти. В качестве перспективных направлений следует рассматривать разделение функций регулятора и собственника имущества, расширение зоны ответственности регулятора на все профильные организации независимо от формы собственности; разработку проекта стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь; кардинальное совершенствование эффективности деятельности субъектов инфраструктуры поддержки бизнеса.

Литература

1. О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства: Указ Президента Республики Беларусь от 21.05.2009 г. № 255 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.president.gov.by. – Дата доступа : 03.03.2015.

2. О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности: Декрет № 6 Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravo.by/. – Дата доступа: 03.03.2015.

3. Статистический ежегодник Ресбублики Беларусь: стат. сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://belstat.gov.by. – Дата доступа : 03.03.2015.

4. Министр экономики: системе поддержки предпринимательства необходима структурная перестройка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://news.tut.by/economics/. – Дата доступа : 03.03.2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 03.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 005.725:334.722.1:330.34:001.895

Малый бизнес и пути его выживания в условиях инновационной экономики

Е.А. Западнюк, Чэнь Чун

Рассматриваются сетевые эффекты, позволяющие крупным и малым фирмам иметь равные шансы на участие в сетевых структурах. Показана ограниченность концепции Парето-оптимальности в период становления инновационной экономики, выявлены специфические для «новой» экономики механизмы преодоления традиционных угроз, в частности, механизмы, основанные на управлении знаниями.
Ключевые слова: сетевые эффекты, малый бизнес, инновационная экономика, управление знаниями, направление зависимости.

The paper discusses network effects evoking equal abilities for a big and a small business to participate in network structures. It shows a limited character of the Pareto-efficiency concept under arising the innovative economy, and performs specific mechanisms for overcoming well-known threats in the «new» economy, in particular, the instruments based on knowledge management.
Keywords: network effects, small business, innovative economy, knowledge management, path dependency.

Содержание функции предпринимателя в большинстве работ современных исследователей по традиции основывается на подходах Й. Шумпетера, что он принимает на себя основные риски, связанные с разработкой и внедрением технологических или управленческих инноваций. Предприниматель избегает равновесных ситуаций, решений и рынков, он стремится к неравновесию, потому что только это дает ему возможность получать экономическую прибыль. Это неравновесие во всех случаях основано на асимметрии информации, на ценовой дискриминации, то есть на стандартных чертах, характеризующих квазимонопольные рынки. Пребывание в роли квазимонополиста обеспечивает перспективы получения экономической прибыли. Как реализуются эти перспективы, зависит от текущих условий хозяйствования.

Для малого бизнеса возможность оказаться в роли квазимонополиста связана почти исключительно с наукоёмкими сферами деятельности. В этом случае малая фирма способна, пусть на непродолжительное время, обрести монопольное право внедрения определенных технических решений и улучшить свои индивидуальные условия производства по сравнению с общественно нормальными.

Однако во многих странах мира (в том числе в Беларуси) малый бизнес преимущественно не является наукоёмким, так что для него подобная логика действий недоступна. В этой ситуации почти единственным фактором, способным обеспечить систематический уход от равновесных состояний, является наличие сетевых структур и сетевых эффектов.

Сетевые структуры часто характеризуются исследователями в противовес жёстким иерархическим структурам и рассматриваются как их отрицание, в определенном смысле снимающее их слабые стороны. Между тем, сети подлежали бы изучению и в том случае, если бы структур других типов не существовало вовсе, и объяснить возникновение и развитие сетевых структур вполне возможно без какой-либо опоры на закономерности развития иных типов организаций [1, с. 169].

Институциональная структура макросистем, как правило, содержит институты разной степени жёсткости. Следование разным шаблонам поведения может быть более или менее обязательным для тех агентов, для которых они предназначены. При этом выбор различных рутин, шаблонов поведения тем или иным агентом создает положительные или отрицательные внешние эффекты для других агентов.

Рассматривая и объясняя на примерах эти внешние эффекты, мы чаще всего прибегаем к общественным благам, поскольку их производство и потребление автоматически вызывает внешние эффекты для различных агентов, не имеющих отношения к их созданию. Те же самые принципы легко объяснить и на примере частных благ, каждая единица которых может быть продана за отдельную плату.

По-видимому, простейший пример такого рода заключается в следующем. Пассажир в общественном транспорте может прочесть статью в газете, которую держит в руках и читает

другой пассажир, сидящий поблизости от первого. При этом тот, кто читает чужую газету, получает доступ к информации, за которую он не заплатил, так что налицо положительный внешний эффект. Но тому, кто купил эту газету, в данном случае безразлично, сколько еще людей сможет ее прочесть, его функция полезности от этого не уменьшается. В данном случае в основе внешнего эффекта лежит общность института, которому привержены оба агента, участвующие в создании этого эффекта. В роли такого института выступает коммуникативное средство – язык, обеспечивающий информационную связь между агентами.

Пребывание в чужой языковой среде делает невозможным создание подобного внешнего эффекта. Ни обрывки чужих бесед, ни читаемые в транспорте газеты не принесут вам информации, если система коммуникационных символов лежит вне пределов вашего понимания. В данном случае причина именно в различии институтов, которым привержены разные агенты.

Частные агенты, следующие одним и тем же институтам или шаблонам поведения, часто образуют достаточно стабильные группы, и их стабильность вытекает из факта устойчивости институтов, лежащих в основе их взаимодействия и позволяющих им создавать друг для друга положительные экстерналии. В этом, например, заключается «секрет» столь интенсивного общения между собою эмигрантов, попавших в чужеродную языковую среду.

В мире, где все блага являются ограниченными, редкими, выигрыш одного агента неизбежно означает проигрыш других. Такая ситуация, когда разные агенты придерживаются одних и тех же шаблонов поведения (институтов), при этом или помогая, или мешая друг другу, нередко имеет место и в экономике. В тех случаях, когда приверженность одним и тем же институтам порождает взаимные внешние выгоды для агентов, говорят, что они образуют сеть.

Сеть – это долгосрочная кооперация автономных участников, взаимодействие которых происходит на основе переговоров [2, с. 159]. Иначе, сеть – это совокупность частных агентов, создающих взаимные положительные внешние эффекты, благодаря приверженности одним и тем же институтам» (рутинам, алгоритмам поведения) или технологиям. Эти взаимные положительные внешние эффекты, создаваемые друг для друга участниками одной и той же сети, называют *сетевыми эффектами.* Блага, потребление которых способно создавать сетевые эффекты в сложившейся системе институтов, называют *сетевыми благами.* Приведенный пример показывает, что информационные продукты являются сетевыми благами.

Агенты, объединенные в сеть, в некотором смысле способны координировать свои действия и свой экономический выбор. При этом каждый из агентов при этом остается самостоятельным субъектом отношений, принимающим решения и характеризующимся собственным экономическим поведением, которое может быть более или менее рациональным и более или менее успешным. Обратим внимание на то, что объединение агентов в сеть не предполагает ни равноправия коммуникаций между ними, ни наличия единого коммуникативного пространства и единых критериев успешности их экономического поведения.

Выявленные и устойчивые предпочтения одних и тех же рутин, объединяющие агентов в сеть, строго говоря, порождают как положительные, так и отрицательные экстерналии. Если предпочитаемые рутины касаются пользования абсолютно ограниченным, исчерпаемым ресурсом (объем которого не может быть в надлежащей степени увеличен, даже если мы расположены затратить необходимый для этого труд), то агенты, как правило, создают отрицательный взаимный внешний эффект. Если речь идет о неисчерпаемом ресурсе или о легко тиражируемом ресурсе, ограниченность которого может быть без проблем преодолена (например, технологическая информация), то взаимный внешний эффект, как правило, положителен.

Экономические основы эпохи информационных технологий построены на том, что ценность информационных продуктов вытекает из их множественности. Распространение информационных технологий приносит огромный положительный внешний эффект для пользователей, которые начали раньше использовать их. В этом заключается секрет достаточно широкой распространенности бесплатного, безвозмездного оказания информационных услуг целым рядом крупнейших информационных компаний, а также продажи некоторых информационных продуктов по ценам, близким к их себестоимости. Прибавим к этому и тот факт, что незаконное, несанкционированное копирование многих информационных продуктов (например, программам для персонального компьютера) намного дешевле, чем любые попытки защитить их от копирования.

Информационные блага (товары и услуги) становятся тем ценнее для пользователей, чем они многочисленнее, и стоят для потребителя тем меньше, чем они лучше и важнее. Продолжая эту логику, можно заметить, что в информационном обществе наиболее полезными должны быть те вещи, которые бесплатны [3].

Информационная парадигма в экономической науке, таким образом, должна исходить из предположения, что человек живет в *изобильной* Вселенной, в которой всего, что нужно, хватит всем, и основная проблема заключается лишь в том, чтобы суметь извлечь это из окружающего мира и правильно использовать. Принятие данной предпосылки означает, что Парето-оптимальное состояние экономики, при котором нельзя увеличить функцию полезности ни одного субъекта, не уменьшая при этом функции полезности других, является неправдоподобной абстракцией, на которой невозможно строить ни логические обоснования теоретических выводов, ни рекомендации по разработке практических решений.

Концепция Парето-оптимальности давно и справедливо связывается с неоклассической доктриной и имеет смысл лишь в предположениях, из которых исходит неоклассический синтез, а именно: информация в обществе полна и симметрична, решения принимаются агентами мгновенно и без издержек, а функции полезности агентов во времени неизменны.

Однако небезразлично также, о каких благах идет речь. В теоретических построениях данной концепции молчаливо подразумевается, что все блага в обществе являются чисто частными. Однако в обществе обращается большое количество благ, к которым данное предположение неприменимо. Скажем, информация как благо неконкурентна в потреблении, то есть одна и та же информация может потребляться разными агентами одновременно и в полном объеме. Например, один и тот же телеканал может смотреть тысяча зрителей одновременно, не мешая друг другу, и каждый зритель при этом будет потреблять необходимую ему информацию в полном объеме, причем подключение следующего, тысяча первого, зрителя к тому же каналу ничего для этой тысячи не изменит. Поэтому экономические реальности информационного производства противоречит концепции Парето-оптимальности, а вместе с ней и косным построениям неоклассического синтеза, направленным на осмысление экономики индустриального производства.

Но мир устроен совершенно неэкономическим образом, в том смысле, что вещи, наиболее нужные и полезные для человека, – воздух и солнечный свет – бесплатны и не требуют никаких усилий для их потребления. Однако в маржиналистской доктрине, в которой отражаются реальности индустриального экономического мира, трансформируется этот закон природы в обратную сторону, что побуждает искать источник ценности благ в их редкости, в их недоступности для человека. В грядущей информационной эпохе будет восстанавливаться изначальная гармония – состояние, в котором самые ценные блага бесплатны и широко распространены.

Проведенные рассуждения позволяют утверждать, что для информационного общества, для «новой» экономики наличие сетевых эффектов естественно, оно составляет неотъемлемую часть институционального устройства соответствующих макросистем.

Однако в рамках одной и той же сети взаимоотношения агентов не столь просты, как порой представляется теоретикам «новой экономики», причем эти сложности вытекают именно из их склонности к использованию одинаковых рутин, шаблонов поведения. Например, если предположить, что большинство пользователей систем сотовой связи предпочитает звонить в одни и те же часы, то они будут мешать друг другу в силу того, что сотовые ячейки в эти часы будут перегружены. Аналогичным образом возникают пробки на автомобильных трассах при наличии относительно свободных путей объезда. В приведенных примерах основой отрицательного взаимного внешнего эффекта являлась ограниченность (редкость) пространственного и временного ресурсов.

Известный представитель институционализма Томас Де Грегори утверждал, что информация является «ресурсом ресурсов», она способна замещать собою любые материальные ресурсы, тем самым в известном смысле преодолевая их ограниченность [4]. Однако мы вынуждены добавить, что информация не всегда способна преодолеть редкость таких фундаментальных ресурсов, как пространство и время.

Разумеется, редкость пространства также преодолевается при помощи технологических решений, например, авиационный транспорт или метрополитен, предполагающие использование воздушного и подземного пространства, строительство многоэтажных домов, прокладка

скоростных шоссейных дорог или дорожных развязок на разных уровнях. Ограниченность времени пытаются преодолеть при помощи современных средств коммуникации и вычислительной техники, ускоряющих передачу информации и возможность принятия решений. Но эти факты не снимают ограниченности пространственного и временного ресурсов.

Этот важный вывод необходимо иметь в виду, характеризуя развитие кластеров в региональной экономике. На наш взгляд, нельзя забывать о том, что наряду с положительными внешними эффектами в рамках кластеров формируются и отрицательные. Агенты, входящие в один кластер, конкурируют друг с другом за ресурсы – трудовые, энергетические, статусные и т. д., не говоря уж о пространственной дислокации производственных процессов.

В некоторых случаях отрицательные внешние эффекты, вытекающие из совместного использования редких ресурсов всеми агентами кластера, могут быть сведены к минимуму за счет правильно организованного ресурсопользования, при котором агенты кластера сообща используют ограниченный ресурс. С позиции институциональной организации это напоминает «bubble-принцип», когда предприятия, входящие в один экологический «пузырь», вынуждены договариваться между собой и сообща решать, инвестиции в очистку каких производственных процессов в рамках этого пузыря дадут максимальный эффект. Потребление любого ресурса можно организовать в режиме разделенного пользования, например, люди, временно свободные от работы на машиностроительном заводе, могут быть заняты на автотранспортном предприятии или в сфере общественного питания на предприятиях того же кластера. Оборудование, находящееся в собственности какого-либо предприятия и временно не используемое им в производственных процессах, может использоваться другими хозяйственными агентами и т. д.

В силу возможности совместного использования производственных мощностей или площадей малые фирмы, входящие в кластерно-сетевые структуры, становятся более жизнеспособными и на основе взаимодействия с другими агентами получают доступ к ресурсам, которые непосредственно им не принадлежат.

Однако в целом конкуренция за ресурсы неизбежно создает отрицательные внешние эффекты, поэтому от непротиворечивой, идиллической картины при описании принципов и механизмов функционирования кластера необходимо, по-видимому, отказаться. Более реалистичная картина предполагает необходимость согласования частично противоречивых экономических интересов в рамках институциональных механизмов, разрабатываемых совместно агентами, входящими в кластер.

Эти внешние потери, вытекающие из факта редкости совместно используемых ресурсов, тем значительнее, чем сильнее представлено в кластере индустриальное производство, и тем меньше, чем сильнее развито информационное производство. Но даже в рамках информационного производства отрицательные эффекты в каком-то объеме все равно возникают вследствие неустранимой редкости фундаментальных ресурсов – времени и пространства, сообща используемых входящими в кластер агентами.

Таким образом, сетевые эффекты, при всей их значимости, неспособны окончательно снять противоречия, вытекающие из факта объединения агентов в сеть. Тем не менее, устойчивость состава агентов, входящих в сеть, позволяет предположить, что внешние выгоды все же превалируют над внешними издержками. Любой вид объединения возможен (в предположении рационального поведения агентов) только при условии, что в составе этого объединения каждый агент выигрывает больше, чем вне его.

Существуют также ситуации, в которых агент вынужден принимать решения в отсутствии надежных критериев эффективности. В таких случаях наиболее редким ресурсом является время. Решение, принятое в стесненных по времени условиях, редко бывает успешным в долгосрочной перспективе, но менять однажды принятое решение может оказаться слишком дорого для агента: издержки адаптации и прочих трансакций, вытекающих из «смены курса», могут превосходить потенциальные предельные выгоды, получаемые от оптимизации своей траектории. В таких случаях имеет место так называемый QWERTY-эффект [4]. Институциональный фильтр, который в данном случае закрепляет неоптимальный выбор, называется path dependency – зависимость от предшествующей траектории развития (эффект колеи).

В некоторых случаях говорят, что приверженность фирмы инновационным процессам освобождает ее от проблемы path dependency. Если у нее хватает сил изменить технологии, на которых основан производственный процесс, то зависимости от предыдущих решений для нее как бы не существует.

На самом деле никакие фирмы, в том числе самые наукоемкие, не могут быть свободны от проблемы path dependency [5, с. 4]. Но для них зависимость от предшествующих траекторий выражается не в технологиях, которым они привержены, и не в методах организации производства (они меняются в зависимости от технологических изменений), а в системе управления знаниями. Когда управляющая знаниями оболочка создана, ее наполнение становится делом техники, сами знания при этом могут меняться, как слайды в диапроекторе, до тех пор пока не наберется нужный набор информации, который позволит организовать выпуск очередного инновационного продукта. «Застревание» в старой, не отвечающей новым реальностям, оболочке управления знаниями, – это опасность path dependency для инновационной фирмы.

Следует подчеркнуть, что по мере развития информационного производства возможности создания сетевых эффектов возрастают. В эпоху индустриального производства наиболее естественным способом выживания малой фирмы, работающей в сфере промышленности, была ее привязка к более крупной фирме на основе прямых длительных хозяйственных связей. В эпоху информационного производства формирование сетевых структур одинаково доступно для крупных и малых фирм, причем малые фирмы могут выступать в роли сетевых координаторов, организующих совместные процессы принятия решений и распределения ресурсов.

Сетевые структуры поощряют развитие так называемых открытых инноваций. Долгое время считалось, что любое решение, доступное для копирования, не может быть источником конкурентных преимуществ. Однако последние полтора-два десятка лет убедительно доказали, что как технологические, так и управленческие решения ничуть не становятся менее эффективными от того, что их могут заимствовать другие агенты.

Последствия внедрения технологических и управленческих инноваций зависят от сложившейся институционально-организационной структуры отдельных фирм, поэтому копирование того или иного решения далеко не всегда приносит пользу копирующей его фирме. Подобно тому, как буквы алфавита для всех одинаковы, а правописание у каждой своё, так же и технические решения приносят совершенно разный эффект различным фирмам, пытающимся адаптировать его к своим производственным процессам. Этот факт повышает специфичность компетенций инжиниринговых фирм, готовых обеспечить управление технологическими сдвигами для компаний различных отраслей и профилей деятельности.

Распространение открытых инноваций в рамках сетевых структур открывает еще один источник повышения конкурентоспособности малых фирм, способных гибко видоизменять производственные процессы в зависимости от характера текущих задач и наличия определенных инструментов их решения.

Таким образом, участие в сетевых структурах позволяет малым фирмам эффективно формировать пространство возможностей, в котором впоследствии делается экономический выбор, вместо того, чтобы следовать сложившимся шаблонам принятия решений. Взаимное обучение на опыте других участников сети открывает серьезные перспективы экономического развития участникам сетевых структур. Чем более интеллектуальной и обучаемой является малая фирма, тем лучше она способна воспользоваться широким кругом возможностей, происхождение которых обусловлено наличием сетевых эффектов.

Литература

1. Предпринимательство в конце XX века / А.А. Дынкин [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 312 с.

2. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория : учебник / А.А. Аузан [и др.] ; под ред. А.А. Аузана. – 2-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 447 с.

3. Hawken, P. The Next Economy / P. Hawken. – N.Y. : Ballantine, 1983. – 215 с.

4. Томас Де Грегори: официальный сайт. – Режим доступа : http://www.uh.edu/~trdegreg/. – Дата доступа : 11.06.2015.

5. Nizhegorodtsev, R.M. Network effects and institutional filters: A piece of new reality for economic systems of systems / R.M. Nizhegorodtsev // International Congress on Ultra Modern Telecommunications and Control Systems (ICUMT-2010), Moscow, 18–20 October 2010 [CD-publication]. – Paper #517353. –Moscow, 2015. – 5 p.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.08.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 336.221:334.01

Налогообложение в системе мер элиминирования теневой экономики в Республике Беларусь

А.Г. Казарян, Н.В. Бонцевич

С институциональной позиции анализируются меры по минимизации последствий от теневой экономики в Республике Беларусь. Показаны пути совершенствования налогового законодательства и как следствия – развития предпринимательских структур и сокращения правонарушений в вопросах укрывательства от уплаты налогов.
Ключевые слова: теневая экономика, налоговое законодательство, налогообложение, уклонение от налогов, контроль.

Measures to minimize the effects of the shadow economy in the Republic of Belarus are analyzed from an institutional position. The ways to improve tax legislation and as a consequence – development of business structures and reduction of abuses in the issues of sheltering from taxes are considered.
Keywords: shadow economy, tax laws, taxation, tax evasion, control.

Государственная налоговая служба в республике создана постановлением Совета Министров БССР от 02.04.1990 г. № 78 в системе Министерства финансов БССР в составе – Главная государственная налоговая инспекция Минфина БССР и 185 государственных налоговых инспекций по областям, городам, районам и районам в городах.

В структуру Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (МНС) входят 155 инспекций МНС, из них 7 – по областям (Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской) и г. Минску, 148 – по районам, городам (Бобруйску, Новополоцку, Пинску и так далее), районам в городах (инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Ленинскому району г. Минска, по Октябрьскому району г. Минска, по Советскому району г. Минска и т. д.) [1].

В Беларуси обнародован реестр коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере с января 2013 г. на сайте Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. 4859 организаций на начало февраля 2015 г. находятся в этом реестре и их число с каждым днем изменяется [2].

Наиболее распространенными нарушениями действующего законодательства являются те, которые связаны с тем, что субъекты предпринимательской деятельности вообще не расположены по месту нахождения, указанному в учредительных документах коммерческой организации, и они не уведомили в установленном порядке и сроке регистрирующий орган об изменении места нахождения (3538 нарушений, что составляет 72,8 % от всех зарегистрированных отступлений от закона). При этом или не предоставляются без уважительной причины документы, запрашиваемые Министерством по налогам и сборам, Комитетом государственного контроля, Министерством финансов, правоохранительными органами и судами, или соответствующие лица не являются по приглашениям в соответствующие органы [3].

Чуть больше 130 нарушений выявлено по причине установления признаков лжепредпринимательства согласно приговору суда либо бланки строгой отчетности субъекта предпринимательской деятельности и его текущие счета в банках, небанковский кредитно-финансовых организациях использовались в совершении преступлений в соответствии со ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (деятельность, осуществляемая без государственной разрешения (лицензии), когда такое разрешение обязательно, действия сопряженные с привлечением денежных средств, электронных денег, иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан, а равно незаконная предпринимательская деятельность, сопряженная с получением дохода в особо крупном размере) [4].

821 правонарушение в сфере предпринимательской деятельности связано с поступлением на счета субъектов предпринимательской деятельности суммы, превышающей 5000 базовых величин и при этом субъект предпринимательской деятельности не располагает сведениями об обстоятельствах осуществления предпринимательской деятельности, в результате которой поступили указанные средства; от имени субъекта предпринимательской деятельности действует не уполномоченное лицо либо печати, бланки документов с определенной степенью защиты и платежные документы переданы лицу, передача которому не допускается; смешанные правонарушения, который могут включать в себя сразу несколько абзацев пп. 1.1 Указа Президента РБ от 23 октября 2012 г. № 488 «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств» [3].

После попадания в этот реестр субъект хозяйствования подвергается проверкам соответствующих органов в целях выяснения допущенных правонарушений и рискует потерять свою деловую репутацию, что может привести к уменьшению прибыли и даже к банкротству. Для выхода из этого реестра достаточно устранить все правонарушения.

В Министерстве по налогам и сборам Республики Беларусь создано 13 различных отделов, деятельность которых имеет свои характерные признаки в соответствии с задачами и функциями того или иного структурного подразделения. С функциональной позиции деление налоговой структуры страны на отдельные звенья позволяет каждую работу выполнять особенно тщательно и с максимальной отдачей: отдел, выполняя часть работы, вносит свой вклад в развитие общего дела. В системе министерства работают высококвалифицированные специалисты узкого профиля, проходящие обучение на соответствующих курсах. Но это всего только одна сторона дела. Налоговая система страны – это единый механизм, осуществляющий деятельность по сбору налогов, информированию граждан об изменениях в налоговом законодательстве, контролированию деятельности организаций, пресечению нарушений. Линейно-функциональное структура данного министерства имеет очень серьезные недочеты: длительность процедур принятия решений (решение, принятое каким-либо отделом, должно быть утверждено вышестоящим лицом), трудность поддержки связей между различными функциональными подразделениями, отсутствие тесных взаимосвязей и взаимодействий между структурными подразделениями. Однако главная проблема на пути к успешной деятельности всего МНС РБ – чрезмерная заинтересованность в реализации целей и задач только своих подразделений. Ведь, например, отдел информационно-разъяснительной работы, занимающийся имиджем МНС, не интересуется деятельностью главного управления контроля, а иногда может сложиться ситуация, по которой одному отделу будет выгодно (не только с финансовой точки зрения) невыполнение плана или недочеты в работе другого отдела, что, безусловно, скажется на деятельности всего государственного аппарата. Иными словами идет борьба между отделами за звание лучшего.

Следует отметить, что среди отделов Министерства по налогам и сборам не нашлось место управлению по вопросам минимизации неформальной экономики. Работа данного отдела должна была заключаться в пресечении попыток неуплаты налогов и создания и развития лжепредпринимательства. Управление в своей деятельности способствовало бы увеличению налоговых поступлений в бюджет не за счет увеличения ставки налогов, а за счет обнаружения фактов недобросовестности субъектов хозяйствования. Создание одного отдела, занимающегося только вопросами теневой экономики, позволило бы скоординировать работу соответствующих служб, снабжая высококвалифицированных специалистов необходимой информацией в кратчайшие сроки.

МНС страны для достижения лучшего результата обязано работать как единый слаженный механизм, подобный швейцарским механическим часам, где каждое звено системы выполняет работу определенного объема. На наш взгляд, для того, чтобы избежать неэффективной работы, «деталям» функционирования механизма структуры налогообложения необходимо уделить особое внимание в целях координации действий всех отделов и акцентировать внимание на работе всего МНС, а не каждого отдела в частности. Это касается прежде всего таких управлений, как управление методологии налогообложения организаций, управление учета налогов и ведомственного контроля, управление организации контрольной дея-

тельности, управление контроля подакцизных товаров; управление информационных технологий и отдел информационной безопасности и спецработы. Если, например, управление информационных технологий разработает новую автоматизированную систему управления (АСУ), основанную на использовании современных технологий, потратит на это большие финансовые средства, а отдел информационной работы не сможет обеспечить безопасность от несанкционированного вмешательства в деятельность АСУ, то работа отдела по управлению информационных технологий будет бесполезна. Большое значение следует уделить работе отдела по управлению международного налогового сотрудничества. Возраст принципов налогообложения Республики Беларусь чуть больше 20 лет, а это короткий срок для построения государственно важной системы. Например, во Франции в XIX в. зародились принципы становления современного налога на ценные бумаги, акцизов, налога на прибыль, а всеми любимый налог на добавленную стоимость зародился еще в 1954 г. Изучение истории налогообложения в различных развитых странах поможет нам избежать тех ошибок, которые ими были сделаны в процессе построения налоговой системы.

Одна из главных проблем любого, в том числе и белорусского, общества заключается в нежелании платить налоги вообще. Законодатели в большинстве стран мира, в том числе Беларуси, видят выход из сложившейся ситуации в системе санкций за неуплату налогов. Отчасти данный метод приносит свои плоды, ведь нарушивший закон заплатит штраф в государственную казну, а это ничто иное, как привлечение дополнительных средств в бюджет. Но именно тяжелое налоговое бремя, вне зависимости от жесткости санкций, способствует развитию уклонения от уплаты налогов и теневой экономики. Ведь каждый субъект налогообложения заинтересован в снижении налоговой нагрузки и иногда делает это даже незаконным путем. Одним из мер, позволяющих «сэкономить» на поступлениях в бюджет, является выплата зарплаты «в конвертах». В Гомельской области в 2012 г. зафиксировано 282 нарушения, связанных с выплатой зарплаты «в конвертах», что привело к доначислению в областной бюджет 750,5 млн. белорусских рублей. Уже к 2013 г. количество нарушений увеличилось на 37 и составило 319, что повлекло за собой начисление средств в бюджет области на сумму 1061,1 млн. белорусских рублей, то есть на 311,2 млн. белорусских рублей больше, чем в 2012 г. В органы финансовых расследований для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовных дел в 2012 г. направлено 125 дел, из которых 12 уголовных дел было возбуждено, а в 2013 г. – уже 183 дела, из которых возбуждено 9 уголовных дел, то есть количество направленных материалов в органы финансовых расследований на период 2012–2013 г. увеличилось на 58 дел.

В 2014 г. картина изменилась в, казалось бы, лучшую сторону: более чем в два раза уменьшилось количество нарушений по выплате заработной платы «в конвертах» и составило на конец года 114, а средства, поступившие в областной бюджет начисления уменьшились почти на 500 млн. белорусских рублей и на конец года составили 576 млн. белорусских рублей. Количество материалов в 2014 г., направленных в соответствующие органы для возбуждения уголовных дел уменьшилось на 41, а возбуждено было 10 уголовных дел, то есть на одно больше, чем в 2013 г.

Но это только статистические данные. Неизвестно как изменилось бы количество выплат зарплаты «в конверте», если бы не вступил в силу с 1 июля 2014 г. закон, позволяющий индивидуальным предпринимателям (ИП) нанимать до трёх работников, не являющихся родственниками. ИП может работать по упрощенной схеме, где невозможно проследить такие нарушения [6].

В Российской Федерации трудовое законодательство не ограничивает работодателей в количестве сотрудников, которых они могут принять на работу. Например, предприниматель, желающий применять специальные налоговые режимы, должен учитывать ограничения по среднесписочной численности сотрудников, которые составляют:

– при упрощенной системе налогообложения – 100 человек;

– при патентной системе налогообложения – 15;

– при Едином налоге на вмененный доход – 100 человек.

При превышении указанных ограничений предприниматель должен будет уплачивать налоги только в рамках общей системы налогообложения.

Кроме того, следует иметь в виду, что если среднесписочная численность сотрудников предпринимателя превысит 50 человек, то отчётность он должен будет сдавать в электронном виде. А если этот показатель превысит 100 человек, то сдавать отчетность исключительно в электронном виде нужно будет и в налоговую.

Отметим, что увеличение количества сотрудников может быть связано с тем, что предприниматель обязан организовывать рабочие места для инвалидов. Например, квота для приема на работу инвалидов составляет:

– при численности работников больше 100 человек – от 2 до 4 % среднесписочной численности;

– при численности работников от 35 до 100 человек – не выше 3 % среднесписочной численности.

Кроме того, если ИП претендует на льготы, то ему следует помнить, что статус субъектов малого и среднего предпринимательства подразумевает ограничения по численности сотрудников:

– от 101 до 250 человек включительно – для средних предприятий;

– до 100 человек включительно – для малых предприятий; среди малых предприятий выделяются микропредприятия – до 15 человек [7].

Что же нам мешает перенять данный опыт развития бизнеса в стране? Согласно исследованиям Всемирного банка в рейтинге Doing Business Республика Беларусь заняла 63 место, а Российская Федерация – 92 место, а по рейтингу глобальной конкурентоспособности бизнеса Россия в 2014 г. заняла 64 место, а Беларусь вообще не включили в данный рейтинг. Следует учесть тот факт, что показатель Doing Business имеет огромные недостатки, которые ставят под сомнение доверие к исследованию: не учитывается экономическое состояние и структуру финансовой системы государства и рейтинг страны формируется по одному городу. То есть, составив рейтинг по г. Минску и сравнив его с рейтингом г. Москвы Всемирный банк сделал соответствующие выводы. Что же касается привлекательности инвестиций, то Беларусь заметно отстает от России: в 2014 г. по результатам исследования инвестиционной привлекательности стран мира за 2013 г., Россия заняла 3 место, уступив только США и Китаю. Учитывая важность инвестиций в белорусскую экономику, нам следует изучить опыт РФ в плане налоговой политики и постараться реализовать его с учетом особенностей Республики Беларусь.

Для совершенствования налоговой системы Беларуси следует учитывать опыт зарубежных стран, особенно Российской Федерации. Наше историческое развитие тесно связано с этой страной, некогда входившей в качестве БССР в состав СССР. Использование международного опыта в деле налогообложения позволит повысить уровень жизни в стране, привлечь дополнительные инвестиции, наладить торговые взаимоотношения с ближним и дальним зарубежьем, преодолеть экономические и валютные кризисы.

Заключение. Несмотря на всю историю построения системы налогообложения, на сегодняшний день этот процесс в полной мере еще не завершен. Каждое государство имеет свои особенности функционирования налоговых служб, свои методы контроля и надзора за субъектами хозяйствования, свои черты и размеры уплаты налогов. Невозможно построить единую налоговую систему, ведь каждое государство имеет свои особенности в развитии, но можно и нужно учитывать зарубежный опыт функционирования налогообложения.

Налоговая система Республики Беларусь имеет свои недостатки. Для совершенствования налоговой системы Беларуси следует учитывать опыт зарубежных стран, особенно Российской Федерации. Наше историческое развитие тесно связано с этой страной, некогда входившей наряду с РБ в состав СССР. Использование международного опыта в деле налогообложения позволит повысить уровень жизни в стране, привлечь дополнительные инвестиции, наладить торговые взаимоотношения с ближним и дальним зарубежьем, преодолеть экономические и валютные кризисы. Создание отдела по борьбе с теневой экономикой позволило бы сократить количество правонарушений в вопросах укрывательства от уплаты налогов и лжепредпринимательства, что в свою очередь позволило бы, не повышая ставок налогов, увеличить поступления в государственный бюджет Республики Беларусь.

Литература

1. История налоговой службы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nalog.gov.by/ru/history_nalog_sl_ru/. – Дата доступа : 13.09.2015.

2. В Интернете размещен реестр коммерческих организаций и ИП с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gb.by/novosti/nalogi/v-internete-razmeshchen-reestr-kommerche. – Дата доступа : 14.09.2015.

3. О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств [Электронный ресурс] : Указ Президента РБ от 23 октября 2012 г. № 488. – Режим доступа : http://www.pravo.by. – Дата доступа : 15.09.2015.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа :http://normativka.by/nor/library/#/data/document/text/. – Дата доступа : 15.09.2015.

5. Структура Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nalog.gov.by/ru/. – Дата доступа : 6.08.2015.

6. О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными предпринимателями и иными физическими лицами [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 16 мая 2014 г. № 222. – Режим доступа : http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31400222&p1=1. – Дата доступа : 18.09.2015.

7. Кадры и оплата труда. Сведения о численности работников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://its.1c.ru/db/answers#content:2626:hdoc/. – Дата доступа : 19.02.2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.07.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 657.372

Совершенствование оценки деятельности субъектов хозяйствования в условиях экономической интеграции

Т.И. Панова

Рассматриваются изменения в подходах к оценке финансовых результатов, их приближение к принципам статического учета. Раскрывается механизм исчисления прибыли, его связь с экономической категорией собственный капитал. Вносятся предложения по совершенствованию учета распределения прибыли в рамках современного плана счетов Республики Беларусь.
Ключевые слова: прибыль, финансовый результат, собственный капитал, статическая теория учета, динамическая теория учета.

The article deals with the changes in the approaches to the assessment of financial performance, their approach to the principles of static records. The mechanism of calculating profits, its relation to economic equity capital is considered. The suggestions for the improvement of the distribution of profits in the modern chart of the Republic of Belarus are made.
Keywords: income, financial result, equity, static theory of accounting, accounting dynamic theory.

Введение. Интеграция в мировое экономическое сообщество требует определенных изменений в национальных стандартах бухгалтерского учета, совершенствования многих методик и даже пересмотра некоторых учетных концепций и взглядов. В первую очередь это касается оценки эффективности деятельности субъектов хозяйствования. Классические показатели для оценки финансовых результатов – это, как известно, прибыль и рентабельность. Существует целая система показателей прибыли, которые различаются степенью обобщения информации о доходах и расходах организации. Такой подход соответствует динамической концепции учета, которая не только много лет господствовала в нашей стране, но являлась единственно возможной.

В финансовом учете зарубежных стран прибыль исчисляют несколькими методами. Так, по данным пробного баланса (сальдовой ведомости по синтетическим счетам) можно определить финансовый результат двумя методами: как разницу между доходами и расходами и как прирост собственного капитала. Последний метод соответствует статической теории бухгалтерского учета, ориентированной на оценку финансового состояния организации.

С 2012 г. в отечественную бухгалтерскую отчетность введен новый показатель – совокупная прибыль, который должен характеризовать совокупное изменение величины собственного капитала организации. Таким образом, впервые за обозримый период в нашей учетной практике финансовый результат исчисляется, помимо привычного алгоритма, еще и согласно статической концепции учета – как изменение собственного капитала. Можно ли расценивать данные изменения в отечественных правилах учета как переход на международные стандарты?

Основная часть. В теории учета финансовые результаты рассматривают с позиции статической или динамической концепции. Согласно статической теории, финансовый результат определяется как прирост (уменьшение) собственного капитала за отчетный период, не считая взносов и изъятий собственника. Динамическая теория бухгалтерского учета рассматривает прибыль как превышение доходов организации над ее расходами.

В Республике Беларусь принят динамический подход к определению прибыли. Финансовый результат определяют путем сопоставления доходов и расходов за отчетный период. При этом доходы и расходы можно классифицировать по разным признакам. У нас принята классификация по видам деятельности: текущая, инвестиционная, финансовая [1].

Доходы и расходы по текущей деятельности учитываются на счете 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности»: по кредиту счета – доходы, по дебету – расходы. Доходы и

расходы по инвестиционной и финансовой деятельности отражаются на счете 91 «Прочие доходы и расходы». Надо отметить, что понятие текущей деятельности в нашем законодательстве трактуется гораздо шире, чем процесс реализации продукции (товаров, работ, услуг). Сюда включаются операции по выбытию краткосрочных активов (продажа, безвозмездное поступление, излишки, недостачи материальных ценностей, денежных средств); создание и списание резервов по сомнительным долгам и других оценочных резервов; выплаты работникам, носящие характер социальных льгот (материальная помощь, вознаграждение по итогам работы за год, подарки и т. п.); штрафные санкции (начисленные к уплате и к получению) и ряд других, в том числе чрезвычайные доходы и расходы. Таким образом, информационное наполнение счета 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности» в Типовом плане счетов Республики Беларусь шире, чем в российской системе учета, однако методика отражения доходов и расходов одинаковая, и она соответствует динамической концепции бухгалтерского учета – сопоставлению доходов и расходов организации за отчетный период.

Финансовый результат деятельности организации с позиции статической теории учета рассматривается как прирост (или уменьшение) ее собственного капитала, не считая изъятий и взносов собственника. По-видимому, появившийся в белорусской модели учета новый показатель «совокупная прибыль» предназначен как раз для исчисления финансового результата в соответствии с данной концепцией. Его предлагается определять как сумму чистой прибыли, результатов переоценки долгосрочных активов, не относимых на счета прибыли, и изменения собственного капитала за счет других операций, которые не включаются в чистую прибыль [2]. Чаще всего на практике к величине чистой прибыли добавляют только прирост фондов переоценки, учитываемых в составе добавочного капитала. В результате совокупная прибыль характеризует изменение собственного капитала организации за отчетный период.

Рассмотрим экономическую сущность данного показателя. Собственный капитал определяют как часть стоимости активов организации, достающуюся его собственникам после погашения всех обязательств, то есть он отражает величину средств, принадлежащих собственникам организации. Величина собственного капитала рассматривается в широком смысле как некий запас прочности в случае неэффективной деятельности предприятия в будущем и определенная гарантия защиты интересов кредиторов.

Состав собственного капитала в коммерческих организациях Республики Беларусь представлен на рисунке 1.

По своему происхождению источники средств, образующие собственный капитал, можно разделить на две группы:

– средства, вложенные собственниками;

– средства, заработанные (накопленные) организацией.

До недавнего времени был еще третий источник образования собственных средств – безвозмездные поступления и целевое финансирование в рамках одного собственника, но в настоящее время их учитывают как доходы, то есть относят на увеличение прибыли. Аналогично отражают и безвозмездную передачу имущества – как расходы, не затрагивающие величину собственного капитала.

К средствам, вложенным собственниками, относят уставный капитал, эмиссионный доход и курсовые разницы, возникающие при формировании уставного капитала. Средства, накопленные организацией в процессе деятельности, – это фонды переоценок статей баланса; накопленная (капитализированная) прибыль, которая может выступать в виде нераспределенной прибыли или образованных за счет нее фондов.

Каждая составная часть собственного капитала является независимым объектом учета, однако они тесно взаимосвязаны.

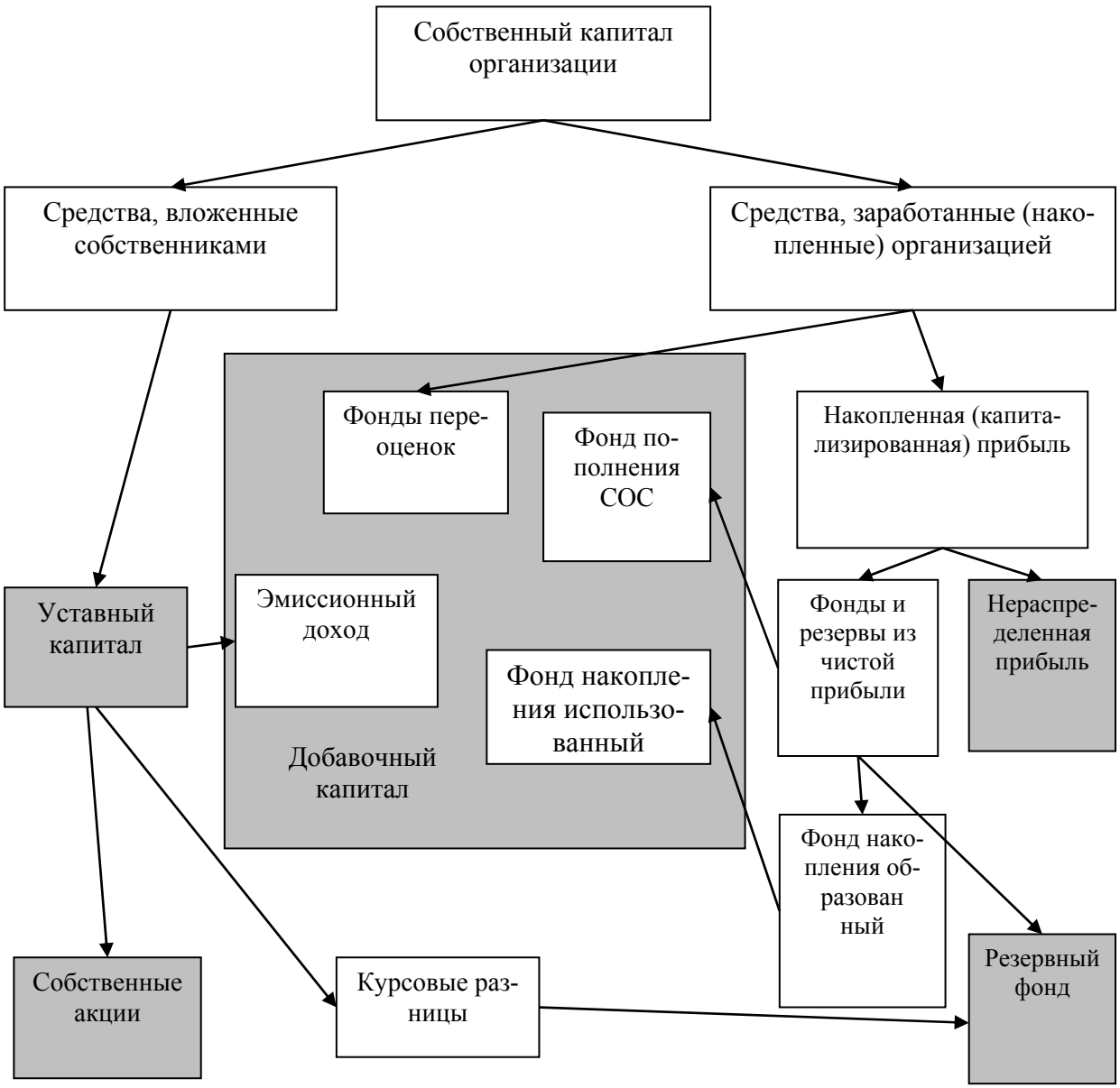


Рисунок 1 – Состав собственного капитала организации

Уставный капитал – это сумма средств, первоначально вложенных учредителями (собственниками) при создании организации. Он является коллективной собственностью учредителей и одновременно собственностью организации как юридического лица. С одной стороны, уставный капитал характеризует величину имущества, право собственности (или право хозяйственного ведения, оперативного управления) на которое перешло к организации, а с другой стороны, уставный капитал определяет сумму обязательств перед учредителями со стороны организации. Уставный капитал является исключительно первоначальным инвестированием капитала. Любые источники средств, образующиеся в процессе деятельности организации, представляют собой лишь прирост общей величины собственного капитала и никак не затрагивают величину уставного капитала. Размер уставного капитала определяется уставом предприятия и учредительным договором.

Особенности формирования уставного капитала зависят от организационно-правовой формы предприятия. Уставный капитал государственного предприятия отражает сумму средств, выделенных государством, как собственником, из бюджета в момент создания предприятия для осуществления его деятельности. Уставный капитал негосударственных коммерче-

ских структур формируется за счет средств, внесенных учредителями, и поэтому представляет собой коллективную собственность нескольких юридических или физических лиц. Акционерные общества формируют уставный капитал путем первичной эмиссии акций. В некоммерческих организациях понятие уставный капитал отсутствует. Потребительские общества, кооперативы и союзы формируют паевой фонд за счет вносимых его членами паевых взносов.

При формировании уставного капитала акционерных обществ может образовываться дополнительный источник – эмиссионный доход, если акции размещены по цене, превышающей номинальную стоимость. Еще один дополнительный источник – курсовые разницы, может возникнуть при внесении в уставный капитал взносов учредителей в иностранной валюте. Необходимо отметить, что и эмиссионный доход, и курсовые разницы образуются лишь на этапе формирования уставного капитала организации. Никаких изменений в данных элементах собственного капитала в процессе хозяйственной жизни не происходит. Также не должен изменяться и размер уставного капитала, он должен соответствовать величине, зафиксированной при регистрации организации. Исключения составляют случаи дополнительной эмиссии акций или увеличения их номинальной стоимости, выбытия учредителей или прием новых членов, дополнительные взносы или изъятия учредителями некоторой суммы. Все подобные операции приводят к изменению размера уставного капитала и подлежат регистрации. Они не относятся к текущей финансово-хозяйственной деятельности.

Следовательно, изменение величины собственного капитала в результате функционирования коммерческой организации возможно только за счет средств, накопленных ею в процессе хозяйственной деятельности. Как видно по схеме на рисунке 1, в обеспечении прироста капитала может быть два направления: за счет переоценки активов или за счет капитализации прибыли.

Как показывает анализ отчетности отечественных организаций, в основном величина их капитала возрастает за счет фондов переоценки, что не связано с результатами финансово-хозяйственной деятельности организации, а определяется внешними факторами. Прирост капитала, который напрямую зависит от эффективности деятельности организации и политики распределения прибыли, образуется за счет накопления нераспределенной прибыли и образованных за счет нее фондов.

Капитализации подлежит чистая прибыль, которая списывается в конце отчетного года с бухгалтерского счета 99 «Прибыли и убытки» на счет 84 «Нераспределенная прибыль». С этого момента использовать данную прибыль можно только на выплату дивидендов или доходов учредителям, создание и пополнение резервного капитала, а также фондов финансового обеспечения развития организации (фонда накопления, фонда финансового обеспечения прироста имущества). Данные фонды предназначены для финансирования приобретения объектов основных средств производственного назначения и социальной сферы, обеспечения строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения производственных мощностей, приобретения нематериальных активов. Фонд накопления является финансовым источником капитальных вложений. То есть он призван обеспечить расширенное производственное развитие предприятия на основе самофинансирования, так как средства амортизационного фонда могут обеспечить лишь его простое воспроизводство.

Надо отметить, что в настоящее время нераспределенную прибыль нельзя направлять на выплаты работникам вознаграждений по итогам работы за год, прочие социальные нужды коллектива, на благотворительные цели. В связи с этим практически потеряло экономический смысл выражение «расходы за счет прибыли, остающейся в распоряжении организации». Все подобные расходы учитывают в составе расходов по текущей деятельности, то есть показатель чистой прибыли (и соответственно, нераспределенной прибыли) сформирован уже «за вычетом» данных расходов. Нераспределенная прибыль после выплаты дивидендов и доходов учредителям, по существу, представляет собой реинвестирование прибыли в активы предприятия, но она может быть использована и на покрытие убытков.

Для придания накапливаемой прибыли целевой направленности рекомендуется формировать фонд накопления по нормативу, определенному собственником. Норматив отчисле-

ний от прибыли в фонд накопления может быть предусмотрен в учредительных документах организации или устанавливается собственником (собственниками) ежегодно.

К сожалению, в плане счетов бухгалтерского учета в Республике Беларусь не предусмотрено специального счета для учета средств данного фонда. Его учитывают на том же счете, что и нераспределенную прибыль: по кредиту счета 84 «Нераспределенная прибыль/непокрытый убыток». Это затрудняет формирование информационной базы для анализа инвестиционных процессов, их планирования и прогнозирования.

Для обособления информации о величине средств, зарезервированных на финансирование развития организации, считаем необходимым ввести хотя бы отдельный субсчет 84-2 «Фонд накопления образованный», на котором будет накапливаться сумма прибыли, зарезервированная на цели накопления. Использование средств фонда отражается путем списания соответствующих сумм с дебета данного субсчета в кредит счета 83 «Добавочный фонд», субсчет 83-4 «Фонд накопления использованный». Таким образом, они остаются в составе собственного капитала организации и показывают сумму капитализированной прибыли.

Заключение. Бухгалтерский учет в каждой стране регламентирован и подчиняется национальным стандартам, но происходящие в стране и в мире экономические процессы требуют изменений в учетной практике, и стандарты бухгалтерского учета меняются. За многовековую историю учета его правила неоднократно изменялись в сторону то статической, то динамической концепции учета, и в настоящее время наблюдается очередной период перемен. Происходит смещение акцентов в сторону статической теории учета, побуждающей ориентироваться на нужды внешних инвесторов. Растет значимость категории собственного капитала, а следовательно, и потребность в совершенствовании его учета.

Литература

1. Инструкция по бухгалтерскому учету доходов и расходов, утв. постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.09.2011 № 102 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.minfin.gov.by. – Дата доступа : 13.02.2015.

2. Инструкция о порядке составления бухгалтерской отчетности, утв. постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 31.10.2011 г. № 111 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by. – Дата доступа : 13.02.2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 13.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 614.84:33-027.45

Классификация ущерба от пожаров в системе оценки потерь национальной экономики

И.А. Пахомова

Показана пожарная опасность как реальная угроза экономической безопасности страны. Рассматриваются компоненты «стоимости» пожара: полный ущерб от пожара и затраты на организацию защитной инфраструктуры. Обеспечение пожарной безопасности представляется как элемент защитной инфраструктуры.
Ключевые слова: пожарная опасность, экономическая безопасность, ущерб, защитная инфраструктура.

The article shows fire risk as a justifiable threat to country's economic security. It considers the «fire» worth components such as full damage caused by fires and costs of the organization of safety infrastructure. Ensuring fire safety is viewed as an element of safety infrastructure.
Keywords: fire risk, economic security, damage, safety infrastructure.

Введение. В современных мировых условиях мощь, достоинство и благополучие страны, и, как следствие, национальная безопасность определяются состоянием экономики. Интересы страны в экономической сфере являются ключевыми, поэтому обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу одних из важнейших национальных приоритетов [1, с. 132].

Экономическая безопасность – важнейший функциональный элемент, от которого зависит состояние и будущее развитие любой экономической системы. Она выступает гарантией независимости страны, условием обеспечения стабильности и эффективной жизнедеятельности общества, а также фактором возрождения и дальнейшего развития национального хозяйства. Экономическая система страны представляет собой сложную иерархическую структуру. В качестве объектов экономической безопасности выступают экономические отношения различного уровня:

– экономический уровень семьи – экономические интересы каждого гражданина страны;
– микроэкономический уровень – хозяйствующие субъекты;
– мезоуровень (региональный или отраслевой) – экономика субъектов хозяйствования и отраслей;
– макроэкономический уровень – экономика страны в целом.

В широком смысле слова под экономической безопасностью понимают процесс по созданию условий по устранению возможных негативных воздействий для жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства, как систему взаимосвязанных уровней: международного, национального, регионального, отраслевого, отдельных субъектов хозяйствования, личности, важнейшими составляющими которой являются производственная, социальная и экологическая сферы. Негативное воздействие потенциальных факторов и угроз на любой из уровней экономической безопасности может стать дестабилизирующим по отношению к личности, социальной, производственной или природной системе, привести к ущербу, дезорганизации или полному уничтожению [2, с. 140].

Одной из современных угроз экономической безопасности можно считать пожарную опасность страны. К проблемам оценки ущерба от пожаров, исследованию пожарной опасности, пожарного риска, их влиянию на устойчивость функционирования национальной экономики обращались такие известные зарубежные ученые, как Н.Н. Брушлинский, С.В. Соколов, П. Вагнер, В.А. Акимов. Для Республики Беларусь данная проблема остается еще малоизученной. До настоящего времени в республике нет методики, позволяющей оценить совокупный ущерб от пожара и все затраты, связанные с его предупреждением. Данное обстоятельство значительно препятствует реальной оценке эффективности деятельности по обеспечению пожарной безопасности в стране, сдерживает создание и использование новых образцов пожарно-технической продукции.

Основная часть. В наши дни даже самая развитая экономика ощущает серьезные удары от пожаров, причем их болезненность усиливается непредсказуемостью самого явления. За считанные часы и минуты в пылу пожара исчезают здания, заводы, цеха, леса, то, что составляет национальное богатство страны. Восстановление их приведет к затратам огромных финансовых средств, которые могли бы быть направлены на другие немаловажные цели (поддержание малообеспеченных слоев населения, создание рабочих мест и т. д.) [3, с. 12].

Во многих случаях после пожара предпринимательские структуры терпят банкротство, следствиями которого являются потеря работы персоналом и необходимость выплаты ему пособий по безработице; сокращение доходной части бюджета из-за уменьшения налоговых выплат; снижения объема выпускаемой предприятием продукции и уменьшение получаемой им прибыли. Все это приводит к ухудшению состояния рынка товаров, услуг, труда, капитала и т. д.

Рассмотрим непосредственно воздействие пожара на устойчивость функционирования национальной экономики (рисунок 1).

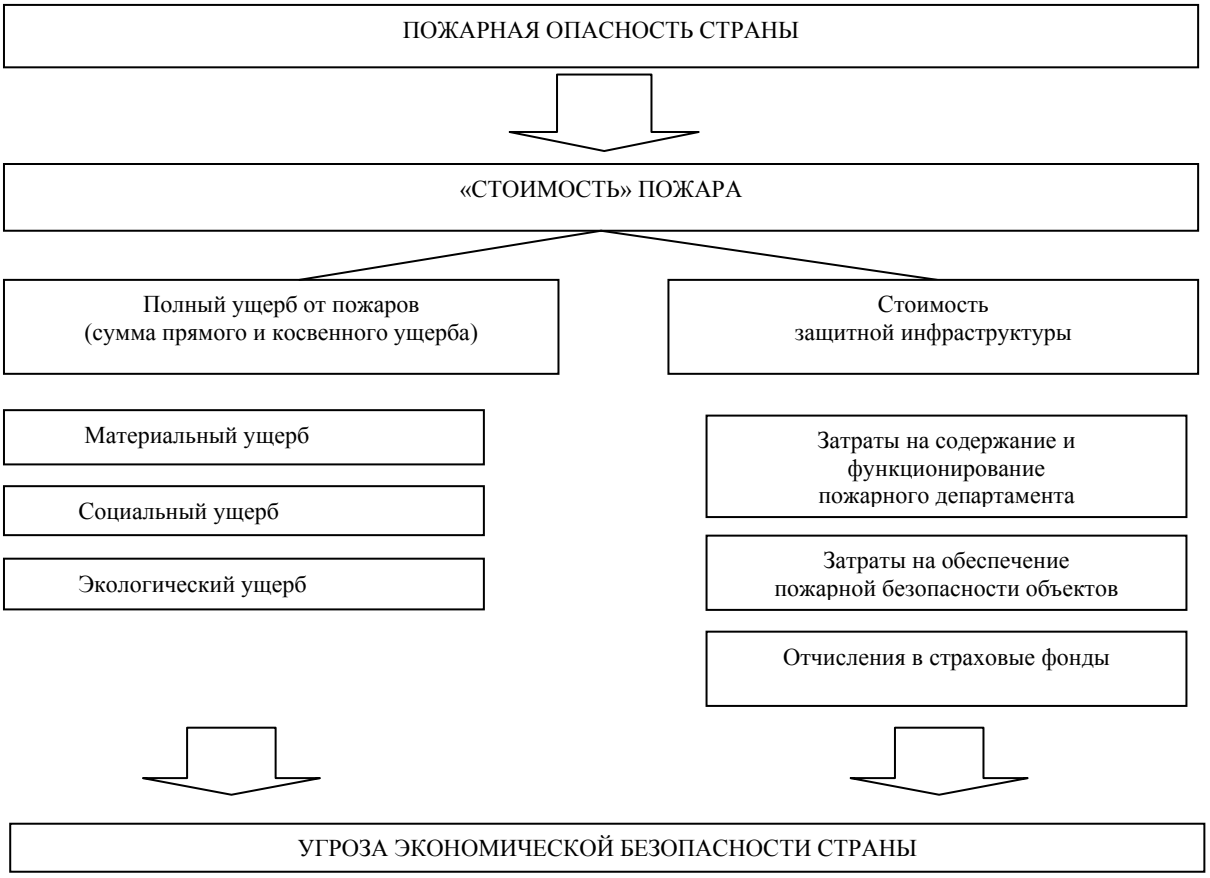


Рисунок 1 – Триада «пожарная опасность – «стоимость» пожара – угроза экономической безопасности страны»

В соответствии с нормативными документами «пожар – неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства», «пожарная опасность – опасность возникновения и развития неуправляемого процесса горения (пожара), приносящего вред обществу, окружающей среде, объекту защиты» [4, с. 18].

По статистике ущерб от пожаров, а также сумма средств и ресурсы, которые тратятся странами мира на обеспечение пожарной безопасности, ежегодно возрастают. Это подтверждает необходимость более точной экономической оценки всех затрат, связанных с пожарами, в том числе на предупреждение и ликвидацию пожаров, а также потерь от них. Такая оценка даст возможность не только точно оценить, во сколько обходится пожар каждой отдельной стране, но и позволит определить потенциальную пожарную угрозу.

Оценку «стоимости» пожаров осуществляют большинство развитых стран мира. До настоящего времени не сформировался единый подход к ее расчету [5, с. 4].

Рассмотрим влияние двух элементов «стоимости» пожара на устойчивость функционирования национальной экономики и, как следствие, на экономическую безопасность страны.

При оценке последствий пожара различают прямой, косвенный и полный ущерб [6, с. 280].

Под прямым ущербом в результате пожара понимаются потери и убытки всех представляющих интерес для жизнедеятельности человека объектов, которые попали в зону действия поражающих и вредных факторов пожара.

Косвенный ущерб включает потери, убытки и дополнительные затраты, которые понесут объекты, не попавшие в зону действия негативных факторов опасного явления и вызванные нарушениями и изменениями в сложившейся структуре хозяйственных связей, инфраструктуре, биоценозах, а также потери (дополнительные затраты), вызванные необходимостью проведения мероприятий по ликвидации последствий пожара.

Полный ущерб определяется на конкретный момент времени и является суммой прямого и косвенного ущербов.

Ущерб от пожара можно также классифицировать по сферам воздействия на экономический, социальный и экологический, каждый из которых включает в себя как прямой, так и косвенный ущерб [3, с. 24].

Экономический ущерб. По своей природе экономические потери от пожаров представляют собой некоторую часть ежегодных народнохозяйственных потерь, восполняемых за счет накопленного национального богатства страны через произведенный национальный доход.

Прямой экономический ущерб от пожара включает в себя:

– хозяйственный ущерб, который включает такие элементы как разрушение зданий и сооружений; выход из строя транспортных средств и оборудования; потери запасов сырья и готовой продукции и др.;

– затраты на локализацию и ликвидацию пожара.

Косвенный ущерб образуется в результате действия вторичных поражающих факторов чрезвычайной ситуации. В качестве элементов косвенного ущерба следует рассматривать: экономические потери субъектов хозяйственной деятельности вследствие нарушения хозяйственных связей; списания, как безнадежной, кредиторской задолженности пострадавших от пожара предприятий; компенсации, материальную помощь, пособия и другие единовременные выплаты пострадавшим от пожара и др. В состав косвенного ущерба включают также ущерб упущенной выгоды, который выражается в недополучении прибыли или ожидаемых результатов в связи со срывом производственных программ, программ развития производства и сферы услуг. Он формируется так же посредством перенаправления финансовых, материальных и трудовых ресурсов из-за изменения структуры спроса, отвлечения всех видов ресурсов на ликвидацию чрезвычайной ситуации и ее последствий.

Социальный ущерб. Прямой демографический ущерб формируется за счет уменьшения трудовых ресурсов вследствие гибели и травмирования людей на пожарах. Пострадавшие часто исключаются из сферы общественно полезного труда, а государства, в свою очередь, расходуют немалые средства из фонда социального обеспечения, страхования и других фондов.

Несмотря на то, что все исследователи понимают, что оценивать человеческую жизнь неэтично и даже аморально, однако все же оказалось возможным выразить стоимость человеческой жизни в денежном эквиваленте, исходя из затрат общества на подготовку человека (воспитание, обучение, лечение и т. д.) и потери от его несостоявшейся отдачи.

Большинство видов социальных потерь не поддается экономической оценке. Однако определенная часть социального ущерба может быть оценена экономическими показателями. Например, можно определить прямые расходы в области здравоохранения и социального обеспечения.

Национальная ассоциация по безопасности движения США определила стоимость жизни одного американца в 278 тыс. долл., в том числе 172 тыс. долл. – от прекращения работы, 1200 долл. – стоимость похорон, 13 тыс.долл. – медицинская помощь. Бюро переписи США приводит данные о стоимости жизни американца в 30 лет в размере 386 тыс. долл., после 50 лет – 205 тыс. долл. Компания «Форд» вычислила стоимость лечения обоженных при аварии с возгоранием автомобиля в 67 тыс. долл. [3, с. 35].

По сообщению департамента здоровья, образования и благосостояния (США) каждый год в США по поводу ожегов госпитализируется около 100 тыс. чел. на общий срок до 2 млн. дней. Стоимость ожеговых поражений, материальные потери и расходы на лечение оцениваются в 1 млрд. долл.

Кроме этого, социальные последствия прослеживаются значительно дальше и выражаются в дополнительных осложнениях, связанных с разрушением семьи, увеличением безнадзорности детей, стрессами и болезнями, ухудшением уровня благосостояния людей, сокращением рабочих мест на предприятиях, снижением товарооборота в магазинах, уменьшением числа посетителей в ресторанах, постояльцев в гостиницах и т. д.

Экологический ущерб от пожара – это фактические и возможные убытки в их количественном выражении, включая упущенную выгоду и дополнительные затраты на ликвидацию неблагоприятных последствий для жизнедеятельности человека, животных, растений и других живых организмов, состояния экологических систем, природных комплексов, ландшафтов и объектов, вызванных нарушением нормативов качества окружающей природной среды, в результате отрицательного воздействия пожаров.

Пожары негативно влияют на атмосферу, водную среду, леса, растительность, почву. Лесные пожары уничтожают животный и растительный мир, изменяют пейзажи, вызывают эрозию почвы, изменяют режимы рек, что ведет к наводнениям в одни времена года и к обмелению водоемов в другие.

На Земле ежегодно происходят миллионы пожаров, в дымовых газах которых содержатся токсичные продукты горения и разложения различных материалов и веществ. Это крупномасштабные лесные пожары, аварии на АЭС, химических предприятиях, при перевозке взрывчатых, ядовитых и химически агрессивных грузов. Любая из названных аврий может привести к возникновению экологической катастрофы.

Наиболее ярким примером пожара, повлекшего за собой экологическую катастрофу, является пожар на Чернобыльской АЭС (1986 г.), в результате которого огромный выброс в атмосферу радиоактивных элементов за короткое время привел к гибели большого количества людей, а сотни тысяч стали инвалидами. Из близлежащих городов пришлось в срочном порядке эвакуировать людей. Уезжая, люди бросали свои дома, автомобили, все нажитое имущество, которое подверглось заражению после взрыва, а сотни предприятий разного назначения пришлось либо ликвидировать, либо передислоцировать. Совершенно негодными стали огромные территории сельскохозяйственного назначения, лесные массивы и водные ресурсы. На фоне вышеизложенных фактов убытки от разрушения, нанесенного пожаром четвертому энергоблоку АЭС, выглядят ничтожными.

Таким образом, экологический ущерб от пожара проявляется на функционировании разных объектов, попавших под негативное влияние огня. Для каждого объекта воздействия анализируются и учитываются дополнительные расходы (таблица 1).

Таблица 1 – Негативное воздействие пожара на различные объекты

Объект	Проявление негативного воздействия пожара	Элементы дополнительных расходов
Люди	Ухудшение здоровья людей, снижение рождаемости и повышение смертности	Увеличение затрат на медицинское обслуживание, оплаты лечебных отпусков, компенсации невыходов на работу, страхование жизни людей
Почва	Эрозия почвы, потери (потенциально возможного) урожая	Затраты на защиту от воздействия вредных веществ, недополучение прибыли от сельскохозяйственной продукции, затраты на восстановление плодородности почвы и растительности
Вода	Загрязнение поверхностных и подземных вод, потери (потенциально возможного) вылова рыбы	Дополнительные затраты на обеспечение населения чистой водой
Лесные ресурсы	Снижение продуктивности леса (древесина, ягоды, трава, грибы, и т. п.)	Тушение пожара, недополучение прибыли из-за потери продуктивности леса
Растительный и животный мир	Мутации и исчезновение некоторых видов животных и растений	Дополнительные затраты на охрану и восстановление животного и растительного мира

В настоящее время принимаются разнообразные меры для снижения опасности аварий и катастроф. Среди профилактических мер наиболее эффективны экономические. К таким мероприятиям можно отнести сертификацию пожароопасных материалов, возмещение виновником причиненного ущерба, установление предельных нормативных величин в сфере охраны окружающей среды, страхование на случай причинения пожаром ущерба экологии.

Таким образом, пожары приводят к огромным потерям в экономике страны, отрицательно воздействуют на экологию, неизбежно ведут к гибели и травмированию людей. Пожарная статистика мира констатирует, что растет не только ущерб, возрастает и сумма средств и ресурсов, которые страны вынуждены тратить на обеспечение пожарной безопасности.

Поэтому вторым важным компонентом в структуре «стоимости» пожара являются затраты на организацию защитной инфраструктуры.

Стоимость защитной инфраструктуры. Реализация экономических интересов с позиции пожарной безопасности возможна при существовании развитой экономической инфраструктуры. В экономической литературе принято различать производственную, социальную и рыночную инфраструктуру. О существовании такого вида инфраструктуры экономики, как защитная инфраструктура, зачастую, забывают.

На современном этапе развития защитная инфраструктура становиться все более важным элементом обеспечения экономической безопасности страны и условием для нормального функционирования производства и обращения, а также жизнедеятельности людей. Защитная инфраструктура экономики представляет собой совокупность структур, реализующих вспомогательные функции мониторинга, фильтрации и отражения угроз внешней среды с целью преобразования опасности в защиту.

Обеспечение пожарной безопасности является элементом защитной инфраструктуры. Социально-экономическая роль пожарной безопасности заключается в предотвращении гибели и травмирования людей, а также в избавлении общества от необходимости добавочного производства, то есть производства в более широком масштабе, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства.

В защитную инфраструктуру пожарной безопасности входят государственный и предпринимательский сектора.

В Республике Беларусь государственный сектор обеспечения пожарной безопасности включает в себя следующие подразделения и ведомства:

– *Государственные органы управления и территориальные ведомства*: Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (далее МЧС РБ), областные и городские управления МЧС РБ. Данные органы реализуют государственную политику в сфере пожарной безопасности, осуществляют государственный надзор, контроль и координацию деятельности других органов и организаций.

– *Научно-исследовательские подразделения* представлены в Республике Беларусь Научно-исследовательским институтом пожарной безопасности и проблем чрезвычайных ситуаций (НИИ ПБ и ЧС МЧС Беларуси). Специалисты института постоянно работают над разработкой и внедрением различных научных программ и технических методов, а также над национальными научно-практическими проектами, направленными на предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций и пожаров и их последствий.

– *Учреждения образования.* В РБ это два инженерных института, институт переподготовки и повышения квалификации, лицей, созданные для подготовки специалистов для службы в органах и подразделениях МЧС.

– *Органы сертификации и лицензирования* в Беларуси представлены Республиканским центром сертификации и экспертизы лицензируемых видов деятельности и осуществляют сертификацию продукции и товаров (работ и услуг) на соответствие требованиям пожарной безопасности; экспертную оценку возможности юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, осуществляют деятельность в области пожарной безопасности.

– *Аварийно-спасательные подразделения.* К ним можно отнести пожарные аварийно-спасательные отряды, части, посты, которые непосредственно осуществляют выезд на пожар и занимаются тушением пожаров.

– *Другие департаменты и центры*, созданные для решения задач по предупреждению и ликвидации пожаров и иных чрезвычайных ситуаций.

– *Предприятия по производству пожарно-технической продукции*

Затраты государственного секторы образуются из затрат, связанных с содержанием и функционированием пожарного департамента.

В свою очередь, предпринимательский сектор является основным субъектом рынка товаров и услуг пожарной безопасности. Он представлен: производителями пожарно-технической продукции; дистрибьюторами и дилерами; страховыми организациями; потребителями (заказчиками).

Потребителями товаров и услуг могут быть как юридические, так и физические лица, а объектами защиты выступать: государственные объекты; объекты инфраструктуры государственной важности; промышленные объекты; коммерческие организации; жилая недвижимость.

Для юридических лиц затраты на обеспечение пожарной безопасности объекта включают следующие статьи расходов: стоимость проектных работ; стоимость пожарно-технической продукции, предусмотренной проектной документацией; стоимость услуг по монтажу и наладке систем пожарной безопасности; дополнительные расходы, связанные со страхованием недвижимости; содержанием службы пожарной профилактики и др. Основным видом затрат физических лиц являются страховые взносы.

Таким образом, затраты на организацию защитной инфраструктуры пожарной безопасности включают стоимость содержания противопожарных служб, систем противопожарной защиты зданий и противопожарного страхования, а также научно-технических исследований и разработок в области пожарной безопасности, издания специальной литературы и другое.

Выводы. Пожарная опасность страны является серьезной угрозой ее экономической безопасности. Макроэкономические последствия пожара измеряются как через общепринятые общеэкономические показатели, типа валовой внутренний продукт, конечный продукт и его основные составляющие, объемы производства и потребления, производственные мощности, так и через частные показатели такие как, объемы душевого потребления, уровень и качество жизни.

Чем выше пожарный риск страны, тем больше средств вынуждена тратить национальная экономика на обеспечение пожарной безопасности. Оптимальным решением по противопожарной безопасности является такое, при котором сумма затраты на реализацию противопожарных мероприятий не превышает величину возможных потерь при пожаре.

В Республике Беларусь «стоимость» пожаров не оценивается, но рассчитываются потери от них. Потери измеряются людскими жертвами при пожарах, а также количеством зданий и сооружений, единиц техники, голов скота и птицы, тонн грубых кормов и зерна, уничтоженных или поврежденных огнем. Данное обстоятельство затрудняет реально оценить эффективность деятельности по обеспечению пожарной безопасности в стране, препятствует созданию и использованию инновационных конструкций и технологий в системах пожарной безопасности.

Литература

1. Никитенко, П.Г. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. П.Г. Никитенко, В.Г. Булавко ; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Экономика и право, 2009. – 394 с.

2. Мясникович, М.В. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы: монография / М.В. Мясникович, В.В. Пузиков [и др.]. – Минск : Экономика и право, 2003. – 451 с.

3. Архипец, Н.Н. Экономическая теория: учеб.-метод. комплекс: в 2 ч. / Н.Н. Архипец. – Минск, 2005. – Ч. 2 : Экономика защиты от ЧС. – 134 с.

4. Система безопасности труда. Пожарная безопасность. Общие требования: ГОСТ 12.1.004-91. – Введ. 01.07.92. – М : Стандартформ, 2006. – 64 с.

5. Брушлинский, Н.Н. Человечество и пожары / Н.Н. Брушлинский, С.В. Соколов, Д-р П. Вагнер. – М. : ИПЦ «Маска», 2007. – 142 с.

6. Акимов, В.А. Основы анализа и управления риском в природной и техногенной сферах: учеб. пособие / В.А. Акимов, В.В. Лесных, Н.Н. Радаев. – М. : Деловой экспресс, 2004. – 352 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.03.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 331.2

Совершенствование отдельных элементов системы материального стимулирования работников сельскохозяйственных организаций

Г.А. Рудченко

Обоснована необходимость поэтапной разработки показателей материального стимулирования труда. С этой целью предлагается провести алгоритмизацию данного процесса и выделить четыре этапа с обоснованием системы оценочных показателей для каждого этапа. Представлена альтернативная модель определения размера премиальных выплат в сельском хозяйстве, позволяющая обеспечить эффективную взаимосвязь денежного вознаграждения работников с результативностью их трудовой деятельности.
Ключевые слова: сельское хозяйство, материальное стимулирование труда, премирование.

The need for a phased development of indicators of material incentives is justified. It is proposed to carry out algorithmization of this process and divide it into four stages, with the rationale of the system of performance indicators for each stage. An alternative model for determining the amount of bonus payments in agriculture to ensure effective linkage of remuneration to performance of their employees work is given.
Keywords: agriculture, material incentives, bonuses.

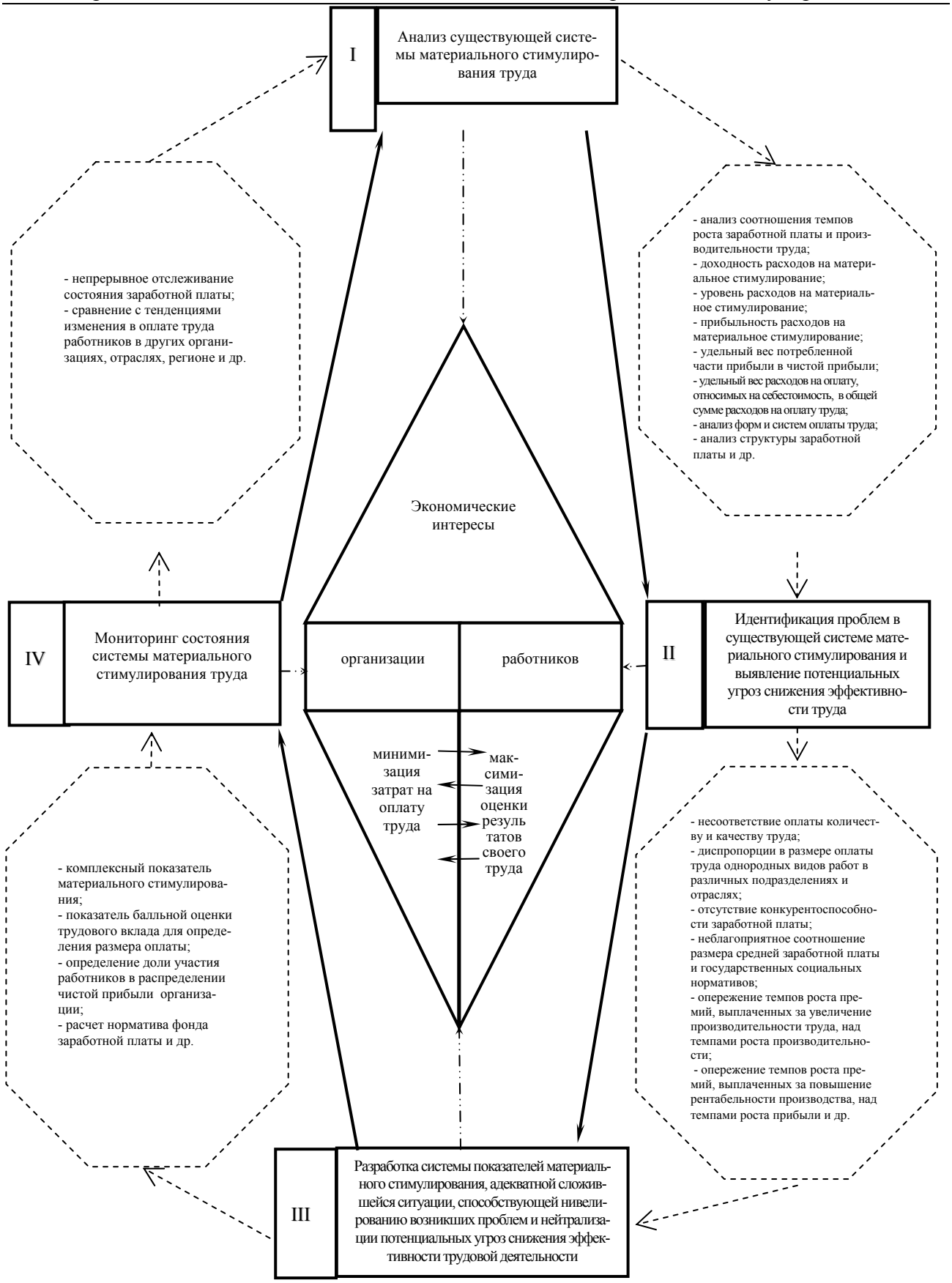
Введение. Устойчивое экономическое развитие белорусской аграрной экономики тесно связано с проблемами формирования эффективной системы материального стимулирования труда в этой отрасли национальной экономики. Разработка новой или пересмотр существующей системы материального стимулирования труда объясняется необходимостью активизации ее влияния на поведение работников. Главная цель в данном процессе – мобилизовать и настроить работников на активную и плодотворную работу.

Правильно организованная система материального стимулирования является одним из основных факторов, гарантирующих успешную работу организаций в современных условиях. Основные элементы механизма повышения заинтересованности работников в результатах своего труда должны постоянно совершенствоваться и развиваться, поскольку меняются производственные и экономические условия, а также нормативно-правовые положения белорусского законодательства.

Следует отметить, что в научной литературе существуют различные подходы к установлению отдельных составляющих вознаграждения работников сельского хозяйства. В этом направлении работают отечественные и зарубежные ученые: Н. Старовойтова [1], А. Микулич, А. Каган, Т. Флигинских, А.О. Борисенко [2] и др. В основе предлагаемых решений лежат различные методики установления фонда заработной платы, премий, индивидуальных размеров оплаты труда. Однако многогранность данной проблемы, субъективизм, имеющийся в некоторых методиках, необходимость учета государственных нормативных актов оставляют возможности для поиска новых решений, позволяющих с научной точки зрения подойти к решению проблемы.

Этапы разработки показателей материального стимулирования труда. Разработка действенной системы материального стимулирования труда должна осуществляться поэтапно. С этой целью предлагаем провести алгоритмизацию этапов разработки показателей материального стимулирования труда с целью повышения его эффективности.

Суть процесса сводится к выделению четырех основных этапов с обоснованием системы оценочных показателей для каждого этапа, что позволяет применять данный алгоритм на практике (рисунок 1).



– поток информации, формирующий реакцию работников на изменение действующего порядка стимулирования

→ – влияние экономических интересов работников и организации, обеспечивающее баланс интересов обеих сторон процесса

Рисунок 1 – Алгоритм разработки показателей материального стимулирования труда с целью повышения его эффективности

Состояние оплаты труда характеризуют количественные и качественные параметры того положения, в котором она находится в данный период времени. Поэтому на первом этапе необходимо провести анализ существующей системы материального стимулирования труда в организации. Данный этап осуществляется с целью выяснения сложившейся ситуации в сфере оплаты труда внутри организации.

На втором этапе осуществляется определение проблем в существующей системе материального стимулирования и выявление потенциальных угроз снижения эффективности труда, формирование целей и конкретных направлений ее совершенствования.

Чтобы реорганизовать систему материального стимулирования труда работников внутри организации, нужно выделить ключевые пункты, на которые следует опираться. Прежде всего, необходимо разработать на основании выявленных недостатков систему показателей материального стимулирования, адекватную сложившейся ситуации, способствующую нивелированию возникших проблем и нейтрализации потенциальных угроз снижения эффективности трудовой деятельности. Эти мероприятия осуществляются на третьем этапе. На данном этапе с учетом практической возможности и экономической целесообразности достижения оптимального для данной организации значения отдельных показателей строится модель, включающая систему показателей материального стимулирования. Разработанные стимулы «привязываются» к конкретным должностным позициям, категориям персонала, отдельным работникам.

Замыкающим этапом алгоритма разработки показателей материального стимулирования является мониторинг системы материального стимулирования труда. Он представляет собой комплекс мероприятий, направленных на непрерывное отслеживание состояния заработной платы, сравнение с тенденциями изменения ситуации на республиканском, отраслевом, региональном уровне и уровне отдельных хозяйствующих субъектов.

Последовательное прохождение всех указанных этапов позволяет получить обоснованную программу материального стимулирования, максимально адаптированную к специфике данной организации. Подобный алгоритм дает возможность эффективно отслеживать состояние стимулирования труда и поддерживать его на оптимальном уровне, т. к. в процессе постоянной циркуляции элементов модели происходит выявление и устранение возникающих «проблемных полей».

Совершенствование системы премирования. Неотъемлемой и важной частью системы материального стимулирования труда является премирование. Премия представляет собой самую динамичную, самую легко изменяемую часть заработной платы. Она является одним из элементов регулирования трудового поведения работников, позволяет сделать заработную плату более гибкой, т. к. показатели и размеры премий могут устанавливаться непосредственно в организации, а также обеспечивает дополнительную дифференциацию в оплате.

Премии как составная часть заработной платы должны способствовать улучшению результатов труда, а, следовательно, и повышению эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Анализ существующих в сельскохозяйственных организациях Гомельской области систем премирования работников позволил выявить отдельные направления совершенствования данного элемента материального стимулирования труда. С целью придания системе премирования роли действенного стимула достижения более высоких результатов труда всего коллектива и отдельных работников была разработана обобщающая модель премирования работников сельскохозяйственных организаций.

Целью предлагаемой модели является достижение единства интересов работников и нанимателей в обеспечении высоких конечных результатов производственно-хозяйственной деятельности организации в целом на основе учета и поощрения трудового вклада каждого работника. В основе предлагаемой модели лежит методика российского ученого А.В. Тимофеева [3] по установлению размера вознаграждения руководителей, адаптированная к условиям работы сельскохозяйственных организаций.

Основным условием заинтересованности работников в улучшении результатов труда является установление показателей премирования, на которые они непосредственно могут повлиять. Показатели премирования должны отражать эффективность работы человека, т. е. следует обеспечивать взаимосвязь вознаграждения и высокоэффективного труда.

Предлагаемая модель премирования направлена на обеспечение материальной заинтересованности работников в улучшении индивидуальных результатов труда при выполнении работ, эффективном использовании применяемой в процессе сельскохозяйственного производства техники и оборудования, соблюдении установленных требований к осуществлению производственно-хозяйственной деятельности.

Для разработки модели были проведены оценочные мероприятия, позволившие определить показатели, которые впоследствии были объединены в три группы (таблица):

показатели, учитывающие индивидуальные результаты работы;

показатели, учитывающие качество выполненных работ и произведенной продукции;

показатели, учитывающие техническое состояние машин и оборудования, соблюдение норм расхода горюче-смазочных материалов.

Для корректировки размера начисленной премии вводятся понижающие показатели.

Таблица – Состав оценочных показателей и величин их значимости для определения показателя обобщающей оценки деятельности работников

№ п/п	Показатели премирования	Уровень выполнения показателя	Величина значимости показателя	Лицо, ответственное за установление показателя
1	2	3	4	5
1. Показатели, учитывающие индивидуальные результаты работы:				
1.	Изменение производительности труда (перевыполнение норм выработки, снижение трудоемкости)	$Пт^{ф} / Пт^{пл(прогн)}$	0,15	экономист
2.	Наличие инициативы в работе	–	0,05	руководитель работника
3.	Изменение величины потерь продукции, материальных ресурсов в сравнении с установленным нормативом	$П_{норм} / П_{ф}$	0,1	экономист
2. Показатели, учитывающие качество выполненных работ и произведенной продукции*:				
1.	Количество произведенной продукции или выполненных работ с высоким качеством:			главный агроном или главный зоотехник
	до 25 %	–	0,1	–//–
	26 %–50 %	–	0,15	–//–
	51 %–75 %	–	0,2	–//–
	76 % и выше	–	0,25	–//–
2.	Количество произведенной продукции или выполненных работ с оценкой «хорошо»:			главный агроном или главный зоотехник
	до 25 %	–	0,06	–//–
	26 %–50 %	–	0,09	–//–
	51 %–75 %	–	0,12	–//–
	76 % и выше	–	0,15	–//–
3. Показатели, учитывающие техническое состояние машин и оборудования, соблюдения норм расхода топлива и горюче-смазочных материалов:				
1.	Соблюдение норм расхода топлива (энергии)	$P^{т,э}_{норм} / P^{т,э}_{ф}$	0,1	главный инженер
2.	Соблюдение норм расхода смазочных материалов	$P^{см}_{норм} / P^{см}_{ф}$	0,1	–//–
3.	Содержание машин, оборудования и средств механизации в технически исправном состоянии	–	0,1	–//–

Окончание таблицы 1

4. Понижающие показатели:				
1.	Нарушение правил техники безопасности, противопожарной охраны и производственной санитарии (в зависимости от степени нарушения)	–	0,5–1,0	руководитель работника
2.	Нарушение технологического процесса, правил эксплуатации машин, оборудования и средств механизации, недобросовестное выполнение своих обязанностей, вследствие чего причинен ущерб организации (в зависимости от степени нарушения)	–	0,5–1,0	–//–
3.	Нарушение ведения первичной документации	–	0,1	–//–
4.	Хищение собственности организации	–	1,0	–//–
5.	Нарушение трудовой дисциплины (появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии, прогул, опоздание и преждевременный уход с работы, бесконтрольность за вывозом и выносом материальных ценностей)	–	0,5 - 1,0	–//–
6.	Невыполнение распоряжений руководства, не противоречащих государственным и локальным нормативно-правовым актам	–	0,5–1,0	–//–
7.	Самовольное использование машин, оборудования в личных целях	–	1,0	–//–
8.	Наличие административных взысканий:	–		–//–
	– замечание	–	0,1	–//–
	– выговор	–	0,2	–//–
9.	Уведомление органов ОВД о нарушении общественного порядка	–	0,5	–//–
10.	Уведомление органов суда об условном осуждении (на весь период осуждения)	–	1,0	–//–

**Примечание:* качество продукции оценивается в зависимости от отраслевой специфики деятельности работника главным агрономом или главным зоотехником, которые при проведении оценки руководствуются ГОСТами, ТУ и другой нормативно-технической документацией.

Для отражения значимости оценочных показателей применяется балльная оценка. Присвоение баллов осуществлено экспертным путем. В качестве экспертов были привлечены специалисты в области стимулирования труда и руководители сельскохозяйственных организаций. Балльная оценка указывает на влияние, которое оказывают отдельные показатели на результаты производственно-хозяйственной деятельности.

Применяемые в модели премирования показатели по каждой позиции устанавливаются специалистами организации по итогам работы за истекший месяц. Показатели, учитывающие индивидуальные результаты работы, определяются экономистом сельскохозяйственной организации, при этом наличие инициативы в работе оценивает непосредственный руководитель работника. Показатели, учитывающие качество выполненных работ и произведенной продукции, определяются в зависимости от отрасли деятельности работника главным агрономом или главным зоотехником сельскохозяйственной организации. Показатели, учитывающие техническое состояние машин и оборудования, соблюдение норм расхода горюче-смазочных материалов оценивает главный инженер. Понижающие показатели устанавливаются работнику его непосредственным руководством или руководителем организации.

Для установления размера премиальных выплат ежемесячно определяется показатель обобщающей оценки деятельности работников. В каждой группе показателей по каждой позиции дается оценка, которая выражается в виде коэффициента (К ≥ 0). Обобщающая оценка определяется по результатам выполнения установленного перечня показателей. Коэффициент обобщающей оценки представляет собой сумму произведений уровней выполнения показателей и величины значимости показателей. При необходимости весы показателей могут быть изменены.

В формализованном виде модель выглядит следующим образом:

$$К_{обобщ} = \sum_{j=1}^{m}\sum_{i=1}^{n} У_{вып_{ij}} \cdot Б_{ij}^{зн} - \sum_{i=1}^{n} У_{вып_i}^{n} \cdot Б_{n_i}, \quad (1)$$

где $У_{вып_{ij}}$ – уровень выполнения каждого показателя в группе;

$У_{вып_i}^{n}$ – уровень понижающего показателя;

$Б_{ij}^{зн}$ – величина значимости показателя;

$Б_{n_i}$ – значение понижающих показателей;

i – количество показателей в группе;

j – число групп показателей.

При выполнении расчетов следует соблюдать некоторые условия:

1. При установлении коэффициента премирования по показателю «изменение производительности труда» можно применять для расчетов изменение трудоемкости или перевыполнение норм труда, т. к. не на всех работах существует возможность измерения производительности (например, весенне-полевые работы: нет продукции).

2. При определении показателя «изменение величины потерь продукции, материальных ресурсов в сравнении с установленным нормативом» применяются следующие условия: если фактические потери продукции, материальных ресурсов превышают нормативные, то показатель принимается равным «0». Если же фактические потери равны норме, показатель принимается за «1». Если фактические потери меньше нормативного уровня, для расчета показателя применяется формула:

$$У_{вып_П} = П_{норм} \big/ П_{ф}, \quad (2)$$

где $У_{вып_П}$ – уровень выполнения показателя «изменение величины потерь продукции, материальных ресурсов сравнении с установленным нормативом»;

$П_{норм}$ – нормативные потери продукции, материальных ресурсов;

$П_{ф}$ – фактические потери продукции, материальных ресурсов.

3. Определение показателей «соблюдение норм расхода топлива и энергии» и «соблюдение норм расхода горюче-смазочных материалов» осуществляется на основании условий пункта 2.

4. Изменение показателя «количество произведенной продукции или выполненных работ с самым высоким показателем качества» определяется в зависимости от удельного веса продукции и работ этого качества в общем объеме. В зависимости от удельного веса показателю присваивается значение «0» или «1» и соответствующий весовой коэффициент.

5. Изменение показателя «количество произведенной продукции или выполненных работ с оценкой качества «хорошо» определяется на основании условий пункта 4.

6. При определении показателей, по которым не указана формула для расчета, в случае, если условие выполнения показателя наблюдается, его значение принимается равным «1», в остальных случаях – «0».

Размер премии в денежном выражении с учетом достигнутых показателей за отчетный период определяется умножением коэффициента обобщающей оценки на базовый размер премии. По мнению некоторых ученых [4], премии и штрафы влияют на трудовое поведение

работников только в том случае, если их размер составляет не менее 20 % от постоянной заработной платы. В качестве базы для расчетов представляется возможным использование размера премии, установленного локальными нормативными актами в организации в процентах от заработной платы по сдельным расценкам, тарифным ставкам (должностным окладам) в расчете на одного работника.

Заключение. Таким образом, эффективность деятельности организации во многом определяется рациональным использованием имеющихся в ее распоряжении ресурсов, в том числе человеческого капитала, что возможно при грамотно выстроенной системе материального стимулирования, в частности отдельного ее элемента – премирования. Апробирование предложенной модели начисления премий позволило выделить следующие ее преимущества по сравнению с существующими: 1) премии персонифицируются, перестают быть автоматической частью заработной платы; 2) устанавливается более четкая зависимость размера премий от фактического трудового вклада; 3) премии связываются с личным вкладом работника в сельскохозяйственное производство; 4) размер премии зависит от дополнительных, а не от нормативных усилий; 5) не нарушается принцип социальной справедливости.

Предлагаемая модель не отвергает всего того, что успешно применялось ранее. Использование показателей и способов их оценки, которые в достаточной мере проверены временем, модифицированы, приспособлены к конкретным условиям производственно-хозяйственной деятельности. Предложенный подход обеспечивает ликвидацию уравнительных выплат, является гибким, мобильным и может изменяться адекватно сложившейся ситуации.

Литература

1. Старовойтова, Н.А. Формирование и использование доходов товаропроизводителей сельского хозяйства / Н.А. Старовойтова ; под ред. В.Г. Гусакова. – Минск : Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2009. – 194 с.

2. Борисенко, А.О. Совершенствование экономического механизма мотивации труда работников управления сельскохозяйственных организаций : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А.О. Борисенко ; РНУП «Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси». – Минск, 2014. – 27 с.

3. Тимофеев, А.В. Организация бюджетирования и оплата труда персонала компании / А.В. Тимофеев // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – № 2. – С. 101–108.

4. Кулагин, О.А. Как разработать систему стимулирования персонала? / О.А. Кулагин // НОУ «Институт проблем предпринимательства» [Электронный ресурс] – 2004. – Режим доступа : http://www. ippnou.ru. – Дата доступа : 5.05.2007.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 20.01.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 331.101

Конкурентоспособность человеческого капитала: сущность и методы оценки

А.В. Семикина, С.С. Голбанос

Раскрыта сущность конкурентоспособности человеческого капитала. На основе анализа существующих подходов к оценке конкурентоспособности в сфере труда предложен и апробирован научно-методический подход к оценке конкурентоспособности человеческого капитала. Рассчитана матрица конкурентоспособности человеческого капитала на примере регионов Украины.
Ключевые слова: человеческий капитал, конкурентоспособность, сфера труда, конкурентные преимущества, оценка, регион, матрица конкурентоспособности человеческого капитала.

The essence of the human capital competitiveness is revealed. On the basis of the analysis of existing approaches to a competitiveness assessment in the labour sphere the scientific and methodical approach to an assessment of the human capital competitiveness is suggested and approved. The matrix of the human capital competitiveness on the example of Ukrainian regions is calculated.
Keywords: human capital, competitiveness, labour sphere, competitive advantages, assessment, region, matrix of the human capital competitiveness.

Введение. В современном глобализированном мире конкурентоспособность государств, регионов, организаций или компаний все больше определяется не столько преимуществами в объемах материальных или финансовых ресурсов, сколько преимуществами в качестве человеческого капитала. Особую роль при этом приобретает интеллектуальное развитие, способности быстро усваивать и продуцировать новые знания, разрабатывать и внедрять инновации, предлагая новую продукцию, товары, услуги, пользующиеся повышенным спросом на рынках. Обострение международной конкуренции вызывает необходимость постоянно поддерживать и всячески повышать конкурентоспособность человеческого капитала, что, в свою очередь, требует адекватной методологии его оценки на различных экономических уровнях. Для Украины эти вопросы приобретают особую актуальность с учетом стратегических задач вступления в Евросоюз, однако их решение тормозит отсутствие методического инструментария оценки конкурентоспособности человеческого капитала.

Анализ исследований и публикаций по экономике труда показывает, что человеческий капитал разноаспектно исследовали как зарубежные (Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Кендрик, Ф. Махлуп, Г. Капелюшников, Ю. Корчагин), так и отечественные украинские ученые (Е. Гришнова, В. Антонюк, Э. Либанова, Т. Заяц, А. Колот, Л. Михайлова, М. Семикина, Е. Захарова, И. Лапшина и др.).

Несмотря на значительные теоретические наработки в этом направлении, следует констатировать, что аспекты конкурентоспособности человеческого капитала пока относятся к наименее изученным вопросам. Требуют углубленного изучения конкурентоспособность человеческого капитала и методы ее адекватной оценки, которые должны стать основой регулирования его качества в соответствии с потребностями сегодняшнего дня.

Постановка задачи. Цель статьи заключается в обосновании сущности конкурентоспособности человеческого капитала, систематизации, совершенствовании и апробации научно-методических подходов к ее оценке.

Результаты исследования. Перспективы вхождения Украины в Евросоюз несут не только очевидные выгоды, но и определенные риски потери конкурентоспособности как для отечественных товаропроизводителей, их продукции, работ, услуг, так и для человеческого капитала. Опасность превращения Украины в поставщика дешевой (хотя и просвещенной) рабочей силы для дальнейшей работы в Европе не может устраивать украинцев. В то же время большая часть работников в Украине занята работой на предприятиях, которые существенно отстают от западных по состоянию технико-технологического развития с низким уровнем интеллектуализации рабочих мест, и поэтому не требуют от персонала приобрете-

ния высокой квалификации. Риски неконкурентоспособности опасны как для таких предприятий, так и для их персонала. Это, в свою очередь, грозит потерей рабочих мест и дохода. Важно в этих условиях научиться оценивать и поддерживать конкурентоспособность имеющегося человеческого капитала Украины, учитывая высокие требования Евросоюза к знаниям, практическим навыкам, компетенциям, мобильности, способности адаптации работников к новым технологиям.

На основе анализа и развития научной мысли [1]–[8] предлагаем такое понимание термина «конкурентоспособность человеческого капитала»: это наличие преимуществ в качественных характеристиках занятого населения (региона, страны), реализация которых в трудовой деятельности приносит экономический эффект.

Последнее предполагает:

– рост доходов населения, предприятий, страны;

– увеличение конкурентоспособности результатов труда (продукции, товаров, услуг);

– достижение и укрепление конкурентных позиций субъектов хозяйствования и страны в целом.

Обзор научных источников [1], [3], [5], [8] показывает, что в отечественной экономической литературе накоплен определенный опыт оценки конкурентоспособности в сфере труда, хотя до сих пор он вызывает дискуссии. Последнее объясняем прежде всего тем, что представления о «конкурентоспособности» в сфере труда, ее параметры все еще не получили однозначности. Научные представления в этой сфере больше касались рабочей силы, персонала, трудового потенциала. Гораздо реже исследования касались оценки конкурентных преимуществ человеческого капитала. В целом же указанная проблематика все еще считается новым направлением научных исследований не только украинских, но и зарубежных ученых. Развивая подходы Е. Гришновой, В. Антонюк, Л. Михайловой и других ученых, которые исследуют проблематику человеческого капитала, считаем, что оценка конкурентоспособности человеческого капитала должна быть комплексной, осуществляться на разных уровнях экономического анализа.

Выполненная нами систематизация существующих подходов к оценке конкурентоспособности (персонала, рабочей силы, трудового потенциала) показала, что методики оценки могут различаться в зависимости от целей анализа и аспектов, которые принимаются во внимание [1], [3], [5], [6]. Вместе с тем, не снижая значимость достижений ученых, следует признать, что существующие методики почти не учитывают более современные взгляды, основанные на теории человеческого капитала, не всегда отвечают потребностям регулирования качества такого капитала в условиях нестабильности и конкурентных отношений на разных экономических уровнях.

В процессе теоретического анализа считаем целесообразным расширить сферу научного поиска на основе междисциплинарного подхода. Другими словами, считаем нужным обратиться к достижениям ученых разных отраслей экономической науки. Руководствуясь идеями М. Портера о конкуренции, Г. Беккера и Т. Шульца о человеческом капитале, развитых их последователями, в частности, в Украине Е. Гришновой, В. Антонюк и др., для анализа конкурентоспособности человеческого капитала целесообразно использовать аналог модели пяти сил конкуренции, разработанной М. Портером [2] (рисунок 1).

В контексте приведенной схемы приобретают значение различные аспекты оценки конкурентоспособности человеческого капитала – на примере различных субъектов хозяйствования, уровнях рассмотрения, с позиций оценки спроса, требований рынка труда и соответствия этим требованиям.

Обобщая существующие подходы к оценке конкурентоспособности и учитывая возможность их адаптации к оценке конкурентоспособности человеческого капитала на основе выделения подмножества объектов анализа вместе с характеристиками их конкурентных факторов, предлагаем свое видение научно-методических основ оценки конкурентоспособности человеческого капитала.

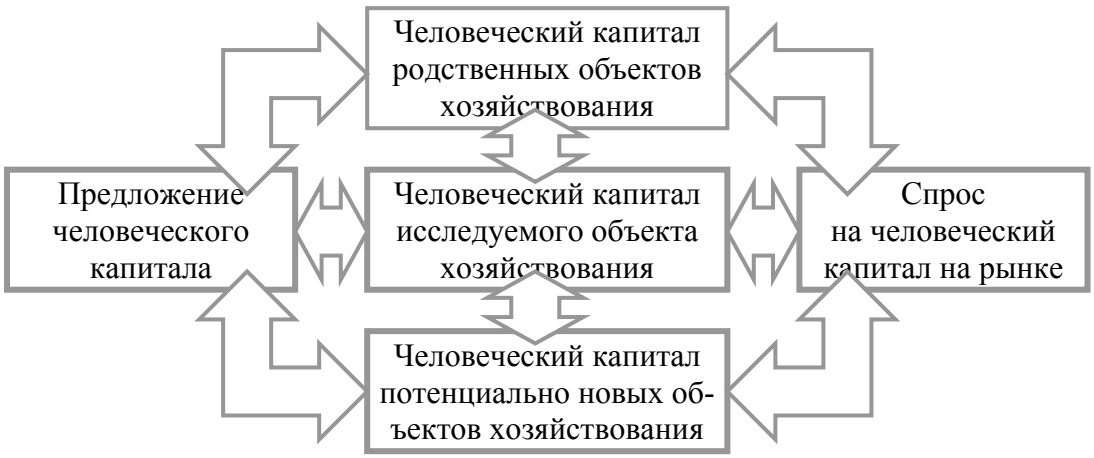


Рисунок 1 – Обобщенная схема модели пяти сил конкуренции по М. Портеру на примере человеческого капитала (интерпретация предложена А. Семикиной)

Новый подход к оценке конкурентоспособности человеческого капитала предусматривает учет таких составляющих в процессе оценки:

n – объект анализа (n = 1..N, N – общее количество объектов анализа). Заметим, что в зависимости от уровня анализа в качестве такого объекта анализа выступают определенные работники или группы работников различных подразделений предприятия, или трудовые коллективы различных предприятий;

k_{ni} – значение конкурентного фактора i (i = 1..I; общее число конкурентных факторов) объекта анализа n (в качестве конкурентных факторов на макро-, мезоуровнях могут, например, выступать такие факторы, как демографическое развитие, развитие рынка труда, материальное благосостояние, условия проживания, уровень образования, состояние здравоохранения, на микроуровне – здоровье, работоспособность, уровень образования, квалификация, компетентность, мобильность, опыт, производительность труда, доход, трудовая и инновационная активность и т. п.);

p_{nmi} – показатель конкурентоспособности объекта анализа n по сравнению с объектом анализа m по конкурентному фактору.

Среди теоретически возможных для расчета показателей конкурентоспособности предлагаем использовать равенство относительного типа – с преобладанием на частное от деления, при достижении которого объект анализа n по конкурентному фактору i более (уравновешенно, менее) конкурентоспособный, чем объект m:

$$p_{nmi} = k_{ni} / k_{mi} \text{ – если } p_{nmi} > 1 \ (= 1, < 1), \tag{1}$$

Матрица конкурентоспособности человеческого капитала формируется на множестве объектов анализа n = 1..N для каждого из конкурентных факторов i = 1..I:

$$\begin{bmatrix} p_{11i} & p_{12i} & \cdots & p_{1Ni} \\ p_{21i} & p_{22i} & \cdots & p_{2Ni} \\ \cdots & \cdots & \cdots & \cdots \\ p_{N1i} & p_{N2i} & \cdots & p_{NNi} \end{bmatrix}. \tag{2}$$

Анализ совокупности таких матриц во множестве i=1..I выявляет практически все вариации показателей конкурентоспособности для каждого конкурентного фактора в сопоставлении каждого объекта анализа n с другими m_1, m_2, выявляя: более конкурентоспособные объекты анализа ($p_{nm1i} > p_{nm2i}$), уравновешенно конкурентоспособные объекты анализа ($p_{nm1i} = p_{nm2i}$), менее конкурентоспособные объекты анализа ($p_{nm1i} < p_{nm2i}$), и, в частности, наиболее конкурентоспособные: $p_{nmi} = \max \{p_{nmi}; \forall m=1..N\}$ и наименее конкурентоспособные: $p_{nmi} = \min \{p_{nmi}; \forall m = 1..N\}$.

В общем, учитывая неравнозначность конкурентных факторов за счет введения к рассмотрению их «веса» ω_i, что может быть осуществлено с применением экспертных оценок,

имеем возможность определить «комплексный» показатель конкурентоспособности человеческого капитала:

$$Pnm = \sqrt[I]{\prod_{i=1}^{I} \varpi_i \cdot p_{nmi}}\ , \forall n,m = 1..N, \tag{3}$$

Указанное позволяет сформировать обобщенную матрицу конкурентоспособности для всех возможных пар объектов анализа *n, m* в полном множестве конкурентных факторов *i* = 1..I (понятно, что в случае необходимости, и произвольных ее подмножеств):

$$\begin{bmatrix} P_{11} & P_{12} & \dots & P_{1N} \\ P_{21} & P_{22} & \dots & P_{2N} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{N1} & P_{N2} & \dots & P_{NN} \end{bmatrix}. \tag{4}$$

Данный подход был апробирован на макро- и мезоэкономических уровнях. Оценка конкурентоспособности человеческого капитала на региональном уровне показывает обобщенную матрицу конкурентоспособности (оценка сделана для 24 регионов Украины без г. Киев, г. Севастополь, АР Крым – таблица 1), расчет которой основывается на применении предложенной выше методики и статистики по региональному человеческому развитию за 2011 г. [6, с. 25]. В качестве конкурентных факторов нами были выбраны индексы «демографическое развитие», «развитие рынка труда», «материальное благополучие», «условия проживания», «уровень образования», «состояние здравоохранения», «социальная среда», «экологическая ситуация », «финансирование человеческого развития».

Обобщенный показатель конкурентоспособности показывает, во сколько раз конкурентоспособность объекта, представленного номером строки таблицы, им идентифицированного, больше или меньше конкурентоспособности сопоставимого с ним объекта, представленного номером столбца таблицы, им идентифицированным.

Среди лидеров по обобщенным показателям конкурентоспособности человеческого капитала оказались такие: Харьковская область (первая позиция в рейтинге конкурентоспособности), Хмельницкая область (вторая рейтинговая позиция), Киевская и Полтавская области (третья и четвертая рейтинговая позиция, соответственно). Регионы-аутсайдеры по этому показателю – Донецкая, Кировоградская, Луганская, Винницкая, Житомирская области (соответственно, 24, 23, 22, 21, 20-рейтинговые позиции таблицы 1).

Проанализировав отдельные объекты и множества конкурентных факторов, предлагаемый способ оценки конкурентоспособности человеческого капитала позволяет путем сравнений выявлять группы более (менее или равноценно) конкурентоспособных как для каждого из них, так и в их совокупности, способствует расширению поля анализа для принятия взвешенных управленческих решений относительно регуляторного влияния на состояние конкурентоспособности человеческого капитала. Таким же образом представляется возможным осуществлять оценку конкурентоспособности человеческого капитала (персонала) на уровне предприятий, трудовых коллективов, отдельных работников. При этом конкурентные преимущества определяются как в пределах показателей здоровья, работоспособности, образованности и др., так и в виде интегрального показателя, позволяющего более обоснованно строить систему мотивационного менеджмента на предприятии.

Применение предложенного способа оценки конкурентоспособности человеческого капитала на примере статистики стран мира (по данным Доклада о человеческом развитии за 2011 г. [6]), в расчете учтено 30 стран) по множеству конкурентных факторов (ожидаемая продолжительность жизни, средняя продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовой национальный продукт на душу населения) с определением позиций Украины позволил выяснить, что Украина:

– по показателю конкурентоспособности «ожидаемая продолжительность жизни» уступает в 0,832-0,851 раза каждой из 30-ти стран, отобранных для анализа;

Таблица 1 – Обобщенная матрица конкурентоспособности человеческого капитала регионов Украины

Регион (область)	№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	Рейтинг конкуренто-способности среди регионов
Винницкая	1	1,000	0,930	0,944	1,236	0,995	0,949	0,937	0,905	0,819	1,093	1,091	0,877	0,945	0,969	0,860	0,961	0,992	0,872	0,768	0,946	0,815	0,882	0,929	0,921	21
Волынская	2	1,076	1,000	1,015	1,329	1,070	1,021	1,008	0,973	0,881	1,175	1,174	0,943	1,016	1,042	0,925	1,034	1,067	0,937	0,826	1,017	0,877	0,948	1,000	0,990	11
Днепропетровская	3	1,060	0,985	1,000	1,309	1,054	1,006	0,993	0,959	0,867	1,158	1,156	0,929	1,001	1,026	0,911	1,019	1,051	0,923	0,814	1,002	0,864	0,934	0,985	0,975	13
Донецкая	4	0,809	0,753	0,764	1,000	0,805	0,768	0,759	0,733	0,663	0,885	0,883	0,710	0,765	0,784	0,696	0,778	0,803	0,705	0,622	0,766	0,660	0,713	0,752	0,745	24
Житомирская	5	1,005	0,934	0,949	1,242	1,000	0,954	0,942	0,910	0,823	1,098	1,097	0,881	0,949	0,974	0,864	0,966	0,997	0,876	0,772	0,951	0,819	0,886	0,934	0,925	20
Закарпатская	6	1,053	0,979	0,994	1,301	1,048	1,000	0,987	0,953	0,862	1,151	1,150	0,923	0,995	1,020	0,905	1,013	1,045	0,918	0,809	0,996	0,858	0,928	0,979	0,970	16
Запорожская	7	1,067	0,992	1,007	1,318	1,062	1,013	1,000	0,966	0,874	1,166	1,164	0,935	1,008	1,034	0,917	1,026	1,058	0,930	0,820	1,009	0,870	0,941	0,992	0,982	12
Ивано-Франковская	8	1,105	1,027	1,043	1,365	1,099	1,049	1,036	1,000	0,905	1,207	1,206	0,969	1,044	1,070	0,950	1,062	1,096	0,963	0,849	1,045	0,900	0,974	1,027	1,017	8
Киевская	9	1,221	1,136	1,153	1,509	1,215	1,160	1,145	1,106	1,000	1,335	1,333	1,071	1,154	1,183	1,050	1,174	1,211	1,064	0,938	1,155	0,995	1,077	1,135	1,124	3
Кировоградская	10	0,915	0,851	0,864	1,131	0,911	0,869	0,858	0,828	0,749	1,000	0,999	0,802	0,864	0,886	0,787	0,880	0,908	0,797	0,703	0,865	0,746	0,807	0,850	0,842	23
Луганская	11	0,916	0,852	0,865	1,132	0,912	0,870	0,859	0,829	0,750	1,001	1,000	0,803	0,866	0,888	0,788	0,881	0,909	0,799	0,704	0,867	0,747	0,808	0,851	0,844	22
Львовская	12	1,141	1,060	1,076	1,409	1,135	1,083	1,069	1,032	0,934	1,246	1,245	1,000	1,077	1,105	0,980	1,096	1,131	0,994	0,876	1,079	0,930	1,005	1,060	1,050	6
Николаевская	13	1,059	0,984	0,999	1,308	1,053	1,005	0,992	0,958	0,867	1,157	1,155	0,928	1,000	1,025	0,910	1,018	1,050	0,923	0,813	1,001	0,863	0,933	0,984	0,975	14
Одесская	14	1,032	0,960	0,974	1,275	1,027	0,980	0,967	0,934	0,845	1,128	1,127	0,905	0,975	1,000	0,887	0,992	1,024	0,900	0,793	0,976	0,841	0,910	0,959	0,950	18
Полтавская	15	1,163	1,082	1,098	1,437	1,158	1,104	1,090	1,053	0,952	1,271	1,270	1,020	1,099	1,127	1,000	1,118	1,154	1,014	0,894	1,100	0,948	1,025	1,081	1,071	4
Ровенская	16	1,040	0,967	0,982	1,285	1,035	0,988	0,975	0,941	0,852	1,137	1,135	0,912	0,983	1,008	0,894	1,000	1,032	0,907	0,799	0,984	0,848	0,917	0,967	0,958	17
Сумская	17	1,008	0,937	0,952	1,246	1,003	0,957	0,945	0,913	0,825	1,102	1,100	0,884	0,952	0,977	0,867	0,969	1,000	0,879	0,774	0,954	0,822	0,889	0,937	0,928	19
Тернопольская	18	1,147	1,067	1,083	1,418	1,142	1,089	1,075	1,039	0,939	1,254	1,252	1,006	1,084	1,112	0,986	1,103	1,138	1,000	0,881	1,085	0,935	1,011	1,066	1,056	5
Харьковская	19	1,302	1,210	1,229	1,609	1,295	1,236	1,220	1,178	1,066	1,423	1,421	1,142	1,230	1,261	1,119	1,252	1,291	1,135	1,000	1,231	1,061	1,148	1,210	1,199	1
Херсонская	20	1,057	0,983	0,998	1,306	1,052	1,004	0,991	0,957	0,866	1,155	1,154	0,927	0,999	1,024	0,909	1,016	1,049	0,921	0,812	1,000	0,862	0,932	0,983	0,973	15
Хмельницкая	21	1,227	1,141	1,158	1,516	1,221	1,165	1,150	1,111	1,005	1,341	1,339	1,076	1,159	1,189	1,055	1,180	1,217	1,069	0,942	1,161	1,000	1,082	1,140	1,130	2
Черкасская	22	1,134	1,055	1,071	1,402	1,129	1,077	1,063	1,027	0,929	1,240	1,238	0,995	1,072	1,099	0,975	1,091	1,125	0,989	0,871	1,073	0,925	1,000	1,054	1,044	7
Черновицкая	23	1,076	1,000	1,016	1,329	1,071	1,022	1,009	0,974	0,881	1,176	1,174	0,943	1,017	1,042	0,925	1,034	1,067	0,938	0,827	1,018	0,877	0,949	1,000	0,991	10
Черниговская	24	1,086	1,010	1,025	1,342	1,081	1,031	1,018	0,983	0,889	1,187	1,185	0,952	1,026	1,052	0,934	1,044	1,077	0,947	0,834	1,027	0,885	0,958	1,009	1,000	9

Примечание: рассчитано с использованием данных [6, с. 25].

– по показателю «средняя продолжительность обучения» опережает такие страны, как Нидерланды, Швейцария, Франция, Бельгия и т.д. (17-ти странам с 30-ти);

– по показателю «ожидаемая продолжительность обучения» не уступает лишь Китаю и Сингапуру;

– по показателю ВВП существенно (от 0,08 до 0,28 раз) уступает всем 30-ти странам.

Таким образом, расчетами доказано, что по интегральному показателю конкурентоспособности Украина уступает другим странам в интервале 0,318 до 0,701 раз, следовательно, насущной задачей является повышение качества человеческого капитала.

Выводы. Таким образом, выяснено, что гибкое регулирование конкурентоспособности человеческого капитала одной страны, региона (или субъекта хозяйствования) по сравнению с другими требует адекватного инструментария оценки конкурентоспособности на разных экономических уровнях, в отношении тех или иных качеств человеческого капитала или его общих характеристик. Предложенный научно-методический подход к оценке конкурентоспособности человеческого капитала будет способствовать выбору научно обоснованных управленческих решений по вектору новейших изменений в развитии человеческого капитала и обеспечения развития его конкурентных качеств.

Литература

1. Грішнова, О.А. Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки / О.А. Грішнова. – К. : Знання, 2001. – 254 с.

2. Куревіна, І.О. Конкурентоспроможність людського капіталу України в умовах міжнародної трудової міграції : автореф. дис. … канд. екон. Наук : 08.00.02 / І.О. Куревіна // НАН України, Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2008. – 20 с.

3. Лісогор, Л.С. Конкурентність на ринку праці: механізми реалізації / Л.С. Лісогор ; відпов. ред. Е.М. Лібанова. – К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень НАНУ, 2005. –168 с.

4. Петрова, І.Л. Сегментація ринку праці: теорія і практика регулювання / І.Л. Петрова. – К. : Ін-т економіки, управління та господарського права, 1997. – 298 с.

5. Портер, М. Международная конкуренция / М. Портер. – М. : Международные отношения, 2001. – 211 с.

6. Регіональний людський розвиток. Статистичний бюлетень.– К. : Державна служба статистики, 2011.– 43 с.

7. Семикіна, М.В. Конкурентоспроможність персоналу підприємства: теорія і практика регулювання: монографія / М.В. Семикіна, О.О. Смірнов. – Кіровоград : КОД, 2008. – 208 с.

8. Фатхутдинов, Р.А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент / Р.А. Фатхутдинов. – М. : Маркетинг, 2002. – 892 с.

Киевский национальный экономический
университет им. В. Гетьмана

Поступила в редакцию 05.02.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 332.122:379.84

Туристско-рекреационные услуги и их реализация на потребительском рынке региона

Б.В. Сорвиров, Ю.В. Шаршаков

Проанализировано взаимовлияние потребностей, видов деятельности, субъектов туристического рынка. Рассмотрены связи между туристско-рекреационными потребностями, интересами, мотивами потребителей и, оказывающих на них влияние, факторами; взаимосвязь между потребностями, видами деятельности, субъектами туристического рынка.
Ключевые слова: рынок потребителей, субъекты предпринимательской деятельности, туристский рынок, потребности, туризм, рекреация.

The mutual needs, activities and subjects of the tourist market are analyzed. Links between tourist and recreational needs, interests and motivations of consumers and providing them influence factors; the relationship between the needs, activities, subjects of the tourist market are considered.
Keywords: consumer market, business entities, tourist market, requirements, tourism, recreation.

Сегодня в мировой экономике происходят качественные изменения, связанные с глобализацией, неравномерностью развития, усилением борьбы между тенденциями формирования однополярного и многополярного мира, обострением конкурентной борьбы между странами, регионами и фирмами. В этих условиях, когда рынок получает признание в качестве общецивилизационной ценности, сила и мощь любого государства определяются конкурентоспособностью его производителей. Обеспечение условий для цивилизованного и динамично развивающегося рынка, создание конкурентоспособности – ключевой элемент в числе национальных и региональных приоритетов в любой стране. Пространство региона, ограниченного территориально-административными границами, все чаще воспринимается как система потребительских рынков, одним из которых является рынок туристско-рекреационных услуг. Взгляд на регион как на рынок с четко выраженными территориальными пределами требует пересмотра методов исследования экономических процессов, происходящих на его территории. Новым направлением методологии региональных рыночных исследований экономисты называют экономическую диагностику. Информация, полученная в процессе экономической диагностики, становится основой для определения стратегических направлений деятельности как для отдельных предприятий, так и для региональных и муниципальных органов управления, позволяет обеспечить полное использование имеющихся ресурсов, максимальное удовлетворение потребностей потребителей.

Отечественными учёными Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебовым были [1] разграничены понятия «отдых» и «рекреация». К понятию «отдых» была отнесена человеческая деятельность, не направленная на удовлетворение насущных потребностей во внерабочее время в месте постоянного проживания, или ее отсутствие. К понятию «рекреация» была отнесена система мероприятий, связанных с использованием свободного времени для оздоровительной, познавательной, спортивной и культурно-развлекательной деятельности людей на специализированных территориях, находящихся вне места их постоянного проживания.

Виды времени, затраченного на восстановление сил человека, делят на: инклюзивное (в течение рабочего дня) – время простого компенсаторного восстановления человеческих сил; ежедневное время (после работы) – компенсаторно-расширенное восстановление, туры выходного дня – расширенно-компенсаторное восстановление, отпускное время – расширенное восстановление [2]. Основываясь на представленных рекреационных видах времени, А.С. Кусков и О.В. Лыскова выделяют соответствующие им типы рекреационной деятельности [3]: компенсаторную рекреационную деятельность, восстанавливающую затраты челове-

ческих сил до нормального уровня, которая включает в себя инклюзивную, осуществляемую в бытовой и трудовой деятельности; ежедневную, к которой относятся: зарядка, прогулки, чтение и т. п.; еженедельную – отдых воскресного дня; расширенную рекреационную деятельность, восстанавливающую затраты человеческих сил, растраченных за предыдущий трудовой год. Таким образом, первоосновой рекреационной деятельности является время, затраченное на виды рекреационной деятельности, которые обусловлены социально-экономическими условиями, традициями общества. Различным типам рекреационной деятельности соответствуют соразмерные рекреационные пространства, представляющие собой «…часть социального пространства, объединяющего совокупность взаимосвязанных между собой природных и социально-экономических условий, используемых для рекреации» [4, с. 6].

В связи с тем, что спрос на туристический продукт эластичен, региональный туристический рынок формируется под влиянием двух рынков: рынка спроса и рынка предложения, причем влияние первого превалирует, что создает условия для усложнения туристическо-рекреационной функции, усиливая ее территориальную концентрацию и специализацию, приводит к усложнению иерархической структуры регионального туристического рынка.

Цель данной статьи – анализ взаимовлияния между рынками потребителей, субъектов предпринимательской деятельности, ресурсами и инфраструктурой регионального рынка. Для достижения этой цели проводится оценка экономической сущности, характера и структуры туристского рынка сквозь призму региональной конкурентоспособности.

Для повышения степени конкурентоспособности регионального туристического рынка в длительном периоде его развития необходимо направлять усилия на создание условий для удовлетворения потребностей потребителей. По сравнению с натуроцентрическими моделями развития туристической системы, где развитие рекреационных ресурсов ставилось на первое место, в антроцентрических моделях акцент в развитии туризма должен быть сделан на потребности человека [5], [6].

В.С. Преображенский, анализируя базисную модель рекреационной системы, указывает на ведущую роль в ней человека, туриста, как центральной подсистемы, отмечая, что состояния и свойства всех остальных подсистем зависят от требований центральной подсистемы, а целевая функция рекреационной системы определяется как максимально возможное удовлетворение рекреационных потребностей человека [7], [8]. Формирование массового туризма в нашей стране в тот период идет чрезвычайно быстро, но экстенсивно, за счет включения все новых рекреационных ресурсов и территорий, но при исключительно низком его материально-техническом обеспечении и качестве обслуживания. К концу 80-х гг. XX в. начинают обостряться противоречия из-за невозможности удовлетворения рекреационных потребностей всего населения при сохранении низких, в том числе дотационных цен на отдых. В.С. Преображенский, анализируя два исследовательских подхода («от потребностей» и «от ресурсов») в решении вопросов оптимизации рекреации, включая ее территориальные аспекты как первооснову для проектирования рассматривал рекреационные потребности, а не рекреационные ресурсы.

Изменение социально-экономической системы в нашей республике, усиление степени конкуренции, переход к интенсивному типу расширенного воспроизводства, ставят потребности человека побудительным мотивом туристической деятельности. Под туристическими потребностями понимают потребности в расширенном воспроизводстве физических, эмоциональных, психических, интеллектуальных и духовных сил человека [9]. Выявление и анализ туристических потребностей необходимо рассматривать как со стороны общественных (общественного блага), групповых (отдельных референтных групп), так и личных потребностей. Такой подход дает возможность наиболее полно удовлетворить потребности всех уровней потребителей, сформировать условия для возникновения потребности, интереса и мотива в приобретении туристического продукта через сегментацию рынка. Создание конкурентоспособных мотивационных моделей, в связи с природой потребительского поведения, необходимо основывать на принципе управления интересами как осознанными туристическими потребностями и управлении через интересы как основами мотивации.

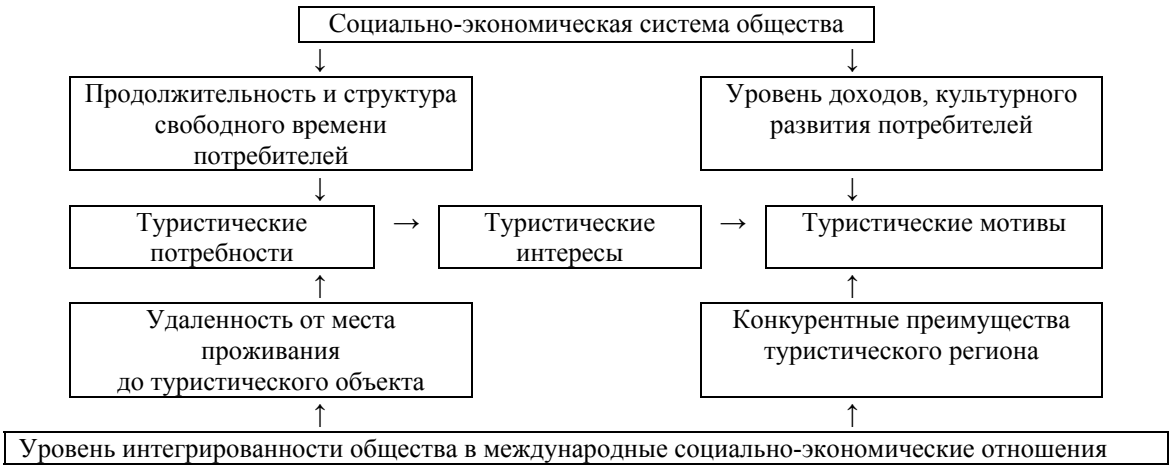


Рисунок 1 – Схема связей между туристическими потребностями, интересами, мотивами потребителей и оказывающих на них влияние факторами

На туристические потребности, интересы, мотивы оказывает влияние уровень развития социально-экономической системы как через уровень развития общества в целом: условия развития бизнеса, систем здравоохранения, образования и культуры, социальной защищенности, так и через уровень жизни отдельного потребителя: оплаты и условий труда, доступности социальных благ общества. Культурные, исторические, конфессиональные традиции, уровень развития социально-экономической системы оказывают большое влияние на потребительские предпочтения общества, на отношение его к отдыху. Уровень интегрированности общества в международные социально-экономические отношения проявляется через открытость социально-экономических связей, доступность для потребителей посетить те или иные туристические объекты.

Туристические потребности являются компонентами спроса на туристский продукт. Спрос на туристский продукт определяется потребностями потребителей, основанными на их платежеспособности и конкретных требованиях к производителям турпродуктов, и системой существующих туристических предложений. Конкурентное положение на туристском рынке предполагает постоянную генерацию конкурентных преимуществ, предвосхищение, создание новых потребностей.

Основываясь на туристических потребностях, можно выделить виды туристической деятельности, осуществляемые предприятиями, функционирующими на туристском рынке: лечебно-оздоровительная, спортивно-оздоровительная, культурно-познавательная, научно-образовательная, посредническая, информационная, размещение, питание, транспортная, связи, торговая (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь между потребностями, видами деятельности, субъектами туристического рынка

Потребности	Виды деятельности	Субъекты туристического рынка
Потребности в воспроизводстве физических и психологических сил: лечении, реабилитации в состоянии ремиссии заболевания, профилактическом оздоровлении	лечебно-оздоровительная: санаторно-курортная деятельность, лечебно-реаби-литационная деятельность, лечебно-профилактическая деятельность	санатории, пансионаты с лечением, профилактории, курортные поликлиники, бальнеологические и грязелечебницы, др.
Потребности в физическом развитии, самоутверждении, воспроизводстве физических и психологических сил	спортивно-оздоровитель-ная: спортивные соревнования, слеты, походы	турбазы, школы олимпийского резерва, стадионы, спортивные объединения
Потребности в культурном развитии, в перемене впечатлений, мест, в духовном развитии	культурно-познавательная: исторический, этнографический, экологический, зеленый, религиозный, ностальгический культурно-развлекательный туризм	экскурсионные бюро, турагенты и туроператоры, театры, киноконцертные залы, музеи, этнографические организации, историко-культурные, природные заповедники

Окончание таблицы 1

Потребности в развитии, самореализации	научно-образовательная: научный, конгрессный туризм	отраслевые ассоциации, образовательные заведения
Базовые туристические потребности:	размещение	гостиницы, пансионаты, базы отдыха, кемпинги, мотели, общежития
	питание	рестораны, кафе, столовые, базы
	транспортная	транспортные компании, собственный автопарк баз размещения, экскурсионных агентств, туроператоров
Потребности в общении, передаче и получении информации, материальных ценностей	связи	телефонные компании, почтовая служба, интернет-провайдеры, операторы мобильной и сотовой связи и т. д.
Потребности в сохранении приятных воспоминаний, в приобретении необходимых вещей для отдыха	торговая	предприятия оптовой и розничной торговли
Потребности в отраслевой кооперации, продвижении турпродукта	посредническая, информационная	туроператоры, турагенты, туристические информационные центры, рекламные агентства

Лечебно-оздоровительная деятельность связана с потребностями в лечении заболеваний, реабилитации после перенесенных операций, тяжелых заболеваний, в восстановлении физических и психологических сил. Данный вид деятельности осуществляется курортными учреждениями: санаториями, пансионатами с лечением, профилакториями, курортными поликлиниками, бальнеологическими лечебницами, грязелечебницами и др.

Спортивно-оздоровительная деятельность связана с потребностями в восстановлении, развитии физических, умственных и психологических сил, самореализации. Данный вид деятельности организовывается турбазами, школами олимпийского резерва, стадионами, спортивными объединениями.

Культурно-познавательная деятельность связана с удовлетворением культурных потребностей туристов. Данный вид деятельности организовывается экскурсионными бюро, турагентами и туроператорами, театрами, киноконцертными залами, музеями, этнографическими организациями, историко-культурными, природными заповедниками.

Научно-образовательная деятельность связана с удовлетворением потребностей в развитии, самореализации. Реализацию данных потребностей на себя берут университеты, учреждения, осуществляющие подготовку и переподготовку кадров, организации, осуществляющие конгрессный туризм.

Посредническая деятельность связана с организацией въезда людей с места постоянного проживания в оздоровительных, познавательных и других целях в места временного пребывания. К предприятиям, осуществляющим этот вид деятельности, относятся туроператоры и турагенты.

Информационная деятельность связана с собиранием и предоставлением информации туристам о туристических ресурсах региона, страновой, юридической и др. информацией. К предприятиям, осуществляющим этот вид деятельности, относятся туристические информационные центры, туристические агентства, туроператоры. Посредническая и информационная деятельность направлена на удовлетворение потребностей на уровне организации турбизнеса, продвижения турпродукта.

Деятельностью по размещению туристов занимаются гостиницы, пансионаты, базы отдыха, кемпинги, мотели, общежития, удовлетворяя потребность в проживании.

Физиологическая потребность в еде удовлетворяется в организации общественного питания туристов. К предприятиям общественного питания относятся: рестораны, кафе, столовые, бары.

Транспортная деятельность осуществляется при перевозке туристов от места их прибытия в туристский регион их временного пребывания до места размещения и обратно, а также любой другой перевозке в пределах туристического региона временного пребывания. Данный вид деятельности может осуществляться как транспортными компаниями, так и собственными возможностями баз размещения, экскурсионных агентств.

Услуги связи удовлетворяют потребности в общении, передаче и получении информации, материальных ценностей. Данные потребности удовлетворяются телефонными компаниями, почтовой службой, интернет провайдерами, операторами мобильной и сотовой связи и т. д.

Удовлетворение потребности в сохранении приятных воспоминаний может быть выражена в деятельности предприятий, производящих сувениры, подарки, буклеты, книги, открытки, и торговых предприятий, их продающих. Торговые предприятия удовлетворяют потребности в приобретении необходимых вещей для отдыха.

Качественное удовлетворение туристических потребностей напрямую зависит от наличия и состояния туристических ресурсов в регионе. К туристическим ресурсам относятся природные и созданные человеком объекты, пригодные для использования в туристической деятельности. К туристическим ресурсам относят [9, с. 156–157]: прямые: а) природные: ландшафтно-климатические (пляжные, климатические), природно-ландшафтные, природно-лечебные и гидроминеральные (бальнеогрязевые, фитолечебные), б) культурно-исторические; косвенные: инфраструктурные (финансовые, информационные), материально-техническая база турпредприятий, предприятий рыночной инфраструктуры, инфраструктуры региона, организационно-экономические (нормативно-правовые, организационно-управленческие). Ряд авторов под природными ресурсами понимает рекреационные, но в то же время в некоторых классификациях рекреационных ресурсов мы видим идентичность туристических ресурсов рекреационным: природные, природно-технические и социально-экономические геосистемы и их элементы, которые могут быть использованы при существующих технических и материальных возможностях для организации рекреационного хозяйства.

В соответствии с рассмотренной классификацией туристических ресурсов, можно выделить две группы видов туристической деятельности. Первая группа: деятельность, осуществляемая предприятиями, учреждениями, функционирующими на туристском рынке и направленная на предоставление туристических услуг, базирующаяся на использовании прямых ресурсов; вторая группа: деятельность, направленная на создание условий для туристской деятельности, базирующихся на использовании косвенных туристических ресурсов.

Между спросом на турпродукт (основанном на туристических потребностях и доходом потребителей) и наличием, состоянием туристических ресурсов в регионе существует прямая зависимость, выраженная в формировании элементов туристического рынка. Уникальные туристические ресурсы имеют ограниченное распространение, что влияет на локальность части туристического рынка (экскурсионный пункт, туристско-экскурсионный центр, туристско-рекреационный узел), его элементов, формирующих свою деятельность на основе данных ресурсов. Чаще всего к таким ресурсам относят культурно-исторические ресурсы. Распространенные, однотипные туристические ресурсы (природные туристические ресурсы) более доступны большему количеству участников туристического рынка, что предполагает создание более крупных структур туристического рынка (курорт, курортная местность, район, зона).

Таким образом, функционирование туристического рынка базируется на взаимозависимости рынка потребителя, рынка производителя на основе имеющихся туристических ресурсов (рисунок 2).

Рисунок 2 – Схема взаимозависимостей между рынками потребителей, производителей, туристическими ресурсами регионального туристического рынка

Структурные элементы рынков потребителя и производителя, находясь в постоянном взаимодействии, создают новые сегменты рынка и расширяют возможности для уже существующих сегментов. Базовой геопространственной формой регионального рынка туризма является линейно-сетевая, которая воспроизводит пространственные отношения элементов рынков потребителя и производителя, соединенных предприятиями и объектами транспортной инфраструктуры. Различные туристические потребности трансформируются в виды потребительского спроса. Соответственно виды потребительского спроса формируют сегменты потребительского рынка, которые отражаются в территориальной специализации, что позволяет выделить видовое разнообразие территориальных структур регионального рынка туризма. Каждая из этих структур базируется на потребностях, интересах и мотивах потребителей и формируется под влиянием определенных факторов.

К характерным чертам данной формы территориальной структуры относится отсутствие иерархичности в границах данной структуры, дискретность, избирательность. Данная структура в большей степени относится к локальным сегментам туристического рынка, представленных уникальными (редкими, территориально удаленными) туристическими ресурсами. Формирование и функционирование данной структуры говорит также о низкой степени конкуренции, неразвитости рынка. Туристическим регионам, обладающим в большей степени распространенными туристическими ресурсами, имеющим высокую степень конкуренции, развитость рыночных отношений, характерно участие в интегрально-пространственных структурах. К характерным чертам данной формы территориальной структуры относятся целостность, непрерывность, разноуровневость, так как элементы структуры относятся к разным иерархическим уровням, имеющим непосредственный выход на другие функциональные уровни.

Повышение уровня конкурентоспособности регионального туристического рынка связано с оптимизацией пространственных связей. Она должна быть, во-первых, направлена на создание условий доступности, разнообразия туристических услуг для потребителей, повышения их качества путем уменьшения денежных и неденежных затрат потребителей; во-вторых, на создание благоприятных рамочных условий существования и развития со стороны институциональных структур по отношению к экономике в целом, туристической экономики в регионе в частности; в-третьих, направлена на повышение экономической эффективности деятельности производителя.

Выводы. Сегодня в Республике Беларусь на рынке туризма наблюдается изменение структуры туристских потребностей, и на этом фоне происходит сегментация потребительского рынка; осуществляется переход к многоукладной экономике туризма, развивается предпринимательский сектор в туризме, действующий на основе экономических отношений и механизмов; осуществляется переход к использованию природных ресурсов и культурного наследия на основе экономических отношений.

Предложенная концепция развития курортно-рекреационной экономики основывается на следующих принципах: курортно-рекреационная экономика формируется и функционирует на основе интегральной взаимозависимости предприятий региона, деятельность, которых напрямую или опосредованно связана с экономикой рекреации; деятельность туристического кластера базируется на создании ценности для потребителей и участников кластера на основе конкурентных преимуществ региона; сохранение экологического баланса природных ресурсов и исторических, конфессиональных объектов на рекреационных территориях; создании двухуровневого координационного центра, главной целью которого является управление, координация в туристском кластере, и посреднические функции, выполнение маркетинговых операций, организация работы, как на государственном уровне, так и на уровне отдельных предпринимательских структур.

Результатом развития региональной экономики является создание и поддержание конкурентных преимуществ и достижение более высокого уровня конкурентоспособности рекреации. В частности, профилизация курортно-туристических территорий и регионов республики должна быть направлена на создание высокоразвитых туристско-реабилитационных и торгово-финансовых центров республиканского и международного значения, что даст регионам возможность долговременного экономического развития.

Реальное содержание концепции туризма обозначится в ходе столкновения этих позитивных тенденций и негативных результатов и во многом будет зависеть от общей ситуации в республике, но, с другой стороны, во многом и определит экономическую динамику на рынке туристических услуг. Концепции развития меняются в результате давления противоречий, которые требуют ускоренного разрешения, поскольку за ними стоят вполне конкретные интересы людей.

Литература

1. Мироненко, Н.С., Твердохлебов, И.Т. Рекреационная география / Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов. – М. : МГУ, 1981. – 208 с.

2. Зорин, И.В., Квартальнов, В.А. Энциклопедия туризма : справочник / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2001. – 368 с.

3. Кусков, А.С., Лыскова, О.В. Курортология и оздоровительный туризм : учеб. пособие / А.С. Кусков, О.В. Лыскова. – Ростов н/Д : Феликс, 2004. – 320 с.

4. Димитров, С. Экономика и организация туризма / С. Димитров ; пер. с болг. – М. : Прогресс, 1972. – С. 131.

5. Історія туризму в Україні : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / В.К. Федорченко, Т.А. Дьорова. – К. : Вища школа, 2002. – 246 с.

6. Ходорков, Л.Ф., Немоляева, М.Э. Международный туризм: вчера, сегодня, завтра / Л.Ф. Ходорков, М.Э. Немоляева. – М. : Междунар. отношения, 1985. – 226 с.

7. Преображенский, В.С. Физико-географические аспекты и проблемы организации отдыха / В.С. Преображенский // Географические проблемы организации туризма и отдыха. – Вып. 1. – М. : Турист, 1975. – С. 50–112.

8. Преображенский, В.С. Территориальная рекреационная система как объект изучения географических наук / В.С. Преображенский, Ю.А. Веденин, И.В. Зорин, Л.И. Мухина // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1984. – № 2. – С. 34–42.

9. Сорвиров, Б.В., Шаршаков, Ю.В. Рекреационная зона как элемент территориаль-ной структуры национальной экономики / Б.В. Сорвиров, Ю.В. Шаршаков // Вестник экономической интеграции. – 2013. – № 5–6 (62–63). – С. 155–158.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 28.08.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 330.34

Факторы обеспечения устойчивости сетевой экономики в условиях турбулентности мировой экономики

В.В. Сорвирова

На примере западноевропейских стран проанализированы факторы, обеспечивающие устойчивость отраслей сетевой экономики к явлениям турбулентности мировой экономики, определены условия для развития сетевой экономики.
Ключевые слова: интернет, сетевая экономика, экономический кризис, антикризисный потенциал, условия системного роста в посткризисный период.

In the article on the example of Western European countries the factors that ensure the sustainability of the network industries economic turbulence of the world economy are analyzed, the conditions for the development of the network economy are determined.
Keywords: Internet, network economy, economic crisis, anti-crisis potential, conditions for the system growth in the post-crisis period.

С 15 марта 1985 г. началось коммерческое использование Интернета, что способствовало настоящему перевороту в жизни общества. Благодаря Интернету люди получили невиданную до сих пор возможность общения, было создано множество новаторских компаний, развивающихся по совершенно новым бизнес-моделям, возникли стимулы для производства абсолютно новых товаров и услуг, кардинальным образом изменилась система взаимодействия продавцов и покупателей, были обеспечены предпосылки для ускоренного экономического роста инновационного типа, вследствие развития новой системы взаимоотношений между гражданами и государством стало возможным формирование гражданского общества. За последние 30 лет Интернет из специализированного пространства для высокотехнологичного сообщества превратился в неотъемлемую часть глобальной экономики. Изменения, вызванные появлением Интернета, можно приравнять к революционным преобразованиям общества и экономики, вызванными такими великими изобретениями человечества, как телефон, телеграф, двигатель внутреннего сгорания и использование электричества. Такие универсальные технологии, как Интернет, позволяют формировать принципиально новые технологические системы, которые влияют на функционирование всей экономической системы общества, обусловливая изменения в процессе создания продукции, организации производства и управления, характере производственной деятельности, качестве трудовых ресурсов и инфраструктурных элементов экономики, порождая такие вторичные эффекты, как рост производительности труда и снижение себестоимости производимых товаров и услуг.

По данным Международного союза электросвязи по состоянию на июнь 2014 г. из 7,2 млрд. населения Земли 3 млрд. человек используют в своей повседневной практике Интернет, что составляет 42 % от общей численности населения [1]. Количество интернет-пользователей за период с 2000 г. по 2014 г. возросло более чем на 410 %. Скорость роста веб-сайтов еще более поразительна: если 20 лет назад их было 18000, то в сентябре 2014 г. их количество превышало 1 млрд. [2]. В значительной степени возросла и интенсивность использования Интернет-ресурсов: количество запросов в сутки увеличилось с 14 млрд. в 2004 г. до 58 млрд. в 2014 г. По оценкам Фонда информационные технологии и инноваций (Information Technology and Innovation Foundation – ITIF) коммерческое использование Интернета дает ежегодный доход в глобальных масштабах около 1,5 трлн. долларов США, что превышает мировые продажи лекарств, инвестиции в возобновляемые источники энергии, а также государственные расходы на научные исследования и разработки.

Все это ставит Интернет в один ряд с самыми преобразующими технологическими прорывами в истории человечества. Интернет не только создает новые возможности для

осуществления хозяйственной деятельности, но и позволяет сделать экономическую систему более устойчивой к кризисным явлениям. Проследим эту зависимость на примере анализа последствий мирового экономического кризиса 2008 г. в странах Европейского союза.

Экономический кризис, начавшийся в США как кризис ипотечного кредитования, проявился практически во всех странах, входящих в мировое рыночное хозяйство, что нашло свое отражение в серьезных сбоях в функционировании кредитных систем, значительном падении потребительского спроса, сокращении объемов ВВП. В значительной степени вовлеченными в современный экономический цикл оказались и страны Европейского союза (ЕС), перспективы дальнейшего экономического развития которых до сих пор остаются весьма неопределенными, поскольку, по мнению многих аналитиков, текущий кризис является тяжелейшим со времен Второй мировой войны, что подтверждается отрицательными темпами роста ВВП практически во всех странах-членах ЕС (по итогам 2009 г. падение совокупного ВВП 16 стран Европы составило 4 % в годовом исчислении, а в 2010 и 2011 гг. рост ВВП составил 0,7 % и 1,5 % соответственно), ростом безработицы (в сентябре 2009 г. безработица в 16 странах, использующих единую европейскую валюту, достигла максимума с января 1999 г., составив 9,7 %), бюджетным дефицитом, увеличением задолженности, сокращением кредитования частного сектора (в сентябре 2009 г. впервые за все время ведения подобной статистики темпы роста кредитования частного сектора упали до отрицательного значения, составив -0,3 % против 0,1 % за предыдущий месяц) [3].

Основной причиной мирового экономического кризиса 2008 г. является смена технологических укладов, поскольку «взлет и падение цен на энергоносители, образование и крах финансовых пузырей – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего уклада», объективно ограничивающего рост нового технологического уклада, что проявляется в виде новой длинной волны экономической конъюнктуры [4]. На этапе смены одним технологическим укладом другого ведущая роль в обеспечении позитивных темпов экономического развития принадлежит отраслям-новаторам, которые быстрее осваивают нововведения, к числу которых прежде всего следует относить отрасли, объединенные сетевой экономикой.

В этой связи особую актуальность приобретает анализ воздействия мирового экономического кризиса на основные отрасли сетевой экономики, поскольку именно он даст возможность определить темпы выхода из кризиса и перспективы экономики в целом.

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что экономический кризис оказал значительное влияние на все отрасли сетевой экономики в Европе: если в декабре 2008 года они свидетельствовали о весьма неплохих результатах по сравнению с традиционными отраслями рыночной экономики, то последние прогнозы проектируют значительный спад и в сетевом секторе. Затраты конечных пользователей на ИКТ в 2009 г. в Западной Европе сократились на 8 % по сравнению с 2008 г. и сохранялись на постоянном уровне в течение всего 2010 г., прежде чем увеличились на 3 % в 2011 г. [5].

В большей степени, чем другие отрасли сетевой экономики, от кризиса пострадало производство аппаратного обеспечения. Объем продаж компьютерной техники в 2009 г. в Западной Европе сократился на 15 %, в Восточной Европе – на 27 %, некоторая стабилизация рынка произошла только во второй декаде 2000-х гг. Следует отметить и некоторые структурные изменения, произошедшие на рынке компьютерной техники: сократилось число корпоративных покупателей, произошла переориентация спроса с ноутбуков на более дешевые модели персональных компьютеров. Кроме того, в конце 2008 г. индикатор доверия к европейской компьютерной индустрии был самым низким за последние 25 лет [5].

Менее серьезное воздействие мировой экономический кризис оказал на рынок программного обеспечения в Европе, где расходы на приобретение программных продуктов в течение всего 2009 г. составляли нулевые темпы роста, а тенденции к росту (на уровне приблизительно в 5 %) сталаи просматриваться только с 2010 г. [5].

В отличие от отраслей аппаратного и программного обеспечения положительные темпы роста сохранились на рынке телекоммуникационных услуг (прежде всего, предоставляемые посредством Интернет), хотя и здесь динамика отрицательная: для крупнейших мировых лидеров в области электронной коммерции и рекламы характерно сокращение темпов

роста в первом квартале 2009 г. по сравнению с тем же периодом 2008 г. (Amazon.com – 18 % и 37 % соответственно, eBay – -8 % и 24 %, Google – 6 % и 42 %, Yahoo! – -13 % и 9 %) [5]. Следует отметить, что тенденция к замедлению темпов роста на данных рынках проявилась еще в 2007 г., что было вызвано их высокой насыщенностью, следствием чего стало снижение тарифов на телекоммуникационные услуги и более активный переход к предоставлению широкополосного доступа.

Переход к широкополосному доступу позволяет сохранять положительную динамику в производстве сетевого оборудования, на рынке которого европейские производители являются признанными лидерами (доля европейских компаний составляет около 70 % мирового рынка). Основной рост спроса на сетевое оборудование, производимое в Европе, наблюдается со стороны развивающихся рынков, прежде всего Индии и Китая.

Выше были приведены данные, позволяющие определить негативные последствия мирового экономического кризиса на развитие сетевой экономики в европейских странах. Однако сетевой экономике присущ высокий инновационный потенциал, активное использование которого позволит обеспечить не только выход из текущего кризиса, но и создаст возможности для позитивного развития всего общества в длительной перспективе, поскольку она является «локомотивом» роста в современной экономической системе не только как ключевой сектор нового технологического уклада, но и как инструмент, обеспечивающий повышение производительности и эффективности во всех секторах рыночной экономики.

Следует отметить, что заложенный в сетевую экономику потенциал роста в современном обществе еще в полной мере не реализован, и в то же время она уже «переболела болезнью роста» в 2001–2002 гг.[1]. В настоящее время состояние отраслей сетевой экономики гораздо лучше, чем после кризиса 2008 г.; во многих странах Интернет является необходимой составляющей образа жизни, он способствует развитию действительно международной торговли, формируя единое сетевое пространство без границ, ускоряет осуществление финансовых операций, способствует становлению гражданского общества.

Можно выделить ряд специфических факторов, которые могут оказать позитивное воздействие на выход отраслей сетевой экономики из кризиса, а именно: инфляционные процессы в незначительной степени затронули отрасли сетевой экономики, что положительно отразилось на их конкурентоспособности как на внутренних рынках европейских стран, так и за их пределами, кроме того, правительства некоторых европейских стран используют методы фискального стимулирования, направленные на увеличение инвестиций в исследования и разработку новых технологий, были созданы специальные фонды для расширения широкополосного доступа в Интернет. Например, правительство Италии в начале 2009 г. инвестировало 1 млн евро в телекоммуникационную инфраструктуру страны, греческое правительство объявило, что продолжит реализацию программы, направленной на подключение к широкополосному доступу пользователей Афин и Салоников. Если же говорить в целом о Европе, то в плане восстановления экономики в 2009 г. были спланированы затраты на развитие широкополосного доступа в объеме 7,1 млрд. долларов США. Данные таблицы 1 позволяют оценить не только размеры финансирования сетевой экономики в некоторых европейских странах, но и желаемые результаты от этих вложений.

Чтобы развивать свои сильные стороны и использовать новые возможности в области сетевой экономики, позволяющие ускорить процесс посткризисного роста в Европе, необходима разработка эффективной стратегии исследовательской деятельности, направленной на использование преимуществ сетевого взаимодействия в рамках частного и общественного секторов экономики.

---

[1] Кризис был вызван завышенными ожиданиями финансовых рынков относительно динамики курсов акций Интернет-компаний, что повлекло за собой стремительный рост инвестиций в отрасль и возникновение управленческих ошибок при определении стратегии развития компаний. Последствием «лопнувшего пузыря» стали огромные потерн инвесторов на фондовом рынке, уменьшение рабочих мест и снижение объемов инвестиций в отрасли сетевой экономики. Кризис затронул в основном развитые страны, то есть страны с высоким уровнем использования ИКТ в хозяйственной практике.

Таблица 1 – Инвестиции в развитие широкополосного доступа к Интернету

Страна	Объем инвестиций, государственные/частные	Цель инвестирования
Австрия	25 млн. евро/ 100 млн. евро	Распространения широкополосного доступа к Интернету
Финляндия	66 млн. евро / 200 млн. евро	Подключение к широкополосному доступу домашних хозяйств, организаций бизнеса и правительственных учреждений
Франция	750 млн. евро	Развитие широкополосных сетей в малых и средних городах, развитие образовательных сетей, создание условий для подключения к высокоскоростному Интернету сельских районов
Германия	150 млн. евро	Создание национальной широкополосной сети, обеспечивающей доступ к высокоскоростному Интернету всех домашних хозяйств
Португалия	50 млн. евро	Субсидирование инвестиций в оптоволоконные широкополосные сети
Великобритания	200 млн. ф.ст.	Распространение широкополосного доступа на необслуживаемые области, подключение к высокоскоростным сетям школ, библиотек, учреждений здравоохранения

Источник: The impact of the crisis on ICTs and their role in the recovery. – URL : http://www/telecomlaw.ru/monograph/Berkman_Center_Broadband_Final_Report_15Feb2010.pdf [6].

Это требует мобилизации ресурсов со стороны всех заинтересованных субъектов для достижения трех взаимосвязанных целей:

– увеличение объема и эффективности государственных и частных инвестиций в исследования и разработки в сфере ИКТ;

– развитие общественных и частных институтов, способствующих распространению инноваций, созданных на основе ИКТ;

– создание условий для стимулирования вложений в развитие отраслей сетевой экономики со стороны венчурного капитала, частных инвесторов, а также для привлечения кредитных ресурсов в исследования и разработки в области ИКТ.

Инструментом, обеспечивающим эффективное взаимодействие новаторов и потенциальных инвесторов, должно стать частно-государственное партнёрство, система государственных заказов и гранты на инновационные исследования в области ИКТ.

Поскольку тенденции, характеризующие посткризисное состояние отраслей и секторов сетевой экономики, характерны не только для стран ЕС, но и для многих других стран мирового сообщества, то можно определить следующие приоритетные направления, создающие условия для системного роста в посткризисный период:

1) активизация сотрудничества между странами в области планирования, осуществление и обмен инновациями в области инфраструктурного обеспечения сетевой экономики, особенно в сферах, требующих крупных инвестиций, например, нано- и органической электронике, разработке высокопроизводительных вычислительных систем и сетевого программного обеспечения;

2) стимулирование взаимодействия между промышленными и научными кругами, способствующего использованию накопленного в академической среде потенциала в целях создания промышленных инноваций;

3) снижение административного бремени на инновационно активные предприятия с целью повышения заинтересованности последних в инвестициях, направленных на исследования и разработки.

Вывод, который можно сделать на основе анализа современного трансформационного сдвига и опыта предшествующих этапов развития общества, заключается в том, что эпоха перемен – переход к новому технологическому укладу дает уникальную возможность странам, отстающим в развитии от лидеров, совершить модернизационный прорыв, поскольку переход к принципиально новому технологическому укладу ставит всех участников мирово-

го хозяйства в равные стартовые условия вне зависимости от достигнутого ими уровня реализации потенциала предшествующего технологического уклада, поэтому предоставляет возможность за счет развития отраслей нового технологического уклада занять лидирующие позиции в мировом сообществе.

Литература

1. Количество пользователей интернета в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bizhit.ru/. – Дата доступа : 8.02.2015.

2. Количество веб-сайтов в мире перевалило за миллиард [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.podrobnosti.ua/994736.html. – Дата доступа : 8.02.2015.

3. Выход экономики Европы из рецессии во II полугодии пока под вопросом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mybusinesstyle.blogspot.eom/2009/l1/. – Дата доступа : 12.12.2014.

4. Глазьев, С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев. – Режим доступа : http://spkurdyumov.narod.htm. – Дата доступа : 27.11.2014.

5. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions. Europe's Digital Competitiveness: Report. Brussels, 04.08.2009. SEC (2009) [Electronic resource]. – Mode of access : http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/docs/annual_report/2009/pdf/ – Date of access : 12.03.2015.

6. The impact of the crisis on ICTs and their role in the recovery [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.telecomlaw.ni/monograpri'Berkman_Center_Broadband_Final_Report_15Feb2010.pdf. – Date of access : 16.03.2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.08.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (92), 2015

УДК 339.942

Инфраструктурное обеспечение развития деятельности международных инвесторов в Республике Беларусь

М.М. Шупенько

Дается краткая характеристика действующих организаций и институтов, представляющих интересы международных инвесторов в Республике Беларусь. Также описываются транспортно-логистические возможности республики, современные подходы обеспечения перевозок, оснащенность в технологическом оборудовании, развитие средств связи. Внимание уделяется сфере научных исследований, инноваций и вкладу организаций в общий объем инновационной продукции.
Ключевые слова: инвестиционные агенты, логический центр, транзитная привлекательность, инновационный продукт, инновационное развитие.

The existing organizations and institutions representing the interests of the international investors in the Republic of Belarus are described. A review of the transport and logistics capacities of the republic, modern approaches to the transportation, available technology and development of communication facilities are given. The attention is paid to the research and innovation and the contribution of organizations to the total volume of the innovative products.
Keywords: investment agents, logistic center, transit attractiveness, innovative product, innovative development.

По результатам ежегодного опроса коммерческих организаций, проводимого Минэкономики, созданные в Республике Беларусь преференциальные режимы приветствуются инвесторами. Сделаны более привлекательными для инвесторов налоговые условия в сферах производства инновационной, высокотехнологичной продукции, в придорожном сервисе, кинематографе, туризме и др. В целях увеличения притока иностранных инвестиций и, в первую очередь прямых, в которых заинтересована республика, создан и действует институт «инвестиционных агентов». Среди организаций, которым предоставлены полномочия на представление интересов Республики Беларусь по вопросам привлечения инвестиций в Республику Беларусь, можно назвать в г. Витебске – ИМП ООО ПГ «Закон и порядок», в г. Минске – ЧУП «БТ Телекоммуникации», ЗАО «Управляющая компания холдинга “Белтех Холдинг”» и др.

В стране действует Консультативный совет по иностранным инвестициям при Совете Министров Республики Беларусь (далее – Совет), состоящий из представителей иностранных компаний, госорганов, представителей науки, в рамках работы которого налажен прямой диалог Правительства и инвесторов. Действующие при Совете постоянные рабочие группы занимаются вопросами совершенствования инвестиционного законодательства, налоговых и таможенных условий работы на белорусском рынке и иными вопросами.

В целях совершенствования работы по привлечению иностранных инвестиций, повышения эффективности приватизационных процессов в Республике Беларусь и обеспечения взаимодействия инвесторов с органами государственного управления создано государственное учреждение «Национальное агентство инвестиций и приватизации» путем преобразования республиканского унитарного предприятия «Национальное инвестиционное агентство».

Для создания соответствующих международным стандартам условий для страхования рисков иностранных инвесторов на территории нашей страны, привлечения иностранных финансовых ресурсов без предоставления иностранным инвесторам гарантий Правительства Республики Беларусь и, соответственно, без увеличения размера внешнего государственного долга республики Правительство провело работу по включению Республики Беларусь в члены Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (далее – МАГИ). С 2012 г. Беларусь стала полноправным членом МАГИ. В целях создания благоприятных условий для инвестиций, осуществляемых инвесторами государства на территории другого государства, признавая, что взаимное содействие осуществлению и защита таких инвестиций способствуют развитию деловой инициативы и увеличению благосостояния обоих государств, Республика Беларусь подписала порядка 60 соглашений о содействии в осуществлении (поощрении) и взаимной защите инвестиций.

Одним из условий успешного товарного обмена является наличие развитой логистической системы. Для создания таковой в нашей стране была утверждена Программа развития логистической системы Республики Беларусь. Согласно разработанному документу на территории республики в 2015 г. должны функционировать 50 логистических центров. С учетом изменений и дополнений, внесенных в программу Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 сентября 2011 г. № 1179, количество участков для строительства и размещения логистических центров сокращено до 39 (исключены невостребованные участки). На 01.01.2013 г. открыты 21 логистический центр [1] различной функциональности. Логистические центры [2] объединяют в себе черты крупных оптово-посреднических предприятий, функции маркетинговых и информационных центров, услуги логистических компаний. К основным функциям логистических центров относятся обработка и хранение грузов, перевалка на другие виды транспорта, таможенная очистка и оформление, информационная поддержка.

Эффективному развитию внешнеторговых связей способствуют принятые нормативные правовые акты, направленные на повышение транзитной привлекательности страны, проведение работ по развитию инфраструктуры на автодорожных пунктах пропуска и пунктах пропуска на железнодорожных вокзалах (станциях), оснащение таможенных органов современной компьютерной техникой и программными средствами, модернизацию сети передачи данных для информационного обеспечения перевозок и применение электронной технологии слежения за перемещением груза.

В Республике Беларусь наибольшую пропускную способность имеет трубопроводный и железнодорожный транспорт (рисунок 1) [3, с. 352]. Внутренний водный и воздушный транспорт используются незначительно.

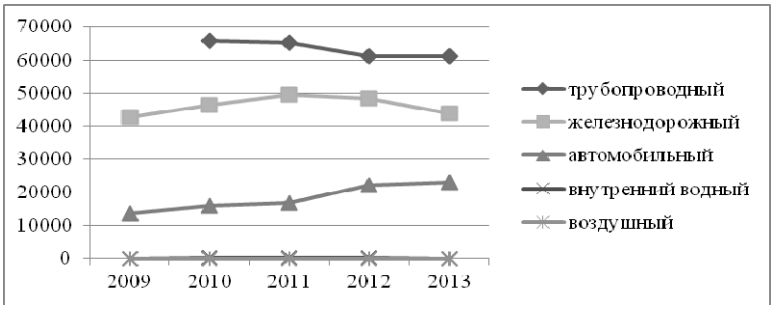


Рисунок 1 – Грузооборот по видам транспорта (миллионов тонно-километров)

В свободных экономических зонах в распоряжении инвесторов имеется современная инфраструктура и коммуникации от минимально необходимой производственной инфраструктуры (система электро- и теплообеспечения, газопровод, канализация) до новейших технологических комплексов. На территории СЭЗ также имеются свободные участки земли, на которых могут быть построены новые производственные объекты.

Общей тенденцией по свободным экономическим зонам является хорошая оснащенность в технологическом и другом оборудовании. Отмечается снижение приобретения основных средств, бывших в употреблении у других организаций, а также объектов незаконченного строительства в 2013 г. (рисунок 2) [4, с. 11]. Только СЭЗ «Минск» и СЭЗ «Могилев» увеличивают такие приобретения. Такая динамика объясняется открытием на территории зон новых предприятий. В 2014 г. в СЭЗ «Могилев» начало производственную деятельность частное предприятие «НТЦ Дидактика», реализующее инвестиционный проект, предусматривающий организацию производства учебного оборудования для высших и средних специальных заведений. Выпуск полимерных труб начал ООО «СКТ ЮНИПЛАСТ». СООО «Белполиуретаны» осуществляет реализацию проекта по выпуску средств автохимии. Компания «Сэльвин-Про» в рамках проекта «Организация производства товаров бытовой химии» производит продукцию из серии жидкие моющие и чистящие средства. Еще два резидента СЭЗ компании «Омск Карбон Могилев» и «Кроноспан ОСБ» начали производственную деятельность в 2014 г. [5].

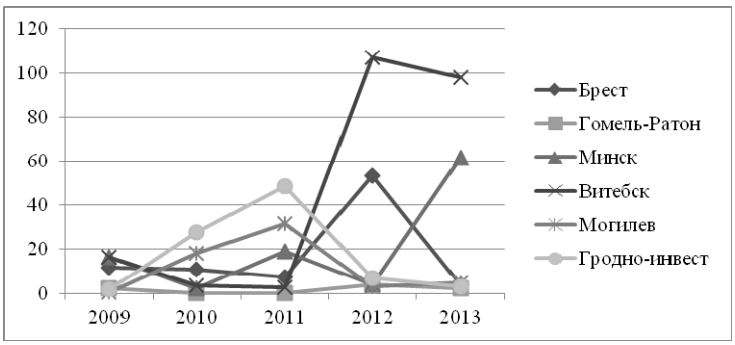


Рисунок 2 – Приобретение прочих основных средств, бывших в употреблении у других организаций, и объектов незавершенного строительства, млрд.руб.

В 2005 г. Президент Беларуси открыл Парк высоких технологий [6] в Минске (далее – ПВТ). Резиденты ПВТ освобождаются от налогов в течение первого года. В настоящее время в Парке высоких технологий зарегистрировано более 100 компаний-резидентов. Направлениями их деятельности являются разработка программных продуктов, разработка и внедрение программных решений, ИТ-аутсорсинг, ИТ-услуги, аутсорсинг бизнес-процессов и др. 88 % производимого в Парке программного обеспечения идет на экспорт, 45 % – в страны Европы, 40 % поставляется в США и Канаду, 12 % – в Россию и СНГ [7]. В ПВТ действуют образовательный центр Парка высоких технологий, Белорусско-Индийский учебный центр, где готовят кадры для ИТ-индустрии.

В Беларуси ведется также работа по созданию многофункционального научно-технологического парка в области фармацевтики, нано- и биотехнологий «Белбиоград». Успешно функционирует Республиканский центр трансфера технологий (РЦТТ) [8], целью которого является содействие сотрудничеству между разработчиками, предпринимателями и инвесторами.

Для усиления государственной поддержки инновационной деятельности в Республике Беларусь был создан Белорусский инновационный фонд (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12.11.1998 г. № 1739). Фонд является некоммерческой организацией, находящейся в подчинении Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

Закрытое акционерное общество «Технологический парк Могилев» имеет официальный статус научно-технологического парка, а также инкубатора малого предпринимательства (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 1997 г. № 998 «Об утверждении положения о научно-технологическом парке», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 1997 г. № 640 «Об инкубаторах малого предпринимательства в Республике Беларусь»). В Гомеле успешно функционирует Коммунальное унитарное предприятие «Гомельский научно-технологический парк» [9]. Важнейшим показателем эффективности деятельности технопарка является успешная деятельность организаций-резидентов – малых инновационных предприятий, растущие объемы их продаж, количество вновь созданных и модернизируемых рабочих мест и, как результат, увеличение платежей в бюджет.

Инфраструктура связи в республике развивается динамично. Телефонная связь в Беларуси обслуживается государственным предприятием «Белтелеком». Мобильные сети быстро развиваются в Беларуси. Охват населения услугами сотовой подвижной электросвязи составил в 2014 г. 99,9 %. Охват территории составил 98,4 %. Активно развиваются интернет-услуги. Внедрена технология пассивных оптических сетей (xPON) и Ethernet технологий с установкой Ethernet коммутаторов, что обеспечило прирост новых абонентов. Модернизируются и развиваются сети стационарного широкополосного доступа к сети Интернет. Вводится эфирное цифровое телевизионное вещание, для которого были построены новые радиотелевизионные передающие станции с тем, чтобы увеличить охват населения республики эфирным цифровым телевизионным вещанием до 100 %. Постоянно растет показатель подключения населения к Интернету. Развитая информационная сеть является связующим звеном и рабочей площадкой бизнеса. В 2013 г. по экспорту компьютерных услуг на душу населения Беларусь обогнала таких признанных мировых лидеров в IT-сфере, как Индия и США [10].

В инновационной сфере число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, сократилось в 2013 г. на 9 % в сравнении с предыдущим годом. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками сократилась на 4,9 % в рассматриваемый период [3, с. 390]. Инвестиции в основной капитал в сфере «Наука и научное обслуживание» увеличились на 28,5 %, а ввод в эксплуатацию основных средств в сфере «Наука и научное обслуживание» сократился на 30,7 %, что свидетельствует о замораживании средств, вкладываемые инвестиции не дают реального дохода, а просто числятся на балансе предприятия. Удельный вес организаций, осуществлявших затраты на технологические инновации, в общем числе обследованных организаций в 2013 г. сравнялся по уровню с 2011 г. (рисунок 3). Больше всех на технологические инновации тратят организации промышленности, организации сферы услуг после снижения в 2011 г. увеличивают свои расходы, но меньшими темпами (в 2012 г. на 80 %, в 2013 г. на 59 % в сравнении с 2011 г.) [11, с. 9].

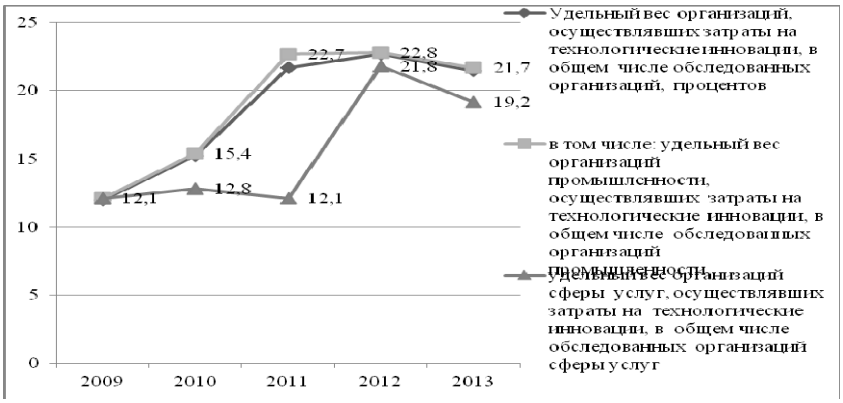


Рисунок 3 – Индикаторы инноваций

Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг), в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности после скачка с 14,4 % в 2011 г. на 17,8 % в 2012 г. остается на уровне 17,8 % и в 2013 г. Постоянный удельный вес отгруженной инновационной продукции в 2012–2013 гг. при снижении количества организаций, осуществлявших затраты на технологические инновации свидетельствует об эффективном использовании уже вложенных ресурсов. В 2011 г. был отмечен наибольший удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) новой для внутреннего рынка (60 %) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности и удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) новой для мирового рынка (1,1 %) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности [11, с. 10]. Такая инновационная активность может быть связана с началом действия в 2011 г. Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. [12]. По результатам реализации проектов Государственной программы инновационного развития в 2011 г. выполнялись 414 проекта, в том числе важнейших – 209. В международном рейтинге The Global Innovation Index 2014 (GII) Беларусь заняла 50 место, Украина – 46, Россия – 45. Рейтинг в очередной раз возглавила Швейцария, второе и третье место у Нидерландов и Швеции соответственно.

Рисунок 4 – Индикаторы инноваций

Республика Беларусь, располагая развитой инфраструктурой и квалифицированными кадрами, является выгодной страной для капиталовложений. Компетентные органы, следя за исполнением международных соглашений, обеспечивают взаимодействие инвесторов с органами государственного управления как на местном, так и на республиканском уровнях. Стратегическое географическое положение Республики Беларусь делает ее наиболее привлекательной для осуществления транзитных операций. Эффективному планированию и контролю транзитных перевозок поможет создание интегрированной навигационно-информационной системы для сбора, обработки и выдачи потребителям информации о состоянии мобильных объектов, наземной инфраструктуры и транспортных коридоров с использованием навигационных и телеметрических данных. Такая система будет способствовать повышению эффективности перемещения пассажиров и грузов по территории Беларуси в международном сообщении вследствие снижения его стоимости, расширения сервисных услуг, ускорения обязательных процедур при пересечении границы, сокращения продолжительности доставки и переработки грузов, повышения доступности и качественного изменения уровня предоставления всех видов услуг. Снижение организаций, выполняющих научные исследования и разработки, а также численности задействованного в них персонала с постоянно удерживающим удельным весом отгруженной инновационной продукции свидетельствует об эффективном распределении ресурсов. Создание инновационной экономики должно оставаться одним из приоритетов развития Республики Беларусь.

Литература

1. Перечень логистических центров Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.mintrans.gov.by/rus/translogistic_306/translogistic_004/. – Дата доступа : 08.03.2015.

2. Каталог логистических центров [Электронный ресурс] / Белорусский транспортно-логистический портал. – Режим доступа : www.transportal.by/about_logistic/logistcenters.php. – Дата доступа : 08.03.2015.

3. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол. : В.И. Зиновский (пред. ред. кол.) [и др.]. – Минск, 2014. – 534 с.

4. Основные показатели деятельности резидентов свободных экономических зон за 2013 год : бюллетень / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2014. – 417 с.

5. Новости СЭЗ «Могилев» [Электронный ресурс] / Информационный портал ИА «Могилевские ведомости». – Режим доступа : http://mogilevnews.by/news/07-02-2014-17-18/7433. – Дата доступа : 08.03.2015.

6. Бизнес-среда Беларуси [Электронный ресурс] / Официальный сайт Республики Беларусь. – Belarus.by 2009-2015. – Режим доступа: www.belarus.by/ru/business/business-environment. – Дата доступа: 08.03.2015.

7. Цифры и факты [Электронный ресурс] / Парк высоких технологий. – Минск, 2004–2015. – Режим доступа : http://www.park.by/post-38/. – Дата доступа : 09.03.2015.

8. О РЦТТ [Электронный ресурс] / Республиканский центр трансфера технологий. – 2002–2015 Инновационная ассоциация «Республиканский центр трансфера технологий». – Режим доступа : http://ictt.by/rus/Default.aspx?tabid=1123. – Дата доступа : 09.03.2015.

9. О технопарке [Электронный ресурс] / Коммунальное унитарное предприятие «Гомельский научно-технологический парк». – 2011–2014. КУП «Гомельский научно-технологический парк». – Режим доступа : http://www.gntp.by/?page_id=67. – Дата доступа : 09.03.2015.

10. Цифры и факты [Электронный ресурс] / Парк высоких технологий. – Минск, 2004–2015. – Режим доступа : www.park.by/post-819/. – Дата доступа : 09.03.2015.

11. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол. : В.И. Зиновский (пред.ред.кол.) [и др.]. – Минск. – 121 с.

12. Государственная программа инновационного развития [Электронный ресурс] / Государственный комитет по науке и технология Республики Беларусь. – Режим доступа : http://gknt.org.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/. – Дата доступа : 09.03.2015.

Научно-исследовательский экономический
институт Министерства экономики РБ

Поступила в редакцию 11.09.2014

Технический редактор: *И.В. Близнец.* Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 30.09.2015. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 100 экз. Заказ № 581.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.